Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

т. III

1917

ЧАСТЬ 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

49

Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

СЕРИЯ I

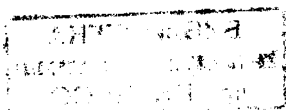
ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОДГОТОВЛЕНИЕ ОКТЯБРЯ

Том III

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

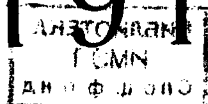
Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

Том III

1917

Часть 2

ОТ ОКТЯБРЯ ДО БРЕСТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз № 8074. Главлит № 26803. Москва. Напеч. 40.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая тип., Москва, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ

VI. Перед Октябрем.

VII. Октябрьское восстание.

VIII. Воспоминания об Октябрьском перевороте.

Стр.

IX. Первый этап закрепления революции.

X. Борьба за мир.

XI. Октябрьская Революция.

(Брошюра 1918 года.)

VI

Перед Октябрем

VI

Перед Октябрем

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ 4-й КОНФЕРЕНЦИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ ПЕТРОГРАДА ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ [1])

(10 октября)

Учредительное Собрание назначено на 27 ноября, но из этого вовсе не следует, что Учредительное Собрание действительно соберется в назначенный срок. Буржуазия и все контр-революционные элементы напрягают все усилия для того, чтобы сорвать Учредительное Собрание. Это видно, прежде всего, из того, что Керенский [2]) и кадеты так упорно добивались и добились лишения Предпарламента всякой законодательной власти. Предпарламент [3]) на одну треть состоит из представителей цензовых элементов. Следующая треть, все эти кооператоры, земцы и т. д. представляют собою также или цензовиков, или, в лучшем случае, полуцензовиков. Ясно, что кадеты и все представляемые этой партией контр-революционные элементы не имели никаких оснований опасаться того, что Предпарламент использует законодательную власть вопреки их интересам, но эти интересы отстаиваются ими за кулисами общественности: в министерствах, штабах, правительственных сферах, банках и т. д., и т. д. Для этой цели Предпарламент им совершенно не нужен, и задачей этого последнего является лишь по возможности лучше маскировать их закулисную работу. А что эта работа ведется и что вся она направлена к срыву Учредительного Собрания, об этом нам красноречиво говорят и факты выделения казаков и ударников из фронтовых войск вообще, и расположение так называемых благонадежных войсковых групп по важнейшим узловым станциям, и организация особых инструкторско-офицерских школ, и целый ряд других, весьма многочисленных и достаточно ярких фактов, не исключая и неоднократные попытки оставить за демо-

кратическими армейскими организациями исключительно их хозяйственные функции. Наш выход из Предпарламента [4]) явился в этом смысле криком об опасности, угрожающей России, революции и рабочему классу. Гарантировать действительный созыв Учредительного Собрания может только полное напряжение главного хребта революции—рабочих, солдатских и крестьянских организаций.

Но если рабочий класс прекрасно сознает эту угрожающую революции опасность, если беднейшее крестьянство, одетое в серые шинели, является естественным противником срыва Учредительного Собрания и завоеваний революции, то остаются еще широкие массы темного крестьянства деревенской глуши, которым наша тревога за революцию не достаточно ясна. Средостением между нами и этим крестьянством являются авксентьевские советчики, которые водят крестьянство вокруг пальца, обещая ему в будущем все то, чего оно добивается в настоящем. Нужно пробить эту стену, нужно вести в деревне самую энергичную агитацию за то, чтобы крестьяне дали своим делегатам императивные мандаты, прежде всего о том, чтобы Учредительное Собрание в первый же день своего существования, через голову всех правительств, предложило бы мир всем воюющим. Нужно сломить саботаж оборонцев таким же императивным мандатом, данным крестьянским населением своим представителям в Учредительное Собрание о том, чтобы в первый же день все земли были переданы в руки земельных комитетов. Нужно объяснить деревне, что все попытки рабочего помочь крестьянину снабжением деревни сельско-хозяйственными орудиями будут невозможны до тех пор, пока не будет установлен рабочий контроль над организованным производством. После всего этого крестьяне увидят в пролетариях своих старших братьев, а кто привлечет на свою сторону крестьян при выборах в Учредительное Собрание, тот и окажется победителем.

В заключение тов. Троцкий предлагает выпустить воззвание к крестьянам от лица Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Совета фабрично-заводских комитетов и от профессиональных союзов, в котором эти организации призывали бы крестьян голосовать при выборах в Учредительное Собрание только за тех кандидатов, которые обязуются в первый же день провести распоряжение о временной передаче всей

земли земельным комитетам впредь до выработки соответствующего закона. (Предложение тов. Троцкого принято единогласно.)

«Рабочий Путь» № 34,
25 (12) октября 1917 г.

ДОКЛАД *) НА СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА [5])

(11 октября)

Мы представляем партию, которая налагает печать на облик Советов, и если, несмотря на разочарование после первых великих надежд, у нас все же есть крепкий Совет, то это потому, что он вооружен новой программой беспощадной борьбы со своим классовым врагом. Петроградский Совет находится в состоянии непримиримой борьбы с правительством и теми партиями, которые его поддерживают.

Вы знаете, что, когда опасность со стороны фронта обрисовалась довольно ясно, Временное Правительство стало стремиться в Москву. Вместе с ним — и наши «оборонцы», которые, сдав без обороны Петроград, будут дальше заслуживать хорошие отметки для своей оборонческой политики в Москве.

Этот план диктуется ненавистью к революционному Петрограду.

Наше правительство может бежать из Петрограда, но революционный народ из Петрограда не пойдет, он будет защищать его до конца.

Петроград, как говорится в евангелии,—«город на горе», он у всех на виду. Все знают наше настроение и нашу работу.

И вот штаб выдвинул план вывода из Петрограда $^2/_3$ петроградского гарнизона [6]). Перед нами стал этот вопрос. Советские «авторитеты» решили согласиться со штабом, хотя они и не верили тем, кто будет выводить.

Иначе сказал Балтийский флот. Он заявил, что он не верит ни одному слову Временного Правительства, этого поистине

*) Ввиду совершенно разного изложения одной и той же речи т. Троцкого в большевистском «Рабочем Пути» и эсеро-меньшевистских тогда еще «Известиях», редакция помещает оба газетных отчета этой речи.

правительства народной измены,—и тем не менее Балтийский флот умирает, защищая дело революции.

Военные власти требовали вывода войск, мы не знаем куда, но знаем откуда,—из революционного Петрограда. Перед заговором Корнилова тоже был приказ выводить войска, и тогда нас тоже уверяли, что это необходимо по стратегическим соображениям.

Мы не можем сказать, как оборонцы (в которых, между прочим, нет ни капли обороны революции), что если власть требует, то мы должны подчиниться. Такой ответственности Петроградский Совет на себя не берет и взять не может.

Этот вопрос завтра же станет практически перед каждой воинской частью петроградского гарнизона, и мы чувствуем свою ответственность перед Россией и ее народом.

Дело идет о судьбе Петрограда, и этот вопрос мы хотим решить с вами, представителями областных Советов.

Мы должны взять на себя оборону страны в целом. Лучшей обороной страны будет—немедленное мирное предложение народам всего мира, через головы их империалистических правительств.

Доверим ли мы ведение войны тем, кто не умеет ни вести войну, ни заключить мир?

Нет никого другого, кроме Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, кто мог бы справиться с этим делом, ибо кто вне Советов, те—или корниловцы, или полукорниловцы, или политические банкроты, порвавшие с революционным народом.

Выход только один—необходимо, чтобы судьбы страны перешли в руки Всероссийского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

«Рабочий Путь» № 35,
26 (13) октября 1917 г.

* * *

Товарищи, приветствую вас от имени Петроградского Совета. Вам известно, что недавно Петроградский Совет обновился в своем составе, и соответственно этому изменилась его политика. Политика оборончества — сменилась идеей беспощадной борьбы со своими классовыми врагами и с Временным Правительством, предающим интересы революции.

Ныне только Петроградский Совет имеет право говорить от имени петроградского пролетариата и гарнизона.

В тот момент, когда стратегическая опасность стала угрожать революционному Петрограду — Временное Правительство пожелало переехать в Москву и обречь революционный Петроград на разгром

Я не буду касаться работы Петроградского Совета за последнее время. Она всем известна. Но за последнее время в связи с обороной Петрограда Петроградскому Совету пришлось решать серьезные вопросы, которые необходимо выдвинуть и здесь. Съезд должен сказать свое слово по этим вопросам.

Я говорю о выводе частей петроградского гарнизона, на котором настаивает штаб. Петроградский Совет заявил, что он, помня времена корниловщины, когда Временным Правительством также принимались меры к выводу петроградского гарнизона с целью обезоружить Петроград и задушить Совет, — не может взять на себя ответственности за последствия этого вывода и такой ответственности на себя не берет. Таков был ответ Петроградского Совета на многочисленные запросы со стороны петроградского гарнизона. В настоящий момент отдельным петроградским частям конкретно приходится сталкиваться с постановлением штаба, и таким образом вопрос не потерял своей остроты.

Данный съезд должен высказать свое мнение по этому вопросу. Необходимо сказать, что съезд берет в свои собственные руки оборону страны.

Нет в России сейчас другой фигуры, которая смогла бы стать во главе страны, кроме фигуры Всероссийского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Только переход власти в руки Советов спасет революцию.

«Известия» № 195,
12 октября 1917 г.

ПРИВЕТСТВИЕ БАЛТИЙСКОМУ ФЛОТУ ОТ СЪЕЗДА СОВЕТОВ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

(11 октября) *)

Областной съезд шлет пламенный привет морякам революционного Балтийского флота, которые умирают, как герои, расплачиваясь своею жизнью за преступления буржуазии всех стран.

*) Оглашено т. Троцким на заседании съезда 11 октября.

Слава несокрушимым борцам, которые сквозь пламя и дым морского боя посылают угнетенным клич восстания и братства народов!

Слава братьям Балтийцам, слава героям революции!

«Рабочий Путь» № 35,
26 (13) октября 1917 г.

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ СЪЕЗДА СОВЕТОВ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

(12 октября)

Товарищи! Революция показала себя перед нами, как сложный, противоречивый и болезненный процесс.

Оказывается, что события развертываются скорее, чем человеческая мысль.

Этим и объясняется болезненный характер нашей революции.

Революция есть борьба, когда вопрос о власти становится определенно перед классами.

У нас пролетариат еще не обнаружил достаточной воли к захвату власти, хотя все обстоятельства к этому призывают.

Буржуазия же всегда к этому в достаточной мере подготовлена. Она в начале революции захватила власть, и пролетариат ей не помешал. Мелкая буржуазия стала у власти, опираясь на широкие слои, так как крестьянство было организовано в армию раньше, чем было организовано его сознание своих интересов. Крестьяне доверили свои интересы мелко-буржуазным элементам, которые еще теперь говорят от их имени и пользуются этим для срыва неугодного им Всероссийского Съезда Советов.

Причина всех теперешних кризисов в том, что пролетариат в первые же дни революции не взял власти в свои руки.

В начале революции буржуазия для осуществления своих империалистических целей захватила власть. 20 апреля [7]) революция оттолкнула ее в сторону. Народ предлагал меньшевикам— тогдашнему советскому большинству — взять власть, но у них не хватило мужества решиться на этот шаг, — и была образована коалиционная власть. Это была вороватая передача власти в руки буржуазии.

Эта коалиционная власть продолжала политику первого правительства и привела нас к самому ужасающему событию, от которого произошли все последующие бедствия.

Мы предупреждали, остерегали, предсказывали, что все это способствует Вильгельму нанести удар в спину германской демократии, говорили о засилии Ставки — ничего не помогло.

Керенский заявил, что из событий 3 — 5 июля выросла корниловщина [8]). Он сказал это во Временном Совете Российской Республики. Ему вторят «Известия ЦИК».

Нет, корниловщина выросла из того же злосчастного 18 июня [9]).

Несмотря на неоднократное наше требование Керенскому (пусть присутствующие здесь сотрудники буржуазных газет хоть раз верно запишут мои слова!), он до сих пор не опубликовал список жертв событий 3 — 5 июля.

Если бы он привел хотя бы голые цифры, как это делалось при царском режиме, то он увидел бы, что 3 — 5 июля не было мятежа, а было движение чисто стихийного характера.

Оно выросло, повторяю, из трижды проклятого наступления 18 июня.

Жертвы 3 — 5 июля — ничто в сравнении с жертвами 18 июня.

Но все же, когда Корнилов восстал, революционная армия и народ не отшатнулись от Керенского, а выровнялись по революционному фронту и дали Корнилову героический отпор.

Сами оборонцы сказали, что надо закрепить это единство фронта, и что̀ же они делают?

Они созвали Демократическое Совещание [10]), опираясь на то, что солдаты поддержали их в дни Корнилова. Да, в эти дни, когда угрожала действительно опасность, вызвали товарищей кронштадтцев, и Зимний дворец охраняли матросы с «Авроры»...

Итак, Демократическое Совещание должно было создать власть, власть, которая боролась бы с Корниловыми и ликвидировала бы войну.

Но это сделать может только власть, опирающаяся на армию, т.-е. власть Советов.

Мы возражали, боролись против подтасовки состава Совещания.

Это была злостная и злонамеренная подтасовка внутренних сил русской революции.

Теперь все народные массы идут за большевиками и левыми с.-р. Это означает, что революционное сознание народа быстро растет

Председатель Московской городской думы Минор считает случайным результат последних выборов, давших повсеместно победу большевикам [11]).

Мы же считаем это вполне естественным процессом.

Власть была царская, перешла она к буржуазии, ее сменила мелкая буржуазия в лице меньшевиков и правых с.-р., наконец, когда революционное сознание народа созрело, весь народ голосует за большевиков. Народ нам доверяет и поручает взять власть в свои руки.

Мы и говорим, что создать власть в настоящей обстановке могут только те, кто опирается на широкие массы.

В последнем номере «Известий» передовая статья поет отходную Советам и передает все их влияние Предпарламенту, земствам и городским думам

Но ведь это — окончательное банкротство политики соглашения, тем более, что даже меньшевики и с.-р., создав коалиционную власть, не послали правительству своих официальных представителей: для них эта власть была слишком плоха.

Но, по их мнению, власть, которая плоха для ЦК их партий, должна быть хорошей для России.

Этой власти мы объявляем непримиримую борьбу.

Либо русская революция будет задушена, либо спасена героическими усилиями Советов!

Соглашатели, как политическая партия, больше не существуют!

Революция превращается в смертельный поединок революции с контр-революцией и ее приказчиком — Керенским.

Все положение страны говорит нам: вы обязаны разрешить задачу, которая стоит перед страной, и хотя бы ценою жизни взять всю власть в свои руки!

Наш съезд должен показать, что за нами не только слова, но и материальная сила!

Т. Троцкий предлагает принять резолюцию и заканчивает свою речь следующими словами:

— Прошу вас единогласно принять мою резолюцию. Пусть принятие этой резолюции означает переход от слов к делу.

«Рабочий Путь» № 38,
30 (17) октября 1917 г.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ ПО ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ

(12 октября)

Тов. Троцкий заявляет, что во время перерыва достигнуто полное соглашение относительно резолюции между фракцией большевиков и левых с.-р. [12]).

Далее т. Троцкий подробно останавливается на ходе революции, на постепенном развитии в народных массах революционного сознания и приходит к заключению, что в настоящее время народ достаточно созрел для того, чтобы, вопреки всем препятствиям, взять власть в свои руки. Это — единственный путь спасения страны и революции.

— Все положение страны говорит нам, что мы обязаны разрешить задачу, которая стоит перед страной, и хотя бы ценою жизни взять всю власть в свои руки. Наш съезд должен показать, что за нами материальная сила, на которую мы можем опереться.

Спасти народ может только немедленный переход всей власти в руки органов революции, — Советов Р., С. и Кр. Д.— в центре и на местах.

Советское Правительство немедленно предложит перемирие на всех фронтах и честный демократический мир, немедленно и без выкупа передаст помещичьи земли в руки крестьян, реквизирует скрытые запасы и беспощадно обложит имущих.

Временное Правительство должно уйти. На стороне Советов и право и сила. Время слов прошло. Только решительным и единодушным выступлением всех Советов может быть спасена страна и революция.

«Рабочий Путь» № 36,
27 (14) октября 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ СЪЕЗДА СОВЕТОВ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ ПО ДОКЛАДУ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

(12 октября)

Северный областной съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов собрался в самые критические дни для русской революции.

Армия дезорганизуется сверху всей политикой Временного Правительства, прежде всего, его отказом от борьбы за мир и руководящею ролью контр-революционной части офицерства, которая явно подготовляет новую, более грозную попытку корниловщины. Все министерские программы демократизации армии и повышения ее боеспособности являются в этих условиях пустыми словами. Военное положение страны неизбежно ухудшается с каждым часом. На этом пути выхода нет.

Самостоятельной внешней политики Россия не имеет. Союзные империалисты, теряющие в собственных странах почву под ногами, продолжают распоряжаться судьбой русского народа. План посылки Скобелева[13]) на Парижскую конференцию[14]), якобы от имени революционной демократии, для совместной дипломатической работы со злейшими врагами демократии, есть попытка бессилия и лицемерия. Вопрос о четвертой зимней кампании фактически решается для русского солдата на биржах Лондона и Нью-Иорка.

Правящие германские хищники, лицом к лицу перед начавшимся восстанием в германском флоте, двинули свои войска на Петроград. Могущественный английский флот бездействует в виду грозной опасности, нависшей над столицей России, средоточием ее военной промышленности. В ненависти к революционному Петрограду русские контр-революционеры объединены с английскими империалистами и находят себе фактического помощника в лице кровавого германского кайзера.

Внутреннее состояние страны невыносимо, мародерство, спекуляция, хищения царят во всех областях военно-государственного хозяйства. Обостряющаяся продовольственная анархия вызывает возмущения голодных масс. Своекорыстие помещиков, поддерживаемое аграрной политикой Временного Правительства, довело отчаявшееся крестьянство до аграрного восстания. Рабочий класс, в том числе железнодорожные и почтово-телеграфные труженики, все теснее охватывается удавным кольцом дороговизны, локаутов, безработицы и голода. Финансовая политика Временного Правительства знает один принцип: «После нас хоть потоп».

Искусственно подобранный оборонцами-соглашателями безвластный Предпарламент служит только фальшивым прикрытием для политики буржуазии, Керенского, командных верхов и со-

юзной дипломатии, — политики контр-революционного заговора и неизбежного срыва Учредительного Собрания.

Коалиционная власть дезорганизовала, обескровила и истерзала страну. Так называемое Демократическое Совещание закончилось жалким банкротством. Гибельная и предательская политика соглашательства с буржуазией с негодованием отвергается рабочими, солдатами, сознательными крестьянами.

Спасти народ может только немедленный переход всей власти в руки органов революции — Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов — в центре и на местах.

Советское Правительство немедленно предложит от имени России перемирие на всех фронтах и честный демократический мир всем народам.

Советское Правительство немедленно и без выкупа передаст помещичьи земли в руки крестьян.

Советское Правительство немедленно приступит к демобилизации промышленности и к обеспечению крестьян.

Советское Правительство созовет в назначенный срок Учредительное Собрание.

Временное Правительство губит страну и держится только на силе. Но страна хочет жить, и Временное Правительство должно сойти с ее дороги. На стороне Советов не только право, но и сила. Время слов прошло. Наступил час, когда только решительным и единодушным выступлением всех Советов может быть спасена страна и революция и решен вопрос о центральной власти.

«Рабочий Путь» № 35,
26 (13) октября 1917 г.

РАДИОТЕЛЕГРАММА СЪЕЗДА СОВЕТОВ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ О СОЗЫВЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

(13 октября)

Всем, всем, всем!

13 октября от имени Съезда была послана следующая радиотелеграмма:

Всем, Всем!

1-12, особой, красокар, Коморсев, искомзап, румчерод [15]. Всем полковым, дивизионным комитетам, советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Всем матросам, рабочим и крестьянам.

На 20 октября назначен Всероссийский Съезд Советов. Его задачей является немедленное перемирие на всех фронтах. Передать землю крестьянам и обеспечить созыв Учредительного Собрания в назначенный срок. Вся буржуазия, Временное Правительство и покорные ему соглашатели всеми средствами срывают Съезд Советов. Они пугают, будто Съезд сорвет Учредительное Собрание. Клевета. Северный областной съезд Советов, в который входят самые могущественные организации Советов Петрограда, Москвы, Финляндии, Балтийского флота, Кронштадта, Ревеля и др., заявляет: Учредительное Собрание срывают контрреволюционеры, затягивающие войну и громящие крестьянское восстание. Съезд Советов обеспечит созыв Учредительного Собрания и немедленное предложение мира. Срыватели созыва Съезда губят армию и революцию. Отдельные организации, высказывающиеся против Съезда, нарушают постановление Всероссийского Съезда, превышают свои полномочия и подлежат немедленному переизбранию. Солдаты, матросы, крестьяне, рабочие! Ваш долг опрокинуть все препятствия через полковые, дивизионные и корпусные комитеты, обеспечив ваше представительство на Съезде 20 октября. Предлагаем настоящее извещение немедленно довести до сведения всех связанных с вами организаций.

Северный областной съезд Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

«Рабочий Путь» № 41,
2 ноября (20 октября) 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ВОПРОСУ О ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОМ КОМИТЕТЕ [16])

(16 октября)

Товарищи! Никогда не были мы так далеки от Бройдо [17]) и его партии, и никогда тактика меньшевиков не была так гибельна, как теперь.

Т. Троцкий цитирует заявление Родзянко сотруднику газеты «Утро России» [18]) о том, что сдача Петрограда имела бы, по его мнению, свои положительные стороны. В Петрограде, как и в Риге, немцы «восстановили бы порядок», разогнали бы Советы, истребили бы Балтийский флот и задушили бы в корне русскую революцию.

Здесь — в Предпарламенте этого, разумеется, не скажут.

Товарищи! Мы своевременно предвидели корниловщину, и потому протестовали против вывода войск из Петрограда. Бройдо с товарищами поспешно согласились тогда выполнить распоряжение Керенского, а день спустя для охраны Зимнего дворца им пришлось обратиться к кронштадтцам, которых раньше они клеймили, как контр-революционеров.

Затем, они молчат о 18 июня, которое, как мы и предсказывали, превратилось в ужасное бедствие, создавшее почву для выступлений 3—5 июля.

Товарищи! Нам говорят, что мы готовим штаб для захвата власти. Мы из этого не делаем тайны, здесь выступал целый ряд представителей фронта, и все они заявляли, что если не будет скоро перемирия, то фронт бросится в тыл

Но каковы перспективы у меньшевиков?

Вся союзная печать высмеяла Скобелева, вопрос о конференции снят, — и эта последняя соломинка, которую они бросили армии, оборвалась.

Мы посылаем нашу делегацию на фронт, чтобы солдаты поняли нас. Мы им скажем, что мы не демагоги, а их истинные друзья.

Погромное движение есть движение отчаявшихся масс, и притом самой несознательной их части.

Приехавший из деревни чернорабочий, простаивая часы в «хвостах», проникается, естественно, ненавистью к тем, кто лучше одет и богаче его, так как богач достает, платя вдвое, все продукты без карточек. Его ненависть переносится затем и на тех, кто образованнее его; кто иначе верит, чем он, и т. д. Мы этих чернорабочих понимаем, и относимся к ним иначе, чем буржуазная сволочь, которая хочет их расстрелять.

Если бы революционная власть покарала всех мародеров, то этим в значительной степени была бы уменьшена возможность всяких погромов.

Здесь выдвигали Всероссийский Исполнительный Комитет Крестьянских Депутатов [19]), который против Съезда Советов. А мы знаем, что этот Комитет своей политикой подготовил почву для крестьянских восстаний и аграрных волнений.

Если этот Комитет против нас, то он и против тех крестьян, которым в течение 7 месяцев морочили голову. И когда пред нами выбор: за кого мы, за Авксентьева [20]) или за беднейших

крестьян, то мы должны сказать, что мы — с крестьянами, против их Комитета.

Теперь к нам обращаются с категорическим требованием о выводе войск из Петрограда, и мы должны сказать *да* или *нет*. Нужно сказать солдатам, уходить ли им или отнестись с недоверием к приказу о выходе. Бройдо на этот вопрос не ответил. А мы говорим, что нам необходимо знать, куда мы идем. Если умирать, то умирать как сознательные граждане, которые знают, куда и за что они идут на смерть.

* * *

Во второй речи т. Троцкий, отвечая представителям фронта, отметил, что вся армия охвачена единством настроения, говорит одним языком, требуя немедленного мира.

Это вполне совпадает с нашим настроением и с нашими действиями. Неправда, когда нам говорят о том, что мы изолируем пролетариат, — мы видим наглядно, на примере, что миллионы наших окопных братьев вполне разделяют наши требования. И мы будем вместе жить, бороться и умирать, если это понадобится для проведения наших требований в жизнь.

«Рабочий Путь» № 39,
31 (18) октября 1917 г.

„РАБОЧИЙ И СОЛДАТ“ [21])

Наша газета — орган Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. К изданию этой газеты мы приступаем в грозные дни. Страна измучена войной. Народ истощен. Армия истерзана, обескровлена и доведена до отчаяния. Четвертая зимняя кампания была бы гибельной для армии и страны. В то же время опасность сдачи нависла над революционным Петроградом. Контр-революционеры подстерегают бедствия народа и готовятся нанести ему смертельный удар. Отчаявшееся крестьянство вышло на путь открытого восстания. Помещики и чиновники громят крестьян при помощи карательных экспедиций. Фабрики и заводы закрываются. Рабочих хотят смирить голодом. Буржуазия и ее генералы требуют беспощадных мер для восстановления в армии слепой дисциплины. Корниловщина не дре-

млет. Поддерживаемые всей буржуазией, корниловцы открыто готовятся к срыву Учредительного Собрания.

Правительство Керенского есть правительство буржуазии. Вся его политика — против рабочих, солдат и крестьян. Это правительство губит страну. Оно неспособно ни вести войну, ни заключить мир. Оно травит рабочих, громит крестьян и доводит армию до последних пределов отчаяния.

Наша газета появляется в грозные дни. «Рабочий и Солдат» будет голосом петроградского пролетариата и петроградского гарнизона. «Рабочий и Солдат» будет непримиримо защищать интересы деревенской бедноты. Против помещиков, против банкиров, капиталистов, ростовщиков, мародеров, корниловцев-генералов, против коалиционного правительства, за бедняков, за тружеников, за угнетенных, за рабочих и работниц, солдат и крестьян!

Народ должен быть спасен от гибели. Революция должна быть доведена до конца. Власть должна быть изъята из преступных рук буржуазии и передана в руки организованных рабочих, солдат и революционных крестьян. Проклятой войне должен быть положен конец.

Программа нашей газеты — это программа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Вся власть Советам — в центре и на местах!

Немедленное перемирие на всех фронтах! Честный демократический мир народов!

Помещичья земля — без выкупа — крестьянам!

Рабочий контроль над производством!

Честно созванное Учредительное Собрание!

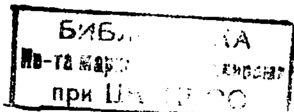
На этот путь спасения страны зовет вас всех «Рабочий и Солдат». Откликнитесь на голос вашей газеты! Сомкнитесь теснее вокруг Совета! Предстоит суровая борьба. Каждый должен быть готов, по первому призыву Совета, дать беспощадный отпор обнаглевшей контр-революции.

Да здравствует революционная борьба за власть, за мир, за хлеб, за землю и волю!

Да здравствует Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов!

«Рабочий и Солдат» № 1,
30 (17) октября 1917 г.

УГРОЗА ПЕТРОГРАДУ И БОРЬБА ЗА МИР

Тридцать девять месяцев длится война. А конца не видать. Буржуазия требует продолжения войны — «до победы». В августе Керенский сказал на Московском Совещании: «Будь проклят тот, кто говорит теперь о мире» [22]). Союзники нашей буржуазии — капиталисты Англии, Америки, Франции, Италии — требуют от нас войны «до конца». А где этот конец? Его не видно. Разве мы теперь ближе к миру, чем в начале революции? Разве военное положение наше улучшилось? Нет, оно стало неизмеримо хуже. Преступное наступление, начатое Керенским 18 июня, привело к отступлению, к сдаче Риги и к великой опасности, нависшей над Петроградом.

Три с четвертью года войны не дали безопасности столице. Где же гарантия, что дальше дело пойдет лучше? Если мы потеряем Петроград, то потеряем почти половину всей нашей промышленности, работающей на оборону. Эвакуировать (перевести) заводы в провинцию и там установить их нельзя ни в день, ни в неделю. На это нужен ряд месяцев. Стало быть, сдача Петрограда нанесла бы снаряжению нашей армии непоправимый, прямо-таки смертельный удар. А, между тем, правительство, которое явно считается с возможностью сдачи Петрограда немцам и готовится к этому, не принимает никаких мер к окончанию войны.

При первых же вестях об опасности немецкого нашествия на столицу, в министерстве заговорили о переселении в Москву. Правительство Керенского уже и раньше не раз порывалось покинуть революционный Петроград, где оно себя чувствует как на раскаленной плите. Теперь оно поторопилось ухватиться за «стратегический» повод для побега в Москву.

Гарнизон и рабочие Петрограда тревожно встрепенулись. Как? Правительство явно признает, что после 39 месяцев войны оно не способно оборонить столицу. Но вместо того, чтобы сделать решительные шаги для заключения мира, пока не поздно, легкомысленное и преступное правительство буржуазии готовится покинуть Петроград на произвол судьбы. Солдатская секция [23]) (часть) Петроградского Совета сразу дала отпор предательскому плану контр-революционеров и бонапартистов. Одно из двух, — заявили депутаты гарнизона, — правительство, не-

способное оборонить столицу, должно либо заключить немедленный мир, либо, если оно не способно заключить мир, убраться прочь и очистить место подлинно-народному правительству. Петроградский Совет присоединился к своей солдатской секции и присовокупил, что буржуазия охотно мирится с гибелью революционной столицы. Расчет контр-революционеров ясен: Вильгельм возьмет самую сильную крепость революции, красный Петроград, а корниловцы воспользуются этим для окончательного разгрома завоеваний народа.

Правительство явно испугалось того возмущения, какое вызвал его план дезертирства в Москву. В так называемом Предпарламенте г. Керенский разъяснил, что его не так поняли, что его «оклеветали» и что сейчас правительство выезжать не собирается. «Сдать Петроград? — протестуют «патриоты»-кадеты, учителя и опекуны Керенского, — нам такая мысль и в голову не приходила!»

Но на беду питерских контр-революционеров московские их единомышленники гораздо откровеннее. Родзянко, бывший председатель Государственной Думы и общепризнанный представитель всей помещичьей и буржуазной контр-революции, открыто заявил (в купеческой газете «Утро России»):

«Петроград находится в опасности... Я думаю, бог с ним, с Петроградом... Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (т.-е. Советы и т. д.). На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что кроме зла России они ничего не принесли».

«Бог с ним, с Петроградом!» — говорит патриот Родзянко от имени всей буржуазной России. И точно так же он относится к Балтийскому флоту. «Со взятием Петрограда — откровенничает Родзянко — флот все равно погибнет». Но жалеть об этом не приходится: «там есть суда совершенно развращенные».

Таким образом, прямой и открытый расчет буржуазии состоит в том, чтобы предать в руки Вильгельма Петроград и Балтийский флот. Родзянко совершенно точно объявляет, зачем именно это нужно: «После сдачи Риги, — говорит он, — там водворился такой порядок, какого никогда не видали, расстреляли десять человек главарей, вернули городовых, город в полной безопасности».

Патриот Родзянко протягивает руку германскому кайзеру, может быть, уже сговаривается через третьих лиц с кайзером

о совместном удушении Балтийского флота и Петрограда. А Керенский в Предпарламенте жалуется на «клевету» и разглагольствует о спасении Петрограда. Но кто же верит Керенскому? Во-первых, Керенский в августе сам сговаривался с Корниловым о присылке в Петроград 3 конного корпуса для «успокоения» гарнизона и пролетариата. А, во-вторых, Керенский в правительстве сейчас сохранен, главным образом, для разговора. Настоящее же дело делается за кулисами. Там Родзянки, Милюковы [24]), Гучковы [25]), Рябушинские [26]), Каледины [27]) ждут с нетерпением Вильгельма, который должен навести в Петрограде тот самый порядок, какой он навел в Риге.

Буржуазии продолжение войны нужно теперь не для победы (на победу она уж не надеется), а для искоренения революции. Сдать Балтийский флот, Кронштадт, Петроград немцам, истомить вконец армию, сломить ее дух, разделить и подавить крестьян — таковы дьявольские замыслы имущих классов. В этом должен отдать себе ясный отчет каждый рабочий, солдат, матрос и крестьянин!

Балтийские моряки заявили на-днях через своего председателя т. Дыбенко на Северном областном съезде Советов: «Спасти Балтийский флот, Петроград и революцию может только Советское Правительство, которое предложит немедленный мир всем народам».

И тот же голос идет к нам из окопов. Каждый день являются к нам, в Совет, делегаты из армии, от полков и корпусов, и все они говорят в один голос:

«Армия не может дальше ждать. Она разута, раздета и голодна. Надвигается зима. Солдаты изверились в лживые фразы буржуазных и оборонческих «патриотов», за спиною которых орудуют Родзянки. Солдаты требуют мира, потому что в мире для них единственное спасение. Нельзя испытывать без конца долготерпение армии. Что будет, если армия в припадке отчаяния бросится назад, в тыл? Тогда погибла революция. Спасение одно: предложение немедленного перемирия на всех фронтах!»

Но нынешнее правительство не способно, не может и не хочет стать на этот путь: оно действует по указке русских и союзных Родзянок. Оно ответственно не перед народом, а перед биржевиками. «Правительство Керенского, — заявил Петроградский Совет, — губит страну». Такова страшная правда. Каждый день приближает нас к гибели. После того, как падет Петроград,

будет уже поздно говорить о спасении: снявши голову, по волосам не плачут. Необходимо действовать теперь же, пока не поздно. Советы должны взять власть. Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, который собирается на 20 октября, должен от имени армии, пролетариата и революционного крестьянства предложить немедленное перемирие. Во всех странах внутреннее положение напряжено до последней степени. Везде и всюду армии и народные массы охвачены стремлением к немедленному миру. Зимняя кампания страшным призраком нависла над Европой. В этих условиях голос революционной, Советской власти получит решающее значение. Продолжение войны станет для правительств Европы невозможным после того, как Россия предложит мир.

Солдаты, рабочие, крестьяне! Правительство контр-революционной буржуазии губит страну. Спасти ее может только Всероссийский Съезд Советов. Он должен предложить мир. Это предложение вы поддержите всей вашей силой. Дело идет о жизни и смерти. Народ наш хочет жить. Все, кто толкает его к смерти и гибели, должны быть безжалостно отброшены прочь!

«Рабочий и Солдат» № 1,
30 (17) октября 1917 г.

БЕСЕДА С ДЖОНОМ РИДОМ[28])

(17 октября)

«Временное Правительство совершенно бессильно. Буржуазия находится у власти, но это обстоятельство совершенно замаскировано фиктивной коалицией с оборонческими партиями. Крестьяне бунтуют, так как они устали ждать обещанной земли. По всей стране среди всех трудящихся наблюдается то же самое разочарование. Продолжение этой буржуазной диктатуры возможно только при условии гражданской войны. Корниловский метод — единственный, с помощью которого буржуазия может управлять, но именно этой силы не хватает буржуазии. Армия — с нами. Соглашатели и миротворцы — социалисты-революционеры и меньшевики — потеряли всякое влияние, потому что борьба между крестьянами и помещиками, рабочими и капиталистами, солдатами и офицерами стала более острой, более непримиримой, чем когда-либо. Только объединенное выступление народных масс,

только введение пролетарской диктатуры может завершить революцию и спасти народ...

«Советы являются наиболее правильным представительством народа, — наилучшим по революционному опыту, по идее и по целям. Опираясь прямо на армию в окопах, на рабочих на фабриках и крестьян на полях, они представляют собою позвоночный столб революции.

«Была сделана попытка создать власть без Советов — и была создана только беспомощность. В настоящую минуту всякого рода контр-революционные проекты вынашиваются в кулуарах Совета Российской Республики. Кадетская партия представляет собою боевую контр-революцию. С другой стороны Советы защищают дело народа. Между двумя лагерями нет ни одной группы, которая имела бы серьезное значение... Наступает последний и решительный бой. Буржуазная контр-революция организует все свои силы и выжидает момента для того, чтобы напасть на нас. Наш ответ будет твердым. Мы закончим работу, едва начатую в марте и подвинутую вперед в ходе корниловского дела».

Затем т. Троцкий перешел к внешней политике будущего Советского правительства.

«Нашим первым актом будет обращение с предложением немедленного перемирия на всех фронтах и созыва международной конференции для обсуждения демократических условий мира. Доля демократизма, который мы в состоянии будем провести в мирном договоре, будет зависеть от революционного отклика, который мы встретим в Европе. Если здесь мы создадим власть Советов, это будет мощным фактором в пользу немедленного мира по всей Европе, ибо Советское Правительство немедленно обратится через головы правительств ко всем народам с предложением перемирия. В момент заключения мира русская революция будет работать для обеспечения мира без аннексий, контрибуций, с правом народов на самоопределение и в направлении к созданию федеративной европейской республики. После окончания этой войны Европа будет воссоздана не дипломатами, а пролетариатом, — в виде федеративной европейской республики, в виде Соединенных Штатов Европы. Это должно быть во что бы то ни стало. Мало теперь одной национальной автономии. Экономическое развитие требует уничтожения национальных границ. Если Европе суждено остаться расколотой на национальные группы, то в этом случае империализм опять начнет свою

работу. Только федеративная республика может обеспечить мир всему миру. Но без выступления европейских масс эти цели недостижимы — в настоящее время»...

Джон Рид. «10 дней, которые потрясли мир», стр. 63.

ПОГРОМНАЯ АГИТАЦИЯ

Со всех сторон идут жалобы на погромную агитацию в стране и у нас, в Петрограде. В хвостах, в чайных, в трамваях, на площадях слышатся нередко речи на ту тему, что надо же разгромить «жидов», социалистов, Советы...

Буржуазная печать яростно щелкает по этому поводу зубами: разнуздали чернь, дали ей волю, пробудили в ней зверя, — теперь только кровопускание может обеспечить порядок. Виноваты, конечно, во всем социалисты и, особенно, большевики.

С другой стороны, из среды «социалистов»-соглашателей раздаются голоса: «Допустимо ли говорить теперь о борьбе за власть Советов, когда кругом разливается погромная агитация»...

Теперь о чем ни заговорите: о Советской власти, о немедленном мире, о передаче земли народу,—всегда найдется мудрец, который станет вас в ответ пугать успехами черносотенной травли.

Откуда, однако, эти успехи? На что опирается погромная агитация? На темноту, а главное—на нищету, на голод, на отчаяние низов трудовой массы. Многодетная солдатка, муж которой не возвращается из окопов, стоит часами в хвостах, мокнет под дождем, а наемный агитатор нашептывает ей на ухо: «Вот создали Совет, выбрали в Думы большевиков да жидов, а есть нечего. Надо всех разогнать: и Правительство, и Советы, и Думы»... Ту же речь слышит безработный темный выходец из деревни, искалеченный на войне солдат, которому впору побираться... Им всем революция еще ничего не дала, наоборот: им живется во многих отношениях хуже, чем раньше... И они готовы свою злобу, свое ожесточение выместить на всех: и на правительстве, и на евреях, и на социалистах, и на советах, и на всех вообще, кто носит пиджак и шляпу.

Голодный безработный или полунищий-калека слышат от горничной, что ее «господа» и сейчас покупают вволю и сахару, и масла, и мяса—только по тройной цене. Карточки—только для бедноты; да и по карточкам бедняк часто ничего не получает. А богач, в обход всяких карточек, получает по-прежнему все, что нужно, и наслаждается жизнью. «Так вот она, республика!» — нашептывает наемный агитатор голодному труженику... А тот отвечает: «К чорту все и всех!»...

Да, революция до сих пор обманула трудовые массы, особенно наиболее обездоленные их низы. И отсюда-то и развивается погромное движение. Это—стихийный протест самых темных, самых несчастных рабочих, солдат и крестьян против тягостной жизни, против войны и голодухи, против несправедливостей и обмана.

Конечно, против погромной агитации нужно бороться словом и убеждением. Но этого одного крайне мало. Нужно, чтобы революция повернулась к бедноте лицом, а не спиной. Нужно, чтобы самый темный, самый загнанный и одурманенный труженик на деле почувствовал, что революционная власть защищает его, а не богача.

В этом все дело. Нужна революционная власть — против банкиров, ростовщиков, мародеров и спекулянтов. Нужна власть Советов. Такая власть, близкая к народу, всегда сможет привести в известность все продовольственные запасы и установить суровые кары для укрывателей. Голодный, которому революционная власть даст краюху хлеба, вместо того, чтобы давать две краюхи тунеядцу - богачу, поймет, что революция — за него. Когда Советская власть предложит всем немедленный мир, конфискует военные прибыли и скрытые продовольственные запасы, передаст земли крестьянам, заставит работать банкира, даст хлеб голодному, тогда черносотенная проповедь замрет в воздухе, не встречая более отклика в сердцах. Вчерашний погромщик на деле поймет, где правда, где ложь, — и присоединится к революции.

Единственный серьезный путь борьбы с черносотенством в низах—это переход всей власти в руки Советов. Чем более затянется такой переход, тем грознее разольется погромное движение.

«Рабочий и Солдат» № 2
31 (18) октября 1917 г.

ДОКЛАД НА ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ ПО ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ [29])

(18 октября)

Благодарю вас за теплый привет и в свою очередь позвольте приветствовать Всероссийскую конференцию от имени Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Сегодня у нас заседание Совета, где стоит вопрос о Всероссийском Съезде, на который просим вас пожаловать. Петроградский Совет находится под жестоким обстрелом всей буржуазной и значительной части социалистической прессы. Его обратили в мишень для обстрела. Петроградский Совет представляет собою пробный камень в отношении политических группировок. Здесь отражается вся судьба русской революции. Мы можем, во всяком случае, с уверенностью сказать, что позиция, которую занял Петроградский Совет, находит себе верную опору в настроении масс. Вам, заводским комитетам, яснее всех видна вся подоплека классовой борьбы. Попытку уподобить нашу революцию Великой Французской могут делать только слепцы. Нельзя не видеть того, что экономические основы их совершенно различны. Тогда пролетариат был в зародышевом состоянии, являлся частью третьего сословия, ремесленно-торговой мелкой буржуазии, был полупролетариатом. У нас ничего подобного в социальном смысле нет. У нас господствуют крайние полюсы, классовый тип и сознание нашего пролетариата очень высоки; наш рабочий класс представляет высокий тип организованного революционного класса и далеко превосходит пролетариат французской революции. С другой стороны стоит организованный капитал. Это определяет высокую классовую рознь. Соглашательство имело бы почву, если бы не были так обострены классовые антагонизмы. Но как примирить рабочего с капиталистом, крестьянина с помещиком? Отсюда вытекает тот провал соглашательской политики, который мы видим; борьба обострилась и обнажилась. Все партии, на которые раньше делилась буржуазия, исчезли и растворились в одной партии к.-д. Это показывает, что идет дело о самой основе — о собственности, о прибыли, о ренте. С другой стороны стоят организации рабочих, проникнутые непримиримым отношением к буржуазии и соглашательству В этих условиях коренится предпосылка жесточайшей борьбы. Гражданская война заложена

в экономической и социальной структуре нашего общества. Есть два крайних фланга, и если бы сейчас устранились революционные партии от гражданской войны, то правый фланг все равно совершил бы натиск на революцию и все ее завоевания. Дезертирство партии не предотвратило бы гражданской войны, она велась бы лишь в неорганизованной форме, в рассыпную и, стало быть, к наибольшей выгоде для имущих классов. Гражданская война нам навязана экономическим положением и историческим развитием!

Могут сказать: а крестьянство? Крестьянство составляет промежуточный класс, хотя у него больше предрассудков собственности, чем самой собственности. Но крестьянство играет революционную роль, поскольку оно связано с революционной партией города. Значение его в революции будет велико, если оно пойдет за революционным пролетариатом. Само крестьянство, вследствие всех условий своего существования, не может создать руководящей партии. Это не вина его, а беда—в этом сказывается его отсталость. Но куда крестьяне присоединятся, там и будет победа. В начале революции соглашательство победило, так как прежде, чем революция дала им ответ, крестьяне оказались организованными в полки и корпуса и были призваны выбирать в Советы и Комитеты. Естественно, вначале победила мелкобуржуазная интеллигенция, эксплоатировавшая беспомощность крестьян. Соглашатели получили перевес в первых Советах. И даже пролетариат, опасаясь оторваться от армии, тяготел в широких слоях к соглашательству. Но железная действительность заставила рабочий класс отколоться от соглашателей, а вопрос мира бросает в объятия пролетариата армию. Армия находится в ужасных условиях. Продолжать войну армия не видит физической возможности. И если этот вопрос не будет в скором времени разрешен, то—как заявляют делегаты с фронта—армия стихийно поплывет в тыл. Соглашатели несут ответственность за затягивание войны. Именно поэтому они погубили себя. Всероссийский Крестьянский Авксентьевский Совет ведет правительственно-официозную политику, а по стране идет рост стихийного аграрного движения, и соглашательские круги вынуждены в бессилии метаться перед этим восстающим крестьянством и даже прямо помогать властям подавлять его. Гражданская война не лозунг, а факт. Между крестьянами и помещиками идет уже гражданская война. Восстающее крестьянство, само

собой разумеется, не может быть опорой для соглашательства. И многочисленные крестьянские делегации ищут прямого руководства в рабочем классе. В Петроградский Совет приходят ходоки с просьбой не допустить посылок солдат в деревню для расстрела восставших крестьян.

Преступное наступление вызвало великое отступление. Где выход? Если раньше могли быть честные надежды у соглашателей разрешить вопрос путем своего воздействия на дипломатию, то теперь все надежды должны были окончательно пасть. Последней соломинкой являлась посылка Скобелева на Парижскую конференцию, где он под конвоем Маклакова [30]) и Рузского [31]) должен был предъявить требования пересмотра договоров. Но все серьезные буржуазные газеты наших «союзников» высмеяли этот план. Они хотят сговариваться насчет продолжения войны, а не насчет мира. Солдаты с фронта говорят, что, если до первого снега не будет мира, окопные массы уйдут. Изверившись в правительстве, они обращаются к Петроградскому Совету, который выставил лозунг мира, и прямо призывают его взять власть и предложить мир, чтобы предотвратить стихийное бегство армии. Матросы Балтийского флота заявили, что не сойдут с кораблей до тех пор, пока их не снимет революционная рука. Они будут защищать революционный Петроград, но власти они не доверяют, они убеждены, что власть, являющаяся прикрытием империалистской буржуазии, и сама буржуазия со злорадством глядят на гибель геройски сражающихся матросов. Родзянко открыто в этом признался. Он хочет сдачи Петрограда и Балтийского флота немцам, надеясь получить затем Петроград обратно, но уже помятый германскими жерновами. Тогда несравненно легче будет задушить революцию. У солдат нет убеждения, что их не предают. Как же им сражаться? Родзянки знают, что, если Петроград сдадут, война будет невозможна, ибо будет разрушена промышленность, работающая на оборону. Контр-революционеры нарочно тянут войну, чтобы сдать Петроград и подавить революцию. Армия не может долго выдержать, об этом говорят все окопные делегаты. Буржуазия спекулирует на этом и сознательно доводит до отчаяния солдат, рабочих и крестьян. На этом основана теперь вся политика буржуазии. Рабочие должны громко об этом заявлять и повсюду разоблачать политику Рябушинских, Родзянок и их укрывателей перед широкими массами.

В области производства вы, представители фабрично-заводских комитетов, должны лучше всего знать о саботаже. Ваши попытки контроля не контроль, а только разрозненный учет и опыты частичного давления. Контроль возможен только в общегосударственном масштабе. Только тогда возможно выяснение наличности производительных сил и средств их перераспределения, их разумная организация, муниципализация важнейших отраслей производства. Но сделать все это нельзя без революционной центральной власти, в которой пролетариат должен играть руководящую роль. А вы опять-таки лучше, чем кто-либо, знаете, что без этого контроля над основами производства нам спастись нельзя.

Соглашатели говорят: спасение — в Учредительном Собрании. Но при нынешнем положении созыв Учредительного Собрания до сегодняшнего дня ничем не обеспечен. Буржуазия срывает Учредительное Собрание всеми средствами, она доказала это своим отношением к Предпарламенту, отстранив его от всякой власти и превратив его в совещательный орган, чтобы за его спиной — в Ставке, в дипломатических корпусах, в банках и в задних комнатах Зимнего дворца — вести работу по срыву Учредительного Собрания. Действительно революционные классы: пролетариат и тяготеющие к нему армии и восстающее крестьянство могут бороться за Учредительное Собрание только взятием власти.

Мы не должны быть мистиками, суеверами, которые воображают, что как только соберется Учредительное Собрание, то тем самым все разрешится. Наивная иллюзия! Разгон Учредительного Собрания бывал в истории не раз. Нужно еще только обеспечить жизнь Учредительному Собранию и дать ему возможность проводить свои решения в жизнь,— а для этого-то именно и нужны решительные революционные аппараты власти, каковыми являются только Советы. Кто подкапывается под Советы (буржуазия и соглашатели), тот подкапывается под Учредительное Собрание. На «демократическом» Совещании пытались создать власть без к.-д., без корниловцев, но так как не доверяли Советам, то не нашли на кого опереться и пошли с поклонной головой к к.-д Противопоставляют Советам думы и земства, но разница в том, что думы не имеют непосредственной, тесной, непрерывной, чисто революционной связи с избирателями, тогда как под Советами всегда организованная и вооруженная армия их изби-

рателей. Советы непрерывно изменяют свой состав, давая тем самым правильное отражение опыту и политическому развитию рабочих, солдат и крестьян. Политические вертопрахи издеваются над «изменчивостью» масс. Массы во время революции быстро развиваются. Нельзя же забывать азбуку марксизма. Маркс говорил, что революция — это локомотив истории, который с великой быстротой изменяет сознание масс. Французский революционер Буасси Д'Англа сказал, что за шесть лет Великой Революции французский народ накопил больше политического опыта, чем за шесть предшествовавших столетий. Непрерывное развитие масс отражается и закрепляется Советами. Вот почему они были и остаются становым хребтом революции. Перебить этот хребет — значило бы убить революцию.

Не было примера, товарищи, чтобы имущие классы не защищали своих позиций всеми средствами и со всей свирепостью, а рабочие массы, пробужденные революцией, никогда не останавливались и не остановятся на полпути и не уступят без боя своих завоеванных в революции прав. Это — закон истории. Эти законы истории партии не пишут, а изучают. Нельзя искусственно направить историческое развитие по мирному пути. Надо это сознать и открыто сказать себе, что гражданская война неизбежна. Надо только организовать ее в интересах рабочих масс. Это единственный путь сделать ее более бескровной, менее болезненной. Достигнуть этого результата можно не шатаниями и колебаниями, а только упорной и мужественной борьбой за власть. Тогда еще возможно, еще остается шанс, что буржуазия отступит. Соглашательскими колебаниями достигается как раз обратное. Нельзя допускать деморализации рабочего класса шатаниями. Пролетариат должен взять власть. На него с надеждой смотрят армия, крестьянство, флот. И ваша организация — фабрично-заводские комитеты — должна стать проводником этой идеи. На предстоящем Съезде Советов ребром встанут все вопросы власти, мира, земли. И когда Совет скажет свое слово, то вы на местах должны ответить: «Мы здесь». Ваш ответ будет единым — вся власть Советам! Только единодушная воля и сила всех пролетарских организаций сбросит все препятствия и обеспечит за народом мир, землю, хлеб и власть.

«Рабочий Путь» № 42,
3 ноября (21 октября) 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ ПО ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ

(18 октября)

Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов, собравшаяся в момент смертельной опасности для революции и народа, заявляет:

Правительство контр-революционной буржуазии губит страну. Показав и самосознав свою полную неспособность вести войну, оно затягивает войну с единственной целью удушить революцию. Оно ничего не делает для борьбы с хозяйственной разрухой,— напротив, вся экономическая политика его направлена к увеличению этой разрухи с целью уморить революцию голодом и похоронить ее под обломками всеобщей хозяйственной разрухи. Спасение революции и достижение целей, поставленных трудящимися массами в этой революции,—в переходе власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Советская власть должна предложить всем народам немедленное перемирие и впредь до заключения мира взять на себя защиту революционной страны от идущего на нее походом мирового империализма. Советская власть должна немедленно передать землю в руки крестьянских земельных комитетов и ввести рабочий контроль над производством и распределением продуктов в общегосударственном масштабе. Советская власть должна принять все меры к скорейшему созыву Учредительного Собрания.

Долой власть контр-революции!

Да здравствует власть революции!

Да здравствует борьба за мир, за хлеб, за землю и свободу!

«Рабочий Путь» № 43,
4 ноября (22 октябр я 1917 г.

СООБЩЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ВЗИМАНИИ ТРАМВАЙНОЙ ПЛАТЫ С СОЛДАТ

(18 октября)

Т. Троцкий сообщает, что городской голова просит Совет оказать содействие в деле проведения в жизнь постановления думы о взимании 5 коп. с т.т. солдат за проезд по трамваю. Город-

ской голова жалуется на то, что солдаты часто злоупотребляют правом бесплатного проезда, что многие посторонние лица надевают солдатскую форму и также ездят бесплатно. Трамвай постоянно перегружен, город терпит огромный дефицит.

Т. Троцкий, высказывая свое личное мнение, считает необходимым, чтобы, при сохранении права на бесплатный проезд, в это дело был внесен некоторый порядок. Можно, например, ввести книжки на проезд и раздавать их солдатам через полковые и ротные комитеты. Для товарищей с фронта в солдатской секции будут находиться запасные книжки.

После выступления целого ряда ораторов, рабочих и солдат,— протестовавших против установления платы за проезд т.т. солдат, Совет постановил:

Передать рассмотрение вопроса в солдатскую секцию и Исполнительный Комитет. Президиуму поручено немедленно войти в городскую управу с предложением—впредь до окончательного разрешения вопроса—отменить взимание пятаков с т.т. солдат и об этом объявить во всеобщее сведение. Впредь до опубликования соответствующего объявления, Совет предлагает т.т. солдатам платить за проезд.

«Рабочий Путь» № 41,
2 ноября (20 октября) 1917 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ О „ВЫСТУПЛЕНИИ" НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА [32])

(18 октября)

Последние дни вся печать полна сообщений, слухов, статей относительно предстоящего выступления, причем выступление это приурочивается то к большевикам, то к Петроградскому Совету.

Решения Петроградского Совета публикуются во всеобщее сведение. Совет—учреждение выборное, каждый член его ответственен перед выбравшими его рабочими или солдатами. Этот революционный парламент пролетариата и революционного гарнизона не может иметь решений, которые не были бы известны рабочим и солдатам.

Мы ничего не скрываем. Я заявляю от имени Совета: никаких вооруженных выступлений нами не было назначено. Но если бы по ходу вещей Совет был принужден назначить выступление,—

рабочие и солдаты, как один человек, выступили бы по его зову.

Буржуазные газеты днем выступления называют 22 октября. Все газеты обошло это «тонкое» пророчество. Но день 22 октября единогласно был установлен Исполнительным Комитетом, как день агитации, пропаганды, сплочения масс под знамя Совета, как день сборов в пользу Совета.

Указывают, далее, что я подписал ордер на получение 5.000 винтовок от Сестрорецкого завода [33]). Да, подписал — в силу решения, принятого еще в корниловские дни для вооружения рабочей милиции. И Петроградский Совет будет и впредь организовывать и вооружать рабочую гвардию.

Но все эти сведения, все эти «факты» превзойдены газетой «День».

Т. Троцкий оглашает напечатанный во вчерашнем номере «Дня» [34]) «план» выступления большевиков, которое должно было состояться в прошлую ночь. В «плане» подробно намечены маршруты, по которым должны были итти армии большевиков, указаны пункты, которые должны были быть взяты. Не забыто даже указание на то, что с районов Новой Деревни восставшие должны были захватить с собою «темные элементы». (При чтении — в зале смех.)

— Я прошу слушать, чтобы точно знать, каким путем должна была итти каждая армия... (Смех.)

— Товарищи, — это сообщение не нуждается в комментариях, как газета, его поместившая, не нуждается в характеристике.

Цель кампании ясна.

У нас с правительством имеется конфликт, который может получить крайне острый характер. Это — вопрос о выводе войск. И вот буржуазная печать хочет создать вокруг петроградских солдат и рабочих атмосферу вражды и подозрительности и вызвать к петроградским солдатам ненависть на фронте.

Другой острый вопрос — о Съезде Советов. Правительственные круги знают нашу точку зрения относительно роли Съезда Советов. Буржуазии известно, что Петроградский Совет предложит Съезду взять власть в свои руки, предложить воюющим народам демократический мир, дать крестьянам землю. И они пытаются обезоружить Петроград, выведя из него революционный гарнизон, и спешат к моменту Съезда вооружить, распределить все, что им подчиняется, чтобы все свои силы двинуть для

срыва представительства рабочих, солдат и крестьян. Как артиллерийская пальба подготовляет атаку против армии, так теперешняя кампания лжи и клеветы подготовляет вооруженную атаку против Съезда Советов.

Нужно быть на-готове. Мы вступили в период обостреннейшей борьбы. Нужно постоянно ожидать нападения со стороны контр-революции.

Но при первой попытке с ее стороны сорвать Съезд Советов, при первой попытке наступления мы ответим контр-наступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца.

«Рабочий Путь» № 41,
2 ноября (20 октября) 1917 г.

НАМ НУЖЕН МИР

Война нас губит. Каждый новый день войны наносит нам новые тяжкие раны. Нет хлеба, нет дров, нет угля. И с каждым днем все хуже. Положение фронта невыносимо. Солдаты в окопах не одеты, не обуты, не накормлены. И они не видят конца войне, не видят выхода. При этих условиях разговоры о поднятии «боеспособности» армии являются пустыми и лживыми словами. Правительственные лица и их подголоски повторяют эти слова, чтобы прикрыть жалкое банкротство своей политики. А войска наши тем временем гибнут в окопах и охватываются возмущением и отчаянием. Делегаты с фронта рассказывают, что все шире и шире разливается по окопам мысль: «Если до 1 ноября не будет заключен мир, то итти самим солдатам добывать мир своими средствами»...

На этот путь отчаяния толкает истощенную армию правительственная политика затягивания войны. Есть предел человеческой выносливости. Есть граница человеческому долготерпению. Контр-революционеры—Родзянки, Рябушинские, Милюковы — сознательно стремятся довести армию до полного разложения, до голодного междоусобия, чтобы тем вернее утопить ее в ее собственной крови. На разложении революционной армии они надеются основать свою власть. Соглашатели (правые эсеры и меньшевики) безвольно и бессмысленно плетутся за буржуазией, помогая ей губить армию и революцию.

Нам нужен мир. Нынешнее правительство не способно дать мир. Это снова показал г. Терещенко, министр иностранных дел, своей речью в Предпарламенте [35]). Нужно продолжать войну в союзе с империалистами до тех пор, пока эти союзные империалисты сочтут нужным продолжать войну,—так ответило Временное Правительство народу устами своего Терещенки. Стало быть, вопрос о четвертой зимней кампании и о крови русского солдата по-прежнему будет решаться на биржах Лондона и Нью-Иорка, а не русским народом.

Соглашатели обещали ускорить наступление мира посылкой меньшевика Скобелева в Париж на союзную конференцию. Там де Скобелев убедит союзников отказаться от захватных планов и предложить немцам демократический мир. Но не успел еще Скобелёв выехать из Петрограда, как уже получил ответ. Союзная буржуазия просто-напросто высмеяла всю эту затею. Союзные дипломаты хотят разговаривать с русскими дипломатами и генералами о том, как продолжать войну, а не о том, как заключать мир. Русское правительство согласилось отправить Скобелева в Париж, но под конвоем корниловца Маклакова и генерала Рузского, и потребовала, чтобы Скобелев действовал заодно с ними. Всякому, кто не слеп, ясно, что отсюда ждать мира нельзя. Соглашательство с союзными биржевиками и дипломатами так же гибельно, как и соглашательство с собственной буржуазией.

Нам необходим мир. Итти к нему надо прямым, т.-е. революционным, путем. Надо обратиться непосредственно к народам, к армиям и предложить им немедленное перемирие на всех фронтах.

Все народы жаждут мира и пропитаны ненавистью к буржуазии, затягивающей войну. Прямое и открытое предложение честного демократического мира встретит сейчас же могучий отголосок в окопах и в тылу всех стран.

Революционные рабочие, отчаявшиеся солдаты и матросы, калеки, вдовы, голодающие матери голодающих детей,—вот кто наш подлинный союзник во всех странах.

Германский кайзер, покрытый кровью миллионов, хочет двинуть свои войска на Петроград. Призовем на помощь против кайзера немецких рабочих, солдат, матросов и крестьян, которые жаждут мира не меньше, чем мы. Скажем им: «От имени русского народа предлагаем вам немедленное перемирие на всех фронтах. Долой зимнюю кампанию! Долой проклятую войну!».

Кто должен сделать такое предложение? Революционная власть, подлинное революционное правительство, опирающееся на армию, флот, пролетариат и крестьянство—Всероссийский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Такое правительство обратилось бы через головы дипломатов, союзных и вражеских, непосредственно к немецким войскам. Оно заполнило бы немецкие окопы миллионами воззваний на немецком языке, где было бы сказано: «Русское правительство, именем свободного русского народа, предлагает вам, немцы, немедленный мир». Наши летчики распространили бы эти воззвания на немецкой земле. Телеграф разнес бы их по всему миру. «Народы Европы, русская революционная власть предлагает вам всем немедленно сложить оружие во имя честного мира».

Такой призыв встретил бы могущественный отклик. Клич: «Да здравствует немедленное перемирие!»—охватил бы все население Европы. Ни одно правительство европейское не смогло бы продолжать войну против непреодолимого народного напора.

Таков единственный путь к миру: от народа к народу. На этот путь должен встать Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

«Рабочий и Солдат» № 3,
1 ноября (19 октября) 1917 г.

(Напечатано без подписи.)

ДОКЛАД НА ЭКСТРЕННОМ СОБРАНИИ ПОЛКОВЫХ КОМИТЕТОВ ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА [36])

(21 октября)

Докладчиком от Исполнительного Комитета выступил Л. Троцкий, произнесший большую речь на тему о текущем моменте, в которой он уделил особенное внимание вновь образованному Петроградскому Военно-Революционному Комитету и вопросу о передаче власти в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Между прочим, в своем докладе Л. Троцкий коснулся «Дня Петроградского Совета» [37]) и предстоявшего в тот же день крестного хода, организуемого казаками. Докладчик призывал к спокойствию во избежание могущих возникнуть на этой почве тяжелых и нежелательных последствий.

* * *

Вторично т. Троцкий выступил с разъяснениями по поводу воззвания к казакам [38]) и огласил 3 резолюции, которые и принимаются подавляющим большинством собрания, при небольшой группе воздержавшихся, несколько представителей которой заявили, что они в голосовании участвовать не будут.

«Известия» № 204,
22 октября 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИИ ЭКСТРЕННОГО СОБРАНИЯ ПОЛКОВЫХ КОМИТЕТОВ ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА

(21 октября)

I. О Военно-Революционном Комитете

Приветствуя образование Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, гарнизон Петрограда и его окрестностей обещает Военно-Революционному Комитету полную поддержку во всех его шагах, направленных к тому, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции.

II. О дне 22 октября

Гарнизон Петрограда и его окрестностей заявляет:

День 22 октября—есть день мирного подсчета сил петроградских солдат и рабочих и сбора средств на революционную печать.

Гарнизон обращается к казакам: остерегайтесь провокации наших общих врагов. Мы ваши братья. Боремся за мир и свободу.

Мы приглашаем вас на наши завтрашние собрания. Добро пожаловать, братья-казаки!

Вместе с тем Петроградский гарнизон заявляет: на страже революционного порядка в Петрограде стоит весь гарнизон вместе с организованным пролетариатом. Всякие провокационные попытки со стороны корниловцев и буржуазии внести смуту и расстройство в революционные ряды встретят беспощадный отпор.

III. О Всероссийском Съезде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов

Присоединяясь ко всем политическим решениям Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, гарнизон Петрограда заявляет:

Время слов прошло. Страна на краю гибели. Армия требует мира, крестьяне требуют земли, рабочие требуют работы и хлеба. Коалиционная власть против народа. Она — орудие в руках врагов народа. Время слов прошло. Всероссийский Съезд Советов должен взять власть в свои руки и обеспечить народу мир, землю и хлеб. Этого требует спасение революции и народа.

Власть Советам!

Немедленное перемирие на всех фронтах!

Земля крестьянам!

Честный созыв Учредительного Собрания в назначенный срок!

Петроградский гарнизон торжественно обещает Всероссийскому Съезду в борьбе за эти требования отдать в его распоряжение все свои силы до последнего человека.

Надейтесь на нас, полномочные представители солдат, рабочих и крестьян. Мы все на своих постах: готовы победить или умереть!

«Рабочий Путь» № 43,
4 ноября (22 октября) 1917 г.

ГАРНИЗОНУ ГОРОДА ПЕТРОГРАДА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

На собрании 21 октября революционный гарнизон Петрограда сплотился вокруг Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, как своего руководящего органа.

Несмотря на это, штаб Петроградского военного округа в ночь на 22 октября [39]) не признал Военно-Революционного Комитета, отказавшись вести работу совместно с представителями Солдатской Секции Совета.

Этим самым штаб порывает с революционным гарнизоном и Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов.

Порвав с организованным гарнизоном столицы, штаб становится прямым орудием контр-революционных сил.

Военно-Революционный Комитет снимает с себя всякую ответственность за действия штаба Петроградского военного округа.

Солдаты Петрограда!

1. Охрана революционного порядка от контр-революционных покушений ложится на вас под руководством Военно-Революционного Комитета.

2. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-Революционным Комитетом, не действительны.

3. Все распоряжения на сегодняшний день—День Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов—остаются в полной своей силе.

4. Всякому солдату гарнизона вменяется в обязанность бдительность, выдержка и неуклонная дисциплина.

5. Революция в опасности! Да здравствует Революционный гарнизон!

Военно-Революционный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

21 октября.

«Рабочий Путь» № 44
6 ноября (24 октября) 1917 г.

БРАТЬЯ-КАЗАКИ!

Петроградский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов обращает к вам свое слово.

Вас, казаки, хотят восстановить против нас, рабочих и солдат. Эту каинову работу совершают наши общие враги: насильники-дворяне, банкиры, помещики, старые чиновники, бывшие слуги царские. Они всегда были сильны и властны разделением народа. Натравливали солдат на рабочих и крестьян. Казаков напускали на солдат. Какими средствами достигали они этого? Ложью, клеветой. Казак, солдат, матрос, рабочий, крестьянин—родные братья. Все они труженики, все бедны, все тянут лямку, все придавлены и ограблены войною.

Кому нужна война? Кто ее затеял? Не казак и не солдат, не рабочий и не крестьянин. Война нужна генералам, банкирам, царям, помещикам. Они увеличивают на войне свою власть, свою силу, свои богатства. Народную кровь они превращают в золото своих барышей.

Народ хочет мира. Во всех странах солдаты и рабочие жаждут мира. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов говорит буржуям и генералам: «Отойдите в сторону, насильники! Пусть власть перейдет в руки самого народа, и тогда народ немедленно же заключит честный мир».

Правильно ли это, товарищи-казаки? Мы не сомневаемся, что вы все скажете: правильно! Но именно поэтому нас ненавидят все ростовщики, богачи, князья, дворяне, генералы, и в их числе ваши, казачьи генералы. Они готовы в любой час уничтожить Петроградский Совет, задушить революцию, надев оковы на народ, как было при царе.

Поэтому они вам клевещут на нас. Они обманывают вас. Они говорят, будто Совет хочет отобрать ваши земли. Не верьте, казаки! Совет хочет отобрать все помещичьи земли и передать их крестьянам, хлеборобам и в частности бедным казакам. У кого же поднимется рука отбирать землю у труженика-казака?

Вам говорят, будто Совет собирается 22 октября устроить какое-то восстание, сражение с вами, стрельбу на улицах, резню. Те, кто сказал вам это—негодяи и провокаторы. Так и заявите им! На 22 октября Совет назначил мирные митинги, собрания, концерты, где рабочие и солдаты, матросы и крестьяне будут слушать и обсуждать речи о войне и мире, о народной доле. На эти мирные, братские митинги мы приглашаем и вас. Добро пожаловать, братья-казаки!

Кто из вас сомневается, пусть зайдет в Смольный, где помещается Совет. Тут всегда много солдат, есть и казаки. Они объяснят сомневающемуся, чего хочет Совет, каковы его цели и пути. Для того народ и скинул царя, чтоб свободно обсуждать свои нужды и брать свои дела в собственные руки. Сбросьте и вы, казаки, повязку, которую надевают вам на глаза Каледины, Бардижи, Карауловы и прочие враги трудового казачества.

22 октября устраивается кем-то казачий крестный ход. Дело свободной совести каждого казака участвовать или не участвовать в крестном ходе. Мы в это дело не вмешиваемся и никаких препятствий никому не чиним.

Однако мы вас предупреждаем, казаки: глядите зорко, как бы, под видом крестного хода, не попытались ваши Каледины натравить вас на рабочих, на солдат. Их цель — вызвать кровопролитие и в братской крови утопить вашу и нашу свободу.

Знайте твердо: 22 октября — день Петроградского Совета, день мирных митингов, собраний и денежных сборов на солдатские и рабочие газеты. Примыкайте к нам, казаки,—в общую семью трудового народа, для общей борьбы за волю и счастье.

Братскую руку протягиваем мы вам, казаки!

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

21 октября 1917 г.
(Воззвание Петроградского Совета.).

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В НАРОДНОМ ДОМЕ В „ДЕНЬ [40]) ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА"

(22 октября)

На многотысячном митинге в Народном Доме после речи т. Троцкого, призывавшего присутствующих к клятве бороться до последней капли крови за переход власти к Советам, весь зал с поднятыми кверху руками присягнул ринуться по первому зову Петроградского Совета в решительную схватку с внутренними врагами во имя торжества идеи советской власти.

А. Попов. «Октябрьский переворот»
(сборник), стр. 159.

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ — ФРОНТУ

Восстановить фронт на тыл—главная задача наших врагов. Те самые корниловские и полукорниловские газеты, которые называют наших окопных братьев «трусами» и «изменниками», обвиняют в то же время гарнизоны тыла в том, что они не дают «трусам» пополнения. Сейчас такие обвинения сыплются на петроградский гарнизон, который постановил собственными силами проверить, для чего, куда и при каких условиях хотят выводить отдельные части из Петрограда.

Прав ли наш гарнизон?

Вспомним недавнее прошлое. Вспомним дни, предшествовавшие корниловщине. 25 августа в солдатскую секцию явился помощник командующего округом, капитан Кузьмин, и от

имени Ставки предъявил требование о немедленном выводе из Петрограда пяти полков в полном составе, при чем штаб, по словам самого Кузьмина, назначил к выводу те полки, которые в июле требовали перехода всей власти к Советам. Это полки «контр-революционные», — заявил Кузьмин.

Тогдашний председатель солдатской секции Завадье сказал: «Боевые приказы должны исполняться беспрекословно и без всякого обсуждения».

Сенатор Соколов заявил: «Для нас не подлежит никакому сомнению, что этот приказ является чисто боевым, и в критику его мы входить не можем. Приказ этот преследует только цели обороны... Выполняйте все боевые приказы без всяких рассуждений и промедлений. Прошу не вторгаться в боевые распоряжения».

Несмотря на колебания и тревожное предчувствие беды, солдатская секция под давлением сверху решила тогда без обсуждения подчиниться приказу. Это было 25 августа. Штаб начал спешно выводить полки, а 27 августа стал известен ультиматум Корнилова и его поход на столицу. Тогда начали спешно возвращать обратно для спасения революции те самые части, которые капитан Кузьмин назвал «контр-революционными».

Уроки корниловщины

Этот грозный политический урок не прошел бесследно для петроградского гарнизона и его солдатской секции. Каждому солдату стало ясно, что под видом «боевых приказов» можно проводить чисто политические контр-революционные меры.

Недоверие фронта и тыла к высшему командному составу обострилось до последней степени. И не только к командному составу, но также и к Временному Правительству.

На Московском Совещании, в середине августа, Керенский грозил расправиться с непокорными солдатами и рабочими «железом и кровью». Спустя несколько недель все узнали, что означали эти слова: по соглашению с Корниловым Керенский подтягивал к Петрограду третий конный корпус, чтобы «кровью и железом» расправиться с революционными рабочими и солдатами столицы. Так под видом боевых приказов шла подготовка удушения революции.

После того, как солдаты и рабочие обратили в прах корниловский мятеж, правительство обещало произвести решитель-

ную чистку командного состава. Но ничего подобного на деле не произошло. Даже скромнейшие мероприятия военного министра Верховского [41]) пришлись не ко двору. Кадеты крепко засели в правительстве. Союзные посольства с ними. Вся буржуазия поддержала старых генералов и контр-революционных офицеров. Покорный буржуазии Керенский оставил их всех на прежних постах. Результат этой вероломной политики ясен: удвоенное недоверие к командному составу и к Временному Правительству.

Новая опасность

С фронта тем временем непрерывно идут вести о деятельной подготовке новой корниловщины. Контр-революционная часть офицерства сплачивается в боевую организацию. Между фронтом и тылом располагается кордон из более «надежных», т.-е. боле отсталых, войсковых частей. Во фронт идет с верху непрерывное натравливание на тыл. Корнилов и его сообщники содержатся в Быхове почти что на полной свободе, так что имеют полную возможность в любой час стать во главе нового контрреволюционного заговора.

В этих условиях предъявлено было требование о выводе петроградского гарнизона. Могло ли оно быть встречено со слепым доверием? Где гарантия того, что наш гарнизон действительно собираются выводить для боевых целей, для смены наших истощенных братьев на фронте? Какие части намерено правительство вводить в столицу? Не собирается ли правительство, очистив Петроград от революционных войск, упрочить свое положение «кровью и железом?» Недаром же при самом образовании правительства Керенского—Коновалова [42]) Петроградский Совет назвал его «правительством гражданской войны».

Необходимы революционные гарантии

Петроградский Совет решил создать Военно-Революционный Комитет, т.-е. свой штаб. В этом не было бы никакой надобности, если бы у нас было правительство, пользующееся доверием солдат, рабочих и крестьян. Но этого нет. Правительству мы не верим. Пока оно не сменено, нам необходимо собственными средствами проверить распоряжение Ставки, установить непосредственную связь с фронтом, выяснить силу и средства контр-

революции, определить, какая часть гарнизона безусловно необходима в столице, и предпринять меры к вооружению рабочих для обороны революционного Петрограда. Таковы непосредственные цели Военно-Революционного Комитета. За ним стоит сейчас единодушно весь петроградский гарнизон. Никакие угрозы, никакая клевета не собьют нас с нашего пути.

Братьям в окопах

Вам клевещут на нас. Кто наши обвинители? Вожди и лакеи буржуазии. Но ведь именно буржуазия предала фронт, как она предала тыл. Разве буржуазия заботится сейчас о голодной истощенной армии? Нет! Буржуазия требует «войны до победы». Буружазия добилась восстановления смертной казни. Буржуазные газеты клевещут на солдат фронта, как и на солдат тыла. Этой черной работе помогают соглашатели, всеми силами стремящиеся очернить петроградский гарнизон и Совет. Но всем нашим врагам не удастся нарушить единство фронта и тыла.

Братья в окопах! Петроградский гарнизон всеми своими помыслами с вами. В его составе большинство эвакуированных, проведших месяцы и годы в окопах, дважды и трижды раненых. Могут ли они забыть о своих окопных сотоварищах? Нет, они уже не раз посылали пополнения, и они снова готовы притти вам на смену, как только убедятся, что дело идет действительно о смене усталых, истощенных частей.

Но главную помощь фронту петроградский гарнизон, вместе с петроградскими рабочими, видит в борьбе за мир. Никакие пополнения из тыла не спасут фронта, если война будет еще тянуться долгие недели и месяцы. *Нам нужен мир*. Только в немедленном перемирии на всех фронтах наше общее спасение. Война губит нас. Буржуазия тянет войну, чтобы вконец ослабить народ и затем снова поработить его. Буржуазия готова сдать немцам и Петроград, и Балтийский флот, только бы задавить революцию. Об этом на-днях открыто заявил Родзянко, виднейший представитель помещиков и капиталистов. Спасти Петроград можно только немедленным предложением справедливого мира всем народам. А для этого нам самим нужно иметь истинно народное правительство, созданное Всероссийским Съездом Советов Солдатских и Рабочих Депутатов.

Братья в окопах! Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не забыл о вас. Не верьте злобной клевете наших общих врагов. Все наши силы мы готовы направить на борьбу за немедленное окончание проклятой бойни. Поддержите нас в этом Сомкнем теснее ряды! Долой контр-революционеров, затягивающих войну! Объединенный фронт и тыл непобедимы. Их совместный натиск опрокинет всех врагов и даст народу власть, мир, хлеб и землю.

«Рабочий Путь» № 44,
6 ноября (24 октября) 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ДОКЛАДУ О ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОМ КОМИТЕТЕ

(23 октября)

С большой речью выступает Л. Троцкий. Оратор отстаивает ту позицию, которую занял Военно-Революционный Комитет по отношению к штабу Петроградского военного округа, и не скрывает, что создание Военно-Революционного Комитета было политическим шагом к захвату власти и передачи ее в руки Советов.

Л. Троцкому задают вопрос:

— А как же Учредительное Собрание?

— Учредительное Собрание будет охраняться Военно-Революционным Комитетом так же, как будет охраняться им Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов,— отвечает оратор.

«Известия» № 205
24 октября 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ДОКЛАДУ О ВОЕННО - РЕВОЛЮЦИОННОМ КОМИТЕТЕ

(23 октября)

Заслушав доклад о первых шагах Военно-Революционного Комитета, Петроградский Совет подтверждает принятые им для дела охраны завоеваний революции меры и надеется на его дальнейшую энергичную деятельность. Петроградский Совет констатирует, что, благодаря энергичной работе Военно-Революцион-

ного Комитета, связь Петроградского Совета с революционным гарнизоном упрочилась, и выражает уверенность, что только дальнейшей работой в этом же направлении будет обеспечена возможность свободной и беспрепятственной работы открывающемуся Всероссийскому Съезду Советов.—Петроградский Совет поручает своему Революционному Комитету немедленно принять меры к охране безопасности граждан в Петрограде и решительными мероприятиями прекратить попытки погромных движений, грабежей и т. д.

Вместе с тем Совет вменяет своим членам, располагающим необходимым временем, в прямую обязанность предоставить себя в распоряжение Военно-Революционного Комитета для участия в его работе.

«Рабочий Путь» № 45,
7 ноября (25 октября) 1917 г.

К НАСЕЛЕНИЮ ПЕТРОГРАДА

К сведению рабочих, солдат и всех граждан Петрограда объявляем:

В интересах защиты революции и ее завоеваний от покушений со стороны контр-революции нами назначены комиссары при воинских частях и в особо важных пунктах столицы и ее окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждении их уполномоченными нами комиссарами. Комиссары, как представители Совета, неприкосновенны. Противодействие комиссарам есть противодействие Совету Рабочих и Солдатских Депутатов. Советом приняты все меры к охранению революционного порядка от контр-революционных и погромных покушений. Все граждане приглашаются оказывать всемерную поддержку нашим комиссарам. В случае возникновения беспорядков им надлежит обращаться к комиссарам Военно-Революционного Комитета в близлежащую воинскую часть.

Военно-Революционный Комитет.

«Рабочий Путь» № 44,
6 ноября (24 октября) 1917 г.

РЕЧЬ НА ЭКСТРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ЦИК С УЧАСТИЕМ ДЕЛЕГАТОВ 2 СЪЕЗДА СОВЕТОВ ПО ДОКЛАДУ ДАНА О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ [43])

(24 октября)

От фракции большевиков выступает Троцкий *).

Он приводит целый ряд доказательств в пользу того, что политика большевиков всегда была правильной.

— Маркс учил,—говорит Троцкий, — что нужно сплачивать воедино пролетариат, и нам удалось это сделать, в то время как за прежним большинством Совета никто теперь не идет. Мы уже давно говорили о том, что необходимо передать землю земельным комитетам и что не надо вести наступательной войны. Наши противники только теперь пришли к этому убеждению.

Троцкий считает, что Советы, благодаря возможности беспрерывно обновлять их состав, являются лучшими выразителями воли широких масс. Тот же способ обновления представительства следует отстаивать и в Учредительном Собрании, если только Керенский его созовет.

Если Всероссийский Съезд Советов не хочет обескуражить массы, желающие революционной власти и революционных методов борьбы, то все члены Съезда должны итти со штабом революции, а не со штабом ее врагов.

— Если вы не дрогнете, — заканчивает Троцкий, — то гражданской войны не будет, так как наши враги сразу капитулируют, и вы займете место, которое вам по праву принадлежит,— место хозяина русской земли.

«Известия» № 207,
26 октября 1917 г.

* * *

Тактика Дана доказывает, что массы — большие, темные, безразличные массы — абсолютно с ним. (Гомерический смех.) Когда мы говорили о передаче земли крестьянам — вы против этого. Мы говорим крестьянам: «если они не дают вам землю, берите ее сами», и крестьяне следуют нашему совету. А теперь вы защищаете то, что мы сделали шесть месяцев тому назад...

---

*) Ввиду того, что изложение этой речи у Джона Рида и в «Известиях» совершенно различно, мы помещаем оба текста.

Я не думаю, чтобы приказ Керенского о приостановке смертной казни в армии был продиктован его идеалами. Я полагаю, что Керенский был убежден петроградским гарнизоном, который отказался повиноваться ему...

Сегодня Дана обвиняли в том, что он произнес в Совете Республики речь, которая доказывает, что он тайный большевик. Но наступит время, может быть, когда Дан скажет, что цвет революции принимал участие в восстании 3 и 4 июля [44]). В резолюции Дана, предложенной сегодня в Совете Республики, не было указано на необходимость проводить дисциплину в армии, хотя на этом настаивает его партия, ведущая в этом направлении пропаганду...

Нет! История последних семи месяцев показывает, что массы покинули меньшевиков. Меньшевики и социалисты-революционеры победили кадет, а затем, когда они забрали власть, они передали эту власть кадетам.

Дан говорит вам, что вы не имеете права восставать. Право восстания — естественное право всех революционеров. Когда подавленные массы бунтуют — это их право.

Джон Рид, «10 дней, которые потрясли мир», стр. 83.

VII

Октябрьское восстание

VII

Октябрьское восстание

ОТ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

Две революционные газеты, «Рабочий Путь» и «Солдат» [45]), закрыты заговорщиками штаба. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не может потерпеть удушения свободного слова. За народом, отражающим атаку погромщиков, должна быть обеспечена честная печать.

Военно-Революционный Комитет постановляет:

1. Типографии революционных газет открыть.

2. Предложить редакциям и наборщикам продолжать выпуск газет.

3. Почетная обязанность охранения революционных типографий от контр-революционных покушений возлагается на доблестных солдат Литовского полка и 6 запасного саперного батальона.

За председателя *Подвойский.*
Секретарь *Антонов.*

«Рабочий Путь» № 45,
7 ноября (25 октября) 1917 г.

ДОКЛАД НА ЭКСТРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА *)

(24 октября)

Изложив историю конфликта со штабом военного округа, т. Троцкий сообщает о целом ряде попыток со стороны Временного Правительства подтянуть к Петрограду войска против революции. Но все подобные попытки парализованы Военно-Революционным Комитетом.

*) Редакция помещает два отчета этого доклада.

Мы не боимся брать на себя ответственность за сохранение революционного порядка в городе. Сегодня Военно-Революционный Комитет заявляет населению Петрограда, что «Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов берет на себя охрану революционного порядка от контр-революционных и погромных покушений».

Сегодня нас посетила делегация от городского самоуправления [46]). Делегация спрашивала нас: как мы смотрим на охрану порядка в городе? У правительства нет силы, нет власти, — они это видят. Делегация передала даже слух о том, будто правительство предполагает передать власть городскому самоуправлению.

Делегатам городского самоуправления мы ответили, что в деле поддержания революционного порядка готовы согласовать свою деятельность с деятельностью городской думы. Представитель Исполнительного Комитета Петроградского Совета еще с корниловских дней делегирован в городскую управу. С другой стороны, в Военно-Революционный Комитет Петроградского Совета входит представитель городского самоуправления.

Далее делегация нас спрашивает о восстании и выступлении. По этому вопросу мы им сказали то, что неоднократно говорилось нами здесь. В этом отношении не пришлось менять ни одного слова. Мы ответили делегации:

«Вся власть Советам», — это наш лозунг. В ближайшую эпоху, эпоху заседаний Всероссийского Съезда Советов, лозунг этот должен получить осуществление. Приведет ли это к восстанию или выступлению, это зависит не только и не столько от Советов, сколько от тех, которые, вопреки единодушной воле народа, держат в своих руках государственную власть.

Военно-Революционный Комитет возник не как орган восстания, а на почве самозащиты революции. Когда правительство Керенского решило обезоружить Петроград и вывести отсюда войска, — мы сказали, что в интересах защиты революции этого не допустим. Когда вчера это правительство закрыло две газеты, имеющие огромное влияние на петроградский пролетариат и гарнизон, — мы сказали, что не можем потерпеть удушения свободного слова, и выпуск газет решили возобновить, возложив почетную обязанность охранения типографий революционных газет на доблестных солдат Литовского полка и 6 запасного саперного батальона.

Есть ли это восстание?

В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО.

У нас есть полувласть, которой не верит народ и которая сама в себя не верит, ибо она внутренне мертва. Эта полувласть ждет взмаха исторической метлы, чтобы очистить место подлинной власти революционного народа.

Правительство стало мобилизовать юнкеров, — в то же время оно дало крейсеру «Аврора» приказ удалиться. Почему, призывая юнкеров, правительство удаляло матросов? Причины понятны. Речь идет о тех матросах, к которым в корниловские дни являлся Скобелев со шляпой в руках просить, чтобы они охраняли Зимний дворец от корниловцев. Матросы «Авроры» выполнили тогда просьбу Скобелева. А теперь правительство пытается их удалить. Но товарищи матросы спросили совета у Военно-Революционного Комитета. И «Аврора» сегодня стоит там, где стояла и прошлой ночью.

Завтра откроется Съезд Советов. Задача гарнизона и пролетариата — предоставить в распоряжение Съезда накопленную силу, о которую разбилась бы правительственная провокация Задача наша — донести эту силу до Съезда нерасколотой, неущербленной.

Когда Съезд скажет, что он организует власть, он этим завершит ту работу, которая проделана во всей стране. Это будет означать, что высвободившийся из-под власти контр-революционного правительства народ созывает свой Съезд и создает свою власть.

Если мнимая власть сделает азартную попытку оживить собственный труп, то народные массы, организованные и вооруженные, дадут ей решительный отпор, и отпор этот будет тем сильнее, чем сильнее будет наступление реакции. Если правительство 24 или 48 часами, которые остались в его распоряжении, попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить нож в спину революции, то мы заявляем, что передовой отряд революции ответит на удар — ударом, на железо — сталью.

Отвечая на вопрос об отношении к левым эсерам, т. Троцкий заявляет:

— В бюро Военно-Революционного Комитета из 5 лиц 2 левых эсера—т.т. Лазимир и Сахарков [47]). Работают они там прекрасно, никаких принципиальных разногласий у нас с ними нет.

Сегодня вечером нам сообщили, что фракция левых эсеров выходит из Предпарламента [48]) и посылает своего представителя в Военно-Революционный Комитет

Итак, в борьбе против общего врага—контр-революции—мы нашли друг друга.

«Рабочий Путь» № 46,
8 ноября (26 октября) 1917 г.

* * *

Сегодняшняя ночь была тревожной для Петроградского Совета и Военно-Революционного Комитета

Ночью мы получили сведения, что Временное Правительство вызвало из Царского Села батальон ударников, из Ораниенбаума—школу прапорщиков, из Павловска — артиллерию. Рано утром были получены сведения о закрытии двух газет — «Солдат» и «Рабочий Путь».

Но Военно-Революционный Комитет не оставался пассивным, и в результате части, вызванные Временным Правительством, за исключением небольшой группы юнкеров, отказались выступить.

Кроме того, Военно-Революционный Комитет предложил взять на себя охрану типографий наших газет Литовскому полку, что тот немедленно и выполнил. В настоящее время эти типографии вполне правильно функционируют. Не исполнено также требование Временного Правительства о снятии с якоря крейсера «Авроры» и уходе его из Петрограда. По предложению Военно-Революционного Комитета крейсер «Аврора» находится на том же самом месте, на котором он стоял вчера.

Сегодня к нам в Петроградский Совет явилась делегация от Петроградской городской управы из 6 человек: 3 с.-р., один меньшевик и 2 большевика, и спросила нас, какие меры принимаются Петроградским Советом для установления порядка в городе, а также сообщила, что будто Временное Правительство собирается передать власть в руки Петроградской городской думы.

Мы ответили, что Петроградский Совет озабочен охранением безопасности жителей Петрограда и находит возможным согласовать свою работу с Петроградской городской думой. Мы предложили также им одно место в Военно-Революционном Комитете.

Нам задали вопрос: предполагаете ли вы выступление? Я ответил, что Петроградский Совет стоит за переход всей власти в руки Советов, и в данную эпоху, в данный момент, когда не сегодня-завтра откроет свои заседания Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов—этот лозунг будет осу-

ществлен практически, — но приведет ли это к выступлению, это зависит не от нас, а от тех, кто будет нам противиться.

Мы считаем, что та власть, которая у нас сейчас имеется в лице Временного Правительства, есть не что иное, как полувласть, жалкая и беспомощная, полувласть, которая ждет взмаха исторической метлы, чтобы очистить место подлинной народной власти. Это — власть, потерявшая все: поддержку, авторитет, право, мораль.

Но вооруженный конфликт сегодня или завтра не входит в наши планы — у порога Всероссийского Съезда Советов. Мы считаем, что Всероссийский Съезд Советов проведет наш лозунг с большей силой и авторитетом. Но если правительство захочет использовать тот срок, который остается ему жить — 24, 48, 72 часа, и выступить против нас, то мы ответим контр-наступлением, ударом на удар, сталью на железо.

После доклада Л. Троцкий отвечает на некоторые вопросы, заданные ему отдельными членами собрания: разведены ли мосты? правда ли то, что юнкера производят обыски на улицах? и т. д. Л. Троцкий оказался неосведомленным и отсылал всех за справками в Военно-Революционный Комитет. После фактического дополнения относительно того, что в такое тревожное время необходима непрерывная связь между рабочими и солдатами, районными советами, фабрично-заводскими комитетами, воинскими частями и Смольным Институтом, Троцкий заканчивает свой доклад заявлением, что лево-эсеровская фракция Предпарламента после сегодняшнего заседания явилась в Смольный и выразила желание войти в состав Военно-Революционного Комитета.

«Известия» № 206,
25 октября 1917 г.

ДОКЛАД НА ЭКСТРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О СВЕРЖЕНИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

(25 октября)

От имени Военно-Революционного Комитета объявляю, что Временного Правительства больше не существует. (Аплодисменты.) Отдельные министры[49]) подвергнуты аресту. («Браво!»). Другие будут арестованы в ближайшие дни или часы. (Аплодисменты.)

Революционный гарнизон, состоящий в распоряжении Военно-Революционного Комитета, распустил собрание Предпарламента. (Шумные аплодисменты. Возглас: «Да здравствует Военно-Революционный Комитет!»)

Нам говорили, что восстание гарнизона в настоящую минуту вызовет погром и потопит революцию в потоках крови. Пока все прошло бескровно. Мы не знаем ни одной жертвы. Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы, и которое прошло бы так бескровно.

Власть Временного Правительства, возглавлявшегося Керенским, была мертва и ожидала удара метлы истории, которая должна была ее смести.

Мы должны отметить героизм и самоотверженность петроградских солдат и рабочих. Мы здесь бодрствовали всю ночь и, находясь у телефонной проволоки, следили, как отряды революционных солдат и рабочей гвардии бесшумно исполняли свое дело. Обыватель мирно спал и не знал, что в это время одна власть сменяется другой.

Вокзалы, почта, телеграф, Петроградское Телеграфное Агентство, Государственный банк—заняты. (Шумные аплодисменты.) Зимний дворец еще не взят, но судьба его решится в течение ближайших минут. (Аплодисменты.)

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов вправе гордиться теми солдатами и рабочими, на которых он опирается, которых он повел в бой и привел к славной победе.

Свойство буржуазных и мелкобуржуазных правительств состоит в том, чтобы обманывать массы.

Нам в настоящее время — нам, Советам Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов — предстоит небывалый в истории опыт создания власти, которая не знала бы иных целей, кроме потребностей солдат, рабочих и крестьян.

Государство должно быть орудием масс в борьбе за освобождение их от всякого рабства.

Работа не может итти вне влияния Советов. Лучшие силы буржуазной науки поймут, что условия, созданные Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, наилучшие для их работы.

Необходимо установить контроль над производством. Крестьяне, рабочие и солдаты должны почувствовать, что народное хозяйство есть их хозяйство.

Это — основной принцип построения власти.

Введение всеобщей трудовой повинности — одна из ближайших задач подлинно революционной власти.

Далее тов. Троцкий сообщает, что в порядке дня стоит доклад Военно-Революционного Комитета и доклад о задачах власти Советов. Докладчиком по второму вопросу выступит тов. Ленин. (Несмолкаемые аплодисменты.)

Тов. Троцкий сообщает, что заключенные по политическим делам освобождены, и некоторые из них уже исполняют обязанности революционных комиссаров.

— Тов. Зиновьев, — сообщает тов. Троцкий, — тоже будет гостем сегодняшнего заседания Петроградского Совета.

От имени Петроградского Совета ночью была послана телеграмма по всей России о существующем положении вещей.

В действующую армию посланы радиотелеграммы о падении старой власти и предстоящем образовании новой. Первые шаги новой власти должны быть следующие: немедленное перемирие на всех фронтах, передача земли в руки крестьян, скорейший созыв подлинного демократического Учредительного Собрания.

Местопребывание бывшего министра-председателя Керенского неизвестно, но мы полагаем, что скоро его пребывание станет известно всем.

На вопрос о том, как относится к событиям фронт, т. Троцкий отвечает: мы могли только послать телеграммы. Ответа еще не последовало, но мы здесь неоднократно слышали представителей фронта, которые нас упрекали в том, что мы до сих пор не предпринимали решительных шагов.

— В нашей среде находится Владимир Ильич Ленин, который в силу целого ряда условий не мог до сего времени появляться в нашей среде. — Т. Троцкий характеризует роль т. Ленина в истории революционного движения в России и провозглашает:

— Да здравствует возвратившийся к нам т. Ленин!

* * *

Одной *) из ближайших задач Военно-Революционного Комитета является посылка на фронт делегации для ознакомления фронта с происшедшей в Петрограде революцией.

---

*) Настоящий отрывок является изложением второго выступления т. Троцкого на том же заседании.

Петроградский Совет должен выделить из своей среды комиссаров для отправки их на фронт. Военно-Революционный Комитет, его члены, не могут сделать сейчас сообщения потому, что все время заняты неотложной работой. Я могу сообщить, что только что получена телеграмма о том, что по направлению к Петрограду двигаются войска с фронта. Посылка комиссаров необходима; с нашей стороны было бы преступлением не разослать революционных комиссаров по всей стране для осведомления о происшедшем широких народных масс. (Голос: «Вы предрешаете волю Всероссийского Съезда Советов».)

— Воля Всероссийского Съезда Советов предрешена огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат, происшедшего в ночь на сегодня. Теперь нам остается лишь развивать нашу победу.

«Рабочий Путь» № 46,
8 ноября (26 октября) 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЭКСТРЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ДОКЛАДУ О СВЕРЖЕНИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА *)

(25 октября)

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, приветствуя победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда, в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании.

Совет, выражая непоколебимую уверенность, что рабочее и крестьянское Правительство, которое, как Советское Правительство, будет создано революцией и которое обеспечит поддержку городскому пролетариату со стороны всей массы беднейшего крестьянства, что это Правительство твердо пойдет к социализму, единственному средству спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны.

---

*) Резолюция была оглашена т. Володарским, но написана, по всей видимости, т. Троцким.

Новое рабочее и крестьянское Правительство немедленно предложит справедливый демократический мир всем воюющим народам.

Оно немедленно отменит помещичью собственность на землю и передаст землю крестьянству. Оно создаст рабочий контроль над производством и распределением продуктов, установит общественный контроль над банками, вместе с превращением их в одно государственное предприятие.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов призывает всех рабочих и все крестьянство России со всей энергией беззаветно поддержать рабочую и крестьянскую революцию. Совет выражает уверенность, что городские рабочие, в союзе с беднейшим крестьянством, проявят непреклонную дисциплину, создадут строжайший революционный порядок, необходимый для победы социализма. Совет убежден, что пролетариат западно-европейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы.

«Рабочий Путь» № 46,
8 ноября (26 октября) 1917 г.

ВСЕМ АРМЕЙСКИМ КОМИТЕТАМ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ. ВСЕМ СОВЕТАМ СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Петроградский гарнизон и пролетариат низверг правительство Керенского, восставшее против революции и народа. Переворот, упразднивший Временное Правительство, прошел бескровно.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов торжественно приветствовал совершившийся переворот и признал, впредь до создания Правительства Советов, власть Военно-Революционного Комитета. Оповещая об этом армию на фронте и в тылу, Военно-Революционный Комитет призывает революционных солдат бдительно следить за поведением командного состава. Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились к совершившейся революции, должны быть немедленно арестованы, как враги.

Программу новой власти Петроградский Совет видит в немедленном предложении демократического мира, в немедленной передаче помещичьих земель крестьянам, в передаче всей власти

Советам и в честном созыве Учредительного Собрания. Народная революционная армия должна не допустить отправки с фронта ненадежных войсковых частей на Петроград, действовать словом и убеждением, а где не помогает — препятствовать отправке беспощадным применением силы.

Настоящий приказ немедленно огласить перед воинскими частями всех родов оружия. Утайка армейскими организациями этого приказа от солдатских масс равносильна тягчайшему преступлению перед революцией и будет караться по всей строгости революционного закона.

Солдаты! За мир, за хлеб, за землю, за народную власть!

Военно-Революционный Комитет.

«Рабочий Путь» № 46,
8 ноября (26 октября) 1917 г.

К НАСЕЛЕНИЮ ПЕТРОГРАДА

(24 октября)

Граждане!

Контр-революция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский Съезд Советов и сорвать Учредительное Собрание. Одновременно погромщики могут попытаться вызвать на улицах Петрограда смуту и резню.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов берет на себя охрану революционного порядка от контр-революционных и погромных покушений.

Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств. Население призывается задерживать хулиганов и черносотенных агитаторов и доставлять их комиссарам Совета в ближайшую войсковую часть. При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу — преступники будут стерты с лица земли.

Граждане! Мы призываем вас к полному спокойствию и самообладанию. Дело порядка и революции в твердых руках.

Военно-Революционный Комитет.

«Известия» № 208,
27 октября 1917 г.

РЕЧИ НА 2 ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ [50])

1. По поводу ухода меньшевиков и эсеров [51])

(25 октября)

— Восстание народных масс, — заявляет т. Троцкий, — не нуждается в оправдании; то, что произошло, это не заговор, а восстание. Мы закаляли революционную энергию петроградских рабочих и солдат, мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор.

В заключение т. Троцкий от имени фракции большевиков предлагает следующую резолюцию:

«2 Всероссийский Съезд Советов констатирует:

Уход со Съезда делегатов-меньшевиков и с.-р. представляет собою бессильную преступную попытку сорвать полномочное всероссийское представительство рабочих и солдатских масс в тот момент, когда авангард этих масс с оружием в руках защищает Съезд и революцию от натиска контр-революции.

Партии соглашателей своей предшествующей политикой нанесли неизмеримый урон делу революции и безнадежно скомпрометировали себя в глазах рабочих, крестьян и солдат.

Соглашатели подготовили и одобрили пагубное наступление 18 июня, приведшее армию и страну на край гибели.

Соглашатели поддерживали правительство смертной казни и народной измены. Соглашатели в течение 7 месяцев поддерживали политику систематического обмана крестьян в земельном вопросе.

Соглашатели поддерживали разгром революционных организаций, разоружение рабочих, водворение корниловской дисциплины в армии и бессмысленное затягивание кровавой бойни.

Соглашатели помогали на деле своей союзнице буржуазии углублять в стране хозяйственную разруху, обрекающую на голод миллионы трудящихся масс.

Утратив в результате этой политики доверие масс, соглашатели искусственно и недобросовестно удерживали за собою позиции на давно не переизбиравшихся верхушках советских и армейских организаций.

ЦИК ввиду указанного обстоятельства всеми мерами стремился к срыву Съезда Советов, опираясь при этом на соглаша-

тельские армейские комитеты и на прямую поддержку правительственной власти.

Когда эта политика обструкции и подделки общественного мнения революционных классов потерпела жалкий крах; когда созданное соглашателями Временное Правительство пало под напором петроградских рабочих и солдат; когда Всероссийский Съезд Советов обнаружил явное преобладание партии революционного социализма (большевиков) и когда восстание оказалось единственным выходом для революционных масс, обманутых и истерзанных буржуазией и ее прислужниками, — тогда соглашатели сделали для себя последний вывод, порвав с Советами, силу которых они тщетно пытались подорвать.

Уход соглашателей не ослабляет Советы, а усиливает их, так как очищает от контр-революционных примесей рабочую и крестьянскую революцию.

Заслушав заявление с.-р. и меньшевиков, второй Всероссийский Съезд продолжает свою работу, задача которой предопределена волей трудящегося народа и его восстанием 24 и 25 октября

Долой соглашателей! Долой прислужников буржуазии!

Да здравствует победоносное восстание солдат, рабочих и крестьян!»

2. По поводу ареста министров-социалистов[52])

(26 октября)

Здесь смешаны два вопроса, товарищи. Один из них, деловой, был нами разрешен вчера. Решено, что министры-социалисты, меньшевики и с.-р., временно Военно-Революционным Комитетом будут содержаться под домашним арестом. Так было поступлено с Прокоповичем [53]), так должны мы поступить с Масловым [54]) и Салазкиным [55]). Военно-Революционный Комитет примет все меры, чтобы привести в исполнение ваше постановление в кратчайший срок, и если он до сих пор не привел его в исполнение, то только потому, товарищи, что мы переживаем вооруженное восстание, когда другой представитель одной из этих партий, известный нам Керенский, организует силы контрреволюции, чтобы бросить их на нас. Занятый спасением, пока что победоносной, рабоче-крестьянской революции, Военно-Революционный Комитет забыл о двух министрах-социалистах,

чтобы рабоче-крестьянская революция не потерпела ущерба. (Аплодисменты.)

Второй вопрос,—это вопрос об обывательском впечатлении от этих арестов. Товарищи, мы переживаем новое время, когда обычные представления должны быть отвергнуты. Наша революция есть победа новых классов, которые пришли к власти, и они должны защитить себя от той организации контр-революционных сил, в которой участвуют министры-социалисты. Ведь к ним применяется домашний арест до выяснения их причастности к организации контр-революционного заговора. Сами по себе нам не страшны эти два министра, ни морально, ни политически не имеющие никакого значения.

Нам говорят, что ничего подобного не наблюдалось ни в одной революции. Коротка память у говорящих, ибо это наблюдалось несколько месяцев тому назад, когда члены Исполнительного Комитета Рабочих и Солдатских Депутатов были арестованы при полном попустительстве и с согласия тех же министров-социалистов, при чем тогда не было никакого протеста, никакого требования об их освобождении. Мало того, не кто иной как председатель Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов, Авксентьев, поставил двух охранников у дверей квартиры освобожденной представителями юстиции Александры Михайловны Коллонтай [56]). Теперь же эти представители приходят отрывать нас от деловой работы, мешают нам в важных делах, в которых они сами не могли ничего сделать, чтобы прокричать нам свои бессмысленные угрозы и проявить перед нами свое подмоченное негодование. (Шумные аплодисменты.)

3. Об организации власти

(26 октября)

С возражениями т.т. Карелину [57]) и Авилову [58]) выступает т. Троцкий.

— Соображения, которые мы здесь слышали [59]), приводились против нас не раз. Возможной изоляцией левого крыла нас пугали неоднократно. Несколько дней тому назад, когда вопрос о восстании был поднят открыто, нам говорили, что мы изолируем себя, что мы идем навстречу гибели [60]), и в самом деле, если по политической печати судить о том, каковы классовые группировки, то восстание грозило нам неминуемой гибелью. Против

нас стояли контр-революционная банда и оборонцы всех разновидностей. Левые эсеры в одном своем крыле мужественно работали с нами в Военно-Революционном Комитете [61]). Другая их часть занимала позицию выжидательного нейтралитета [62]). И тем не менее даже при этих неблагоприятных условиях, когда, казалось, мы всеми покинуты, восстание победило почти без крови. Если мы действительно были изолированы, если все реальные силы действительно были против нас, то каким образом могло случиться, что мы одержали победу почти без кровопролития? Нет, изолированы были не мы, а правительство и демократы, quasi-демократы. Это они были изолированы от массы. Своими колебаниями, своим соглашательством они вычеркнули себя из рядов подлинной демократии. Наше великое преимущество, как партии, состоит в том, что мы заключаем коалицию с массовыми силами, что мы создали коалицию рабочих, солдат и беднейших крестьян.

Политические группировки исчезают, но основные интересы классов остаются, и побеждает та партия, побеждает то течение, которое способно нащупать и удовлетворить эти основные требования классов. Если нужна была коалиция, то такой коалицией является коалиция нашего гарнизона, главным образом, крестьянского, с рабочим классом. Мы можем гордиться такой коалицией. Она, эта коалиция, испытана в огне борьбы. Петроградский гарнизон и пролетариат, как один из отрядов революции, вступают в великую борьбу, которая явится классическим примером в истории революции всех народов.

Здесь нам говорили о левом блоке, образовавшемся в Предпарламенте [63]), но блок этот просуществовал только один день,—очевидно, он был заключен не на том месте, где следовало. Может быть, и блок был хорош, и программа была хороша, но все-таки одного столкновения было достаточно, чтобы блок разлетелся в прах.

Т. Авилов говорил о величайших трудностях, которые стоят перед нами. Для устранения всех этих трудностей он предлагает заключить коалицию, но при этом он не делает никакой попытки раскрыть эту формулу, определить точнее, какую коалицию он имеет в виду: коалицию групп, классов или просто коалицию газет. Ведь прежде, чем говорить о коалиции со старым ЦИК, например, нужно же понять, что коалиция с Данами [64]) и Либерами [65]) не усилила бы революцию, а послужила бы причиной ее гибели. Ведь в самый острый момент борьбы нас оставили без телефона с соизволения комиссаров ЦИК.

Говорят, раскол среди демократии—недоразумение. Когда Керенский высылает против нас ударников, когда с соизволения ЦИК мы лишаемся телефона, когда нам наносят удары за ударами, неужели тут можно говорить о недоразумении? Если это недоразумение, то я боюсь, что все суждения наших оппонентов — т.т. Авилова и Карелина — тоже политическое недоразумение.

Т. Авилов говорил нам: хлеба мало, нужна коалиция с оборонцами. Но разве эта коалиция увеличит количество хлеба? Ведь вопрос о хлебе, это вопрос программы действия. Борьба с разрухою требует определенной системы действия, а не политических группировок только.

Т. Авилов говорил о крестьянстве: но опять-таки о каком крестьянстве идет речь? Нужно сделать выбор среди различных элементов крестьян. Сегодня здесь представитель крестьян Тверской губернии требовал ареста Авксентьева. Нужно выбирать между этим тверским крестьянином, требующим ареста Авксентьева, и Авксентьевым, наполнившим тюрьмы членами крестьянских комитетов. Мы—с тверскими крестьянами, против Авксентьевых, мы с ними до конца и безраздельно.

Коалицию с кулацкими элементами крестьянства мы отвергаем, мы решительно отвергаем ее во имя коалиции рабочего класса и беднейших крестьян. Если революция чему-либо нас научила, так тому, что только путем соглашения, путем подлинной коалиции этих элементов можно одержать победу. Те, кто гонится за тенью коалиции, окончательно изолируют себя от жизни. Левые эсеры будут терять опору в массах постольку, поскольку они вздумают противопоставить себя нашей партии; партия, противопоставляющая себя партии пролетариата, с которой объединилась деревенская беднота, — изолирует себя от революции.

Открыто, перед лицом всего народа подняли мы знамя восстания. Политическая формула этого восстания—вся власть Советам через Съезд Советов. Нам говорят: вы не подождали Съезда. Нет, мы-то стали бы его ждать, но Керенский не хотел ждать: контр-революционеры не дремали. Мы, как партия, своей задачей считали создание реальной возможности для Съезда Советов взять власть в свои руки. Если бы Съезд оказался окруженным юнкерами, каким путем он мог бы взять власть в свои руки? Для того, чтобы эту задачу осуществить, нужна была пар-

тия, которая исторгла бы власть из рук контр-революционеров и сказала бы вам: «Вот власть—и вы обязаны ее взять». (Бурные несмолкаемые аплодисменты.)

Несмотря на то, что оборонцы всех оттенков в борьбе против нас не останавливались ни перед чем, мы их не отбросили прочь, мы Съезду в целом предложили взять власть в свои руки. Когда партия, окутанная пороховым дымом, идет к ним и говорит: «Возьмем власть вместе»,—они бегут в городскую думу и там объединяются с явными контр-революционерами. Они—предатели революции, с которыми мы никогда не объединимся.

Для успешной борьбы за мир,—говорил тов. Авилов,—нужна коалиция с соглашателями. В то же время он говорил, что союзники не хотят заключить мир, но что если мы объединимся с теми, которые нас предают, то все будет хорошо. Маргаринового демократа Скобелева,—сообщал нам тов. Авилов,—союзные империалисты высмеивали. Но если,—советовал он нам,—вы заключите блок с маргариновыми демократами, — дело мира будет обеспечено.

Есть два пути в борьбе за мир. Один путь в том, чтобы правительствам союзных и враждебных стран противопоставить моральную и материальную силу революции. Второй путь— это блок со Скобелевым, что означает блок с Терещенко, т.-е. полное подчинение империализму. Нам указывают, что в своем обращении о мире мы обращаемся одновременно к правительствам и народам. Но это—только формальная симметрия. Мы, разумеется, не думаем влиять на империалистические правительства своими воззваниями, но, пока они существуют, мы не можем их игнорировать. Всю же надежду свою мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу революцию. («Есть третий путь»,—кричит кто-то с места.)

Третий путь,—это путь ЦИК, который, с одной стороны, посылал делегации западно-европейским рабочим, а с другой— заключал союз с Кишкиными [66]) и Коноваловыми, это путь лжи и лицемерия, на который мы не станем никогда

Разумеется, мы не говорим, что первый день восстания европейских рабочих будет непременно первым днем подписания мир-

ного договора. Возможно и так, что буржуазия, напуганная приближающимся восстанием всех угнетенных, поспешит заключить мир. Сроков здесь не дано. Конкретных форм предусмотреть невозможно. Важно и нужно определить метод борьбы, в принципе своем одинаковый как во внешней, так и во внутренней политике. Союз угнетенных везде и всюду—вот наш путь.

Второй Съезд Советов выработал целую программу мероприятий. Вся группа, которая пожелает на деле осуществить эту программу, которая в этот острый момент по сю сторону баррикады, с нашей стороны встретит только одно заявление: добро пожаловать, дорогие товарищи, мы братья по оружию и пойдем с вами до конца. (Бурные продолжительные аплодисменты.)

«2-й Всероссийский Съезд Советов.
Первые шаги Советского Правительства».
Изд. Кронштадтского Комитета Р. С.-Д. Р. П. 1917 г.

БРАТЬЯ-КАЗАКИ!

Вас ведут на Петроград. Вас хотят столкнуть с революционными солдатами и рабочими столицы. Вам рассказывают, будто Петроград враждебно относится к казакам.

Не верьте ни одному слову наших общих врагов, помещиков и капиталистов.

На нашем Съезде представлены все организованные рабочие, солдаты и сознательные крестьяне России. Съезд хочет видеть в своей семье и трудовых казаков. Черносотенные генералы—слуги помещиков, слуги Николая кровавого — наши враги. Рядовые казаки, стонущие под игом малоземелья, — наши братья.

Вам говорят, что Советы хотят отнять у казаков землю. Это ложь. Только у казаков-помещиков революция отнимет земли и передаст их народу.

Организуйте Советы казацких депутатов. Присоединяйтесь к рабочим, солдатским и крестьянским Советам.

Покажите черной сотне, что вы не станете изменниками народа, что вы не пожелаете накликать на себя проклятия всей революционной России.

Съезд Советов сверг правительство Керенского, Кишкина и Коновалова. Все министры арестованы и будут преданы народному суду. Керенский бежал, но он будет обезврежен.

Армия на стороне Советов. Отряды, обманным путем посланные на Петроград, перешли на сторону Советов.

Братья-казаки! Не исполняйте ни одного приказания врагов народа. Приостанавливайте ваши отряды там, где вас застанет это воззвание.

Присылайте в Петроград ваших делегатов для сговора с нами. Так поступили товарищи самокатчики, так поступил целый ряд казачьих отрядов.

Казаки петроградского гарнизона, к их чести, не оправдали надежд врагов народа. Они не стали братоубийцами. Они не пошли против петроградского революционного гарнизона и петроградских рабочих. Часть их сразу перешла на сторону восставших рабочих, другая часть осталась пока в стороне.

Братья-казаки! Всероссийский Съезд Советов протягивает вам братскую руку.

Да здравствует союз казаков с солдатами, рабочими и крестьянами всей России!

Всероссийский Съезд Советов
Рабочих и Солдатских Депутатов.

«Известия» № 208,
27 октября 1917 г.

ПРИКАЗ
ВСЕМ РАЙОННЫМ СОВЕТАМ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИМ КОМИТЕТАМ

Корниловские банды Керенского угрожают подступом к столице. Отданы все необходимые распоряжения для того, чтобы беспощадно раздавить контр-революционное покушение против народа и его завоеваний.

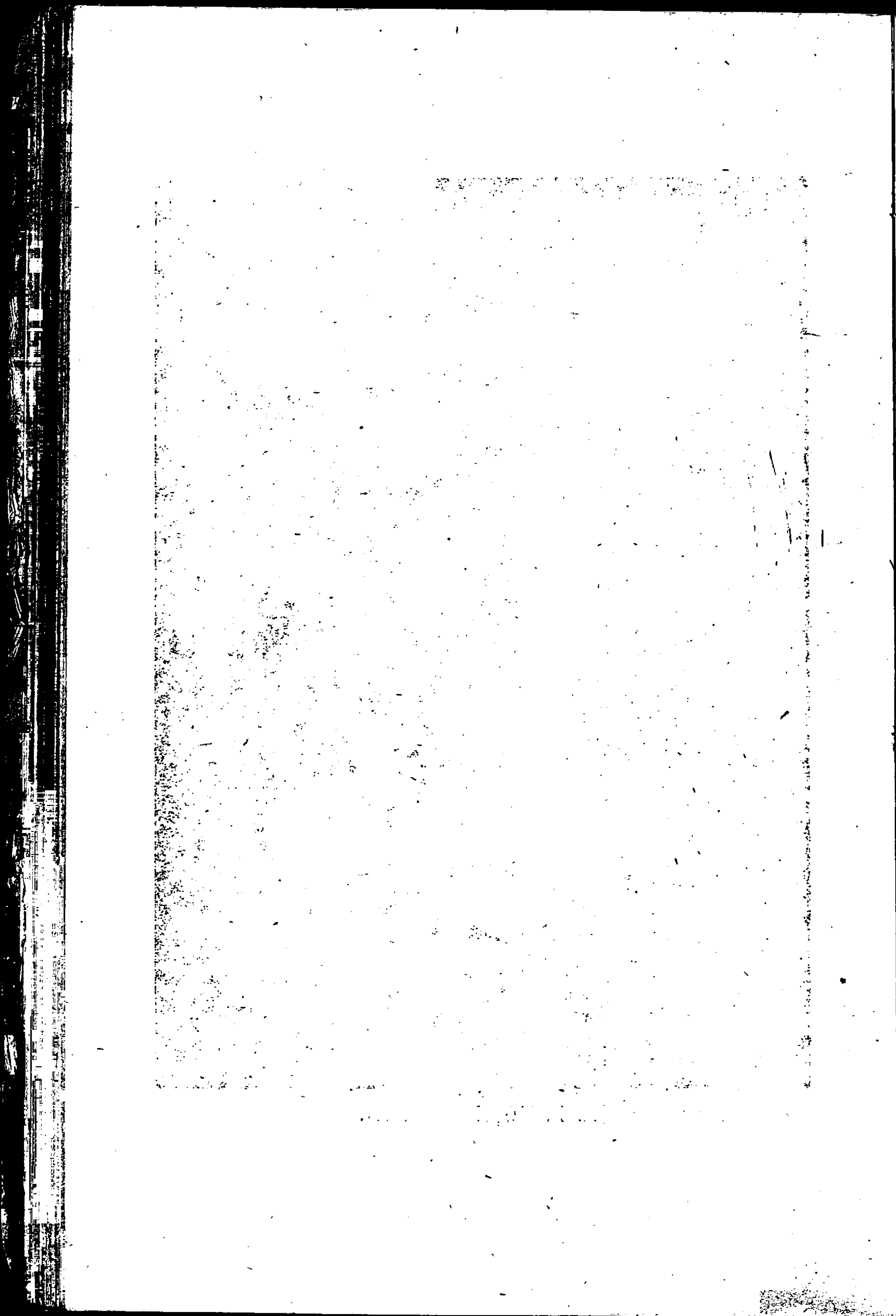
Армия и Красная Гвардия революции нуждаются в немедленной поддержке рабочих.

Приказываем районным советам и фабрично-заводским комитетам:

1. Выдвинуть наибольшее количество рабочих для рытья окопов, воздвигания баррикад и укрепления проволочных заграждений.

Н. И. ПОДВОЙСКИЙ.

2. Где для этого потребуется прекращение работ на фабриках и заводах, немедленно исполнить.

3. Собрать всю имеющуюся в запасе колючую и простую проволоку, а равно все орудия, необходимые для рытья окопов и возведения баррикад.

4. Все имеющееся оружие иметь при себе.

5. Соблюдать строжайшую дисциплину и быть готовыми поддержать армию революции всеми средствами.

Председатель Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Народный Комиссар *Лев Троцкий*.

Председатель Военно-Революционного Комитета, Главнокомандующий округом *Николай Подвойский* [67]).

«Известия» № 210,
29 октября 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ

(29 октября)

Заседание, по всей вероятности, будет кратким, деловым, чтобы каждый из нас мог сделать определенные практические выводы, уяснить себе, что̀ каждый должен делать.

В Петрограде мы победу одержали легко, в сущности путем агитации; не говоря уже о рабочем классе, мы завоевали взвод за взводом, полк за полком. Создалось известное настроение, что и дальнейшее развитие революции пойдет так же легко и просто. Но никогда не следует упускать из виду, что после выстрела следует отдача. Всегда необходимо помнить, что никогда господствующие классы: дворянство, буржуазия, чиновники, все имущие слои и их прихлебатели—не уступали своих позиций без упорной отчаянной борьбы. И они собираются с силами и ведут на нас наступление. Наш враг, конечно, не Керенский, наш главный враг—капиталисты, которые руководят им. Но непосредственно против нас в настоящее время выступает Керенский. Он мобилизует казаков,—только конницу, ни одной пехотной части в его распоряжении нет. Он думал, вероятно, что ему удастся увлечь гарнизон Гатчины, подойти к Петрограду и создать в петроградском гарнизоне брожение. Но этого, конечно, не случилось и случиться не могло. Зато мы были свидетелями другого явления.

Наблюдалась некоторая новая нерешительность. Думалось, что путем пропаганды, переговоров через посредство делегаций и т. д. все уладится. Конечно, мирный исход—вещь хорошая, но когда угнетенные ограничиваются только надеждами на мирный исход, когда они не демонстрируют свою полную готовность подкрепить свои требования самыми решительными мерами—буржуазия начинает наступать. Правда, в данном случае колебания наблюдались и на другой стороне, среди казаков, но все же ни в коем случае невозможно ограничиваться политикой убеждения и пропаганды. Когда на нас наступают, мы должны предъявить ультиматум: поймут—хорошо, нет—нужно действовать решительно.

Конечно, гарнизон и рабочий класс хорошо понимают, что если бы корниловцы победили, то это было бы удушением революции, это было бы крушением всех наших надежд. Но мы так уверены в победе, что создалось настроение—авось, все разрешится полюбовным соглашением. Даже готовясь к соглашению, нужно быть в полной боевой готовности; враг должен знать, что в любую минуту на его голову готова опуститься железная рукавица. Это колеблющееся настроение является, конечно, передышкой после подъема и напряжения, сопровождавшего восстание.

Никаких военных действий у нас в сущности не было. Вопреки утверждениям буржуазной и соглашательской печати, жертвы исчисляются не сотнями и десятками, а разве единицами.

Как результат этой боевой нерешительности, мы имели некоторый подъем духа у контр-революционеров. В Петрограде они решили захватить телефонную станцию, в Михайловском манеже захватили 3—4 броневика, в Инженерном Замке окопались, из Михайловского и некоторых других юнкерских училищ стали постреливать. Наглость контр-революционеров стала возрастать. Наш комиссар в Петропавловской крепости доставил нам арестованного им ударника, у которого были обнаружены документы, подтверждающие, что против нас составлен в Петрограде военный заговор. Полковник Полковников [68]), как командир «войск» так называемого Комитета Спасения [68а]), оказывается, назначал в части комиссаров, вызывал представителей частей и т. д. Подписи этого господина скреплены бывшим членом ЦИК Гоцем. (Крики: «Позор!») [69]).

Комитет Спасения пытается мобилизовать казачьи части Петрограда, но части эти держат себя совершенно спокойно,

не предпринимая против нас никаких враждебных действий. В идущие на Петроград казачьи части они делегировали своих представителей, которым поручили предложить наступающим казакам отказаться от наступления на революционный Петроград. Вообще, они протестуют против того, что Керенский направляет против Петрограда казаков и тем самым ставит их в положение врагов народа и революции. Казаки, находящиеся на позициях под Петроградом, заявили, что если революционерами будут арестованы их офицеры, то они перейдут на сторону революционного народа. Но колебания на нашей стороне поднимают дух казачьих офицеров. Так вот, так называемый «Комитет Спасения революции» при посредстве г. Полковникова пытается вылавливать в полках различные продажные контр-революционные элементы, пытается опереться на казачьи части Петрограда и на юнкеров и устраивает против революционных солдат и рабочих заговор, с целью задушить их революцию. Но первая попытка сорвалась. Замешанные в заговор лица арестованы, связь их между собой нарушена. Тогда «спасители» революции перешли к партизанским действиям против нас: то тут, то там стали открывать стрельбу, захватывать отдельные помещения и т. д.

В ответ нами были приняты решительные меры. Против юнкерских училищ были двинуты броневики и артиллерия. Павловское училище разрушено, юнкера разоружены и взяты в плен. Они будут отправлены в Кронштадт. Второе юнкерское училище также сдалось в плен. Пленные являются для нас заложниками. Если нашим врагам доведется брать наших пленных, то пусть знают они: каждого рабочего и солдата мы будем обменивать на 5 юнкеров. Сегодня мы показали им, что нашим колебаниям положен конец, что мы не любим шутить, когда дело идет об основных интересах рабочего класса и крестьянства. Мы знаем, как борются против народа помещики и капиталисты. Мы знаем, как расправлялись с восставшими солдатами, рабочими и крестьянами, сколько было пролито крови, сколько было загублено жизней. Они думали, что мы будем пассивны, но мы им показали, что, когда дело идет об удержании завоеваний революции, мы можем быть беспощадны. (Бурные аплодисменты.) Меры, которые применяются в борьбе за защиту интересов народных масс, не нуждаются в оправданиях. В отпоре нашим классовым врагам мы не будем знать никакой пощады. Пусть знают наши враги:

жизнь каждого рабочего, жизнь каждого солдата обойдется им очень, очень дорого.

Далее т. Троцкий говорит о тех чисто практических мерах, которые необходимы в настоящее время. Нужен провиант, фураж, нужна проволока, автомобили и т. д., и т. д.

Необходимы немедленные меры для того, чтобы снабдить наших борцов на позициях всем необходимым. В данном случае перед принципом неприкосновенности частной собственности мы не остановимся. Рабочие и солдатские организации могут получить от Военно-Революционного Комитета право на реквизицию. Мы получили сегодня список всего, что необходимо на позициях, и нам пишут, что если наши солдаты получат все необходимое, то казаки после первого серьезного удара рассыпятся, ибо у них не замечается никакого воодушевления, никакой охоты бороться против солдат и рабочих.

Далее, товарищи, необходимо установить самую тесную связь с Военно-Революционным Комитетом. Связь эта не должна прерываться до тех пор, пока не будет отражен натиск корниловцев. Товарищи, мы свергли власть капиталистов и помещиков одним мощным натиском; сейчас мы должны удержать завоеванное, отразить атаки контр-революции. С фронта идут сведения самые благоприятные. Только что прибыли в Петроград представители двух дивизий. Весть о новой власти крестьян и рабочих солдатами встречена с восторгом. Во всей истории не было условий более благоприятных для того, чтобы власть была взята самим народом. Теперь мы должны разрешить несколько чисто боевых задач, должны закончить несколько боевых операций. От степени нашей решительности и смелости зависит, будут ли эти задачи разрешены быстро, или же операции примут затяжной характер.

«Известия» № 211,
30 октября 1917 г.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ

(29 октября)

С краткой заключительной речью выступает Троцкий. Он останавливается на вопросе о наблюдающемся пьянстве и призывает всячески бороться против частых случаев умышленного

спаивания рабочих и солдат. Отвечая на заданный из аудитории вопрос, что делать с захваченными пленными, Троцкий заявляет, что убийства пленных ни в коем случае не должны иметь места как по соображениям гуманности, так и потому, что «живые для нас ценнее мертвых». Взятые в плен будут служить для обмена на захваченных войсками Керенского. Затем Троцкий сообщает, что получены сведения из Боровичей о том, что туда пришла карательная экспедиция, захватила город и разогнала Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Перед закрытием заседания Троцкий, в ответ на поставленный ему вопрос о его работе за три дня управления министерством иностранных дел, ответил, что за все время ему удалось побывать только в течение $1^1/_2$ часов в министерстве—он считал нужным попрощаться со старыми служащими министерства. К разбору документов, к исследованию тайных договоров, он за эти дни приступить еще не мог, потому что теперь на первом плане—борьба с Керенским.

Лишь после победы над ним можно будет приступить к сложной работе над дипломатическими документами.

На предложение одного из членов Совета закрыть все решительно органы печати, оставив только «Вестник Народных Комиссаров»,—Троцкий ответил, что предложение это будет передано на обсуждение.

«Новая Жизнь» № 167,
12 ноября (30 октября) 1917 г.

ДОКЛАД НА СОВЕЩАНИИ ПОЛКОВЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА О СООБЩЕНИЯХ С ФРОНТА

(29 октября)

Товарищи, я не могу прибавить ничего нового к тому, что мы уже привыкли слышать в Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов от фронтовиков. Все, приходящие с фронта, в отличие от представителей армейских комитетов, в один голос заявляют, что нет ни одного среди них, кто бы был против нового правительства. Ненависть к прежнему правительству достигла высшего напряжения, и весть о переходе власти к Со-

ветам вызвала восторженный энтузиазм. На фронте говорят: если питерцы не будут достаточно стойки, мы придем и докончим то, что они начали; правительству Керенского и Корнилова не бывать.

Что касается коалиционного министерства, то это вопрос не о лицах, а о программах. Даже многие колеблющиеся, как указал правильно т. Ленин, высказались за программу мира и за декрет о земле. С другой стороны, есть корниловские социалисты. Не знаю, всем ли вам известно, что этой ночью был открыт заговор против Советской власти. У нас есть все документы, был арестован ударник и правый с.-р., комиссар Полковникова [70]), назначенного Комитетом Спасения на должность начальника штаба. Полковников рассылает приказы, которые не до всех доходят. В карикатурном виде этот штаб делает то, что мы делали в 20-х числах октября. Но мы действовали открыто, перед лицом всего петроградского гарнизона, а они это делают в подполье. Из распоряжений Полковникова видно, что этой ночью было решено произвести решительные действия. Все военные приказы заговорщиков подписаны Гоцем. В Петропавловской крепости группа самокатчиков хотела сменить караулы с целью освобождения министров. Ударник и правый с.-р. были арестованы, и весь этот план разрушен. Заговор не удался. Утренние события 29 октября являются частичным последствием общего плана, так жалко провалившегося. О какой же коалиции с этими господами может быть речь? Коалиция с Гоцем? Это утопия. Но если рабочие и солдаты раздавят Керенского, всем честным демократам станет ясно, что надо впрягаться в советскую работу, впрягаться в общие оглобли. Для партии Гоца тоже не будет другого пути.

Правда» № 174,
13 ноября (31 октября) 1917 г.

ОТ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА К НАСЕЛЕНИЮ ПЕТРОГРАДА

В то время как обманутые части, руководимые Керенским, пытаются прорваться к Петрограду, в самом городе наемники и прислужники контр-революции организовали заговор. Их план

состоял в том, чтобы в ночь с 28-го на 29-ое захватить все важнейшие пункты в городе и выпустить из Петропавловской крепости арестованных министров.

Заговорщики, не имея никакой опоры ни в гарнизоне, ни в рабочем населении, надеялись исключительно на внезапность удара. Но план их оказался своевременно раскрыт комиссаром Петропавловской крепости, прапорщиком Благонравовым, благодаря революционной бдительности красногвардейца, имя которого будет установлено. В центре заговора стоял так называемый «Комитет Спасения». Командование войсками было возложено на полковника Полковникова. Его ордера подписывались отпущенным на честное слово бывшим членом ЦИК Гоцем.

Таким образом, против власти, установленной Всероссийским Съездом Советов и принятой подавляющим большинством Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, жалкие и презренные заговорщики, наемники буржуазии, помещиков и генералов, готовили руками корниловцев разбойничий удар.

Извещая об этом население Петрограда, Военно-Революционный Комитет постановляет:

Арестовать замешанных в заговоре лиц и предать их Военно-Революционному Суду.

Военно-Революционный Комитет.

«Правда» № 173,
12 ноября (30 октября) 1917 г.

ПРИКАЗ ПО ГАРНИЗОНУ

Солдаты петроградского гарнизона!

Борьба за свободу подошла к критическому моменту.

29 октября вечером состоялось собрание петроградского гарнизона, посвященное вопросу об обороне Петрограда и революции от натиска контр-революционных сил.

Представители дали краткий отчет о настроении своих частей. Все их отзывы свидетельствуют о высокой сознательности и революционном единодушии петроградского гарнизона. Нет ни колебаний, ни сомнений. Все солдаты и матросы сознают, что от исхода начавшейся борьбы зависит судьба революции и народа. Все готовы бороться до конца.

На гарнизонном совещании избрана контрольная комиссия из состава представителей частей. Назначение высшего командного персонала зависит от соглашения контрольной комиссии и Совета Народных Комиссаров. Вся организационная и боевая работа будет совершаться отныне под непосредственным надзором комиссии гарнизонных представителей. Время нестроения и несогласованности отныне остается позади. Единая организация закрепит единую волю петроградского гарнизона. Об ее силу сокрушится натиск темных, обманутых буржуазией полков. Дело народа—в руках вооруженного народа. Впереди борьба, а за борьбой—победа.

Солдаты Петрограда, вперед!

Военно-Революционный Комитет.

«Известия» № 212,
31 октября 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ПОЛОЖЕНИИ НА ФРОНТЕ

(30 октября)

Вчерашнее совещание полковых представителей петроградского гарнизона носило деловой характер. Были сделаны доклады от воинских частей. Настроение всюду твердое и боевое. Распространяются слухи, что солдаты колеблются. Они с негодованием отвергают эти слухи.

На гарнизонном совещании была избрана контрольная комиссия из солдат гарнизона. Она будет осуществлять контроль над боевыми операциями. Командует подполковник Муравьев [71]). Контрольная комиссия надзирает за действиями штаба, и отдельные члены ее сопровождают командующего.

О фронте могу сообщить следующее. Наши полки вышли на позиции. Настроение бодрое и твердое. Нельзя сказать того же о войсках Керенского. Один трудовик, ездивший к Керенскому и побывавший у нас на фронте, сказал: «У вас подлинная революция и народная армия, а у Керенского ничего». Таким образом, и постороннему бросается в глаза громадная разница в настроении двух армий.

Сведения из Москвы неутешительны. После первой победы революции контр-революция дала отпор: сейчас Кремль в руках контр-революционеров. Рабочие районы заняты революционе-

рами. В Московской губернии положение колеблющееся. Решение зависит от Петрограда. Если здесь Керенский будет раздавлен, то Рябцовский штаб сдастся немедленно *).

Фронт 3-й и 10-й армий. Когда дошли сведения о перевороте и декреты о земле и мире, солдат охватил энтузиазм, который трудно описать. Были шествия с музыкой. Радиотелеграф с нашей стороны был прерван, и из Петрограда фронт не получал сведений. Между тем Керенский засыпал из Царского Села фронт телеграммами, сообщая о своих победах, ожидаемых с часу на час. Солдаты этим телеграммам не верили. Керенский телеграфировал, что в Петрограде царит ножовщина, солдаты насилуют женщин, расхищают банки. Но все эти сообщения Керенского не произвели никакого впечатления.

Каждый корпус с фронта, напрягшись, может послать сводный отряд в Петроград и Москву. Приказ об этом уже отдан по радиотелеграфу Центрофлота.

В Петрограде стоят сейчас «Олег», «Аврора» и «Республика». Если артиллерия этих судов возьмет на прицел окрестности Петрограда, то силы Керенского будут разбиты. На позициях началась перестрелка. Сделано много для боевого снаряжения и снабжения нашего фронта. Я не утаиваю той разрухи, которая возникла благодаря потере офицерского аппарата. Он на $^3/_4$ расстроен. Если бы у нас был этот аппарат, то банды Керенского можно было бы смять в полчаса. Но этот недостаток мы устраняем. Пяти-членная комиссия [72]), избранная на гарнизонном совещании, имеет целью надзор над главнокомандующим не только в техническом отношении, но в ее задачу входит и контроль над целесообразностью боевых приказов главнокомандующего. Мы делали попытки привлечь командный состав. Мы обращались к боевым офицерам, на которых нам указывали солдаты, как на честных людей, на демократов. Но офицеры от принятия командования уклонялись, ссылаясь кто на состояние здоровья, кто на неопытность. Двойственность в настроении наиболее честных офицеров вытекает из их положения среди революционнных

*) Т. Сокольников вносит поправку в сообщение т. Троцкого. Положение дел в Москве более благоприятное, чем сообщал т. Троцкий. Заключено перемирие на 24 часа. Насколько известно, перемирие заключено на основе признания необходимости образования однородного министерства, включающего все социалистические партии от большевиков до народных социалистов.

солдатских масс. Пока эти офицеры с солдатами, они—под влиянием солдатской массы, ее боевого настроения, и они идут вместе с солдатами. Но когда они возвращаются в свою среду, они попадают в общество, враждебное солдату, в среду, где на революционеров клевещут.

Избрание контрольной комиссии—первое слабое начало будущей демократической армии.

«Известия» № 212,
31 октября 1917 г.

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ПУЛКОВА

Село Пулково. Штаб, 2 часа 10 минут ночи 31 октября 1917 г.

Ночь с 30 на 31 октября войдет в историю [73]). Попытка Керенского двинуть контр-революционные войска на столицу революции получила решающий отпор. Керенский отступает, мы наступаем. Солдаты, матросы и рабочие Петрограда доказали, что умеют и хотят с оружием в руках утвердить волю и власть демократии. Буржуазия старалась изолировать армию революции, Керенский пытался сломить ее силой казачества. И то, и другое потерпело жалкое крушение.

Великая идея господства рабочей и крестьянской демократии сплотила ряды армии и закалила ее волю. Вся страна отныне убедится, что Советская власть—не преходящее явление, а несокрушимый факт господства рабочих, солдат и крестьян. Отпор Керенскому есть отпор помещикам, буржуазии, корниловцам. Отпор Керенскому есть утверждение права народа на мирную свободную жизнь, землю, хлеб и власть. Пулковский отряд своим доблестным ударом закрепляет дело рабочей и крестьянской революции. Возврата к прошлому нет. Впереди еще борьба, препятствия и жертвы. Но путь открыт, и победа обеспечена.

Революционная Россия и Советская власть вправе гордиться своим Пулковским отрядом, действующим под командой полковника Вальдена [74]). Вечная память павшим! Слава борцам революции, солдатам и верным народу офицерам!

Да здравствует революционная, народная, социалистическая Россия!

Именем Совета Народных Комиссаров *Л. Троцкий.*

«Правда» № 175,
14 (1) ноября 1917 г.

VIII

Воспоминания об Октябрьском перевороте

VIII

Воспоминания об Октябрьском перевороте

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

По поводу наступающей второй годовщины Октябрьской Революции, мне кажется поучительным подчеркнуть одну черту ее, на которую в воспоминаниях и статьях до сих пор не обращалось должного внимания. Октябрьское восстание было, так сказать, заранее назначено на определенное число, на 25 октября, назначено не на тайном заседании, а открыто, всенародно, — и произошло это победоносное восстание в день 25 октября 1917 года, как было намечено

Мировая история знает немало революционных переворотов и восстаний. Но тщетно память пытается найти в истории другое восстание угнетенного класса, которое было бы заранее во всеуслышание назначено на определенное число и было бы в положенный день совершено и притом победоносно. В этом смысле, как и во многих других, октябрьский переворот является единственным и несравненным.

Захват власти в Петрограде был приурочен ко 2 Съезду Советов. Это «совпадение» не было делом заговорщицкого расчета, а вытекало из всего предшествующего хода революции и в частности—изо всей агитационной и организационной работы нашей партии. Мы требовали перехода власти к Советам. Вокруг этого требования мы сплотили под знаменем нашей партии большинство членов во всех важнейших Советах. Далее, стало быть, мы не могли уже «требовать» перехода власти к Советам; как руководящая партия Советов, мы должны были эту власть взять. Мы не сомневались, что 2 Съезд Советов даст нам большинство. В этом не могли сомневаться и наши враги. Последние изо всех сил противились созыву 2 Съезда. Так, на заседании советской секции «Демократического Совещания» Дан всячески пытался сорвать назначение 2 Съезда Советов и, когда это не удалось, постарался отстрочить созыв. Нежелательность созыва Съезда

Советов меньшевики и с.-р. обосновывали именно тем, что Съезд может стать ареной попытки захвата власти со стороны большевиков. Мы, со своей стороны, настаивая на скорейшем созыве Съезда, нисколько не скрывали при этом, что, по нашей мысли, Съезд нужен именно для того, чтобы вырвать власть из рук правительства Керенского. В конце концов, при голосовании в советской секции Демократического Совещания, Дану удалось перенести созыв 2 Съезда с 15 на 25 октября. Таким образом «реальный» политик меньшевизма выторговал у истории отсрочку ровным счетом в 10 дней.

На всех петроградских собраниях как рабочих, так и солдатских, мы ставили вопрос так: 25 октября соберется 2 Всероссийский Съезд Советов; петроградский пролетариат и гарнизон потребуют от Съезда, чтобы он в первую голову поставил вопрос о власти и разрешил его в том смысле, что с настоящего часа власть принадлежит Всероссийскому Съезду Советов; в случае, если правительство Керенского попытается разогнать Съезд— так гласили бесчисленные резолюции,—петроградский гарнизон скажет свое решающие слово.

Агитация велась изо дня в день. Назначив Съезд на 25-е октября, поставив заранее первым и в сущности единственным «пунктом» порядка дня осуществление (не обсуждение, а осуществление) перехода власти к Советам, т.-е. назначив государственный переворот на 25 октября, мы открыто, на глазах «общества» и его «правительства» готовили вооруженную силу для этого переворота.

С подготовкой Съезда тесно сплелся вопрос о выводе значительной части гарнизона из Петрограда. Керенский боялся петроградских солдат (с полным основанием). Он предложил Черемисову [75]), командовавшему тогда Северной армией, вызвать ненадежные полки на фронт. Черемисов, как свидетельствует найденная после 26 октября переписка, уклонялся от этого, считая петроградский гарнизон «распропагандированным» и потому непригодным для применения в империалистской войне; но под давлением Керенского, который руководился чисто-политическими мотивами, Черемисов отдал соответственный приказ.

Как только приказ о выводе частей был из штаба округа передан Исполнительному Комитету Петроградского Совета «на исполнение», нам, представителям пролетарской оппозиции, стало ясно, что этот вопрос в дальнейшем своем развитии может полу-

чить решающее политическое значение. В беспокойном ожидании назначенного на 25 октября государственного переворота, Керенский сделал попытку обезоружить мятежный Петроград. Нам оставалось только на этом вопросе противопоставить не одних рабочих, но и весь гарнизон правительству Керенского. Прежде всего, было решено создать, в виде Военно-Революционного Комитета, орган проверки военных оснований приказа о выводе петроградского гарнизона. По существу, таким образом, наряду с политическим представительством гарнизона (солдатская секция Совета) создан был революционный оперативный штаб этого гарнизона.

Меньшевики с эсерами опять-таки сразу «постигли», что дело идет о создании аппарата вооруженного восстания, и открыто об этом заявили на заседании Совета. Проголосовав против образования Военно-Революционного Комитета, меньшевики, однако, вошли в его состав—не то в качестве нотариусов, не то в качестве писцов при акте государственного переворота. Выторговав предварительно для своего политического существования лишних десять дней, они затем обеспечили за собой право присутствовать в качестве почетных ассистентов при своей политической смерти.

Итак, Съезд был назначен на 25 октября. Партией, которой было обеспечено большинство, поставлена была Съезду задача—овладеть властью. Гарнизон, отказавшийся выходить из Петрограда, был мобилизован на защиту будущего Съезда. Военно-Революционный Комитет, противопоставленный штабу округа, был превращен в революционный штаб Петроградского Совета. Все это делалось совершенно открыто, на глазах всего Петрограда, правительства Керенского, всего мира. Факт—единственный в своем роде.

В то же время в партийных кругах и в печати открыто обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Дискуссия в значительной мере отвлеклась от хода событий, не связывая восстания ни со Съездом, ни с выводом гарнизона, а рассматривая переворот, как конспиративно подготовленный заговор. На деле вооруженное восстание не только было нами «признано», но и подготовлялось к заранее определенному моменту, причем самый характер восстания был предопределен—по крайней мере, для Петрограда—состоянием гарнизона и его отношением к Съезду Советов.

Некоторые товарищи скептически относились к мысли, что революция назначена «по календарю» Более надежным казалось провести ее строго конспиративным образом; использовав столь важнее преимущество внезапности. В самомм деле, ожидая восстания на 25 октября. Керенский мог, казалось тогда, подтянуь к этому числу свежие силы, произвести чистку гарнизона и пр.

Но в том-то и дело, что вопрос об изменении состава петроградского гарнизона стал главным узлом подготовлявшегося на 25 октября переворота. Попытка Керенского изменить состав петроградских полков заранее оценивалась—и вполне основательно,—как продолжение корниловского покушения. «Легализованное» восстание к тому же как бы гипнотизировало врага. Не доводя своего приказа об отправке гарнизона на фронт до конца, Керенский в большей степени повысил самоуверенность солдат и тем самым еще более обеспечил успех переворота. После переворота 25 октября, меньшевики, и в первую голову Мартов [76]), много говорили о захвате власти кучкой заговорщиков за спиной Совета и рабочего класса. Трудно выдумать более злостное издевательство над смыслом фактов. Когда мы на совещании советской секции Демократического Совещания назначали большинством голосов Съезд Советов на 25 октября, меньшевики говорили: «Вы назначаете переворот». Когда мы в лице подавляющего большинства Петроградского Совета отказались вывести петроградские полки, меньшевики говорили: «Это начало вооруженного восстания». Когда мы в Петроградском Совете создали Военно-Революционный Комитет, меньшевики констатировали: «Это аппарат вооруженного восстания». А когда в назначенный день при помощи заранее «изобличенного» аппарата своевременно предсказанное восстание действительно произошло, те же меньшевики завопили: «Кучка заговорщиков совершила переворот за спиной рабочего класса». На деле же самое большое, в чем нас можно было по этой части обвинить, это то, что в Военно-Революционном Комитете мы подготовляли кое-какие технические подробности «за спиною» меньшевистских заседателей.

Можно не сомневаться, что попытка военного заговора, независимого от 2 Съезда Советов и Военно-Революционного Комитета, могла бы в тот период только внести расстройство в ход событий, даже временно сорвать переворот. Гарнизон, в составе которого были политически неоформленные полки, воспри-

нял бы захват власти партией путем заговора, как нечто ему чуждое, для некоторых полков прямо враждебное, тогда как отказ выступить из Петрограда и решение взять на себя защиту Съезда Советов, которому надлежит стать властью в стране, был для тех же полков делом вполне естественным, понятным и обязательным. Те товарищи, которые считали утопией «назначение» восстания на 25 октября, в сущности, не дооценивали нашей силы и могущества нашего политического влияния в Петрограде сравнительно с правительством Керенского.

Легально существовавший Военно-Революционный Комитет назначил своих комиссаров во все части Петроградского гарнизона и стал, таким образом, в полном смысле слова хозяином положения. Политическая карта гарнизона была у нас перед глазами. Мы в любой момент имели возможность создать необходимую группировку сил и обеспечить за собою все стратегические пункты в Петрограде. Оставалось лишь устранить трения и возможное противодействие со стороны наиболее отсталых, преимущественно кавалерийских частей. Эта работа шла как нельзя лучше. На митингах в полках наш лозунг—не уходить из Питера до Съезда Советов и вооруженной силой обеспечить переход власти к Советам—встречал почти безраздельное признание. В наиболее консервативном Семеновском полку Скобелев и Гоц, преподнесшие семеновцам гвоздь сезона — предстоящую дипломатическую поездку Скобелева в Париж в целях воспитательного воздействия на Ллойд-Джорджа и Клемансо,—не только не вызвали энтузиазма, но, наоборот, потерпели полное поражение [77]). Большинство голосовало за нашу резолюцию. В цирке Модерн на собрании самокатчиков, которые считались опорой Керенского, наша резолюция прошла подавляющим большинством. Генерал-квартирмейстер Пораделов [78]) говорил в высшей степени примирительно и заискивающе. Но его уклончивые поправки к резолюции были отклонены.

Последний удар врагу был нанесен в самом сердце Петрограда, в Петропавловской крепости. Видя настроение крепостного гарнизона, который весь перебывал на нашем митинге во дворе крепости, помощник командующего округом в самой любезной форме предложил нам «сговориться и устранить недоразумения». Мы, со своей стороны, обещали принять необходимые меры к полному устранению недоразумений. И, действительно, через два-три дня после того было устранено прави-

тельство Керенского, это крупнейшее недоразумение русской революции.

История перевернула страницу и открыла советскую главу.

14 сентября 1919 г.
Балашов-Себряково.
«Коммунистический Интернационал» № 6, 1919 г.

ПЕТРОГРАД

(Октябрь 1917—1919 г.г.)

Ко второй годовщине Октябрьской Революции Петроград снова стоит в центре напряженного внимания всей страны. И опять, как два года тому назад, Петроград оказался под опасностью с юго-запада и совершенно так же, как и тогда, в конце октября 1917 г. (ст. ст.) [79]), судьба Петрограда решается под Пулковскими высотами.

Тогдашние военные операции как с противной, так и с нашей стороны были окутаны атмосферой полнейшей неопределенности. Никто не мог, хотя бы приблизительно, сказать нам, какие силы на нас наступают. Одни говорили—тысяча казаков, другие—три, пять, десять тысяч и т. д. Буржуазная печать и буржуазная молва (тогда обе еще были очень многоречивы) чудовищно преувеличивали силы Краснова. Помню, первые достоверные сведения о количестве прибывших казаков я получил от т. Воскова [80]), который наблюдал их эшелоны в Сестрорецке и категорически настаивал на том, что казаков никак не более тысячи сабель. Но все же оставалось возможным, что пришли еще какие-либо части походным порядком, — Восков говорил лишь о железнодорожных эшелонах.

Столь же неопределенны были те силы, какие мы могли противопоставить казакам. В нашем непосредственном распоряжении был весьма значительный по численности петроградский гарнизон. Но он состоял из полков, которые в первых сотрясениях революции утеряли боеспособность. Старая дисциплина разрушалась вместе со старым командным составом. Революция требовала разрушения старого военного аппарата. Новой военной дисциплины еще не было. Создавались наспех рабочие красноармейские отряды. Какова была их ударная сила? Этого никто не

мог еще сказать. Мы не знали толком, где находилось необходимое снабжение. Старые военные власти отнюдь не спешили предоставить его в наше распоряжение. Новые власти не знали к нему пути. Все это создавало обстановку чрезвычайной неопределенности, в которой легко возникали и разрастались панические слухи.

В Смольном, при участии т. Ленина и моем (не помню точно, какого числа) созвано было гарнизонное совещание с участием командного состава [81]). Часть офицерства уже скрылась в этот период. Но значительная часть оставалась при своих полках, не зная, что̀ предпринять, и по традиции считая недопустимым покидать свою часть. Ни один из офицеров, принимавших участие в этом совещании, не позволил себе хотя бы заикнуться относительно неприемлемости «гражданской войны» и нежелательности отпора Керенскому и Краснову. Объяснялось это, главным образом, полной растерянностью офицерства, у которого не было причин дорожить режимом Керенского, но не было также оснований радоваться пришествию советского режима. Организованного лагеря контр-революции еще не было. Агентура Антанты еще не расстелила своих сетей. При таких условиях наиболее простым решением для командного состава было держаться за свой полк и выполнять его решения. К этому нужно прибавить, что командный состав был уже выборным. Наиболее злостные элементы были отброшены.

Однако же никто из командиров не хотел взять на себя ответственность за руководство всей операцией—отчасти потому, что среди участников совещания, насколько помню, не было лиц с серьезным боевым стажем, а, главным образом, потому, что никто не хотел слишком просовывать свою голову вперед, не зная, что̀ из этого выйдет. После нескольких неудачных попыток привлечения командиров полков, выбор пал на полковника Муравьева, сыгравшего потом немалую роль в военных операциях Советской России.

Муравьев был прирожденным авантюристом. В этот период он считал себя левым эсером (левое эсерство было тогда прикрытием для многих пролаз, желавших примазаться к советскому режиму, но не решавшихся наложить на себя тяжелое бремя большевистской дисциплины). По военному своему прошлому, Муравьев был, кажется, преподавателем тактики в юнкерском училище. Хлестаков и фанфарон, Муравьев не лишен был, однако,

военных дарований, быстроты соображения, дерзости, умения подойти к солдату и ободрить его. В эпоху Керенского авантюристские качества Муравьева сделали его организатором ударных боевых отрядов, которые направлялись, как известно, не столько против немцев, сколько против большевиков. Теперь, с приближением Краснова к Петрограду, Муравьев сам и притом довольно настойчиво выдвинул свою кандидатуру на пост командующего советскими войсками. После понятных колебаний, кандидатура его была принята. При Муравьеве была учреждена выбранная гарнизонным совещанием пятерка из солдат и матросов, которым внушено было иметь за Муравьевым неослабное наблюдение и, в случае малейшей попытки измены, убрать его прочь.

Муравьев, однако, не собирался изменять. Наоборот, с величайшей жизнерадостностью и верой в успех он принялся за дело. В отличие от других военных работников того периода, особенно партийных, он не жаловался на недочеты, прорехи, на саботаж, а, наоборот, все недочеты заделывал жизнерадостным многословием, заражая постепенно и других верою в успех.

Главная организаторская работа легла, однако, на рабочие районы. Там разыскивали необходимые ружейные патроны, снаряды, орудия, лошадей и упряжку и выкатывали импровизированные батареи на позиции, которые тем временем все ближе и ближе подходили к Петрограду. Решающий бой произошел на Пулковских позициях.

Полки петроградского гарнизона выступили на позиции довольно вяло. Тогда, на заре Октябрьской Революции, у рабочих масс еще не было сознания неизбежности суровой борьбы для закрепления переворота. Захваченным идейной силой революции массам казалось, что вопрос решится до конца мерами агитации, силою слова. Вооруженные столкновения с казаками казались им прискорбным недоразумением, случайно нарушившим победоносный ход Октябрьской Революции. Предстоявших боев они не брали всерьез, предпочитая отправлять навстречу противнику агитаторов и парламентеров.

Петроградские пролетарии относились к делу серьезнее, чем солдаты гарнизона, но они могли выставить лишь наспех созданные отряды так называемой Красной Гвардии...

Исход боя решила артиллерия, которая с Пулковских высот внесла значительные опустошения в ряды красновской конницы Называли 300—500 убитых и раненых. Число несомненно

преувеличенное. Казаки сражались без всякой охоты. Их уверили, что петроградское население встретит их, как избавителей, и достаточно было небольшого артиллерийского удара, чтобы остановить их движение. Остановившись, они зароптали против своих командиров, замитинговали, вступили в переговоры с представителями красногвардейцев. Раз дело перешло на почву переговоров,—тут уже мы были безусловно сильнее. Казаки отступили к Гатчине, где находился красновский штаб. Керенский бежал, обманув Краснова, который, повидимому, собирался обмануть его. Адъютанты Керенского и состоявший при нем Войтинский были покинуты им на произвол судьбы и взяты нами в плен, как и весь штаб Краснова.

Натиск был отбит, Октябрьская Революция закреплена. Вместе с тем открылась эпоха непрерывной, напряженной гражданской войны.

Два года спустя нам опять приходится обеспечивать Октябрьскую революцию на тех же Пулковских высотах. Неосмотрительно отпущенный на волю в 1917 г. Краснов сражается ныне в войсках Юденича и под тем самым Гатчино, где он был взят нами в плен. За этими чертами сходства—какое, однако, огромное различие! Тогда Петроград еще кишел буржуазными и интеллигентскими элементами, группами, кружками, партиями, газетами, и вся эта пестрая братия считала, что мир держится на ней, что советская власть—недолговечная случайность. Пролетариат вошел в свою революцию с большим энтузиазмом, с великой верой, подъемом, но и с большим запасом благодушия. За эти два года метла революции сурово прошлась по петроградской буржуазии. С другой стороны, рабочие Петрограда прошли через огромные испытания. Энтузиазм не горит таким внешне ярким пламенем, как два года назад, но зато прибавилось опыта, твердости, уверенности, душевного закала. Враг организовался и стал сильнее. Уже не тысяча казаков наступает на Петроград, а много сотен тысяч бойцов, вооруженных средствами мирового империализма, наступают на Октябрьскую Россию. Петрограду угрожают десятки тысяч белых солдат, прекрасно вооруженных. Английские корабли выбрасывают на наше побережье пятнадцати-дюймовые снаряды. Но и мы стали сильнее. Старых полков нет. Импровизированные отряды вооруженных рабочих также отжили свой век. Их место заняла правильно организованная Красная армия, которая—нельзя отрицать—знает моменты упадка, неудач и даже

малодушия, но которая, в конце концов, в минуту опасности всегда умеет сосредоточить необходимую энергию и дать отпор врагу.

Два года назад Петроград выступал, как великий зачинщик. Теперь на Петрограде международный империализм хочет показать свою силу в деле удушения революции. Борьба из-за Петрограда получает характер мирового поединка между пролетарской революцией и капиталистической реакцией. Если бы этот поединок закончился неблагоприятно для нас, то-есть если бы даже мы временно сдали Петроград,—этот тяжелый удар еще вовсе не означал бы крушения Советской республики. За нашей спиной еще необъятный плацдарм, который позволит нам маневрировать до полной победы пролетарской революции в Европе. Но зато наша победа в петроградском поединке означает сокрушительный удар англо-французскому империализму, который слишком многое поставил на карту Юденича. Борясь за Петроград, мы отстаиваем не только колыбель пролетарского восстания, но боремся самым непосредственным образом за его мировое распространение. Это сознание удесятеряет наши силы. Петрограда мы не отдадим. Петроград мы отстоим.

Правда» № 250,
7 ноября 1919 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОКТЯБРЬСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ [82]) *)

(7 ноября 1920 г.)

Троцкий. Я начну свои воспоминания с заседания солдатской секции [83]). (Точно не помню, что̀ это было,—президиум солдатской секции или Исполком Петербургского Совета.) На этом заседании было сообщено, что из штаба округа требуют отправки на фронт, примерно, ⅓ полков петербургского гарнизона. Это было, повидимому, заседание Исполкома; там был левый с.-р. Верба, а из нашей публики были Мехоношин [84]), Садовский. Как только было сообщено это требование, мы стали между собой шушукаться, что дело идет об удалении наиболее революционных, большевистских полков. Вытекала задача всячески использовать это намерение, так как вопрос о вооруженном восстании

*) Стенограмма заседания участников Октябрьского переворота в Петербурге.

к этому времени был уже решен. Мы заявили, что согласны этому подчиниться, если это вызывается военными нуждами, но что предварительно надо проверить,—нет ли здесь корниловщины. И решили выдвинуть требование создания такого органа, который бы с военной стороны проверил, вызывается ли это действительно военными соображениями, или же это дело политического порядка. Солдатская секция была политическим органом гарнизона и не была к этому приспособлена. Таким образом, для этой проверки мы организовали как бы некоторый контр-штаб, чисто военное учреждение. После этого меньшевики запросили нас, не порываем ли мы этой организацией со штабом Петербургского округа: мы ответили, что нет, представитель наш там остается. На этом заседании был левый эсер Лазимир (умер потом на Южном фронте России), молодой товарищ, который работал по интендантской части старой армии. Он был один из тех левых эсеров, который сразу пошел за нами. На этом заседании он нас поддержал, и мы ухватились за него. Таким образом требование о создании Военно-Революционого Комитеста исходило как бы не от нас, а от левого эсера. Более опытные в политических делах старые меньшевики стали говорить, что это ни что иное, как организация военного восстания.

Тут же был один из видных старых меньшевиков, бывший член их ЦК [85]; он особенно злостно нас разоблачал в этот момент. В общем, мы предложили Лазимиру набросать проект организации Военно-Революционного Комитета, за что он и взялся. Отдавал ли он себе отчет, что дело идет о заговоре, или же только отражал бесформенно-революционное настроение левого крыла эсеров, не знаю. Скорее последнее. Во всяком случае он на себя эту работу взял в то время, когда остальные левые эсеры относились к делу подозрительно-выжидательно, но ему, повидимому, не мешали. Когда он представил свой проект, мы его выправили, всячески замаскировывая революционно-повстанческий характер этого учреждения. Вечером, на следующий день, проект этот внесли в Петербургский Совет, и он был принят.

Вопрос о создании Военно-Революционного Комитета был выдвинут военной организацией большевиков. В сентябре месяце 1917 г., когда военная организация обсуждала вопрос о вооруженном восстании, она пришла к заключению о необходимости создания непартийного «советского» органа для руководства восстанием. Об этом решении мною было сообщено т. Ленину.

Момент для нас был в высшей степени благоприятный. Когда после этого было заседание ЦК (я неверно сказал раньше, что в ЦК день восстания был уже решен; то, что восстание будет, ясно было для всех, но обсуждение вопроса о восстании в ЦК было уже после образования Военно-Революционного Комитета),—помню, на квартире у одного из Рахья [86]), или на квартире, которую указал т. Рахья на заседании ЦК, присутствовал и М. И. Калинин [87]). Мы обсуждали вопрос в ЦК и, оперируя фактами, приходили к выводу, что если такой важный вопрос, как вывод гарнизона, может довести конфликт до открытого переворота, то именно это обстоятельство в высшей степени помогает нам установить известный способ переворота, так как у нас был план совершения его чисто заговорщическим путем. Идея эта навязывалась естественно, тем более, что большинство гарнизона было за нас, и надо было реализировать настроение. Сейчас мы получали чисто военную завязку большого конфликта, на основе которого можно было разыграть выступление. Может быть, кто-нибудь помнит, когда состоялось решение ЦК по этому поводу? Это должно было быть в начале октября, около 10 или раньше?

Подвойский. Девятого или немного позже, после двенадцатого.

Троцкий. Нет, потому что на 25-ое был назначен 2 Съезд Советов. Я говорил, что в сущности мы и вооруженное восстание назначили на 25-ое число, но тогда оказалось, что остается довольно значительный срок до этого восстания.

Козьмин. 18-ое был запрос Мартова, что это за Военно-Революционный Комитет, и вы ответили вопросом: «Кто дал право Мартову делать такие запросы?» [88])

Троцкий. Это несомненно. Но я говорю, что заседание Исполкома, где в принципе было решено его организовать, было еще до решающего заседания Центрального Комитета; и если вы говорите, что заседание ЦК было десятого - двенадцатого, то могло оно быть и седьмого [89]). Это только относительное указание. Самый Военно-Революционный Комитет, если бы меня спросили, какой был его состав, то хоть убейте, не назову, хотя я в нем и играл большую роль. Но до того дело это превратилось в блок трех партий, и в сущности каждая партия давала людей, посылала вспомогательных работников, которые сменяли уставших, так что решить, кто был официальным членом, я не могу. Это можно было бы установить по газетам. Т. Иоффе был ли официальным членом? [90])

А. А. ИОФФЕ.

Голос. Был.

Троцкий. Урицкий?[91]) Он много работал.

Подвойский. Уншлихт [92]) особенно развернулся после переворота.

Троцкий. Лазимир много работал.

Козьмин. Я помню, что после 18 октября непрерывно были заседания Совета, и помню, вы делали постоянно назначения, где что̀ распределить. Вот про этот момент, может быть, вы сообщили бы нам, как это делалось.

Троцкий. Относительно оружия дело было так. Первым источником оружия был Сестрорецкий завод. Когда прибыла делегация от рабочих и сказала, что нам нужно оружие, я говорю: «Но ведь арсенал не в наших руках». Они отвечают: «Мы были на Сестрорецком заводе».—«Ну, что же?»—«Сказали, если Совет прикажет, мы дадим». Это был первый опыт. Я дал ордер на пять тысяч винтовок, и они получили их в тот же день. И во всех буржуазных газетах это было напечатано. Я очень хорошо помню, что в «Новом Времени» была чуть ли не передовая статья, или в одной из статей говорилось об этом. И самый этот факт, конечно, легализовал распоряжение наше по оружейной части. В дальнейшем дело пошло, в сущности, полным ходом. Это было после переворота, когда мы, Военно - Революционный Комитет, стали назначать комиссаров во все военные учреждения, во все воинские части и во все комиссариаты, где было оружие. Там наши комиссары давали партии военную организацию, и распоряжение оружием тогда естественно перешло в наши руки.

Еще я помню момент незначительный, но просто живописный. Это было, когда мы в здании самого Смольного стремились организоваться с военной стороны. Пулеметная команда, выполнявшая при Керенском эти обязанности, оказалась малопригодной, хотя пулеметчики и стали большевиками к моменту переворота. Комендантом Смольного тогда был Греков. Он считался эсером-синдикалистом и при большевиках сидел много в тюрьме. В тот момент он был очень враждебен нам. Это было после митинга в Петропавловской крепости, где мне стало ясно, что мы не только победим, но победим почти без сопротивления. Греков подвозит меня на своей машине и говорит: «Да, конечно, вы, может быть, и могли бы совершить переворот, но это, конечно, не надолго—вас задушат». Понятно, что он не хотел связываться

с нами. А начальник команды подошел ко мне и сказал, что мы, мол, за вас.

Когда же стали проверять пулеметы, то они оказались в совершенно негодном состоянии. Солдаты обленились и также оказались совершенно непригодными для борьбы. Мы решили ввести туда какую-нибудь пулеметную часть, не помню, какую; но только на рассвете с 24-го на 25-ое явились туда с пулеметами. Меньшевики и эсеры, в значительном числе, были еще в Смольном. На рассвете никто из нас еще не спал. Предрассветное, сумеречное состояние и настроение, нервная приподнятость и вдруг,— по коридору эти пулеметы—рррррррр. Меньшевики смотрят бледные, встревоженные. Каждый звук порождал тревогу. А тут по всем коридорам грохот, топот. Тогда они стали выселяться совсем из Смольного.

25-го открылось заседание 2 Съезда Советов. И тогда Дан и Скобелев пришли в Смольный и направились как раз через ту комнату, где мы сидели с Владимиром Ильичем. Он был обвязан платком, как от зубной боли, с огромными очками, в плохом картузишке, вид был довольно странный. Но Дан, у которого глаз опытный, наметанный, когда увидал нас, посмотрел с одной стороны, с другой стороны, толкнул локтем Скобелева, мигнул глазом и прошел. Владимир Ильич тоже толкнул меня локтем: — «Узнали, подлецы».

Но это было не опасно, потому что в этот момент мы были господами положения.

Игру Военно-Революционного Комитета со штабом округа мы продолжали. У нас велись переговоры, какие установить взаимоотношения с комиссарами, чтобы не было трений между солдатской секцией и гарнизоном. Они выдвинули проект, что их комиссар будет окружным комиссаром. То, что мы назначаем комиссаров в полку—неважно, но необходимо, чтобы они подчинялись их комиссару.

Мы продолжали эти переговоры, и они проникали в газеты. В «Новом Времени» или в «Речи» говорилось: «Повидимому, соглашение будет достигнуто». Владимир Ильич, прочитав эти газеты, весьма яростно был настроен против нас, и первым вопросом, как только он приехал, было: «Неужели это правда?»— «Нет, это для прикрытия игры»,—успокоили мы его. В это время были уже взяты телеграф, банк, Инженерный замок, и окружался Зимний дворец. Таким образом положение наше было более или

менее обеспечено. Тогда же, рано утром, когда всюду рычали пулеметы, вдруг пришли рабочие и работницы из типографии и сообщили, что закрыли «Правду», и стали наталкивать нас на всякого рода самовольства. Эти было 24-го или 25-го. Они говорят: «Что же это такое?.. Подвойский, сорвите печати».—«Да, мы возьмемся набирать, только дайте нам охрану». Эта мысль—«дайте охрану»—подтолкнула и нас. У нас полков—сколько угодно. Сейчас же мы написали приказ; «На доблестный Волынский[93]) полк возлагается обязанность обеспечить свободу пролетарской печати. Правительство закрыло газеты «Правда» и «Рабочий и Солдат». Исполнительный Комитет Советов отменяет это распоряжение и возлагает на доблестный Волынский полк обязанность восстановить наши права».

Они сейчас же дали роту. Никто не покушался противодействовать. И уже самый тот факт, что правительство закрыло, а наша рота пришла и стала на стражу типографии пролетарской печати, придал всему району такую смелость, что сразу стало ясно, что дело уже окончено. И таких эпизодов было много.

Подвойский. Решительное заседание, где Зиновьев и Каменев возражали против восстания, было 13-го[94]).

Троцкий. Заседание это происходило на квартире меньшевика Суханова. Это было числа 14—15-го[95]). Но если это было этого числа, то тогда, товарищи, остается мало времени между Съездом Советов и заседанием, где был запрос Мартова. Нет, это было раньше. Первый раз, когда явились из штаба округа эсеры и сообщили, что есть приказ о выводе трех полков, это было в Исполкоме. А, может быть, это было в Исполкоме Совета солдатской секции?

Садовский. Кажется, это было в президиуме. Было заседание под председательством Завадье.

Троцкий. На заседании ответственных работников я не был, был на предварительном совещании с т. Лениным, и туда приходили Зиновьев и Калинин. И когда был поставлен вопрос Калинину, пойдут ли рабочие на восстание, он ответил утвердительно, сказав, что момента упускать нельзя. В это время разговор с Владимиром Ильичем касался скорее того, когда можно начать восстание. Назначили определенный срок начала восстания путем военного заговора, причем было решено использовать события, а также вывод гарнизона. Владимиру Ильичу, находивше-

муся в Финляндии, не были достаточно ясны происходившие события, так что здесь бывали только совещания, а заседание это происходило после совещания ответственных работников у Суханова. Здесь были Ленин, Зиновьев, Каменев, Ломов [96]), Яковлева [97]), Свердлов [98]). Из москвичей — Оппоков [99]). Ногина [100]), кажется, не было. Рыкова [101]) тоже не было. Сталин [102]) был, Шаумян [103]), кажется, был. Протокола никакого не было, кроме подсчета голосов. Прения были принципиальные, и больше, чем можно было предполагать, выступавшие товарищи возражали против вооруженного восстания, доходя в своей аргументации до отрицания власти Советов. Возражения сводились к тому, что вооруженное восстание может дать победу, а потом что?.. а потом мы не сможем удержаться по социально-экономическим причинам и т. д. Таким образом, вопрос был затронут весьма глубоко. Были сопоставления с июльскими днями, говорилось, что массы могут не выйти, и мы ударим отбой. Затем были доводы, что мы не справимся с продовольствием, что погибнем в первые же две недели, что Петербург останется нашим островом, что Викжель, техника, спецы, интеллигенция задушат нас. Прения носили очень страстный характер, но теперь задним числом трудно вспомнить все аргументы. Наиболее поразило, товарищи, то, что когда стали отрицать возможность восстания в данный момент, то противники в своем споре дошли даже до отрицания советской власти. Мы их спрашивали: «Какая же ваша позиция?»—Агитация, пропаганда, сплочение масс и т. д... «Ну, а дальше что?»

Соотношения голосов я не помню, но знаю, что 5—6 голосов было *против*. *За*—было значительно больше, наверное, голосов 9. Впрочем, за цифры я не ручаюсь. Заседание продолжалось всю ночь, расходиться стали на рассвете. Я и некоторые товарищи остались ночевать.

Два оттенка в отношении к восстанию. С одной стороны, питерцы (те, кто работал в Питерском Совете) связывали судьбу этого восстания с ходом конфликта из-за вывода гарнизона. Владимир Ильич не боялся восстания и даже настаивал на нем, но связывал судьбу этого восстания не только с одним ходом конфликта в Питере. И это был не другой оттенок, а скорее другой подход к делу. Наша точка зрения была питерская, что вот-де Питер поведет дело таким образом, а Ленин исходил из точки зрения восстания не только в Питере, а во всей стране, и он не

отводил такого большого места и значения исключительно восстанию Питерского гарнизона.

День восстания был назначен на 15 октября.

Подвойский. По моим расчетам, заседание было раньше, потому что тут выйдет запоздание.

Троцкий. Заседание ответственных работников, несомненно, было после заседания ЦК, когда вопрос был уже решен и, стало быть, Зиновьеву и Калинину было предоставлено право выступить в защиту их точек зрения. А решение ЦК было уже вынесено. Из этого я заключаю, что заседание ЦК было в начале октября, числа 3-го, так как мне помнится, что было решено произвести восстание не позже 15 октября. В назначении срока и выразился оттенок. Я настаивал, чтобы Военно - Революционному Комитету было поручено подготовить момент восстания к Съезду Советов. На этот счет больших споров не было, но было определено, что восстание будет либо в конце октября, либо в начале ноября

Козьмин. Решение это было после выхода большевиков из Предпарламента или до?

Троцкий. Это было после. А когда был выход из Предпарламента?

Подвойский. В сентябре.

Троцкий. Я сказал, что это было после выхода. Но нет, я не могу установить момента с точностью. Во всяком случае, это решение было после заседания фракции, где решался вопрос, входить ли в Предпарламент или нет, и где я проводил бойкотистскую точку зрения невхода, а Рыков—входа. Только после этого получилось письмо Ленина из Финляндии, где он поддерживал бойкотистскую точку зрения фракции [104]). И после этого заседание ЦК имело характер попытки поставить последние точки над *i*, внести полную определенность в положение. В поведении партийных ячеек, в полках, в поведении комиссаров чувствовалась большая неопределенность.

Козьмин. Еще интересен момент продолжения революции в учреждениях, формирование Наркоминдела, которым ведал Лев Давыдович, и создание аппарата.

Троцкий. Насчет Наркоминдела я бы хотел вспомнить т. Маркина, который организовал, до некоторой степени, Наркоминдел; т. Маркин был матросом Балтийского флота и состоял членом

ЦИК второго созыва. Он познакомился с моими мальчиками. Его никто не замечал, но, несомненно, он пользовался доверием матросов. Через моих мальчиков я познакомился с ним. Это было так недели за 2—3 до революции. Он предложил свои услуги для всяких ответственных поручений, и первое время мы посадили его в редакцию «Рабочий и Солдат», где он проявил величайшую энергию. А затем он вошел вместе со мною в Наркоминдел, причем я этот Наркоминдел долгое время ни разу не посещал, так как сидел в Смольном. Вопрос был военный—наступление на нас Краснова. Были собрания представителей от заводов и масса всяких других дел, жел.-дор. и т. д., а Маркин занимался организацией Наркоминдела. Организация эта выразилась на первых порах вот в чем: ни входов, ни выходов мы не знали, не знали, где хранятся секретные документы; а Петербургский Совет довольно нетерпеливо ждал секретных документов. У менялишнего времени не было съездить посмотреть.

Когда я один раз приехал, причем это было не в первый день, а дней через 5—7 после взятия нами власти, то мне сказали, что никого здесь нет. Какой-то князь Татищев сказал, что служащих нет, не явились на работу. Я потребовал собрать тех, которые явились, и оказалось потом, что явилось колоссальное количество. В 2—3 словах я объяснил в чем дело, что дело более или менее невозвратное, и кто желает добросовестно служить, тот останется на службе. Но я ушел несолоно хлебавши. После этого Маркин арестовал Татищева, барона Таубе и привез их в Смольный, посадил в комнату и сказал: «Я ключи достану через некоторое время». На вопрос о ключах Таубе отослал к Татищеву, а Татищев—куда следует, и когда Маркин вызвал меня дня через 2, то этот Татищев провел нас по всем комнатам, отчетливо показал, где какой ключ, как его вертеть и т. д. Тогда было опасение, не спрятаны ли какие-нибудь бумаги. Но это не подтвердилось. Когда мы спросили его, а где же секретные документы, он сказал, что наше представление о них страдает, так сказать, некоторым фетишизмом, будто они обязательно должны быть написаны на пергаменте и т. д. Эти секретные документы потеряли свое значение, эти грабительские соглашения создавались просто путем шифрованной телеграфной передачи, и копии их лежали в довольно прозаичном виде. спрятанные в шкафах.

Маркин приступил к их изданию. При нем терся молодой человек, лет 25, без руки, фамилия его, кажется, Поливанов, приват-доцент. Так как он был мне рекомендован Маркиным, то он и помогал ему. Не знаю, на каком он был факультете, но у него были сведения по этой части. Кажется, он даже знал азиатские языки. Филолог ли он был, что ли,—в точности не могу сказать. Работал он не на секретных ролях. Кто рекомендовал его Маркину, не знаю. Там был еще из партийных Залкинд. Маркин его более или менее усыновил. Но потом оказалось, что Поливанов был членом союза русского народа. Руку он потерял, во всяком случае, не на баррикадах. Он обнаружил потом большое пристрастие к спиртным напиткам, и даже были сведения, что он принимал разные приношения. Персидское посольство ему какую-то корзинку с какими-то приношениями прислало. Он был по этому поводу устранен. Первое время он работал довольно активно. Сам Маркин ловил посылки, которые приходили из других стран. В них оказывались шелк, дамские туфли и т. п. Никаких дипломатических переговоров в эти времена здесь не велось, и вся работа сводилась к изданию документов и продаже содержимого этих вализ. Наша дипломатическая деятельность происходила в Смольном без всякого аппарата Наркоминдела. Только когда приехал тов. Чичерин и был назначен в состав Наркоминдела, началась работа в самом здании, подбор новых сотрудников, но в очень небольших размерах.

Козьмин. Я помню, вы говорили, что это самый спорный комиссариат, что ни одна держава его признавать не будет, не с кем будет разговаривать.

Троцкий. Маркин до Наркоминдела работал в следственной комиссии Петербургского Совета, а оттуда перешел в Комиссариат иностранных дел. Следственная Комиссия начала применять некоторые методы, которые не нравились тогдашним меньшевикам и эсерам, и Маркин в этом отношении тоже отличался тем, что эти методы, по части улавливания контр-революционеров, применял весьма усердно.

Маркин был, кажется, рабочим или крестьянином. Человек очень умный, с большой волей, но писал с ошибками. Всякие документы, написанные им, написаны довольно-таки неправильно. Потом он командовал на Волге нашей военной флотилией и там погиб.

Нужно сказать, что в первый период поразительна была роль офицерства. Когда я и Ленин проводили собрания офицерства петербургского гарнизона, где набирался командный состав против Керенского, то обновленных командиров там было очень немного; все они были из царской армии, но все-таки большинство из этих старых офицеров было *за* нас. Тут, очевидно, в большинстве случаев было такое желание, чтобы помочь нам свергнуть Керенского. Никто на себя не брал ответственности, а взявший на себя руководство М. Муравьев организовывал потом партизанщину под Царицыным. А на Пулковой горе командовал полковник Вальден. Он обложил Краснова большими отрядами, и это столкновение решило судьбу наступления Керенского. Этот Вальден был типичный полковник, и что̀ в нем говорило, когда он шел за нас, я до сих пор не понимаю. Полковник он был немолодой, много раз раненый. Чтобы он нам сочувствовал, этого быть не могло, потому что он ничего не понимал. Но, повидимому, у него настолько была сильна ненависть к Керенскому, что это внушало ему временную симпатию к нам.

«Пролетарская Революция»
№ 10, 1922 г. стр. 52—64.

IX

Первый этап закрепления революции

ВОЗЗВАНИЕ

Гатчинские отряды, обманутые Керенским, сложили оружие и постановили арестовать Керенского. Вождь контр-революционного похода Керенский бежал. Армия в ее подавляющем большинстве высказалась за решение 2 Всероссийского Съезда Советов и за поддержку созданной им власти. Десятки делегатов с фронта поспешили в Петроград, чтобы засвидетельствовать верность армии Советской власти. Никакие извращения фактов, никакие клеветы на революционных рабочих, солдат и матросов не помогли врагам народа. Рабочая и солдатская революция победила.

Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов обращается к тем отдельным военным отрядам, которые идут за контр-революционными мятежниками: сложите немедленно оружие, не проливайте братской крови за интересы кучки помещиков и капиталистов. Каждая новая капля народной крови ляжет на вас. Рабочая, солдатская, крестьянская Россия проклянет тех, которые еще хоть одну минуту остаются под знаменами врагов народа.

Казаки! Переходите на сторону победившего народа! Железнодорожники, почтово-телеграфные служащие, — все, как один человек, поддержите новую народную власть!

«Известия» № 215,
3 ноября 1917 г.

ОТВЕТ Т.Т. САМОКАТЧИКАМ [105])

Товарищи самокатчики!

На заседании Петроградского Совета я сообщил то, что мне было передано из источника, который я считал надежным, именно:

будто в среде самокатного батальона, который доблестно стоит на страже революции в самом сердце Петрограда, в Петропавловской крепости, имеется небольшая контр-революционная группа, которая вошла в сношения с так называемым «Комитетом Спасения» с целью освободить министров из Петропавловской крепости.

Представитель самокатчиков заявил мне, что это сведение неверно. Мне остается только пожалеть, что я был введен в заблуждение. Само собою разумеется, что я ни на минуту не сомневался в самом самокатном батальоне, который является неотторжимой частью нашего революционного гарнизона.

Председатель Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов *Л. Троцкий.*

«Известия» № 216,
4 ноября 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ЦИК ПО ВОПРОСУ О ПЕЧАТИ[106])

(4 ноября)

Здесь два вопроса связаны между собою: 1) вообще о репрессиях и 2) о печати. Требование устранения всех репрессий во время гражданской войны означает требование прекращения гражданской войны. Такое требование может исходить или от противников пролетариата, или от сторонников этой противоположной стороны. Противники, с которыми идет гражданская война, мира нам не предлагают. Я утверждаю, что никто не может дать нам гарантии за сторонников Корнилова. В условиях гражданской войны запрещение враждебных газет есть мера законная. Необходим, конечно, переход к определенному режиму печати. К такому режиму мы и хотим перейти. В нашей партийной прессе мы задолго до восстания не смотрели на свободу печати под углом зрения собственников типографии. Те меры, которые применяются к устранению отдельных личностей, должны применяться и к печати. Мы должны конфисковать типографии и запасы бумаги в общественное достояние. (С мест говорят: «В большевистское»).

Да, наша задача состоит в том, чтобы превратить все эти запасы в общественное достояние. Все группы могут предъявлять требования на бумагу и типографию,—все солдаты и кре-

стьяне. Каждый солдат, рабочий и крестьянин поймет, что мы не для того брали власть, чтобы оставить монополию в руках старой власти. Мы говорим, что «Новое Время» [107]), которое не имело своих сторонников на выборах, не может иметь ни буквы шрифта, ни листа бумаги. Пока «Русская Воля» [108]) является лишь банковским органом, она не имеет права на существование. Эта мера не должна быть увековечена, но мы не можем вернуться к старому капиталистическому строю. Переход власти к Советам есть переход от буржуазной политики к социалистическому строю. Почему Суворин мог издавать грандиозную газету? Потому, что у него были деньги. Можем ли мы допустить, чтобы во время выборов в Учредительное Собрание суворинцы могли пускать свою отраву? Мыслимо ли, вообще, чтобы существовали газеты, которые держались бы не волею населения, а волею банков? Все средства печати должны быть переданы в собственность Советской власти. Вы говорите, что мы требовали свободы печати для «Правды». Но тогда мы были в таких условиях, что требовали минимальной программы. Теперь мы требуем максимальной. Я не сомневаюсь, что представители рабочих и крестьянства на моей стороне. (Аплодисменты.)

Солдаты возвратятся в свои части, крестьяне — в деревни и заявят, что есть две точки зрения: 1) свобода печати для буржуазных газет и 2) реквизиция бумаги, типографий и предоставление их в руки рабочих и крестьянства.

«Протоколы заседаний ЦИК 2-го созыва», стр. 24.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЦИК ПО ВОПРОСУ О ПЕЧАТИ

(4 ноября)

Закрытие буржуазных газет вызывалось не только чисто боевыми потребностями в период восстания и подавления контрреволюционных попыток, но являлось необходимой переходной мерой для установления нового режима в области печати, такого режима, при котором капиталисты—собственники типографий и бумаги—не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения.

Дальнейшей мерой должна быть конфискация частных типографий и запасов бумаги, передача их в собственность Совет-

ской власти в центре и на местах, чтобы партии и группы могли пользоваться техническими средствами печатания, сообразно своей действительной идейной силе, т.-е. пропорционально числу своих сторонников.

Восстановление так называемой «свободы печати», т.-е. простое возвращение типографий и бумаги капиталистам-отравителям народного сознания, явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской революции, т.-е. мерой безусловно контр-революционного характера.

Исходя из вышеизложенного, ЦИК категорически отвергает всякие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима в деле печати и безоговорочно поддерживает в этом вопросе Совет Народных Комиссаров против претензий и домогательств, продиктованных мелко-буржуазными предрассудками или прямым прислужничеством интересам контр-революционной буржуазии.

«Протоколы заседаний ЦИК 2-го созыва», стр. 24.

РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ ЦИК ПО ПОВОДУ ЗАПРОСА ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ [109]

(4 ноября)

1.

Тов. Троцкий напоминает, что партия социалистов-революционеров ни в своем правом, ни в левом крыле не требовала строгого отчета от представителей старого ЦИК во время правительства Керенского. Но наш Советский парламент тем и отличается от обычного парламента, что у нас нет представителей разных, враждебных друг другу классов. Наша власть есть власть классов трудящихся и угнетенных, и вся обычная парламентская механика была бы неуместна и никчемна у нас. Внутренний парламентский регламент обычно служит лишь для уравновешивания антагонистических классов в самом парламенте, а также для освобождения депутатов от влияния избирателей. Прикрываясь ложными требованиями парламентского наказа, депутат получает возможность вполне забронироваться от тре-

бований избравшей его массы. У нас этого нет. Наши избранники не должны укрываться за щитом формализма. У нас связь между депутатами и избирателями примерно такая же, какая существует в профессиональном союзе,—связь живая и непосредственная. Пускай у нас нет формальных гарантий, но у нас есть реальные возможности проявления своей власти. Вы в любой момент можете отозвать Народных Комиссаров. Вы можете фактически тем самым осуществить свой контроль. Советская власть создается не закулисными сговорами лидеров и партийных верхов, как то мы видим, например, во Франции. Наша власть выражает собой действительную волю организованных масс. Пусть декреты негладки извне, пусть непричесаны и неприглажены, но право живого творчества стоит выше формальной безупречности. И наша деятельность дает уже свои плоды. Она вызвала отклик не только по всей шири России, но и за границей. Декрет о земле так шел навстречу народным чаяниям, что промедление его опубликования хотя бы на один день не могло быть искуплено даже необходимостью внешней отделки и усовершенствования. Пусть отходят усталые! Слабые количеством, но сильные качеством, мы с гордо поднятой головой будем продолжать свой путь вперед. Один из ораторов говорил о развале власти. Но это не развал, это—очищение. Мы, оставшиеся, считаем, что не должны делать ни одной уступки ни буржуазии, ни промежуточным интеллигентским соглашательским группам. Если вы не согласны с нами, то отзовите нас, но изменить нашу линию мы не можем.

2.

Тов. Троцкий говорит, что у ЦК большевиков не было стремлений присвоить себе власть. Большевики предлагали взять власть 2 Съезду, где были оборонцы. Если последние ушли, не желая подчиняться воле большинства, то вина в этом лежит не на большевиках. Мы отозвались на предложение Викжеля, но жертвовать программой нового правительства из-за призрака соглашения мы не можем.

3.

Тов. Троцкий говорит, что фракция левых эсеров хочет незаконно протащить в правительство противонародный багаж—

коалицию с Авксентьевым и свободу для печати, прислуживающей финансовому капиталу. С этим багажом мы не можем допустить левых социалистов-революционеров в Совет Народных Комиссаров. Или Авксентьев, или мы.

4.

После возражения т. Малкина [110]), тов. Троцкий указывает, что одиозны не лица и не группы, как таковые, а одиозна тактика этих лиц и групп. Если левые эсеры хотят войти в Советы, мы будем рады этому, но не можем же мы лишать страну аппарата власти в то время, как идут переговоры (которым мы, впрочем, не препятствуем) с теми, кто науськивает юнкеров против Советов. Если вы сейчас не хотите с нами итти и в то же время обвиняете нас в том, что мы правим одни, т.-е. не лишаем революцию правительственного механизма ради чечевичной похлебки призрачного соглашения с вами, то это значит, что у вас нет собственного лица. Вы— тени, ибо Гоцы и Даны—тень буржуазии, а вы—лишь тень этих Гоцев.

«Протоколы заседаний ЦИК 2-го созыва», стр. 28.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЦИК ПО ПОВОДУ ЗАПРОСА ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

(4 ноября)

Центральный Исполнительный Комитет по поводу внесенного запроса устанавливает:

1) Советский парламент рабочих масс не может иметь ничего общего по своим методам с буржуазным парламентом, где представлены разные классы с противоположными интересами и где представители правящего класса превращают регламент и наказ в орудие законодательной обструкции.

2) Советский парламент не может отказать Совету Народных Комиссаров в праве издавать без предварительного обсу-

ждения ЦИК неотложные декреты в рамках общей программы Всероссийского Съезда Советов.

3) В руках ЦИК сосредоточивается общий контроль над всей деятельностью Совета Народных Комиссаров и возможность сменять правительство или отдельных членов его.

4) Вместе с тем, ЦИК выражает свое сожаление по поводу того, что представители левых эсеров, из среды которых вышел запрос, не нашли возможным принять на себя прямое участие в правительстве, а стало быть и в выработке всех неотложных декретов.

«Протоколы заседаний ЦИК 2-го созыва, стр. 31, 32.

ВНИМАНИЮ ВСЕХ ГРАЖДАН

Богатые классы оказывают сопротивление новому Советскому правительству, правительству рабочих, солдат и крестьян. Их сторонники останавливают работу государственных и городских служащих, призывают прекращать службу в банках, пытаются прервать железнодорожные и почтово-телеграфные сообщения и т. п.

Мы предостерегаем их — они играют с огнем. Стране и армии грозит голод. Для борьбы с голодом самое тщательное исполнение всех работ в продовольственных учреждениях, на железных дорогах, на почте, в банках,—безусловно необходимо. Рабочее и крестьянское правительство принимает все необходимые меры для обеспечения страны всем необходимым.

Сопротивление этим мерам—преступление против народа. Мы предупреждаем богатые классы и их сторонников: если они не прекратят свой саботаж и доведут до приостановки подвоз продовольствия,—первыми тяготу созданного ими положения почувствуют они сами. Богатые классы и их прислужники будут лишены права получать продукты. Все запасы, имеющиеся у них, будут реквизированы. Имущество главных виновников будет конфисковано.

Мы выполнили свой долг—мы предостерегли играющих с огнем.

Мы уверены, что в этих решительных мерах, если они окажутся необходимыми, мы встретим полную поддержку всех преданных революции граждан, всех рабочих, солдат и крестьян.

Военно-Революционный Комитет.

«Известия» № 218,
7 ноября 1917 г.

ПРИКАЗ ПО МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Г.г. служащие министерства иностранных дел, которые не явятся на работу до утра 13 ноября, будут считаться уволенными с лишением прав на государственную пенсию и всех преимуществ военной службы.

Г.г. офицеры, прикомандированные к Цифирному Отделу и не посещающие занятий, обязаны незамедлительно отбыть в свои части.

Народный Комиссар по иностранным делам
Троцкий.

«Правда» № 185,
23 (10) ноября 1917 г.

ПИСЬМО ВЕЛИКОБРИТАНСКОМУ ПОСЛУ

В числе интернированных иностранцев в Англии содержатся двое русских граждан: Георгий Чичерин [111]) и Петров. Оба они хорошо известны в России, как безупречные идейные и самоотверженные люди, стоящие по всей своей предшествующей деятельности выше всяких подозрений.

Оба эти лица, Чичерин и Петров, очевидно, восстановили против себя великобританские власти своим участием во внутренней политической жизни Англии, где они отстаивали и проводили принцип интернационального социализма, подобно Маклину [112]) в Шотландии, Карлу Либкнехту [113]) в Германии, Фридриху Адлеру [114]) в Австрии и партии большевиков в России. Если великобританские власти считают такого рода деятельность нетерпимой на территории Соединенного Королевства, то мне остается от имени Правительства Республики просить о немедленной высылке названных и других находящихся с ними в однородном положении лиц из пределов Великобритании,

дабы дать им возможность прибыть в Россию, где они смогут с пользой и с честью служить делу своего народа.

В подкрепление этого ходатайства я смею обратить ваше внимание, господин посол, на тот факт, что в пределах Российской Республики проживает много англичан, которые отнюдь не скрывают своего контр-революционного образа мыслей и открыто вступают в явно политические отношения с контр-революционными элементами буржуазных классов России. Общественное мнение революционной демократии нашей страны не захочет мириться с тем фактом, что русские заслуженные революционные борцы томятся в концентрационных лагерях Англии, в то время как контр-революционные великобританские граждане не испытывают никаких стеснений на территории Российской Республики.

Позвольте, господин посол, выразить свою уверенность в том, что возбужденное мною настоятельное ходатайство встретит полное сочувствие трудящихся масс свободолюбивого народа вашей страны.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Правда» № 188,
26 (13) ноября 1917 г.

ВСЕМ АРМЕЙСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫМ КОМИТЕТАМ, ВСЕМ СОЛДАТАМ НА ФРОНТЕ *)

Правительство Совета Народных Комиссаров целиком поглощено сейчас двумя вопросами: обеспечением продовольствия армии и немедленным перемирием.

Продовольствие в стране есть. У помещиков, кулаков, торговцев имеются огромные скрытые запасы съестных припасов. Высшие государственные чиновники, высшие железнодорожники и банковские служащие помогают буржуазии против солдат, рабочих и крестьян. Контр-революционеры готовы скорее уморить солдат голодом, чем уступить власть народу, землю— крестьянам и согласиться на немедленный мир. Банковские директора отказывают Советской власти в деньгах на экстренные

*) Факт принадлежности этого документа Л. Д. Троцкому установлен на основании его личного воспоминания. С другой стороны, за это говорит и стиль документа. *Ред.*

продовольственные расходы. Совет Народных Комиссаров принял самые решительные меры. Комиссары Совета вместе с матросами, солдатами и красногвардейцами реквизируют во всех частях страны продовольственные запасы и направляют их на фронт. Всем спекулянтам, мародерам, казнокрадам и контр-революционерам-чиновникам, мешающим продовольственной работе, объявлена беспощадная борьба. Они арестуются и будут заключены в крепость Кронштадтской тюрьмы. Солдаты фронта! Советская власть делает все для вашего продовольствия и надеется, что в ближайшие дни вам будут доставлены необходимые запасы.

Борьба за мир натолкнулась на сопротивление буржуазии и контр-революционных генералов. Солдаты, рабочие и крестьяне беззаветно поддерживают Советскую власть и борьбу за немедленное перемирие.

По сообщениям газет, в ставке бывшего главнокомандующего Духонина собираются соглашатели и агенты буржуазии—Верховский, Авксентьев, Чернов [115]), Гоц [116]), Церетели [117]) и другие. Они будто бы собираются также образовать новую власть против Советов.

Товарищи солдаты! Все названные выше лица уже были министрами. Они все действовали заодно с буржуазией и Керенским. Они ответственны за наступление 18 июня, за затягивание войны. Они обещали крестьянам землю, а на деле арестовывали крестьянские земельные комитеты. Они ввели смертную казнь для солдат. Они подчинялись английским, американским и французским биржевикам. Они—против братания с немецкими солдатами для прекращения войны. Те армейские комитеты, которые попытаются поддерживать этих врагов народа в их борьбе против Советской власти, должны быть немедленно распущены, а в случае сопротивления—арестованы. Вся армия должна сплотиться вокруг Советской власти для борьбы за хлеб и за мир.

Это сообщение должно быть оглашено во всех частях фронта и разъяснено всем солдатам.

За сокрытие этого сообщения от солдат виновные должны подвергнуться суровой каре, как за непередачу военного приказа.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ленин.*
Народный Комиссар по иностранным делам *Л. Троцкий.*

«Газета Временного Рабоче-Крестьянского Правительства» № 8, 11 ноября 1917 г.

ПРИКАЗ ПО МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

За отказ от подчинения Совету Народных Комиссаров увольняются от должности без права на пенсию:

Товарищ министра иностранных дел Анатолий Анатолиевич *Нератов*.

Директор канцелярии Борис Алексеевич *Татищев*.

Товарищ министра Александр Михайлович *Петряев* и чиновники министерства: Герман Павлович *Ухтомский*, Владимир Борисович *Лопухин*, Николай Петрович *Юдин*, Василий Иоаннович *Шавельский*, Григорий Григорьевич *Епифанов*, Алексей Николаевич *Орлов*, Яков Лазаревич *Барсков*, Иван Карпович *Лысенко*, Александр Николаевич *Раевский*, Александр Эдуардович *Нюман*, Григорий Евгеньевич *Пащенко*, Федор Андреевич *Семенченко*, Алексей Константинович *Беляев*, Владимир Иванович *Некрасов*, Алексей Алексеевич *Губарь*, Николай Николаевич *Маслов*, Михаил Иванович *Муромцев*, Алексей Васильевич *Блинов*, Константин Карлович *Фетерлейн*, Евгений Карлович *Памерский*, Карл Владимирович *Циглер*, Александр Оттович *Струве*, Юрий Геннадиевич *Удинцов*, Николай Николаевич *Щелкунов*, Александр Николаевич *Марисов*, Александр Владимирович *Григорьев*, Василий Иванович *Беляев*, Николай Михайлович *Старченко*, Лев Владимирович *Урусов*, Владимир Владимирович *Таубе*.

Список остальных увольняемых чинов будет опубликован завтра.

Народный комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

13 ноября 1917 года.

«Известия» № 225,
14 ноября 1917 г.

ПРИКАЗ ПО МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Г. Маклаков, получивший при прежнем правительстве дипломатическое назначение в Париж, сим лишается каких бы то ни было полномочий. Участие его в конференции союзников, о чем говорит официозная французская печать, означало бы явное государственное преступление и повлекло бы за собой тяжелую кару.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий

«Известия» № 228,
17 ноября 1917 г.

ПО ПОВОДУ Т.Т. ЧИЧЕРИНА И ПЕТРОВА *)

Официальное извещение

Мы уполномочены великобританским посольством сделать следующее заявление: ввиду разъяснений, сделанных английским послом великобританскому правительству по поводу задержанных в Англии русских граждан Чичерина, Петрова и других, находящихся в том же положении, великобританское правительство выразило свою готовность заново пересмотреть вопрос относительно задержания вышеозначенных лиц с целью их водворения на родину.

Ввиду этого категорического заявления, Народный Комиссар по иностранным делам сделал распоряжение о свободном пропуске великобританских граждан из России с соблюдением тех общих гарантий, которые требуются сейчас от всех граждан союзных и нейтральных стран.

Равным образом и конфликт по поводу дипломатических курьеров близок, повидимому, к ликвидации. Капитан Смит заявил Народному Комиссару, что г. Бьюкенен [118]) надеется в течение ближайшей недели создать возможность беспрепятственного въезда дипломатических курьеров Советской власти в Англию и их проезда через Англию. Ввиду этого заявления и в ожидании окончательного урегулирования вопроса, Л. Д. Троцкий распорядился о пропуске одного очередного английского курьера в Англию и одного из Англии.

«Правда» № 203,
14 (1) декабря 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ЦИК О СОЗЫВЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ [119])

(21 ноября)

Принципиальных возражений против проекта не было: то, что говорилось против него, имеет не принципиальный, а оппортунистический характер. Тов. Крамаров [120]) сказал, что это — военная хитрость, но если она приводит к демократичности,

*) Этот документ написан Л. Д. Троцким; вполне возможно, что он был согласован с представителем английского посольства.

ставит Учредительное Собрание в прямую, непосредственную и постоянную связь с народом, то побольше бы таких хитростей. По постановке вопроса тов. Крамаровым выходит, что чем демократичнее, тем ближе к большевикам.

Учредительное Собрание должно быть созвано так, чтобы народ хирургически, путем разгона, не мог прекратить его существование. Если бы кадет оказалось большинство,—что невероятно, беру лишь для примера,—то, конечно, Учредительное Собрание не получило бы власти. Право отзыва обойдет и поправит этот вопрос безболезненным путем. Мы хотим создать для народа возможность легальных выборов. В эпоху революции народ учится каждый день и часто вчерашний день ненавидит. И ему принадлежат право контроля и право отзыва. Поправка тов. Карелина о непрерывной преемственности нами обязательно принимается, поправка же о введении перевыборов путем референдума поставлена ошибочно. В Советах организовано более трети населения, это, во-первых, а во-вторых, советское решение не предрешает перевыборов.

«Протоколы заседаний ЦИК 2-го созыва», протокол № 14.

ВСЕМ СОВЕТАМ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ, ВСЕМ АРМЕЙСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

В Совет Народных Комиссаров поступило из многих мест требование об отсрочке выборов в Учредительное Собрание ввиду целого ряда практических затруднений.

Наряду с этим, очень многочисленны указания на то, что созданная низвергнутым правительством Всероссийская Комиссия по выборам ведет свою работу недобросовестно, искусственно затрудняя выборы наиболее демократическим слоям населения. Через посредство этой комиссии кадеты, партия заклятых врагов народа, стремятся подделать Учредительное Собрание.

Совет Народных Комиссаров не считает возможным приостановить выборную работу кадет и соглашателей и отсрочить созыв Учредительного Собрания.

Но вместе с тем Советская власть считает своим прямым долгом принять немедленно все меры к тому, чтобы обезопасить

народную волю от фальсификации. В этих видах мы предлагаем всем местным Советам, всем армейским организациям немедленно же собрать все факты явного и прямого нарушения избирательных прав и интересов трудящихся масс со стороны центральной или местных избирательных комиссий.

На основании этих материалов Совет Народных Комиссаров представит доклад Учредительному Собранию, которое примет, несомненно, необходимые меры к устранению злоупотреблений и к обеспечению перевыборов в тех областях, где эти злоупотребления явно исказили волю населения.

Военно-Революционный Комитет.

«Известия» № 232,
22 ноября 1917 г.

РАЗГОВОР НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ С ВЕРХОВНЫМ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ

(24 ноября, 3 часа дня)

У аппарата Главковерх? Товарищ Верховный Главнокомандующий! Предлагаем принять представителя украинского штаба при вашей Ставке [121]). Равным образом предлагаем включить представителя Центрального Секретариата в состав общероссийской мирной делегации. Что касается создания единого украинского фронта из нынешних юго-западного и румынского, то вопрос этот должен остаться открытым до определения воли всех заинтересованных областей демократическим путем. Вполне одобряем вашу политику: не чинить никаких политических препятствий передвижению украинских частей с севера на юг, поскольку это допускается общим положением фронта и состоянием транспорта, в первую голову—интересами продовольствия всей армии. В этих вопросах решение принадлежит вам и вашему штабу. Украинские трудящиеся массы должны на деле понять, что общероссийская Советская власть не будет чинить никаких затруднений самоопределению Украины, в какие бы формы это самоопределение окончательно ни вылилось, и что признание Народной Украинской Республики со стороны Российской власти—самое полное и самое искреннее. Но мы считаем в то же время необходимым открыто показать не только перед русскими, но и перед украинскими трудящимися массами противоречие социалисти-

Н. КРЫЛЕНКО.

ческой политики Советской власти и буржуазной политики Центральной Рады, которая фактически становится, может быть, против воли некоторой своей части—правительством имущих классов на Украине. Не намереваясь ни в малой степени навязывать свою волю украинскому народу, Совет Народных Комиссаров, в то же время, готов всеми зависящими от него средствами поддержать Советы украинских рабочих, солдат и беднейших крестьян в их борьбе против буржуазной власти и буржуазной политики Центральной Рады. Что касается заявления комиссара казачьих войск в Ставке, то оно является грубо неосновательным и должно быть решительно отвергнуто.

Каледин ввел в Донской области военное положение. Шахтеры Донецкого бассейна находятся под гнетом калединского режима. В Ростове-на-Дону калединцы, поддерживаемые кадетами, установили на крышах пулеметы и терроризуют город. В руках нашей судебно-следственной комиссии имеются документы, с несомненностью устанавливающие теснейшую связь Каледина с монархическим заговором Пуришкевича [122]). Ввиду этих фактов Советская власть приняла меры к тому, чтобы одним ударом положить конец преступным действиям калединцев и корниловцев, которые обманывают трудовое казачество, разоренное и обессиленное войной, и натравливают его на его братьев солдат, рабочих и крестьян всей России. Равным образом и на Урале нами принимаются меры к тому, чтобы положить конец контр-революционному мятежу Дутова[123]), члена казачьего правительства, который, опираясь на денежную поддержку кадетской буржуазии, разоружил оренбургский гарнизон, арестовал Исполнительный Комитет, Военно-Революционный и стачечный комитеты и совершает отвратительные насилия над революционными гражданами, не щадя женщин. Мы приказали не входить ни в какие переговоры с контр-революционными заговорщиками, которые стремятся, руку об руку с Родзянко и Милюковым, в интересах казачьего дворянства и буржуазии, залить кровью весь Урал, а затем и всю Россию. Просим разъяснить казакам, что Совет Народных Комиссаров делает строгое различие между казачьими офицерскими, помещичьими и буржуазными верхами, которые идут заодно со всей российской контр-революцией, и между трудовым казачеством, которому Советская власть готова притти на помощь всеми имеющимися у государства средствами. Нимало не покушаясь на самоуправление казаков, их нравы и обычаи, Советская

власть намерена в то же время беспощадно сокрушить восстание Калединых, Корниловых и Дутовых, которые действуют заодно с врагами народа—кадетами—и пытаются снова накинуть петлю на шею рабочих, солдат, крестьян и казаков. Поэтому мы предлагаем, товарищ Верховный Главнокомандующий, немедленно двинуть по направлению к Москве, Ростову-на-Дону и Оренбургу такие силы, которые, не колебля линии нашего фронта, были бы достаточно могущественны, чтобы в кратчайший срок стереть с лица земли контр-революционный мятеж казачьих генералов и кадетской буржуазии. Жду ответа.

Народный Комиссар *Троцкий.*

* * *

Вопрос о казачьих войсках на фронте стоит остро в связи с приостановленным планом Духонина о сосредоточении крупных казачьих частей и переброской их на Дон, Урал и Дальний Восток. Эшелоны стоят на вокзалах без фуража и продовольствия. Сдвинуть их в глубокий тыл России нецелесообразно, оставить на фронте, в связи с крайне обостренным отношением к ним,—тоже. Кроме того, направление на Ростов эшелонов сопряжено с территориальным нарушением границ Украины. Единственно, что можно будет сделать, это—оставить эти части в прифронтовой полосе, пока они держатся всюду прилично. И еще вчера делегация просила издать воззвание о более мягком к ним отношении со стороны войск. Как поступить с казачьим комиссаром, вручившим декларацию, и комиссарами при частях? Как поступить с формированием национальных мусульманских, молдаванских, армянских и польских войск? В отношении последних вопрос обострился со вчерашнего дня. Делегация покорно принимает мои распоряжения о сосредоточении и изолировании их в определенном районе, но руководящие органы буржуазны насквозь. Принципиально стоя на точке зрения независимости Польши, не допускают демократизации легионов; в связи с моим приездом и распространением декрета о земле, поднялось сильное аграрное, чисто классовое, антипольское движение, в ряде случаев переходящее в беженский погром. Нужно получить принципиальное решение о формировании национальных войск. На Западном фронте вопрос будет решаться в зависимости от опроса самих солдат.

Прошу точных ответов на все вопросы.

Крыленко.

* * *

Запросите Украинскую Раду, считает ли она себя обязанной оказывать содействие в борьбе с Калединым или же намерена рассматривать продвижение наших эшелонов на Дон, как нарушение своих территориальных прав. Ответ опубликуйте во всеобщее сведение. Вся армия, в том числе и украинцы, должна знать, что обеспечение Донецкого бассейна от Калединской анархии—есть вопрос жизни и смерти для революции. Что касается формирования национальных полков, то предлагаем не чинить никаких политических препятствий и ставить только те ограничения, которые сейчас вытекают из положения дел на фронте, объясняя каждый раз заинтересованным частям причину затруднений. С национальными полками необходимо обеспечивать прочную и надежную связь в лице энергичных и тактичных комиссаров. Необходимо принять меры к обеспечению немедленного перевода всех декретов, воззваний и приказов на язык каждой национальной части. В национальных войсках, руководимых буржуазией, необходимо создавать социалистические ячейки и тесную связь с нашими войсками и комитетами. Здесь буржуазия надеется на то, что национальные войска будут за нее против нас, но мы не сомневаемся, что выяснение советской политики в национальном и экономическом вопросах и в вопросе о войне и мире вырвет почву из-под ног буржуазии.

Еще раз повторяю о необходимости принять самые неотложные меры к подавлению уральского и донского мятежей. Тамошние и смежные гарнизоны мобилизовали все силы, но их одних не достаточно.

Чем скорее будет ликвидирована эта последняя попытка буржуазно-помещичьей России поднять голову, тем меньше она потребует жертв. Было бы желательно, чтобы в особом приказе по армии выяснили роль кадетской партии, которая, с одной стороны, пролезает в Учредительное Собрание, а с другой—поднимает казачье восстание в тылу. Вся армия должна понять, что победа Милюковых, Родзянок, Калединых и проч. означала бы окончательное закабаление народа своей и чужой буржуазной олигархии и дальнейшее затягивание войны. Жизненным интересом каждого солдата является скорейшее подавление кадетско-казачьего мятежа, который имеет своей прямой задачей сорвать перемирие и мирные переговоры.

Троцкий.

* * *

Я хочу знать, как поступить с казачьими комиссарами при Ставке и частями, подавшими заявление?

Крыленко.

* * *

Этот вопрос вам необходимо разрешить самому, в зависимости от тамошних условий, но так, чтобы колеблющиеся элементы поняли, что Советская власть не собирается шутить с агентами Калединых в то время, как эти последние заносят разбойничий нож на революцию.

Троцкий.

«Правда» № 200,
9 декабря (26 ноября) 1917 г.

О САБОТАЖЕ ЧИНОВНИКОВ

Чиновники государственных и общественных учреждений, саботирующие работу в важнейших отраслях народной жизни, объявляются врагами народа.

Их имена будут отныне публиковаться во всех советских изданиях, и списки врагов народа будут вывешиваться во всех публичных местах.

Люди, которые усугубляют хозяйственную разруху и подрывают продовольствие армии и страны, являются отверженцами и не имеют права на пощаду. Они объявляются под общественным бойкотом. Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, профессиональные союзы, кооперативы и все вообще народные организации приглашаются установить над контр-революционными чиновниками, подрывающими народную власть, бдительный и суровый надзор. Отверженцы не должны встречать ни откуда поддержки. Кто не хочет работать с народом, тому нет места в рядах народа.

К позорному столбу саботажников!

Бойкот преступным пленникам капитала!

Военно-Революционный Комитет.

«Газета Временного Рабоче-Крестьянского Правительства» № 19,
26 ноября (9 декабря) 1917 г.

ПРИКАЗ КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

Отдел наград, титулы и ордена упраздняются. Штат служащих переводится в другие отделы.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Правда» № 199,
8 декабря (25 ноября) 1917 г.

ВОПРОС ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ Т. ЧИЧЕРИНА И ДР. *)

Вчера, 23-го, представитель великобританского посла, член посольства, «неофициально» явился к Народному Комиссару по иностранным делам для урегулирования вопроса об освобождении т.т. Чичерина, Петрова и др. и об отмене запрещения выезда великобританским гражданам из России. На основании происшедшего краткого обмена мнений можно предполагать, что этот вопрос будет в самом скором времени благополучно ликвидирован.

«Правда» № 199,
8 декабря (25 ноября) 1917 г.

КО ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ

В то время как представители Рабочих, Солдатских и Крестьянских Советов открыли переговоры с целью обеспечить достойный мир измученной стране, враги народа, империалисты, помещики, банкиры и их союзники—казачьи генералы предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания. Кадетская буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Родзянки, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и при по-

*) Документ этот нами внесен в настоящий том, потому что все официальные материалы НКИД по поводу ареста Чичерина были написаны т. Троцким. *Ред.*

мощи Калединых, Корниловых и Дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей. Каледин ввел на Дону военное положение, препятствует доставке хлеба на фронт и собирает силы, угрожая Екатеринославу, Харькову и Москве. К нему на помощь прибыл бежавший из заключения Корнилов, тот самый, который в июле ввел смертную казнь для солдат и шел походом на революционный Петроград. В Оренбурге Дутов арестовал исполнительный и военно-революционный комитеты, разоружил солдат и пытается овладеть Челябинском, чтобы отрезать сибирский хлеб, направляемый на фронт и в города. Караулов [124]) громит чеченцев и ингушей на Кавказе. Политическим штабом этого восстания является Центральный Комитет кадетской партии. Буржуазия предоставляет десятки миллионов контр-революционным генералам на дело мятежа против народа и его власти. Буржуазная Центральная Рада Украинской Республики, ведущая борьбу против украинских Советов, помогает Калединым стягивать войска на Дон, мешает Советской власти направить необходимые военные силы по земле братского украинского народа для подавления Калединского мятежа. Кадеты, злейшие враги народа, подготовлявшие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются изнутри Учредительного Собрания притти на помощь своим генералам—Калединым, Корниловым, Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ.

Рабочие, солдаты, крестьяне! Революция в опасности! Нужно народное дело довести до конца. Нужно смести прочь преступных врагов народа. Нужно, чтобы контр-революционные заговорщики, казачьи генералы, их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа. Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контр-революционное восстание будет подавлено, и виновники понесут кару, отвечающую тяжести их преступления.

Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Все те области на Урале, Дону и других местах, где обнаружатся контр-революционные отряды, объявляются на осадном положении.

2. Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.

3. Какие бы то ни было переговоры с вождями контр-революционного восстания или попытки посредничества безусловно воспрещаются.

4. Какое бы то ни было содействие контр-революционерам со стороны местного населения или железнодорожного персонала будет караться по всей тяжести революционных законов.

5. Вожди заговора объявляются вне закона.

6. Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти.

Совет Народных Комиссаров.

«Известия» № 236,
25 ноября 1917 г.

ПРИКАЗ КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

Ввиду неполучения ответа на посланные телеграммы и радиотелеграммы послам, посланникам, членам посольств и пр. Российской Республики с предложением немедленного ответа о согласии работать под руководством Советской власти на основе платформы 2 Всероссийского Съезда, увольняются со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности, а равным образом, лишаются права производить с сегодняшнего дня какие бы то ни было выдачи из государственных средств—

Чрезвычайный посланник, полномочный министр в Англии—Константин Дмитриевич *Набоков* [125]).

Посол в Японии—Василий Николаевич *Крупенский* [126]).

Посол в Сев.-Амер. Соединен. Штатах—Георгий Петрович *Бахметев* [127]).

Посол в Италии—Михаил Николаевич *Гирс*.

Посланник в Китае—бывш. кн. Николай Александрович *Кудашев*.

Посол в Испании—Анатолий Васильевич *Неклюдов*.

Советник посольства во Франции—Николай Александрович *Базили*.

Генеральный консул в Париже—Сергей Владимирович *Зорин*.

Посланник в Швеции—Константин Николаевич *Гулькович*.

Поверенный в делах во Франции—Матвей Маркович *Севастопуло*.

Поверенный в делах в Голландии — Генрих Генрихович *Бах*.

Поверенный в делах в Швейцарии—Андрей Михайлович *Ону*.

Генеральный консул в Лондоне—Александр Михайлович *Ону*.

Советник посольства в Вашингтоне—Константин Михайлович *Ону*

Чрезвычайный посланник, полномочный министр в Бельгии—Дмитрий Александрович *Нелидов*.

Посланник в Португалии — Николай Севастьянович *Эттер*.

Чрезвычайный посланник, полномочный министр при Бразильских Соед. Штатах и при республиках: Урагвайской, Парагвайской и Чилийской—Александр Ипполитович *Щербатский*.

Посланник при Аргентинской республике—Евгений Федорович *Штейн*.

Посланник в Египте—Алексей Александрович *Смирнов*.

Посланник в Румынии—Станислав Альфонсович *Паклевский-Козелл*.

Консул в Канаде—Сергей Александрович *Лихачев*.

Посланник в Сиаме—бывш. гр. Иосиф Григорьевич *Лорис-Меликов*.

Генеральный консул в Корее—Яков Яковлевич *Люти*.

Генеральный консул в Барцелоне—бывш. кн. Александр Александрович *Гагарин*.

Посланник в Греции—Илим Павлович *Демидов*.

Советник при посольстве в Афинах—Василий Николаевич *Штрандман*.

Генеральный консул в Риме—Георгий Парамонович *Забелло*.

Первый секретарь посольства в Париже—Владимир Михайлович *Горлов*.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

26 ноября 1917 года.

«Правда» № 201,
11 декабря (27 ноября) 1917 г.

РЕЧЬ В МАНЕЖЕ ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКА О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ [128])

(27 ноября)

Одним из главных обвинений против нас в устах буржуазии, ее газетчиков, ее политиков, ее ораторов, является наша политика по отношению к буржуазной прессе. Говорят, что мы являемся душителями свободы слова. Это обвинение размягчает сердца так называемой демократической интеллигенции, т.-е. поверхностных мещан, которые не привыкли и не умеют заглядывать в сущность дела, а скользят по поверхности. Свобода печати! Что понимают под этим словом адвокаты буржуазии? То же самое, что и под свободой торговли. Каждый человек, у которого в распоряжении имеется капитал, имеет право, ибо имеет возможность, открыть фабрику, лавку, дом терпимости или газету — в зависимости от того, в какую сторону направлен его личный вкус. Издавая газету, он получает барыш. Это и есть его свобода печати. Но пользуются ли этой свободой печати миллионы крестьян, рабочих, солдат, вообще беднота? Нет. Им для этого не хватает основного условия свободы: возможности—фактической, реальной возможности—издавать газеты. У них нет типографий, нет запасов бумаги, нет денег. Стало быть, буржуазная свобода печати есть монополия капиталиста в деле распространения идей капиталистического класса, в деле отравления народного сознания и загрязнения народной совести отбросами буржуазной мысли. Для трудящихся народных масс буржуазная свобода печати равносильна подневольному пользованию буржуазными газетными листами с их ложью, лицемерием, клеветой, шовинизмом, травлей... Где начинается свобода печати для народных масс? Она начинается с того момента, когда народные массы получают в свое распоряжение материальные орудия печатания, когда в их руки переходят наборные машины и печатные станки, вместе с запасами бумаги. Мы, Советская власть, смотрим на дело свободы печати таким образом, что считаем себя обязанными, прежде всего, вырвать из рук буржуазных классов монополию распоряжения средствами книгопечатания и передать эти средства в распоряжение всего народа на основах приблизительной пропорциональности. Это значит, что все частные типографии и запасы бумаги должны быть объявлены и будут объявлены общенарод-

ной собственностью, причем граждане смогут пользоваться средствами книгопечатания в той пропорции, какая отвечает действительной мощи отдельных классов, отдельных партий, отдельных идейных течений.

Одной из самых могущественных газет у нас была «Новое Время». Благодаря чему? Не потому ведь, что «Новое Время» имело за собою могущественное народное течение. Наоборот, во время всех выборов, какие прошли пред нами за время революции, мы не знали и не видели партии «Нового Времени». Но так как Суворин-отец получал жирные подачки из государственных средств в течение десятилетий, то Суворины-сыны получили в наследство могущественную машину лжи и клеветы и требуют, чтобы им было предоставлено право обеспечивать безостановочный ход этой машины. Вот что такое для них свобода печати. И даже люди, как Горький[129]) или Короленко[130]), люди несомненно честные, но проникнутые насквозь мелкими и пошлыми предрассудками мещанской среды, готовы проливать свои слезы по поводу насилия над нововременскою свободой печати.

Могущественным орудием в руках капиталистической прессы являются объявления, которые по существу не находятся ни в какой уже ровно связи с газетным делом, как с таковым, а служат средством облагать данью население в интересах монополистов-газетчиков. Освобождение газетного дела из-под абсолютной диктатуры капитала должно начаться с монополизации газетных объявлений. Эти объявления являются своего рода налогом, а право взимать налоги должно быть целиком и безраздельно передано в руки государства и других органов власти, т.-е. Советов. Только советские издания имеют право, согласно декрета Совета Народных Комиссаров, принимать платные объявления, доход от которых отныне должен пополнять исключительно народную кассу. На это никак не соглашаются капиталистические газетчики. Они видят в этом новом законе нарушение прав своей капиталистической личности. Они вопиют о попрании всех свобод, о нарушении законов божеских и человеческих. Когда, в ответ на нарушение ими декрета о монополии объявлений, красногвардейцы или матросы закрывают их газеты, как того требует декрет, на сцену немедленно же выступают Горькие, Короленки и поднимают вопль о попрании свободного слова. Все эти жалобы, обвинения и клеветы нимало не трогают, однако, сердца широких рабочих, крестьянских и солдатских масс. Вовсе не

потому, чтобы эти массы были грубы и им непонятно было возвышенное отношение буржуазных интеллигентов к свободе печати, а потому, что трудящиеся массы, пробужденные к духовной жизни, к ее высоким интересам, с удесятеренной силой чувствуют теперь, каким ужасающим лишениям подвергает их капиталистический режим в деле печати. Если бы в распределении газетных средств буржуазия располагала только той их частью, которая отвечает ее численности, подавляющее большинство нынешних изданий немедленно перешло бы в руки народа. И это отвечало бы подлинно высокому понятию свободы печати. Установить такой режим составляет нашу задачу.

Разумеется, осуществить ее нелегко. Буржуазия, имущие классы не сдают без боя того, что находится в их руках. Они знают, какое могущественное оружие представляет собою пресса. У них на содержании находится значительный штат газетных мужчин и женщин, которые, отстаивая свободу печати, отстаивают свой источник дохода и источник своей дешевой популярности. Все эти люди всеми доступными им средствами борются против нашей политики в отношении свободы печати; не выпускают из рук объявлений, не подчиняются декрету, лгут, клевещут, вопиют, проклинают... Наша борьба против буржуазных газетчиков, против монополистов печатного дела воспринимается мещанской улицей, как борьба против свободного слова, но подлинные массы народные, те миллионы, на которые опираются Советы и Советская власть, прекрасно понимают, что дело идет о завоевании первейших элементарных условий для подлинной народной свободы печати. Каждая типография, которая создана народным трудом и украденым у народа капиталом, каждая типография, которую мы вырываем из рук буржуазии и передаем в руки Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, является камнем в здании подлинной свободы печати. Несмотря на всю клевету и на все противодействия, мы эту работу доведем до конца, и на место тех газетных домов терпимости, которые теперь создаются властью капитала во имя барыша, будут созданы подлинные органы свободной человеческой мысли.

«Правда» № 202,
13 декабря (30 ноября) 1917 г.

ОТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ТРУДОВЫМ КАЗАКАМ

Братья-казаки!

Вас обманывают. Вас натравливают на остальной народ. Вам говорят, будто Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов—ваши враги, будто они хотят отнять вашу казацкую волю, вашу казацкую «вольность». Не верьте, казаки! Вам лгут. Вас преступно обманывают. Ваши собственные генералы и помещики обманывают вас, чтобы держать вас во тьме и в кабале. Мы, Совет Народных Комиссаров, обращаемся к вам, казаки, с этим словом. Прочитайте его внимательно и судите сами, где правда, а где—злой обман.

Жизнь и служба казака были всегда неволей и каторгой. По первому зову начальства казак обязан был садиться на коня и выступать в поход. Всю воинскую «справу» казак должен был создавать на свои кровные, трудовые средства. Казак в походах—хозяйство расстраивается и падает. Справедлив ли такой порядок? Нет, он должен быть отменен навсегда. Казачество должно быть освобождено от кабалы. Новая, народная, Советская власть готова притти трудовому казачеству на помощь. Нужно только, чтобы сами казаки решились отменить старые порядки, сбросить с себя покорность крепостникам-офицерам, помещикам, богачам, скинуть с своей шеи проклятое ярмо. Поднимайтесь, казаки! Объединяйтесь! Совет Народных Комиссаров призывает вас к новой, более свободной, более счастливой жизни.

В октябре и ноябре происходили в Петрограде Всероссийские Съезды Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов. Эти съезды передали всю власть на местах в руки Советов, т.-е. в руки выборных от народа людей. Отныне не должно быть на Руси никаких правителей и чиновников, которые сверху командуют народом и помыкают им. Народ сам создает свою власть. У генерала не больше прав, чем у солдата. Все равны. Рассудите, казаки, дурно это или хорошо. Мы призываем вас, казаки, присоединиться к этому новому народному порядку и создавать ваши собственные Советы Казацких Депутатов. Этим Советам должна принадлежать на местах вся власть:

не атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового казачества, своим доверенным, надежным людям.

Всероссийские Съезды Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов постановили все помещичьи земли передать в пользование трудового народа. Разве же это несправедливо, казаки? Корниловы, Каледины, Дутовы, Карауловы, Бардижи [131]) всей душой стоят за интересы богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы отстоять земли за помещиками. Но вы, трудовые казаки, разве же вы сами не страдаете от бедности, гнета и земельной тесноты? Сколько есть казаков, у которых не больше 4—5 десятин на двор! А рядом с ними казаки-помещики, у которых тысячи десятин своей земли и которые, сверх того, прибирают к рукам войсковые земли и угодья. По новому советскому закону земли казаков-помещиков должны без всякой платы перейти в руки казаков-тружеников, казачьей бедноты. Вас пугают тем, будто Советы хотят отнять у вас ваши земли. Кто вас пугает? Казаки-богачи, которые знают, что Советская власть хочет помещичьи земли передать в ваши собственные руки. Выбирайте же, казаки, за кого вам встать: за Корниловых и Калединых, за генералов и богачей или же за Советы Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов.

Избранный Всероссийским Съездом Совет Народных Комиссаров предложил всем народам немедленное перемирие и честный демократический мир, без обиды и ущерба для какого-либо народа. Все капиталисты, помещики, генералы-корниловцы восстали против мирной политики Советской власти. Им война давала барыши, власть, чины. А что несла она вам, рядовым казакам? Вы гибли без смысла и без цели, подобно вашим братьям,— солдатам и матросам. Вот уже скоро три с половиной года, как тянется эта проклятая бойня, которую капиталисты и помещики всех стран затеяли из-за своих выгод, из-за мировых грабежей. Трудовому казачеству война принесла лишь разорение и гибель. Из казачьего хозяйства война высосала все соки. Единственное спасение для всей нашей страны и для трудового казачества в частности, это—скорый и честный мир. Совет Народных Комиссаров заявил всем правительствам и всем народам: мы не хотим чужого и не хотим отдавать свое. Мир без аннексий и без контрибуций! Каждый народ должен сам решать свою судьбу. Не должно быть никакого притеснения одной нации другой. Такой именно

честный, демократический, т.-е. народный, мир предлагает Совет Народных Комиссаров всем правительствам, всем народам, союзным и враждебным. И первый результат налицо: на русском фронте уже установлено перемирие. Там уже не льется солдатская и казацкая кровь. Теперь, казаки, решайте сами: если вы хотите дальше вести эту пагубную, бессмысленную, преступную бойню, тогда поддержите кадет—врагов народных, поддержите Чернова, Церетели, Скобелева, которые бросили вас в наступление 18 июня, поддержите Корнилова, который ввел на фронте смертную казнь для солдат и казаков. А если хотите скорого и честного мира, тогда становитесь в ряды Советов и поддержите Совет Народных Комиссаров.

Ваша судьба, казаки, в ваших собственных руках. Наши общие враги—помещики, капиталисты, корниловцы-офицеры, буржуазные газетчики—обманывают вас и толкают вас на путь гибели. В Оренбурге Дутов арестовал Совет и разоружил гарнизон. Каледин угрожает Советам на Дону. Он объявил там военное положение и стягивает туда войска. Караулов расстреливает туземцев на Кавказе. Кадетская буржуазия снабжает их своими миллионами. Их общая цель: задушить народные Советы, подавить рабочих и крестьян, ввести снова палочную дисциплину в армии и увековечить рабство трудового казачества.

Наши революционные войска двинулись на Дон и на Урал, чтобы положить конец преступному восстанию против народа. Начальникам революционных войск отдан приказ: ни в какие переговоры с мятежными генералами не входить, действовать решительно и беспощадно.

Казаки! От вас зависит теперь, будет ли дальше еще литься братская кровь. Мы вам протягиваем руку. Объединитесь со всем народом против его врагов. Объявите Каледина, Корнилова, Дутова, Караулова и всех их сообщников и пособников врагами народа, изменниками и предателями. Арестуйте их собственными силами и передайте их в руки Советской власти, которая будет их судить гласным и открытым революционным судом.

Казаки! Объединяйтесь в Советы Казацких Депутатов. Берите в свои трудовые руки управление всеми делами казачества. Отбирайте земли ваших собственных помещиков-богачей. Передавайте их зерно, их инвентарь на обработку земель трудового казачества, разоренного войною.

Вперед, казаки, на борьбу за общенародное дело!

Да здравствует трудовое казачество!

Да здравствует союз казаков, солдат, крестьян и рабочих!

Да здравствует власть Советов Казацких, Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов!

Долой войну! Долой помещиков и генералов-корниловцев!

Да здравствует мир и братство народов!

Совет Народных Комиссаров.

«Известия» № 238,
28 ноября 1917 г.

К РАБОЧИМ И СОЛДАТАМ ПЕТРОГРАДА

Темные силы буржуазии, под видом празднования дня созыва Учредительного Собрания, готовят сегодня контр-революционное выступление [132]). Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов по этому поводу постановляет: Всем рабочим и солдатам воздержаться от участия в сегодняшних демонстрациях; потребовать от Совета Народных Комиссаров принятия всех необходимых мер для порядка в городе и беспощадного подавления всякого покушения на погромы, разгромы и захваты. Да здравствует революционный порядок! Да здравствует революция!

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

«Известия» № 238,
28 ноября 1917 г.

КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ И ЭКСПЛОАТИРУЕМЫМ

Правительственное сообщение

Буржуазия, руководимая кадетской партией, подготовила к моменту созыва Учредительного Собрания все свои силы для контр-революционного переворота. На Урале и на Дону Корнилов, Каледин и Дутов подняли знамя гражданской войны—против Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов. Богаевский [133]), помощник Каледина, открыто заявляет, что восстание начато по прямому требованию кадетской партии, кото-

рая давно уже связала себя официально с контр-революционной частью казачества. На Урале кадетская буржуазия поддерживает контр-революционный мятеж деньгами и продуктами. Под Белгородом [134]) произошли первые кровавые столкновения революционных войск с отрядами буржуазных заговорщиков. Таким образом прямая гражданская война открыта по инициативе и под руководством кадетской партии. Центральный Комитет этой организации является сейчас политическим штабом всех контр-революционных сил страны.

Эта работа, непосредственно угрожающая делу мира и всем завоеваниям революции, ведется под прикрытием защиты Учредительного Собрания. Кадетская центральная избирательная комиссия [135]) вела свою работу, прячась от Советов и скрывая все данные о выборах, чтобы не дать возможности обнаружиться провалу кадет, прежде чем заговор Милюкова, Каледина, Корнилова и Дутова увенчается успехом. Совет Народных Комиссаров постановил открыть Учредительное Собрание, как только соберется половина его членов, т.-е. 400 из 800. В этом постановлении заключалось лучшее опровержение злобных клевет, будто Совет Народных Комиссаров, опирающийся на все трудящиеся классы страны, не хочет созвать Учредительное Собрание. Но именно поэтому буржуазия не могла дожидаться спокойно законного созыва народного представительства. Несколько десятков лиц, назвавших себя депутатами, не предъявляя своих документов, ворвались вечером 28 ноября в сопровождении вооруженных белогвардейцев, юнкеров и нескольких тысяч буржуев и саботажников-чиновников в здание Таврического дворца.

Задача кадетской партии состояла в том, чтобы создать якобы «законное» прикрытие для кадетско-калединского контрреволюционного восстания. Голос нескольких десятков буржуазных депутатов они хотели представить, как голос Учредительного Собрания.

Совет Народных Комиссаров доводит об этом заговоре до сведения всего народа. Все завоевания народа, и в том числе близкий мир, поставлены на карту. На Юге—Каледин, на Востоке—Дутов, наконец, в политическом центре страны, в Петрограде, заговор Центрального Комитета кадетской партии, который непрерывно направляет на юг в помощь Каледину корниловцев-офицеров. Малейшая нерешительность или слабость народа

может закончиться крушением Советов, крушением дела мира, гибелью земельной реформы, новым всевластием помещиков и капиталистов.

В полном сознании огромной ответственности, которая ложится сейчас на Советскую власть, за судьбы народа и революции, *Совет Народных Комиссаров объявляет кадетскую партию,* как организацию контр-революционного мятежа, *партией врагов народа.*

Совет Народных Комиссаров обязуется не слагать оружия в борьбе против кадетской партии и ее калединских войск.

Политические вожди контр-революционной гражданской войны будут арестованы. Буржуазный мятеж будет подавлен, чего бы это ни стоило.

В этой борьбе Совет Народных Комиссаров твердо рассчитывает на поддержку и несокрушимую верность революции со стороны всех революционных рабочих, крестьян, солдат, матросов, казаков, со стороны всех честных граждан.

Долой буржуазию! Врагам народа, помещикам и капиталистам, не должно быть места в Учредительном Собрании! Спасти страну может только Учредительное Собрание, состоящее из представителей трудовых и эксплоатируемых классов народа. Да здравствует революция! Да здравствуют Советы! Да здравствует мир!

Совет Народных Комиссаров.

«Известия» № 239,
29 ноября 1917 г.

К СВЕДЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Въезд из-за границы через Торнео в Россию разрешается лицам, паспорта которых визированы нашим полномочным дипломатическим агентом в Стокгольме, гражданином Вячеславом Вячеславовичем Воровским [136] (Стокгольм, Родманегатан, 161).

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Газета Временного Рабоче-Крестьянского Правительства» № 23,
2 декабря 1917 г.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ОБ ОТНОШЕНИИ К УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СОБРАНИЮ И ПАРТИИ К.-Д. [137])

(2 декабря)

Заседание открывается приветствием т. Скрыпника [138]) от имени новоизбранной городской думы.

На первом же собрании новая дума решила обратиться с горячим приветом к Петроградскому Совету и выразить уверенность, что первая в России социалистическая коммуна в русле советской власти сумеет осуществить стоящие перед ней громадные задачи.

Председательствующий т. Троцкий благодарит за приветствие и высказывает надежду, что Петроградская коммуна вровень с Советами выполнит работу по радикальной демократизации всей петроградской жизни и организации ее на пользу трудящихся.

* * *

Т. Троцкий начинает с сообщения о ходе переговоров о перемирии, каковой вопрос имеет тесную связь с его докладом.

За сентябрь и октябрь немцы перебрасывали много войск с нашего фронта на итальянский и западный. Тогда не было перемирия, но и не было фактической войны, и они могли без риска совершать передвижения. Мы предъявили требования о непереброске всех частей, кроме находящихся в движении. Часов сорок назад можно было думать, что по этому пункту будет разрыв. Немцы упорно сопротивлялись этому пункту, они предлагали было компромиссные решения, которые в общем сводили наши требования к нулю. Генерал Гофман [139]) заявил, что исполнение наших требований для Германии совершенно неприемлемо. Но мы телеграфировали в Брест-Литовск, что это требование категорическое, не по условию с союзниками, а потому, что мы не хотим помогать одному милитаризму против другого и, кроме того, перемирие должно быть общим. Мы сказали Гофману, что при его отказе мы обратимся к солдатам и скажем: мы хотели для вас перемирия и отдыха, а ваши генералы хотят продолжать лить вашу кровь на другом фронте. И вот мы получили согласие и этим до-

казали успех и силу прямых, открытых переговоров. Мы думаем, что, пока мы сохраним этот метод, мы будем успевать и в мирных переговорах, которые начнутся вслед за подписанием перемирия.

Задача всей буржуазии—сорвать переговоры, вырвать это бесспорное орудие успеха Советской власти и оградить себя от реформ на пользу народа и в ущерб ей, который она предчувствует в намеченной программе реквизиций и демократизаций. Все мелкие партии исчезли и растворились в кадетской. Эта партия скопом врагов и базой контр-революции стоит перед нами. Мы вступили в эпоху прямой гражданской войны между народом и партией насилия и экспроприации народного труда.

Наши противники схватились за Учредительное Собрание, желая и его использовать против нас. Но Учредительное Собрание, это—несколько сот человек, и оно лишь постольку будет диктовать свою волю, поскольку сумеет опереться на организованные и вооруженные массы. Вот почему руководители контр-революционной буржуазии не хотели мирно ждать Учредительного Собрания, чтобы в нем померяться со своими противниками красноречием и количеством голосов. Они поняли, что сейчас Учредительное Собрание будет работать не в условиях власти Керенского, а в условиях диктатуры Советов и пролетариата, в условиях полной и всесторонней демократизации армии. Эти условия превращают Учредительное Собрание в средство могучего давления организованного пролетариата на тех, что стоят у него на пути.

Буржуазия и не ждала: она готовила контр-революцию очагами восстания, рассчитывая на возможность переворота. Между Калединым, Дутовым, здешними контр-революционными казачьими руководителями и кадетами протянулись прочные и неразрывные связи. Имеется достаточно указаний на то, что отсюда направлялись на юг группы контр-революционеров и в первую голову офицеров, оставлявших части.

Каледин вооружил свыше 40.000 войска, собрал стариков, кадеты дали ему миллионы деньгами и припасы, и он направил войска с целью отрезать Москву от губерний, дающих хлеб и уголь. Этому намерению воспрепятствовал гарнизон. На Дону, куда ездили Родичев [140]) и Аджемов [141]) и где они заключали политические договоры, целью которых было сжать шахтеров, рабочих и солдат, пришла на помощь Каледину Рада.

На вопросе о Раде [142]) следует остановиться. Если воля украинского народа такова, что он хочет жить независимой республи-

кой, мы эту волю всемерно поддержим. Поскольку идет вопрос о самостоятельности, для нас это вопрос только братского размежевания и добрососедского сотрудничества. Но Рада проводит политику буржуазии и идет против Советов. На этом пути она встретила согласие Каледина. Несмотря на запрещение Ставки, Рада погрузила две казацкие дивизии и вернула их к Каледину. А когда понадобилось направить наши войска против южного мятежа, Рада заявила, что не пропустит их через свою территорию. Она позволила себе разоружить нашу часть на своей территории. Это поведение Рады совершенно недопустимо. Рада помогает кадетам, которые собираются под ее услужливой защитой в Киеве. Так меняется позиция. Когда Терещенко и Церетели сделали уступки, кадеты встали на дыбы и заявляли о своем выходе из кабинета, а теперь оба оплота буржуазии дружно обнялись. Мы ни минуты не колебались в наших действиях против этого союза. Поднялись Каледин на Дону, Дутов на Урале; мы не могли дать им поощрения. Мы объявили революцию в опасности, двинули на них революционных красноармейцев и матросов, и счастливые для нас последствия уже налицо.

Но мы не могли ограничиться одним военным пресечением. Наши братья умирали под пулями, посылаемыми и оплаченными кадетской буржуазией. Мы стояли пред твердой готовностью затопить свободу в крови, сорвать Советскую власть и вместе с ней уже близкий мир. Миллионы были пущены в ход, чтобы поднять против нас темные массы; мы это знали и ждали последнего боя. И он уже начался, враги народа мобилизовали все свои силы и силы своей мошны, якобы на защиту Учредительного Собрания, того Учредительного Собрания, которое они же восемь месяцев срывали.

Неужели мы могли бы мирно заседать здесь за одним столом со штабом контр-революции, в то время как наши братья дрались бы с ней на полях сражений? Нет, мы сказали нашим борющимся братьям: вы ведете с ними войну, и у нас не может быть с ними мира. Для нас звание членов Учредительного Собрания—высокое звание, но звание представителей революционного народа еще выше. Мы заявили, что в условиях, когда мы напрягаем все усилия, чтобы заключить мир, страдаем от продовольственной разрухи, мучаемся в окопах, видим, что мир близок,—тем, кто ему препятствует, объявляется беспощадная борьба, и на них обрушится гнев народа. (Аплодисменты, переходящие в овацию.)

Говорят—мы хотим сорвать Учредительное Собрание. До октябрьского восстания мы говорили, что контр-революционная буржуазия готова сдать Петроград, чтобы обезглавить революцию и изжить петроградскую заразу и испорченный Балтийский флот. Третьего дня в министерстве внутренних дел найден опубликованный документ о добровольной сдаче Корниловым Риги[143]). То, что мы предсказывали и за что навлекли на себя нарекания в демагогии, подтвердилось официальным документом. Так же, как существование Петрограда они срывали и созыв Учредительного Собрания. И мы поставили вопрос о свержении власти.

Нас пугают, что Учредительное Собрание будет иметь кадетское большинство. Но мы хотели бы видеть Учредительное Собрание, препятствующее заключению мира, переходу земли к крестьянам, контролю над производством. Это невозможно, это побасенка. Про такое Учредительное Собрание народ сказал бы: тут я дал маху,—и он отозвал бы этих политиканов и выбрал бы другое, *свое* Учредительное Собрание. Совет Народных Комиссаров заявил, что, как только будут зарегистрированы 400 членов, Учредительное Собрание откроется. Всех делегатов свыше 800. Ясная и простая логика говорит, что не могут первые съехавшиеся 30 членов открыть Учредительное Собрание. Центральная избирательная комиссия заявила, что не признает новой революции. Но она не имела денег и держала местные избирательные комиссии на голодной диэте, не посылала ни конвертов, ни бюллетеней, ни денежной поддержки. Выборы затормозились, и вот почему Учредительное Собрание до сего времени не открылось. Это обнаружилось лишь три дня тому назад и повлекло за собой арест членов центральной избирательной комиссии.

Те, что приехали и собрались в количестве 30 человек, заявили, что новой власти не признают и документов новой комиссии не представят. Но мы знаем, что скоро найдутся 400 человек, которые законно войдут в Учредительное Собрание. О тех, кто не захочет с ними работать—народ не заплачет.

Слишком твердо стоит власть Советов на местах и в центре, слишком велики стоящие перед нами задачи, чтобы мы не объявили мировым насильникам беспощадную борьбу. Мы не испугаемся воплей по поводу нашего террора. Эти вопли— их самооборона, их методы классовой борьбы. Они не испугали нас открытым мятежом, не испугают и воплями.

Независимо от времени созыва Учредительного Собрания, независимо от политических группировок в нем — разделение страны произошло. Мы вступили на путь экономических преобразований, и вопрос о переходе в народные руки фабрик, заводов и шахт разделил страну. Во главе одной группы стоят кадеты, другая возглавляется Советами. Пропасть между группами не закроешь соглашательством, и отсюда беспочвенность соглашателей. История поставила вопрос ребром. Вы взяли власть, так сумейте же удержать власть и превратить ее в орудие социалистического переворота. Нужно показать буржуазии, что ее красные деньки миновали. Во всех случаях ее саботажа мы не остановимся перед самыми жестокими карами. Мы не толстовцы-непротивленцы. Мы протестовали против насилий кучки над целым народом, но горе ей, когда она сопротивляется воле миллионов!

Мы сделали скромное начало, арестовав кадетских главарей и приказав на местах взять их под надзор. Во время французской революции якобинцы более честных людей за сопротивление народу вели на гильотину. Мы никого не казнили и не собираемся казнить, но бывают минуты народного гнева, и кадеты сами набиваются на него. Они саботируют, срывают, всячески злостно углубляют разруху, и никто из нас не возьмется сказать, что народ, доведенный до крайности, откажется и от этой последней меры.

Но мы сильны покамест, и нам нет надобности в э.их крайностях. Но все должны знать, что народ долго терпеть не будет и сметет все препятствия со своего пути.

Петроградский Совет, лозунгами которого совершилась и творится революция, поймет и поддержит решение Совета Народных Комиссаров итти по пути борьбы.

«Известия» № 244,
6 декабря 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ПО ДОКЛАДУ ОБ ОТНОШЕНИИ К УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СОБРАНИЮ И К ПАРТИИ К.-Д.

(2 декабря)

Присоединяясь целиком к резолюции ЦИК, принятой 1 декабря, по вопросу о созыве Учредительного Собрания и декрете Народных Комиссаров о партии кадет, Петроградский

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов требует от ЦИК и Совета Народных Комиссаров немедленного издания декрета о недопущении и изгнании из Учредительного Собрания представителей кадетской партии, как врагов народа.

«Известия» № 244,
6 декабря 1917 г.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ЗАГОВОРЕ КАДЕТ И ПЬЯНЫХ ПОГРОМАХ

(2 декабря)

Заговор кадет открыт достаточно глубоко. Я не могу огласить многие сведения, но покамест скажу, что имеющиеся в руках следственной комиссии данные—убийственны для кадетской партии.

Распространяется прокламация, что в нашем правительстве имеются немецкие генералы. И в связи с этой прокламацией совершенно определенную возмутительную позицию заняла одна из бесчестнейших газет—«День»[144], она же «Ночь» и «Полночь». Данные предварительного следствия имеются и об руководителях этой газеты, и когда тот революционный суд, который слишком долго затягивался, наконец, откроется, пред лицом народа и они должны будут дать свой ответ.

Заговор открыт, но не подавлен. Склады вина еще грабятся, на Васильевском острове подожжен винный склад. Товарищи, нужно всемерно с этим бороться, и в этой борьбе необходима ваша инициатива. Нельзя действовать только сверху. В самом начале бесчинство не было пресечено твердой рукой, и происходящее есть отчасти результат попустительства. Но надо ясно сознать, что если солдат, в руках которого власть и который грабит и пьянствует, бесчестит эту власть, то и тот, который не пресечет пьянства, не примет мер против него, тоже ее бесчестит. Говорят, что в среде самих выборных наблюдались случаи, когда и они вовлекались в соблазн. Товарищи, это—позор! Выдвинутая народом власть не имеет с народом иной связи, кроме самих рабочих, солдат и крестьян, это наша единственная основа. Если основа прогниет, у нас не останется фундамента, и почва уйдет из-под наших ног.

Водка есть такая же политическая сила, как слово. Революционное слово пробуждает сон и толкает на путь борьбы с угнетателями, а водка есть противоположность слову, она снова усыпляет, чтоб усыпленный был побежден. Не наша буржуазия открыла этот путь борьбы: во всех странах и во всех революциях враги народа хватались за водку, как за орудие распада, дезорганизации, деморализации.

Если мы не боимся их происков, их нападок, то страшен нам распад в нашей собственной среде. Сорганизуйтесь, соберите ваши силы, недреманным оком следите и боритесь за революционную честь!

Объявите всеми наличными силами войну водке. Если не удастся остановить пьянство вам, у нас не останется другого средства, кроме броневиков. Помните, каждый день пьянства, это день их приближения к победе и нашего — к былому рабству.

«Известия» № 246,
8 декабря 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ПЬЯНСТВЕ И ПОГРОМАХ

(2 декабря)

Заслушав доклад о пьянстве и погромах, Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановляет:

1. Назначить товарища Благонравова [145]) чрезвычайным военным комиссаром Петрограда по борьбе с пьянством и погромами.

2. Предоставить в его распоряжение необходимые военные силы.

3. Вменить товарищу Благонравову в обязанность уничтожить винные склады, очистить Петроград от хулиганских банд, разоружить и арестовать всех, порочивших себя участием в пьянстве и разгроме.

4. Все Районные Советы Р. и С. Д., все части гарнизона и красногвардейцы призываются оказывать военному комиссару, товарищу Благонравову, полное содействие.

5. Поручить И. К. рассмотреть возбужденный комиссарами вопрос о введении военного положения для успешной борьбы

с пьянством и погромами и, если окажется необходимым, уполномочить И. К. дать санкцию на введение военного положения в Петрограде.

«Известия» № 244,
6 декабря 1917 г.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Ввиду открывающихся работ комиссии по вопросам о заложниках, гражданских пленных и беженцах—выдача паспортов в воюющие с нами страны и оккупированные местности временно приостанавливается.

Подписали: Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий

Народный Комиссар по внутренним делам

Г. Петровский.

1 декабря 1917 г.

«Правда» № 213,
26 (13) декабря 1917 г.

ОТ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

К сведению союзных и нейтральных посольств и миссий.

Некоторые посольства отказали в визе паспортов дипломатическим курьерам Народного Комиссариата по Иностранным делам. В качестве мотива соответственные учреждения указывали на то, что Совет Народных Комиссаров еще не «признан» в качестве правительства. Вопрос о признании есть вопрос формальный, и Советская власть с полным безразличием относится к этой подробности дипломатического ритуала. Непризнание не избавляет, однако, от необходимости считаться с Советским правительством, как с фактом. Указания на то, что «непризнанное» правительство не может иметь дипломатических курьеров, неосновательны уже по одному тому, что Советская власть считает необходимым дипломатические сношения не только с правительствами, но и с революционно-социалистическими партиями,

стремящимися к низвержению существующих правительств. Наконец, нельзя не указать на то, что вышеозначенные посольства проводят политику «непризнания» крайне односторонне, так как сами они непрерывно обращаются в Народный Комиссариат по Иностранным Делам с просьбами о предоставлении им тех или других разрешений и свидетельств, об обеспечении свободного проезда их дипломатическим курьерам и пр. и пр

Считая сохранение такого порядка совершенно недопустимым, Народный Комиссар по Иностранным Делам распорядился, чтобы отныне не выдавать никаких пропусков и вообще не делать никаких облегчений представителям тех посольств, которые видят свою задачу в создании для Советской власти мелочных канцелярских затруднений.

«Известия» № 243,
3 декабря 1917 г.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ—РАДЕ *)

Исходя из интересов единства и братского союза рабочих и трудящихся, эксплоатируемых масс в борьбе за социализм, исходя из признания этих принципов многочисленными решениями органов революционной демократии, Советов, и особенно 2 Всероссийского Съезда Советов, социалистическое правительство России, Совет Народных Комиссаров, еще раз подтверждает право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России.

Поэтому мы, Совет Народных Комиссаров, признаем народную Украинскую Республику и ее право совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой о федеративных или тому подобных взаимоотношениях между ними.

Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, признается нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно.

*) Этот документ написан, как отмечает Л. Д. Троцкий в своем ответе на наш запрос, т. Лениным совместно с ним, причем первая часть постановления написана, главным образом, В. И. Лениным, вторая—т. Троцким.

Ред.

Против Финляндской буржуазной Республики [146]), которая остается пока буржуазной, мы не сделали ни одного шага в смысле ограничения национальных прав и национальной независимости финского народа, и не сделаем никаких шагов, ограничивающих национальную независимость какой бы то ни было нации из числа входящих и желающих входить в состав Российской Республики.

Мы обвиняем Раду в том, что, прикрываясь национальными фразами, она ведет двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине (между прочим, Рада отказывается созвать, по требованию Советов Украины, краевой съезд украинских Советов немедленно). Эта двусмысленная политика, лишающая нас возможности признать Раду, как полномочного представителя трудящихся и эксплоатируемых масс Украинской Республики, довела Раду в самое последнее время до шагов, означающих уничтожение всякой возможности соглашения.

Такими шагами явились:

Во-первых, дезорганизация фронта. Рада перемещает и отзывает односторонними приказами украинские части с фронта, разрушая таким образом единый общий фронт до размежевания, осуществимого лишь путем организованного соглашения правительств обеих республик.

Во-вторых, Рада приступила к разоружению советских войск, находящихся на Украине.

В-третьих, Рада оказывает поддержку кадетско-калединскому заговору и восстанию против Советской власти. Ссылаясь заведомо ложно на автономные будто бы права «Дона и Кубани», прикрывая этим калединские контр-революционные выступления, идущие вразрез с интересами и требованиями громадного большинства трудового казачества, Рада пропускает через свою территорию войска к Каледину, отказываясь пропускать войска против Каледина.

Становясь на этот путь неслыханной измены революции, на путь поддержки злейших врагов, как национальной независимости народов России, так и Советской власти, врагов трудящейся и эксплоатируемой массы,—кадетов и калединцев, Рада вынудила бы нас объявить без всяких колебаний войну ей, даже если бы она была уже вполне формально признанным и бесспорным органом высшей государственной власти независимой буржуазной Республики-Украины.

В настоящее же время, ввиду всех вышеизложенных обстоятельств, Совет Народных Комиссаров ставит Раде перед лицом Украинской и Российской Республик следующие вопросы:

1. Обязуется ли Рада отказаться от попыток дезорганизации общего фронта?

2. Обязуется ли Рада не пропускать впредь без согласия Верховного Главнокомандующего никаких войсковых частей, направляющихся на Дон, Урал или в другие места?

3. Обязуется ли Рада оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контр-революционным кадетско-калединским восстанием?

4. Обязуется ли Рада прекратить все свои попытки разоружения советских полков и рабочей Красной гвардии на Украине и возвратить немедленно оружие тем, у кого оно отнято?

В случае неполучения удовлетворительного ответа на эти вопросы в течение сорока восьми часов, Совет Народных Комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине.

Совет Народных Комиссаров.

4 декабря 1917 г., № 262.

«Известия» №244,
6 декабря 1917 г.

К КОНФЛИКТУ С РАДОЙ

Центральная Рада и калединско-кадетская контр-революция

Читателям известен ультиматум Совета Народных Комиссаров Раде. Ультиматум был вызван тем, что Рада недвусмысленно поддерживает калединскую контр-революцию, разоружая советские войска на Украине и мешая продвижению революционных войск против Каледина. Вчера был получен длинный ответ Рады, недостойный по тону и совершенно неудовлетворительный по содержанию. Ответ этот будет опубликован завтра. Вслед за получением ответа было получено предложение Центральной Рады, переданное через революционный штаб Петроградской Краевой Войсковой Рады, о желательности мирного улажения конфликта. Предложение это замечательно в том отношении, что оно свидетельствует о переломе настроения Рады в сторону мирных переговоров. Тем не менее оно не удовлетворило Совет

Народных Комиссаров, ибо оно обходит основной вопрос об отношении Рады в борьбе с калединско-кадетской контрреволюцией. Поэтому Совет Народных Комиссаров, идя навстречу возможным мирным переговорам с Радой, считает, что переговоры эти имели бы смысл лишь в том случае, если бы Рада отказалась безусловно и категорически от какой бы то ни было поддержки калединско-кадетского мятежа на Дону. Ниже мы печатаем предложение Рады и ответ Совета Народных Комиссаров.

Ответ Рады Совету Народных Комиссаров

Украинский Революционный штаб, по уполномочию правительства Украинской Народной Республики, имеет честь представить на усмотрение правительства Великороссийской Республики результаты переговоров штаба со своим правительством касательно ультиматума Совета Народных Комиссаров Центральной Украинской Раде и ответа правительства Украинской Республики на этот ультиматум.

Из переговоров явствует, что конфликт между Украинской и Великороссийской Республиками может быть улажен при соблюдении следующих условий:

1) признание со стороны Совета Народных Комиссаров прав Украинской Народной Республики и полное невмешательство его в дела Республики;

2) удовлетворение требования об украинизации воинских частей и вывода этих частей с других фронтов в пределы Украины;

3) надлежащее регулирование вопроса о денежных знаках и золотом запасе;

4) невмешательство Совета Народных Комиссаров и Ставки Главковерха в управление украинским, т.-е. румынским и юго-западным фронтами;

5) разрешение вопроса о мире при участии Украинской Республики.

При этом правительство Украинской Республики полагает, что заявление Совета Народных Комиссаров о принципиальном признании вышеизложенных условий, равно как и ответ на ноту правительства об образовании в России федеративного социалистического правительства, могли бы быть приняты за основу для

улажения конфликта, во избежание войны между Украиной и Великороссией.

Относительно пропорции участия украинцев в составе федеративного правительства, правительство Украинской Народной Республики полагает, что ввиду того особого значения, которое приобретает Украинская Республика в данный момент, благодаря своей организованности и стремлению к действительному упорядочению взаимоотношений во всей России и установлению нормального хода революционной жизни в отдельных республиках, Украине должно принадлежать не менее третьей части представительства.

Вместе с сим Украинский Революционный штаб уполномочен своим правительством заявить правительству Российской Республики, что, ввиду финансовых затруднений, из пределов Украины не будут высылаться продовольственные продукты впредь до получения непосредственно Генеральным Секретариатом наличного расчета за продукты кредитными билетами и в одной трети расчета золотом.

Украинский Революционный штаб, уповая, что конфликт братских народов будет разрешен благополучно по взаимному удовлетворению, изъявляет полную готовность использовать все свои силы в данном деле.

Атаман штаба *Байндренко*.
Адъютант *Усик*.

Украинскому Революционному Штабу Петроградской Краевой Войсковой Рады

В ответ на ваше предложение о мирном улажении конфликта между Центральной Радой и Советом Народных Комиссаров, сделанное «по уполномочию правительства Украинской Народной Республики», Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) мирные способы улаживания конфликта, разумеется, желательны, и Советская власть все делала для достижения именно мирного разрешения вопроса;

2) что касается выдвинутых Радой условий, то те из них, которые имеют принципиальный характер (право на самоопределение), не составляли и не составляют предмета спора или конфликта, так как Совет Народных Комиссаров признает и проводит эти принципы во всей их полноте:

3) действительным предметом конфликта, совершенно замалчиваемым в передаваемых вами условиях Рады, является поддержка Радой буржуазной кадетско-калединской контр-революции, направленной против власти Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов;

4) соглашение с Радой возможно только при условии категорического заявления Рады об ее готовности немедленно отказаться от какой бы то ни было поддержки калединского мятежа и контр-революционного заговора кадетской буржуазии.

Совет Народных Комиссаров.

«Известия» № 245,
7 декабря 1917 г.

ОТВЕТ НА ЗАПРОС ДЕЛЕГАЦИИ 2 ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ [147]) О КОНФЛИКТЕ МЕЖДУ СОВЕТОМ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ И УКРАИНСКОЙ РАДОЙ *)

Т. Троцкий ответил, что в свою очередь и Совет Народных Комиссаров стремится к этому, и что с его стороны до сих пор не последовало ни одного агрессивного акта, в то время как Рада беспрепятственно пропускает калединские войска, но останавливает и разоружает советские. Она всячески содействует Каледину, который восстал против власти Советов, громит советские организации, задерживает уголь и хлеб, захватывает узловые станции. Те войска, которые направлялись для борьбы с Калединым, получали по возможности такое направление, при котором они обошли бы более или менее густо населенные центры влияния Украинской Рады, для того, чтобы не давать повода для каких бы то ни было конфликтов. Против самой Рады до сих пор не было отправлено ни одного солдата. Совет Народных Комиссаров не только не ищет вооруженного столкновения, но

*) 7 декабря на Съезде было заслушано сообщение делегации Съезда, которой накануне было поручено выяснить вопрос о конфликте между Советом Народных Комиссаров и Украинской Радой.

Докладчик делегации тов. Островский рассказывает о том, что делегация явилась в Совет Народных Комиссаров, в котором за поздним временем оставался лишь один тов. Троцкий, предъявила ему свои полномочия и заявила, что Всероссийским Крестьянским Съездом ей поручено прежде всего попытаться предупредить кровопролитие.

и всячески его избегает. Наоборот, Рада делает, повидимому, все, что только может, для того, чтобы провоцировать конфликт. Напоминая о событиях в Киеве и в Одессе, т. Троцкий выражает опасение, что всякая попытка соглашения с Радой не будет иметь ни малейшего успеха. Далее тов. Островский рассказывает о переговорах делегации с Радой, представлявших для делегации огромную трудность, так как Винниченко [148]) и Ткаченко всячески уклонялись от дачи прямых ответов. Ни одного конкретного случая агрессивных действий со стороны Совета Народных Комиссаров ни тот, ни другой указать не могли. По вопросу об отношении Рады к восстанию Каледина оба заявили, что они считают движение на Дону стремлением к самоопределению и что в этом отношении они будут соблюдать строгий нейтралитет. Тем не менее, им пришлось сознаться, что они пропускают на Дон казацкие войска. Продолжение переговоров было назначено на 10 час. вечера и потому тов. Островский от имени делегации просил освободить его от необходимости более подробно излагать сущность переговоров с Украинской Радой.

«Известия» № 247,
9 декабря 1917 г.

ПОЛ-ПРАВДЫ

В газете «Русский Вестник», которую немецкое правительство издает для русских солдат, мы читаем:

«Наши читатели нас спрашивают, кто такой Троцкий. В Дрездене вышла из печати на немецком языке, в книгоиздательстве Кадена и К°, книга Л. Троцкого «Россия во время революции» [149]), в которой Троцкий описывает свои переживания во время революции 1905 года и нынешней. Он принадлежит к известному Совету Рабочих Депутатов, который тогда почти завладел властью. Троцкий был арестован с Советом и отправлен в Сибирь, откуда ему удалось бежать, сначала в Петербург, затем за-границу. Весь революционный мир восторгался его удавшимся побегом, и как характерно, что когда был низвержен царизм, тайные друзья царизма, вскоре по возвращении Троцкого из долголетней ссылки, посадили его в тюрьму. Он был отпущен на свободу лишь после всеобщего протеста русского народа...

Неужели необходимо более ясное доказательство сходства по взглядам английского империализма и русского царизма».

Так говорит немецкая правительственная газета, предназначенная для русских войск; и говорит правильно. Английский империализм действительно очень похож на покойный русский царизм. Но немецкая правительственная газета говорит не всю правду.

В начале войны т. Троцкий издал в Швейцарии брошюру на немецком языке «Война и Интернационал» [150]). Эта брошюра направлена против империалистов всех стран, в том числе и Германии. Швейцарские социалисты ввезли брошюру в значительном количестве в Германию, где левые социалисты, друзья Либкнехта, единомышленники Ленина и Троцкого, распространяли эту брошюру среди рабочих. Результатом явился ряд обысков и арестов, затем—процесс, причем автор брошюры, т. Троцкий, заочно приговорен германским судом к тюремному заключению.

К сожалению, об этом деле газета немецкого генерального штаба не говорит ни слова. Она молчит о том, почему Либкнехт [151]) сидит в тюрьме, почему в тюрьме Роза Люксембург [152]) и многие-многие другие... Английский империализм очень похож на русский царизм. Это верно, но это только пол-правды. Надо прибавить, что и германский империализм ничем от них не отличается. Тогда будет полная правда.

«Известия» № 246,
8 декабря 1917 г.
(Напечатано без подписи.)

ЗАГОВОР ИМПЕРИАЛИСТОВ С КАЛЕДИНЦАМИ

Последнее предостережение

Отдельные союзные офицеры, члены союзных военных миссий и посольств, позволяют себе самым активным образом вмешиваться во внутреннюю жизнь России, разумеется, не на стороне народа, а на стороне контр-революционных империалистических калединско-кадетских сил. Мы предостерегали этих господ не раз. Но настал, повидимому, час последнего предостережения. Виднейшие представители Соединенных Штатов оказываются замешаны в калединский заговор; они принимали все меры, чтобы оказать ему содействие. Под видом поезда Красного Креста, предназначавшегося для юго-западного фронта, американские офицеры в Яссах, гг. Андерсон и Пэркинс, и их соучастники,

русские офицеры Колпашников и Верблюнский, сделали попытку обмануть бдительность советских властей, отправить несколько десятков автомобилей и многое другое на Дон, в распоряжение Каледина [153].

Заговор оказался раскрыт. Полковник Колпашников и другие соучастники его арестованы. Захвачены бумаги исключительной важности. В телеграмме г. Андерсона, начальника американской миссии Красного Креста в Яссах, полковнику Колпашникову поручается получить у г. Фрэнсиса [154], посла Соединенных Штатов, 100.000 руб. на отправку поезда... в Ростов. В захваченных у Колпашникова бумагах имеется подписанное г. Фрэнсисом удостоверение в том, что поезд идет «из Петрограда в Яссы». Сейчас этот таинственный поезд никуда не пойдет. Он задержан в Петрограде Советской властью.

Заговор раскрыт. Заговор американских (и не только американских) империалистов с калединцами. Нити этого заговора ведут, как мы видели, очень высоко.

Слово за г. Фрэнсисом! Слово за теми, кто его сюда послал!

«Известия» № 247,
9 декабря 1917 г.
(Напечатано без подписи.)

„ВООРУЖЕНИЕ" ПЛЕННЫХ АВСТРИЙЦЕВ

Среди бесчисленной лжи, которую распространяют буржуазные и подхалимские листки, ложь «Новой Жизни» [155] стоит не на последнем месте. В пятницу некий Р. Григорьев [156] напечатал в этой газете, будто Л. Троцкий, поверив на-слово «некоему пленному австрийскому офицеру», вооружает отряд военнопленных. Разумеется, это—чистейший вздор. Л. Троцкий сообщил лишь, что венгерский офицер-интернационалист, давно ведущий революционную пропаганду среди венгров против австро-венгерской монархии, сообщил, что среди пленных венгров и австрийцев-пролетариев очень сильное движение против германского империализма и что если по вине центральных империй демократический мир окажется невозможным, то революционные австро-венгерцы готовы будут предоставить целый отряд в распоряжение революционной России против германского империализма.

Только всего. Никто никаких пленных не вооружает. Все это жалкий субъект из «Новой Жизни» наврал. И можно не сомневаться, что все остальные будут теперь по меньшей мере неделю повторять на все лады ложь, сочиненную Григорьевым.

«Правда» № 210,
22 (9) декабря 1917 г.
(Напечатано без подписи.)

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ХАРБИНСКИХ ВЛАСТЕЙ [157])

Харбин. Капитану Луцкому.

В ответ на ваше донесение о том, что местные харбинские власти добились введения в Харбин [158]) иностранных войск, приказываем вам: 1) немедленно арестовать всех тех должностных лиц, которые этого домогались или этому содействовали; 2) предложить официально соответственным иностранным представителям удалить иностранные войска из города.

Ответственность за порядок в Харбине возлагается на вас.

Об исполнении донести.

Народный Комиссар по иностранным делам

Троцкий.

«Известия» № 249,
12 декабря 1917 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Принимая во внимание, что Советская власть стоит на почве принципов международной солидарности пролетариата и братства трудящихся всех стран; что борьба против войны и империализма может только в международном масштабе привести к полной победе,—Совет Народных Комиссаров считает необходимым притти всеми возможными средствами на помощь левому интернационалистскому крылу рабочего движения всех стран совершенно независимо от того, находятся ли эти страны с Россией в войне или в союзе, или же сохраняют нейтральное положение.

В этих целях Совет Народных Комиссаров постановляет: ассигновать на нужды революционного интернационального движения в распоряжение заграничных представителей Комиссариата по иностранным делам 2 миллиона рублей.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Вл. Ульянов (Ленин).

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Правда» № 213,
26 (13) декабря 1917 г.

НАЗНАЧЕНИЯ

Именем Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Гражданин Карпинский [159]) сим назначается временным уполномоченным Народного Комиссариата по иностранным делам в Женеве. Все чины посольства, военной миссии и все вообще должностные лица Российской Республики, пребывающие в настоящее время в Швейцарии по служебным делам, приглашаются, по первому требованию гражданина Карпинского, сдавать ему текущие дела, документы, а также находящиеся в их распоряжении денежные суммы из государственных средств Российской Республики. Всякое противодействие распоряжениям Карпинского в указанном смысле будет приравнено к государственному преступлению.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

* * *

Именем Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Гражданин Литвинов [160]) сим назначается временным уполномоченным Народного Комиссариата по иностранным делам в Лондоне. Все чины посольства, военной миссии и все вообще должностные лица Российской Республики, пребывающие в настоящее время в Великобритании по служебным делам, приглашаются, по первому требованию гражданина Литвинова,

сдавать ему текущие дела, документы, а также находящиеся в их распоряжении денежные суммы из государственных средств Российской Республики. Всякое противодействие распоряжениям Литвинова в указанном смысле будет приравнено к государственному преступлению.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Газета Временного Рабоче-Крестьянского Правительства» № 40, 28 декабря 1917 г.

сдавать ему текущие дела, документы, а также находящиеся в их распоряжении денежные суммы из государственных средств Российской Республики. Всякое противодействие распоряжениям Литвинова в указанном смысле будет приравнено к государственному преступлению.

Народный Комиссар по иностранным делам
Л. Троцкий.

«Газета Временного Рабоче-Крестьянского Правительства» № 40, 29 декабря 1917 г.

X

Борьба за мир

X

Борба за мир

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ НОТА ПОСЛАМ СОЮЗНЫХ СТРАН[161])

Сим честь имею известить Вас, господин посол, что Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов организовал 26 октября новое Правительство Российской Республики, в виде Совета Народных Комиссаров. Председателем этого Правительства является Владимир Ильич Ленин, руководство внешней политикой поручено мне, в качестве Народного Комиссара по иностранным делам.

Обращая Ваше внимание на одобренный Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов текст предложения[161 а]) перемирия и демократического мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, честь имею просить Вас смотреть на указанный документ, как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров,—предложение, с которым полномочное Правительство Российской Республики обращается одновременно ко всем воюющим народам и к их правительствам.

Примите уверение, господин посол, в глубоком уважении Советского Правительства к народу Вашей страны, который не может не стремиться к миру, как и все остальные народы, истощенные и обескровленные этой беспримерной бойней.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

8 ноября 1917 г.

«Известия» № 220,
9 ноября 1917 г.

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ ЦИК[162]) О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(8 ноября)

Наша политика в области международных отношений продиктована декретом о мире, принятым Всероссийским Съездом Советов. Самый факт принятия декрета явился неожиданным для рутинного сознания буржуазного мира Европы, и к декрету отнеслись сперва скорее как к партийному заявлению, чем как к определенному акту государственной власти, предотавляющей многомиллионный народ. Буржуазия союзных стран отнеслась к декрету с величайшей враждебностью. Отношение правительств враждебных стран было и не могло не быть двойственным. С одной стороны, переворот интересовал их с точки зрения углубления смуты в России и увеличения их военных шансов, и это давало им повод для злорадства. С другой стороны, поскольку они понимали, что имеют дело не с эфемерным явлением, способным только дезорганизовать страну, поскольку они видели, что Советская власть опирается на широкие вооруженные массы,—постольку они не могли не сознавать, что победа Советов есть факт крупного интернационального значения. В этом отношении характерно, как отнеслись в Германии к известию о победе над Керенским. Наша радиотелеграмма из Царского Села была перехвачена австрийцами, но гамбургский радиотелеграф послал встречные волны, чтобы помешать распространению телеграммы. Двойственность отношения Германии состоит в том, что, как немцы, они готовы злорадствовать, как буржуазные имущие классы, они понимают, что нужно бояться.

На Советскую власть ложилась обязанность оформить предложение мирных переговоров и перемирия. Военно-политическая обстановка не была до сих пор благоприятной для совершения этого политического шага. Под Петербургом стоял отряд Краснова, и возможно было предполагать, что за ним придут другие отряды. В Москве шла борьба за власть. Сведения о провинции были неопределенные, отчасти благодаря так называемой нейтральности почтово-телеграфного союза.

В Западной Европе настроение было выжидательное. Было недоверие к новой Советской власти. У рабочих масс доверие к этой власти было, но существовало опасение, что она не устоит.

Сейчас правительство утвердилось, как факт, в обеих столицах страны, во многих важных провинциальных пунктах, в громадном большинстве армии, и оно притягивает к себе крестьянские массы. Эти факты бесспорны, как бы ни относиться к саботажу чиновничьих верхов и интеллигенции. А у Совета Народных Комиссаров существует вполне определенное мнение по отношению к саботажу: саботаж верхов должен быть сломлен при помощи низов; тот, кто саботирует, является прислужником контр-революционной буржуазии.

Теперь самые заскорузлые европейские дипломаты понимают, что разбить Советскую власть нельзя ни в день, ни в неделю. Перед ними раскрылась полная политическая беспомощность буржуазии в России, несмотря на ее громадную экономическую мощь. Они должны считаться с Советской властью, как с фактом, и стать к ней в известное отношение. Эти отношения складываются эмпирически, на практике: агенты европейских держав вынуждены обращаться к нам со всякого рода вопросами текущей жизни, как, например, о выезде, въезде и т. д. Что касается политического отношения к Советской власти, то оно неоднородно со стороны различных держав. Быть может, с наибольшей враждебностью относится правительство Великобритании, той страны, буржуазные верхи которой меньше всего рискуют потерять от войны и больше всего надеются выиграть. Затяжной характер войны отнюдь не противоречит политике Великобритании. Что касается Франции, то там большинство мелко-буржуазной демократии настроено миролюбиво, но оно беспомощно. Министерство мелких буржуа попадает в зависимость от биржи. Мелкий французский лавочник—пацифист и лично ничего не знает о тех тайных договорах и империалистических целях, за которые он проливает свою кровь. Франция больше всего пострадала от войны. Франция чувствует, что затяжной характер войны грозит ей вырождением и смертью. Борьба французского рабочего класса против войны растет с каждым днем. Острота положения Франции и рост оппозиции со стороны рабочего класса внутри страны привели к тому, что Франция ответила на возникновение Советской власти образованием министерства Клемансо[163]. Клемансо—радикал крайнего шовинистского крыла. В течение трех лет войны он не мог образовать своего министерства, и сейчас министерство Клемансо, составленное без участия социалистов и направленное против социалистов, есть судорога французской

мелко-буржуазной демократии, терроризованной созданием советского правительства. Мелкая буржуазия Франции считает нас правительством союза с Вильгельмом и, быть может, правительством борьбы против Франции.

Отрывочные сведения из Италии говорят об энтузиазме, с которым итальянский рабочий класс встретил Советскую власть. Италия 9 месяцев колебалась, на стороне какого лагеря ей выгоднее вмешаться в войну, и в эти 9 месяцев рабочий класс Италии имел возможность узнать, какую гибельную роль играет сотрудничество пролетариата с буржуазией. Что же касается средних классов и крестьянства, то и в этой среде произошло разочарование в этой войне, и это разочарование создает благоприятный резонанс для протестующего голоса пролетариата.

Соединенные Штаты вмешались в войну после трех лет, под влиянием трезвого учета американской биржи. Америка не могла допустить победы одной коалиции над другой, Америка заинтересована в ослаблении обеих коалиций и в закреплении гегемонии американского капитала. Кроме того, в войне заинтересована американская военная промышленность. Во время войны американский вывоз увеличился больше, чем в два раза, и дошел до цифры, которой не достигало ни одно капиталистическое государство. Весь вывоз почти целиком идет в союзные страны. Когда в январе Германия объявила неограниченную подводную войну, в Соединенных Штатах все вокзалы и пристани были завалены продуктами военной промышленности. Транспорт был дезорганизован, и Нью-Иорк пережил голодные бунты, такие, каких мы не видели здесь. Тогда финансовый капитал поставил Вильсону [164]) ультиматум: обеспечить сбыт продуктов военной промышленности внутри страны. Вильсон этому ультиматуму покорился, и отсюда подготовка к войне, а потом и война. Но Америка может терпимо отнестись к факту Советского правительства, так как она достаточно удовлетворена истощением союзных стран и Германии, и к тому же Америка заинтересована в помещении своих капиталов в России.

Что касается Германии, то ее внутреннее экономическое положение заставляет ее относиться с полутерпимостью к Советской власти. Мирные предложения, делавшиеся Германией, являются, с одной стороны, политикой нащупывания почвы, а с другой,—они диктовались стремлением свалить ответственность за продолжение войны на противный лагерь.

Все сведения, которые имеются у нас о впечатлении, произведенном декретом о мире в Европе, свидетельствуют о том, что наши самые оптимистические предположения оправдались. Немецкий рабочий класс отдает себе отчет в том, что̀ происходит сейчас в России, быть может, даже лучше, чем эти события понимаются в самой России. Действия рабочего класса в России более революционны, чем его сознание; но сознание европейского рабочего класса воспитывалось в течение десятилетий, и, исходя из классового анализа событий, совершающихся в России, пролетариат Запада понимает, что у нас совершился не захват власти кучкой заговорщиков, опирающихся на Красную Гвардию и матросов, как пытается это изобразить буржуазная пресса,—а что у нас начинается новая эпоха всемирной истории. Рабочий класс берет в свои руки государственный аппарат, и этот аппарат не может не стать аппаратом борьбы за мир. В историческую ночь 25 октября войне был нанесен смертельный удар. Война, как колоссальное предприятие разных классов и групп, убита. Европейские правительства заботятся уже не об осуществлении своих первоначальных целей, а о ликвидации этого предприятия, с наименьшим уроном для своего господства. Думать о победе нет возможности ни для одной, ни для другой стороны, и вмешательство рабочего класса в распрю есть фактор неизмеримого влияния. Декрет о мире широкими кругами расходится по Европе. Война скрипит, и задача Советской власти—нанести ей удар посредством формального предложения приступить к мирным переговорам.

Тайные договоры в моем распоряжении.

Старшие чиновники министерства, Нератов и Татищев, передали их мне добровольно [165]), поскольку здесь вообще можно говорить о добровольном согласии. Это не договоры, написанные на пергаменте, дело идет по существу о дипломатической переписке, о шифрованных телеграммах, которыми обменивались правительства. С завтрашнего дня я приступлю к их опубликованию. Они еще более циничны по своему содержанию, чем мы предполагали, и мы не сомневаемся, что в тот момент, когда германская социал-демократия получит доступ к железным шкафам, за которыми хранятся тайные договоры, она покажет нам, что и германский империализм, в своем цинизме и хищничестве, ни в чем не уступает хищничеству союзных стран.

Я разослал сегодня послам союзных держав следующий документ:

«Сим честь имею известить Вас, господин посол, что Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов организовал 26 октября новое правительство Российской Республики, в виде Совета Народных Комиссаров. Председателем этого правительства является Владимир Ильич Ленин, руководство внешней политикой поручено мне, в качестве Народного Комиссара по иностранным делам.

Обращая Ваше внимание на одобренный Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов текст предложения перемирия и демократического мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, честь имею просить Вас смотреть на указанный документ, как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров,—предложение, с которым полномочное правительство Российской Республики обращается одновременно ко всем воюющим народам и к их правительствам.

Примите уверение, господин посол, в глубоком уважении Советского правительства к народу Вашей страны, который не может не стремиться к миру, как и все остальные народы, истощенные и обескровленные этой беспримерной бойней.

Народный Комиссар по иностранным делам *Л. Троцкий*»

Военный Комиссар тов. Крыленко вместе с председателем Народных Комиссаров тов. Лениным взяли на себя переговоры с верховным главнокомандующим. Верховному главнокомандующему [166] послано следующее обращение:

«Гражданин верховный главнокомандующий. Совет Народных Комиссаров взял, по поручению Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, в свои руки власть, вместе с обязательством предложить всем воюющим народам и их правительствам немедленное перемирие на всех фронтах и немедленное открытие переговоров в целях заключения мира на демократических основах. Сейчас, когда Советская власть утвердилась во всех важнейших пунктах страны, Совет Народных Комиссаров считает необходимым безотлагательно сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях. Соответственное извещение послано Народным Комиссаром по иностранным делам всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде. Вам, гражданин верховный главнокомандующий, Совет Народных Комиссаров поручает во исполнение решения

Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов тотчас же, по получении настоящего извещения, обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров. Возлагая на вас ведение этих предварительных переговоров, Совет Народных Комиссаров приказывает вам:

1) непрерывно докладывать Совету по прямому проводу о ходе ваших переговоров с представителями неприятельских армий;

2) подписать акт перемирия только с предварительного согласия Совета Народных Комиссаров.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин).

Комиссар по иностранным делам *Л. Троцкий.*

Комиссар по военным делам *Крыленко.*

Скрепил: Секретарь *Н. Горбунов*».

Мы надеемся, что ответ Духонина пойдет по линии политики Советского правительства. Но каков бы ни был этот ответ, он не может отклонить политику Советов с пути мира.

В типографиях Петрограда печатается декрет о мире на всех языках и в первую голову—на немецком. Мы распространяем его в огромном количестве.

У меня есть документ, который показывает, что Керенский выступал, как подотчетное лицо, как приказчик союзного империализма. Мы ставим союзные правительства, как и враждебные нам, перед тем фактом, что русский народ и русская армия хотят положить конец войне, что у нас нет никаких империалистических домогательств, что мы бросаем в сорную корзину истории все те старые договоры, по которым нам причитались чужие территории, что мы стоим за истинный мир и потому делаем формальное предложение—начать мирные переговоры и заключить перемирие.

Все правительства находятся под давлением народов, и наша политика является силой, которая увеличивает это давление. Это—единственная гарантия, что мы получим мир, что этот мир будет честным миром, миром не разгрома России, а братского сожительства ее с соседними народами Западной Европы.

«Протоколы ЦИК за 1917 год»,
стр. 40—44, протокол № 8.

ТАЙНА ДИПЛОМАТИИ И ТАЙНЫЕ ДОГОВОРЫ[167])

Приступая к опубликованию секретных дипломатических документов из области внешней политики царизма и буржуазно-коалиционных правительств за первые семь месяцев революции, мы выполняем то обязательство, которое приняли на себя, когда наша партия находилась в оппозиции. Тайная дипломатия есть необходимое орудие в руках имущего меньшинства, которое вынуждено обманывать большинство, чтобы подчинять его своим интересам. Империализм, с его мрачными захватными планами и хищническими союзами и сделками, довел систему тайной дипломатии до высшего развития. Борьба против империализма, обескровившего и разорившего народы Европы, означает вместе с тем борьбу против капиталистической дипломатии, которая имеет достаточно причин бояться дневного света. Русский народ и с ним вместе народы Европы и всего мира должны узнать документальную правду о тех планах, которые втайне ковали финансисты и промышленники совместно со своими парламентскими и дипломатическими агентами. Право на эту правду народы Европы оплатили бесчисленными жертвами и всеобщим хозяйственным разорением.

Упразднение тайной дипломатии есть первейшее условие честной, народной, действительно демократической внешней политики. Проводить такую политику на деле ставит своей задачей Советская власть. Именно поэтому, открыто предлагая всем воюющим народам и их правительствам немедленное перемирие, мы одновременно публикуем те договоры и соглашения, которые утратили всякую обязательную силу для русских рабочих, солдат и крестьян, взявших в свои руки власть.

Буржуазные политики и газетчики Германии и Австро-Венгрии могут попытаться использовать публикуемые документы, чтобы представить в выигрышном свете дипломатическую работу центральных империй. Но всякая попытка в этом направлении была бы обречена на жалкое крушение. И это по двум причинам. Во-первых, мы намерены вскоре представить на суд общественного мнения секретные документы, достаточно ярко трактующие дипломатию центральных империй. Во-вторых,—и это главное,— методы тайной дипломатии так же интернациональны, как империалистическое хищничество. Когда германский пролетариат

откроет себе революционным путем доступ к тайнам своих правительственных канцелярий, он извлечет оттуда документы, ни в чем не уступающие тем, к опубликованию которых мы приступаем. Остается только пожелать, чтоб это произошло как можно скорее.

Рабочее и крестьянское правительство упраздняет тайную дипломатию с ее интригами, шифрами и ложью. Нам нечего скрывать. Наша программа формулирует пламенные желания миллионов рабочих, солдат и крестьян. Мы хотим скорейшего мира на основах честного сожительства и сотрудничества народов. Мы хотим скорейшего ниспровержения господства капитала. Разоблачая перед всем миром работу правящих классов, как она выражается в тайных документах дипломатии, мы обращаемся к трудящимся с тем призывом, который составляет неизменную основу нашей внешней политики: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Народный Комиссар по иностранным делам

9 ноября 1917 года, Смольный. *Л. Троцкий.*

«Известия» № 221,
10 ноября 1917 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ НОТА ПОСЛАМ НЕЙТРАЛЬНЫХ СТРАН

Господину Норвежскому посланнику.
Господину Нидерландскому посланнику.
Господину Испанскому посланнику.
Господину Швейцарскому посланнику.
Господину Датскому посланнику.
Господину Шведскому посланнику.

8 ноября во исполнение решения Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, я обратился от имени Совета Народных Комиссаров к союзным посольствам с предложением начатия переговоров о немедленном перемирии на всех фронтах и о демократическом мире без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Вместе с тем Совет Народных Комиссаров поручил военным властям и делегатам республиканской армии вступить в предварительные переговоры с военными вла-

стями неприятельских армий в целях достижения немедленного перемирия на нашем фронте, как и на всех фронтах.

Поставляя Вас об этом в известность, господин посланник, честь имею просить Вас принять все зависящие от Вас меры к тому, чтобы наше предложение немедленного перемирия и начатия мирных переговоров было официальным путем доведено до сведения неприятельских правительств.

Вместе с тем решаюсь выразить надежду на то, что Вы сделаете, господин посланник, все зависящие от Вас шаги для того, чтобы со всей необходимой полнотой осведомить о предпринятых Советской властью мерах в пользу мира общественное мнение того народа, правительство которого Вы представляете.

Трудящиеся массы нейтральных стран терпят величайшие бедствия в результате той преступной бойни, которая—если ей не будет положен конец—грозит втянуть в свой водоворот и немногие, еще остающиеся вне войны, народы. Требование скорейшего мира есть поэтому требование народных масс всех стран, воюющих и нейтральных. Советское правительство твердо рассчитывает поэтому в борьбе за мир найти самую решительную поддержку со стороны трудящихся масс нейтральных стран и просит Вас, господин посланник, принять наше уверение в готовности русской демократии упрочивать и развивать самые дружественные отношения с демократией всех стран.

Народный Комиссар по иностранным делам

10 ноября 1917 года. *Л. Троцкий.*

«Известия» № 222,
11 ноября 1917 г.

ПОЛКОВЫМ, ДИВИЗИОННЫМ, КОРПУСНЫМ И АРМЕЙСКИМ КОМИТЕТАМ, СОВЕТАМ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

Всем, всем, всем!

Бывший верховный главнокомандующий Духонин рассылает по армии ноту представителей союзных держав при Ставке [168]. Начальники всех союзных военных миссий, кроме американской, заявляют в своей ноте протест против всякого нарушения условий договора, заключенного царским правительством с союзни-

ками 23 августа 1914 г.[169]). Представители союзных правительств протестуют против сепаратного перемирия России с Германией, но в то же время не дают никакого ответа на сделанное им Советом Народных Комиссаров предложение перемирия на всех фронтах. В заключение союзные представители угрожают, что всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собою самые тяжкие последствия.

По поводу этой телеграммы генерала Духонина, считаю необходимым сделать перед лицом армии и страны следующее заявление:

Обращение союзных представителей с дипломатической нотой к генералу, отставленному за неподчинение распоряжению Правительства, означало бы с формальной стороны недопустимое вмешательство во внутреннюю жизнь страны с целью вызвать гражданскую войну. По существу же дипломатическая нота, если она не вымышлена, а действительна, означала бы попытку союзных представителей путем угроз заставить русскую армию и русский народ продолжать дальше войну во исполнение договоров, заключенных царем и подтвержденных правительствами Милюкова — Керенского — Терещенко.

Совет Народных Комиссаров с первого дня своего существования открыто заявил, что не считает русский народ связанным старыми договорами, заключенными за спиною народа в угоду буржуазным классам России и союзных стран. Попытка воздействовать мертвой буквой тайных договоров на революционную волю Советской власти заранее обречена на крушение. Отметая заключенные в ноте угрозы, которые не могут отклонить нас от пути борьбы за честный демократический мир, мы заявляем, что республиканская власть в лице Совета Народных Комиссаров предлагает не сепаратное, а всеобщее перемирие, и в этом своем предложении она чувствует себя выразительницей подлинных интересов и стремлений народных масс не только России, но всех вообще воюющих стран.

Солдаты! Рабочие! Крестьяне! Ваша Советская власть не допустит, чтобы вас из-под палки иностранной буржуазии снова гнали на бойню. Не бойтесь угроз! Исстрадавшиеся народы Европы с нами. Они все хотят немедленного мира. Наше предложение перемирия звучит для них, как благовест спасения. Народы Европы не позволят империалистическим правительствам обрушиться на русский народ, повинный в том, что он хочет мира и братства

народов. И пусть знают все, что солдаты, рабочие и крестьяне России не для того низвергали царя и правительство Керенского, чтобы оставаться пушечным мясом союзных империалистов.

Солдаты, продолжайте вашу борьбу за немедленное перемирие! Выбирайте ваших делегатов для переговоров. Ваш главнокомандующий прапорщик Крыленко выезжает сегодня на фронт, чтобы взять в свои руки дело борьбы за перемирие.

Долой старые тайные договоры и дипломатические происки! Да здравствует честная, открытая борьба за всеобщий мир!

Именем Совета Народных Комиссаров
Народный Комиссар по иностранным делам
Л. Троцкий.

11 ноября, 6 час. утра, Смольный.

«Известия» № 223, 12 ноября 1917 г.

ДВА ДОКУМЕНТА

I

Генерал Щербачев [170]) телеграфирует генералу Духонину: «Начальник Французской Военной Миссии генерал Бертело передал мне следующее письменное заявление:

«Господин генерал, имею честь довести до вашего сведения телеграмму, полученную мною от председателя совета министров и военного министра: «В сообщении Главной Русской Квартиры от 21 ноября нового стиля ничего не говорится о положении на фронте и вместо того проводится приказ Совета Народных Комиссаров, предлагающий Верховному Главнокомандующему начать с военными властями противника переговоры о немедленной приостановке враждебных действий и приступить к мирным переговорам.

Я прошу вас объявить Высшему Русскому Командованию, при котором вы состоите, что Франция не признает власти Совета Народных Комиссаров и, уверенная в патриотизме Высшего Русского Командования, она рассчитывает, что последнее решительно отвергнет всякие преступные переговоры и удержит Русскую Армию на фронте лицом к общему врагу.

Сверх того, Франция, считая себя связанной с Россией прежними военными соглашениями, уже заявила и снова определенно заявляет, что она не признает в России никакой власти, которая оказалась бы способной входить в соглашение с противником.

Благоволите принять, господин генерал, уверение в моем высоком уважении и преданности.

Бертело».

Яссы, 12 ноября 1917 года, № 01445.

Щербачев».

II

«12—25 ноября 1917 года. Господину Начальнику Генерального Штаба. Петроград.

Ваше Превосходительство.

Мое внимание было обращено на следующее сообщение прессы, полученное из С.-А. Соединенных Штатов:

«Американское правительство объявило, что никакие отправки военных припасов или продовольствия не будут производиться в Россию до тех пор, пока положение в этой стране не выяснится.

Правительство, до разрешения отправки американских продуктов, хочет знать, в чьи руки они попадут в России. Вывоз в Россию будет возобновлен только после сформирования твердой власти, которая может быть признана Соединенными Штатами. Но если большевики останутся в обладании властью и будут проводить свою программу заключения мира с Германией, то настоящее запрещение вывоза в Россию останется в силе. Кредиты Временному Русскому Правительству достигают, в настоящее время, 325 миллионов долларов, из которых 191 миллион уже ассигнован, причем бо̀льшая часть этой суммы истрачена на покупку припасов, которые уже готовы к отправке. Суда, предназначенные Америкой для перевозки этого груза, уже готовы к отплытию, но они не получат разрешения выйти из портов и им будет отказано в угле».

Мне кажется, что будет справедливо сообщить Вашему Превосходительству, что ни я, ни Американский посол еще не получили из С.-А. С. Штатов инструкций или сведений подобных сообщению, приведенному выше. Тем не менее, справедливость

требует высказать Вашему Превосходительству мнение, что это сообщение прессы правильно выражает точку зрения Правительства Северо-Американских Соединенных Штатов. Мы ежедневно ожидаем получения сведений, подобных приведенному выше сообщению.

До отправления Вам сего сообщения я представил его Американскому послу, который вполне согласен с содержанием его.

Пользуюсь этим случаем, чтобы высказать Вашему Превосходительству мое глубокое к Вам уважение.

Бригадный генерал Армии С.-А. С. Штатов, Американский военный атташе, начальник Американской военной миссии в России».

* * *

Эти два документа очень красноречивы. По сообщению генерала Бертело, французский министр-председатель г. Клемансо «не признает в России никакой власти, которая оказалась бы способной входить в соглашение с противником». Надо ли это понимать в том смысле, что французское правительство вообще не допускает мысли о соглашении с немцами, имея в виду войну «до конца», то-есть до полного подчинения Германии воле союзников? Такова действительно «программа» г. Клемансо—по крайней мере такою она была, пока г. Клемансо пребывал в оппозиции. Не воображает ли г. Клемансо, что ему удастся навязать эту программу русскому народу?

Правда, французский правительственный орган—«Тан»[171])—пытается провести линию водораздела между русским народом, которому биржевой орган обещает свои подозрительные симпатии, и Советской властью, по адресу которой официоз расходует свои обильные запасы лжи и клеветы. Мы опасаемся, однако, что история не оценит тонкой стратегии органа г. Клемансо, и что русские солдаты, рабочие и крестьяне не проявят достаточного желания продолжать войну до полного разгрома Германии,—уже по тому одному, что на пути к этой цели стоит полный разгром России.

Двусмысленное сообщение американского генерала, который и опровергает, и подтверждает известие газет о том, что Соединенные Штаты объявили нам нечто вроде бойкота, идет по тому же пути, что и телеграмма генерала Бертело. Северо-американская

плутократия согласна, будто бы, отпускать нам паровозы только в обмен на головы русских солдат. Мы считаем этот эквивалент слишком высоким, господа дипломаты. В этом и состоит смысл революции 25 октября. Русский народ считает себя заинтересованным в поддержании дружественных экономических и политических отношений со своими нынешними союзниками. Но он не согласен оплачивать эти отношения обязательством проливать свою кровь до тех пор, пока это будет угодно г. Клемансо или нью-иоркским королям военной индустрии.

В политике приходится считаться с фактами,—приятны они или неприятны. От этого правила не освобождены и союзные правительства. В России существует народная власть, учрежденная Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Эта власть вовсе не нуждается в признании г. Клемансо, чтобы быть полномочным органом русских солдат, рабочих и крестьян. Совет Народных Комиссаров ведет страну к миру. Хотят ли сегодня правительства сделать этот мир всеобщим? Хотят ли они приступить к немедленному обмену мнений по этому вопросу? Да или нет? Вот единственный вопрос, который интересует сейчас народы всех воюющих стран. Угрозы союзной дипломатии не могут изменить направления нашей политики. Мы ни на минуту не сомневаемся, что эти недостойные угрозы будут отметены самими союзными народами.

Мы идем к миру, и мы придем к нему—через все препятствия.

«Известия» № 225,
14 ноября 1917 г.
(Напечатано без подписи).

ЧТО ГЛАСЯТ ТАИНЫЕ ДОГОВОРЫ? [172])

Только незначительная часть документов, скрывающих секретные соглашения капиталистов, уже опубликована. Многое и многое станет еще из тайного явным по мере разборки архивов министерства иностранных дел, где сохраняются улики против империалистской дипломатии, конечно, никогда не ожидавшей их опубликования, никогда не предполагавшей возможности победы пролетарской революции.

План захватов, намеченный российской буржуазией и ее «союзниками», изобличен в своих главных чертах. «Англия» и

«Франция» выговорили себе право «свободно», т.-е. по своему усмотрению, определить западные границы Германии и Австрии, уступая в обмен за эти захваты такое же право «России», а именно, предоставляя на ее усмотрение установление восточных границ Австрии и Германии. «Рука руку моет»—вот первый принцип (правило) политики империалистического разбоя.

Этим не ограничивается проект аннексий в Европе. «России», т.-е. Сазоновым [173]) и Терещенко [174]), выговорено, как хорошо известно, аннексия Константинополя. Но из договоров выясняется, что не только Константинополь, но и вся европейская Турция должна была достаться российской буржуазии. Соглашение о Балканах еще не опубликовано, но из печатаемой сегодня «справки» о русско-румынских отношениях явственно видна как шантажистская политика румынского правительства, захватывающего территории с чисто-славянским населением, так и политика обмана, который в «удобный» момент намеревалась осуществить русская дипломатия, нарушив заключенный с Румынией договор. Но наиболее широкие захватные планы относятся к азиатской Турции. В значительной мере вся нынешняя война есть война за раздел «турецкого наследства», за «передел» турецких земель между банками, промышленниками и купцами наиболее сильных капиталистических держав. По соглашению, которое опубликовывается нами сегодня, азиатская Турция подлежит раздаче по кускам всем «союзникам».

От Турции остается только «хвостик»,—небольших размеров область, со всех сторон окруженная владениями счастливцев, поживившихся за ее счет. Сравнительно мало получают Италия и Греция. Солидный куш получает Франция в виде Сирийского побережья и земель к северу от Средиземного побережья. Эта предоставленная Франции область встречается с областью, которая отдается России и которая включает часть Черноморского побережья (до пункта западнее Трапезунда) и земли, лежащие от него по направлению на юг. К русским и французским областям прилегает с востока английская область, суживающейся полосой идущая к Персидскому заливу и захватывающая всю Месопотамию с Багдадом. Кроме этих трех крупных кусков турецкого пирога, открыто раздаваемых «державам» на руки, соглашение предусматривает еще образование «независимой» арабской федерации, подлежащей, однако, распределению на «зоны влияния».

«Зона влияния»—термин дипломатический, а на обыкновенном языке означает—область господства. Арабская «независимая» федерация, заранее разделенная на «области господства», конечно, на деле была бы «независимой» только от арабов и целиком зависимой от заправил международного капитала.

Кроме соглашения о разделе Турции между «Россией» и «Англией», заключено было также соглашение о разделе Персии, окончательно лишавшее персидский народ всякой тени самостоятельного существования.

Народ России не может стремиться к грабежу и насилию над другими народами. Крестьянству, которое составляет девять десятых армии, не нужны турецкие и персидские земли. Земли, которых добивается крестьянство,—помещичьи земли, за которыми далеко не приходится ходить.

Лозунг «мир без аннексий и контрибуций» честно приемлется рабочими и крестьянами, честно приемлется рабоче-крестьянским правительством.

Но этот лозунг был для российской буржуазии в корне неприемлем. Милюков и Терещенко не хуже Сазонова продолжали разбойную войну и защищали тайные договоры, на которых кровавая рука последнего Романова мошеннически подписала имя *Россия!*

«Правда» № 187,
25 (12) ноября 1917 г.

ОБРАЩЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ К ПРАВИТЕЛЬСТВАМ И НАРОДАМ СОЮЗНЫХ С РОССИЕЙ СТРАН

В ответ на наше предложение о немедленном перемирии на всех фронтах, в целях заключения демократического мира, без аннексий и контрибуций, с гарантией права на национальное самоопределение, германский главнокомандующий ответил согласием на ведение мирных переговоров [175]). Верховный главнокомандующий армий Республики, прапорщик Крыленко, предложил отсрочить начатие переговоров о перемирии на 5 дней до 18 ноября (1 декабря), дабы снова предложить союзным правительствам определить свое отношение к делу мирных переговоров. Военные действия на русском фронте по обоюдному согласию приостановлены. Никаких перемещений войск за эти пять дней,

само собой разумеется, ни с той, ни с другой стороны не должно быть.

Решающий шаг сделан. Победоносная рабочая и крестьянская революция в России поставила вопрос о мире ребром. Период колебаний, оттяжек, канцелярских соглашений закончен. Сейчас все партии всех воюющих стран призваны ответить категорически на вопрос: согласны ли они вместе с нами приступить 18 ноября (1 декабря) к переговорам о немедленном перемирии и всеобщем мире. Да или нет! От ответа на этот вопрос зависит, избегнут ли труженики заводов и полей новой зимней кампании, со всеми ее ужасами и бедствиями, или же Европа будет и дальше истекать кровью.

Мы, Совет Народных Комиссаров, обращаемся с этим вопросом к правительствам наших союзников—Франции, Великобритании, Италии, Соединенных Штатов, Бельгии, Сербии, Румынии, Японии, Китая. Мы спрашиваем их пред лицом их собственных народов, пред лицом всего мира: согласны ли они приступить вместе с нами 1 декабря к мирным переговорам?

Мы, Совет Народных Комиссаров, обращаемся к союзным народам, и прежде всего, к их трудящимся массам, согласны ли они и дальше тянуть эту бойню без смысла и цели, слепо идя навстречу гибели всей европейской культуры. Мы требуем, чтобы рабочие партии союзных стран немедленно дали ответ на вопрос: хотят ли они открытия мирных переговоров 1 декабря.

Вопрос поставлен ребром. Солдаты, пролетарии, трудящиеся, крестьяне, хотите ли вы вместе с нами сделать решительный шаг к миру народов?

Мы, Совет Народных Комиссаров, обращаемся к рабочим массам Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии. Мир, который мы предложили, должен быть честным соглашением, обеспечивающим каждому народу свободу экономического и культурного развития. Такой мир может быть заключен только при условии прямой и мужественной борьбы революционных масс против всех империалистических планов и захватных стремлений.

Рабочая и крестьянская революция уже предъявила свою программу мира. Мы опубликовали тайные договоры царя и буржуазии с союзниками и объявили эти договоры необязательными для русского народа. Мы предлагаем всем народам открыто заключить новый договор на началах соглашения и сотрудничества.

На наше предложение официальные и официозные представители правящих классов союзных стран ответили отказом признать правительство Советов и вступить с ним в соглашение о мирных переговорах. Правительство победоносной революции не нуждается в признании профессионалов капиталистической дипломатии. Но мы спрашиваем народы: выражает ли реакционная дипломатия их мысли и стремления? Согласны ли народы позволить дипломатии упустить великую возможность мира, открытую русской революцией? Ответ на эти вопросы должен быть дан сейчас же, и ответ не на словах, а на деле. Русская армия и русский народ не могут и не хотят дольше ждать. 1 декабря мы приступаем к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести с немцами переговоры одни. Мы хотим всеобщего мира. Но, если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падает целиком на нее.

Солдаты, рабочие и крестьяне Франции, Англии, Италии, Соединенных Штатов, Бельгии, Сербии! 1 декабря открываются мирные переговоры. Мы ждем ваших представителей. Действуйте! Не теряйте ни одного часа! Долой зимнюю кампанию, долой войну!

Да здравствует мир и братство народов!

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Н. Ленин).

14 ноября 1917 г.

А. Л. Попов, «Октябрьский переворот», Изд. «Новая Эпоха», Петроград 1918, стр. 254.

К СВЕДЕНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЮЗНЫХ С РОССИЕЙ СТРАН

В ответ на формальное предложение Совета Народных Комиссаров об открытии переговоров о немедленном перемирии на всех фронтах, в целях заключения демократического мира без аннексий и контрибуций, с правом всех наций на самоопределение, германское верховное командование ответило согласием. Все относящиеся сюда документы и фактические сообщения опубликованы мною в «Известиях Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов».

Военные действия на русском фронте приостановлены. Прелиминарные переговоры начнутся 19 ноября (2 декабря). Совет Народных Комиссаров как раньше, так и теперь считает необходимым единовременное ведение переговоров со всеми союзниками в целях достижения скорейшего перемирия на всех фронтах и обеспечения всеобщего демократического мира.

Союзные правительства и их дипломатические представители в России соблаговолят ответить, желают ли они принять участие в переговорах, открывающихся 2 декабря в 5 часов дня.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Известия № 228, 17 ноября 1917 г.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ЦИК, ВСЕРОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО СЪЕЗДА И ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ОТ ИМЕНИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА [176])

(15 ноября)

До сих пор этот зал являлся свидетелем трудов Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Здесь же я удостоился чести приветствовать дорогих гостей, которым от имени Петроградского Совета я говорю мое «Добро пожаловать!». Вы пожаловали сюда, товарищи, как гости, но с того момента, как вы вступили в этот зал, вы становитесь полномочными хозяевами русской жизни. Только теперь здесь сконцентрирована воля таких широких масс русского народа, перед которой ничто и никто не устоит. Ибо здесь крестьянин, рабочий и солдат подали друг другу руки для защиты завоеваний революции. Тут и всероссийский крестьянин, без которого не может быть никакой жизни в стране; он извлекает из земли все, что перерабатывает рабочий для жизни и борьбы. Тут и всероссийский солдат, которому всероссийский рабочий передал выкованный из добытой рабочими руды стальной штык; он всегда пустит его в ход, когда будет нужно защищать землю для крестьянина, заводы и фабрики для рабочих и свободу для всех. Мы пережили в этом зале исторические дни и ночи 24, 25 и 26 октября, незабвенные ночи, когда Керенский поднимал против нас петроградских юнкеров, павловских артиллеристов и ударников Царского Села.

Уже тогда, в ответ на его призывы, раздался клич революционной армии и флота: «Мы все стоим на своих постах», но вы, товарищи крестьяне, могучею сплошною стеною вы присоединяетесь к нам лишь теперь. Чья рука посмеет подняться для угроз революции теперь, когда завоеванные ею свободы охраняются всероссийским хозяином земли—крестьянином, рабочим и солдатом? Товарищи, Петроградский Совет обвиняли в том, что он поднял вопрос о власти, не дожидаясь Всероссийского Съезда. Но если бы он этого не сделал, Керенский окружил бы Съезд юнкерами и обманутыми им казаками, как это он сделал даже с Демократическим Совещанием. Мы опрокинули власть Керенского, мы повалили ее навзничь и наступили ей ногой на грудь, мы крикнули свой клич всероссийскому рабочему и крестьянину: «Придите и возьмите ту власть, которая единственно принадлежит народу».

Да, многие из наших товарищей погибли при этом в Петрограде и в Москве, но они погибли не даром, они погибли за то, чтобы теперь вместе с волнами радио-телеграфа по всему миру разнеслась весть о том, что германские власти согласны на заключение перемирия на всех фронтах. Товарищи, кровавый кайзер и его генералы, грудь которых покрыта заслуженными устройством кровавых боен лентами и орденами, не из чувства глубокой симпатии вступили в переговоры с тов. прапорщиком Крыленко. Если бы только их предоставить их собственной воле, то Германия еще неоднократно пыталась бы схватить за горло революционную Россию, и если бы это удалось ей, то Россия погибла бы под аплодисменты буржуазии всех наших теперешних союзников. И если, стиснув зубы, кайзер и его генералы вступают в переговоры с прапорщиком Крыленко, то только потому, что русская революция перед этим сказала народам мира: «В течение сорока месяцев гибнут миллионы жизней, пропадает здоровье десятков миллионов в окопах, в грязи и болезнях, сильнее и сильнее ширится голод. Где выход народу?». Русская революция указала этот выход, и это заставило забыть и наши военные неудачи, и проклятое наследие царизма и войны—нашу хозяйственную разруху. Германский кайзер с нами заговорил как равный с равными, ибо он знает, что революция германского пролетариата, что восстание германских солдат и крестьян ответит взрывом негодования, роковым для него криком возмущения в том случае, если он даст иной ответ. Господа дипломаты наших

союзников или их военные помощники не дали нам ответа на предложение русского народа. Пусть же теперь печать разнесет весть о том, что совершилось и совершается здесь. Пусть же они поймут, что мы говорили от имени всего народа и что мы имели право говорить так. Пусть они поймут, что мы не ставим им вопроса о том, признают ли они власть Советов или не признают, ибо целый народ не нуждается в признании его власти. Пусть они поймут, что мы поставили им другой вопрос: должны ли миллионы крестьян и рабочих провести четвертую зиму в тех ужасных условиях, в которые дипломаты ставили их в течение всех сорока месяцев? Завтра не будет ни одного рабочего и солдата, по ту и по другую сторону окопов, который не знал бы, что 19 ноября представители всех народов имеют возможность сойтись вместе для заключения общего мира. И если 19 ноября все же начнутся не общие переговоры между всеми воюющими державами, если условие о перемирии будет подписано лишь некоторыми из них, то народы Франции и Англии узнают о том, что виною были не мы. Но даже и тогда в наших переговорах с теми, кто не отвергнет протянутую нами руку мира, мы будем говорить об условиях заключения всеобщего мира, и пусть народы знают, кто и почему не желает прекращения этой безмерно кровавой войны. И тогда в ближайшие недели волна народного негодования заставит и союзные правительства присоединиться к нам, и мир узнает, что никогда мы не предавали народов Франции и Англии. Эти народы узнают, что их предателями являлись их правящие классы, которые боятся, что массы потребуют от них отчета за растраченные ими миллионы жизней, миллиарды народных богатств. Мы опубликовали тайные договоры, и тем самым мы помогли народам потребовать тот отчет, который нам уже дан Николаем Романовым и Милюковым с Керенским.

«Протоколы заседаний ЦИК за 1917 год»
стр. 56—57.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О МЕЖДУНАРОДНОМ И ВНУТРЕННЕМ ПОЛОЖЕНИИ

(17 ноября)

Заседание открывается речью председателя Совета, Народного Комиссара по иностранным делам тов. Л. Троцкого, который прежде всего знакомит присутствующих с последними событиями

из области внешней политики. Сообщив об ответе австрийского министра иностранных дел Чернина [177]), тов. Троцкий подчеркивает, что мир, продиктованный русской революцией—без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов—считается австрийским правительством приемлемым, но напоминает при этом, что буржуазная дипломатия с особенным искусством, оперируя самыми высокими лозунгами, ставит под сомнение самые, казалось бы, несомненные истины. В переговорах с нашими теперешними союзниками и врагами, мы, конечно, будем на-стороже и ни в коем случае не допустим извращения тех принципов всеобщего мира, которые были провозглашены русской революцией. Сидя с ними за одним столом, мы будем ставить им категорические вопросы, не допуская никаких уверток, и весь ход переговоров, каждое слово, произнесенное нами и ими, будет протоколироваться и передаваться по радиотелеграфу всем народам, которые и будут судьями наших переговоров. Под влиянием низов германское и австрийское правительства уже согласились сесть на скамью подсудимых. Будьте уверены, товарищи, что прокурор в лице русской революционной делегации окажется на своем месте и в должное время произнесет свою громовую обвинительную речь по адресу дипломатии всех империалистов.

Что касается наших союзников, то они, повидимому, находятся в состоянии крайней растерянности. Этим только и можно объяснить почти одновременное появление двух документов, напечатанных в сегодняшнем номере «Правды»: письмо подполковника Керта генералу Духонину [178]) и письмо его начальника генерала Джэдсона [179]). Если вы читали, то вы знаете, что одно из них совершенно опровергает другое. Впрочем, не в этом дело. Сегодня у меня были здесь в Смольном институте два американца, имеющих тесные связи с капиталистическими элементами американского народа, которые заверили меня, что настроение Соединенных Штатов правильно отражается письмом Джэдсона, а не Керта. Я склонен верить, что дело обстоит именно так. Не потому, конечно, что я верю той платонической симпатии к русскому народу, в которой меня хотят убедить американские империалисты; но дело в том, что после всего, что случилось в последние дни, американские дипломаты поняли, что русской революции им не одолеть, и потому они хотят завязать с нами «дружественные» отношения, полагая, что это будет прекрасным

12*

средством конкуренции с германскими и, в особенности, английскими капиталистами после войны. Нам, впрочем, совершенно не интересно, как относятся к нам союзные или враждебные империалисты. Мы будем вести самостоятельную классовую политику, как бы они к нам ни относились, и я упоминаю об их заявлениях только потому, что вижу в них симптом непоколебимых сил русской революции и ее правительства.

Что касается наших отношений с Англией, то они по-прежнему отличаются полной неопределенностью. В ответ на мое письмо великобританскому послу, касающееся тов. Чичерина, Петрова и др., ко мне в Смольный институт явился, после запрещения выезда всем английским гражданам из России, английский консул и задал мне вопрос: что будет, если ответ английского правительства замедлится? Я, ни минуты не колеблясь, ответил ему, что если наши товарищи будут продолжать оставаться в концентрационных лагерях по злой воле английского правительства, то революционная Россия найдет возможным уравнять с их положением и положение английских контр-революционеров в России. Наши союзники и противники за-границей должны наконец понять, что времена царей и Керенского с Милюковым прошли, что всякий русский гражданин, будь это политический эмигрант или революционный солдат во Франции, теперь находятся под защитой государственной власти русской революции.

Многократно прерываемый бурными аплодисментами, т. Троцкий на этом заканчивает свое фактическое сообщение. На вопрос о том, не объявит ли Япония войну России за нарушение договорных обязательств, тов. Троцкий отвечает, что Япония не может явиться судьею в тех отношениях, какие мы устанавливаем с какими бы то ни было странами; вообще же говоря, со стороны всякого буржуазного капиталистического правительства можно ожидать грабительского нападения во всякое время, когда оно сочтет это для себя выгодным. Думается, однако, что нападения Японии на нас вряд ли вероятно. Недавно вернувшиеся из Японии люди, которых я считаю авторитетными в этом вопросе, сообщили мне много данных, из которых я делаю вывод, что нападение Японии на Россию было бы очень плохо рассчитанным шагом с ее стороны. Кроме того, никогда не следует забывать о том противоречии интересов, которое во всякую минуту угрожает Японии с тылу, со стороны Соединенных Штатов.

На вопрос о том, будут ли солдаты отпущены с оружием или без оружия, тов. Троцкий отвечает, что в программу большевиков входит всеобщее вооружение народа для защиты своих классовых интересов против агрессивной тенденции буржуазии. Понятно поэтому, что всякий честный солдат (об этом будут судить его товарищи по роте) получит возможность вернуться домой в таком виде, чтобы там на местах образовалась постоянная Красная Гвардия для защиты свободы и революции. В том случае, если оружия не хватит, придется лишить его старшие возрасты армии.

Далее тов. Троцкий отвечает на вопрос о том, в каком положении находится дело о реквизиции теплых вещей. Он констатирует, что Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, ввиду событий последнего времени, делегировал почти весь свой личный состав на различные ответственные должности. Ввиду этого тов. Троцкий предлагает резолюцию следующего содержания:

«Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановляет:

Вполне выяснилось, что не только капиталисты, но и значительное число тянущих руку буржуазии и связанных с ней тысячами экономических и социальных нитей высших чиновников и служащих в государственных и общественных учреждениях упорно саботируют работу Временного Рабочего и Крестьянского Правительства.

Такое сопротивление делу социализма со стороны буржуазии и ее пособников не является неожиданным для пролетариата и беднейшего крестьянства, которые никогда не рассчитывали на соглашение с эксплоататорами, а только на преодоление их сопротивления организованной силой миллионов трудящихся и эксплоатируемых.

В Петрограде, как в центре капитализма, в главном центре банков и финансового капитала, в главном центре бюрократии, сопротивление буржуазии и ее пособников особенно сильно.

Поэтому Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов призывает всех рабочих и солдат Петрограда, в особенности всех членов районных Советов и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов:

1) Порвать решительно и немедленно с гнилым буржуазным предрассудком, будто управлять государством могут только буржуазные чиновники.

2) Разделить без всякой оттяжки районные и общегородской Советы на отделы, из которых каждый берет на себя ближайшее участие в той или иной области государственного управления.

3) Привлечь к каждому такому отделу наиболее сознательных и способных к организационной работе товарищей с заводов и из полков и направить полученные таким образом силы на помощь каждому Народному Комиссару.

Пусть всякий сознательный рабочий и солдат поймет, что только самостоятельность, энергия, энтузиазм трудящихся могут упрочить победу начавшейся социальной революции. Пусть каждая группа рабочих и солдат выделяет таящиеся в народе и придавленные до сих пор гнетом капитала и нужды организаторские силы.

Пусть эти силы смело берутся за трудную, ответственную, но благодарную работу строительства снизу истинно народной власти.

Все трудящиеся на помощь Совету Народных Комиссаров!

Да здравствует победа социализма!

«Правда» № 194,
2 декабря (19 ноября) 1917 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВУ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Советом Народных Комиссаров получена радиотелеграмма австро-венгерского министра иностранных дел [180]), извещающая о готовности Правительства Австро-Венгрии приступить 19 ноября (2 декабря) к переговорам о перемирии на основе мирной программы Русской Революции: без аннексий и контрибуций, с гарантией права на национальное самоопределение. Эта радиотелеграмма будет немедленно доведена до сведения русского народа, а также союзных народов и их правительств.

Делегация Совета Народных Комиссаров будет послана, согласно уговору, состоявшемуся между представителями верховного главнокомандующего армиями Республики и представителями высшего командования германскими армиями.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Известия» № 229,
18 ноября 1917 г.

ОТВЕТ ВЕЛИКОБРИТАНСКОМУ ПОСОЛЬСТВУ

По поводу полученного нами сообщения Великобританского посольства [181]), мы, на основании сведений, полученных нами в Народном Комиссариате по иностранным делам, считаем нужным сделать следующие разъяснения.

Открытое предложение немедленного перемирия всем народам — союзным и враждебным — было сделано 2 Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов 26 октября. Таким образом уже за три дня до посылки ноты Народным Комиссаром по иностранным делам союзные правительства и посольства были совершенно безошибочно осведомлены о предстоящих шагах Советской власти. Ясно, стало быть, что у Народного Комиссара не могло быть решительно никакого интереса в том, чтобы свою ноту довести до сведения немецких властей раньше, чем до сведения союзных посольств. Нота, адресованная союзникам, и радиотелеграфный приказ генералу Духонину редактировались и посылались одновременно. Если верно, что посольства получили ноту позже Духонина, то это объясняется всецело и исключительно второстепенными техническими причинами, не стоящими ни в какой связи с политикой Совета Народных Комиссаров.

Несомненно, однако, что Совет Народных Комиссаров не ставил свое обращение к немецким военным властям в зависимость от согласия или несогласия союзных правительств. В этом смысле политика Советской власти совершенно ясна. Не считая себя связанной формальными обязательствами старых правительств, Советская власть в своей борьбе за мир руководствуется только принципами демократии и интересами мирового рабочего класса. Но именно поэтому Советская власть стремится к всеобщему, а не сепаратному миру. Она уверена, что дружными усилиями народов—против империалистических правительств—такой мир будет обеспечен.

«Правда» № 193,
1 декабря (18 ноября) 1917 г.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Подполковник М. Керт, представитель Армии Соединенных Штатов Северной Америки при Штабе верховного главнокомандующего, и г. Лавернь, начальник французской миссии, сочли возможным обратиться с официальными документами к бывшему верховному главнокомандующему генералу Духонину, смещенному Советом Народных Комиссаров за неподчинение Советской власти, причем военные представители союзных стран позволяют себе призывать генерала Духонина вести политику, прямо противоположную той, какую ведет Совет Народных Комиссаров в полном согласии со Съездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Такое положение не может быть терпимо. Никто не требует от нынешних союзных дипломатов признания Советской власти. Но в то же время Советская власть, ответственная за судьбы страны, не может допустить, чтобы союзные дипломатические и военные агенты, во имя тех или других целей, вмешивались во внутреннюю жизнь нашей страны и пытались разжигать гражданские войны. Дальнейшие шаги на этом пути неминуемо вызовут самые тяжкие осложнения, ответственность за которые Совет Народных Комиссаров заранее снимает с себя.

Комиссар по иностранным делам *Л. Троцкий.*

«Известия» № 229,
18 ноября 1917 г.

Примечание. Заявление г. Керта, упоминаемое в напечатанном выше предостережении Народного Комиссара по иностранным делам, представляется тем более непонятным и неуместным, что одновременно с этим, т. е. 14 ноября, генерал Джэдсон, начальник американской военной миссии, сделал новое заявление, которое звучит совершенно иначе.

Генерал Джэдсон заявляет, что американцы «не желают вмешиваться ничем иным, кроме помощи, в разрешение каких бы то ни было русских проблем».

Остается надеяться, что г. Керт и все другие примут эти слова к сведению и руководству.

«Известия» № 229,
18 ноября 1917 г.

БЕСЕДА НАЧАЛЬНИКА АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ С НАРОДНЫМ КОМИССАРОМ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

Вчера, 18-го, генерал Джэдсон, начальник, американской миссии, посетил тов. Троцкого в Смольном. Генерал предупредил, что в настоящий момент еще не имеет возможности говорить от имени американского правительства, так как признание Советской власти еще не произошло, но что он явился для того, чтобы завязать сношения, выяснить некоторые обстоятельства и рассеять недоразумения. Генерал Джэдсон справился, намерено ли новое правительство стремиться к ликвидации войны совместно с союзниками, которые, по словам генерала, 19-го вряд ли смогут участвовать в переговорах. Тов. Троцкий в кратких словах выяснил генералу политику Советской власти в деле борьбы за общий мир. Главное обстоятельство, на которое упирал Народный Комиссар по иностранным делам, это—полная гласность всех будущих переговоров. Союзники могут следить за каждым этапом в развитии мирных переговоров и, стало быть, смогут примкнуть к ним на одном из дальнейших этапов.

Ген. Джэдсон просил о разрешении сообщить этот ответ своему правительству и в заключение заявил: «Время протестов и угроз по адресу Советской власти прошло, если вообще это время существовало». Генерал спросил, настаивает ли Народный Комиссар на объяснениях по поводу имевших место инцидентов (протестующие заявления чинов американской военной миссии). Тов. Троцкий ответил, что формальная сторона дела не представляет интереса и может считаться исчерпанной заявлением генерала, что «время угроз и протестов по адресу Советской власти прошло».

«Известия» № 230,
19 ноября 1917 г.

ДОКЛАД В ЦИРКЕ МОДЕРН О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

(3 декабря)

Товарищи, здесь, в этом здании, 23 октября мне довелось говорить на народном собрании, на котором обсуждался вопрос о Всероссийском Съезде и единодушно поднимался голос за Совет-

скую власть. Вопрос, который наиболее остро стоял перед страной за все 8 месяцев революции, это—вопрос о войне и мире. Мы утверждали, что только власть, опирающаяся на народ, может положить конец бойне. Мы утверждали, что нужно опубликовать тайные договоры и объявить, что русский народ, который их не заключал, не может быть связан мертвой буквой для совместных грабительств. На это враги наши нам говорили, что это демагогия. Вы бы, мол, на это, будучи у власти, не решились, ибо тогда союзники пошли бы против нас. Но мы утверждали, что спасение России в перемирии и мире. Мы утверждали, что затяжной характер войны губит революцию, разоряет и истощает страну, и что чем больше мы будем воевать, тем более рабским будет становиться наше положение, так что, в конце концов, нам только и осталось бы, что выбирать себе барина.

Но мы желаем жить и развиваться, как свободный народ, а для заключения мира необходимо было опрокинуть власть буржуазии и Керенского. Нам говорили, что мы останемся без поддержки. Но 25 октября местный Петроградский Совет взял на себя инициативу и ответственность и при поддержке гарнизона и рабочих совершил переворот, явился к собравшемуся Съезду Советов и сказал: «Старая власть в стране сломлена, власти в стране нет, и вы обязаны взять ее в свои руки». Мы сказали, что первейшей обязанностью новой власти явится предложение перемирия на всех фронтах для заключения мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, т.-е. так, чтобы каждый народ путем голосования смог бы сказать свое решительное слово: хочет ли он жить, входя в состав данного государства и пользуясь внутри его полной автономией, или желает отделиться и жить совершенно самостоятельно. Должно положить конец тому, что сильный путем оружия заставляет жить так, как он этого хочет, слабого; каждый народ—мал он, или велик—должен быть сам хозяином своей страны. Теперь это программа не партии, не Совета, а всего народа. За вычетом той грабительской партии, которая дерзает себя именовать «партией народной свободы» (аплодисменты), а на самом деле является врагом народной свободы, которая всеми силами срывает мир и которой мы открыто объявили беспощадную борьбу—за вычетом этой партии весь народ русский заявил, что он насилия не желает. И в этом смысле был издан наш декрет о мире.

В день принятия его поднялись казаки Краснова, и самому существованию Советской власти угрожала опасность. Но, как только они были сломлены, и власть Советов укрепилась, нашим первым делом было обратиться одновременно к союзным посольствам и германским властям с предложением перемирия на всех фронтах. Наши враги, кадеты и соглашатели, говорили, что Германия и не откликнется—на деле вышло другое, и мы уже имеем согласие Германии и Австро-Венгрии на ведение переговоров о перемирии на основе советской формулы. Этому предшествовало то, что как только мы получили ключи от шкафов тайной дипломатической переписки, мы опубликовали тайные договоры и тем исполнили обязательство, которое дали народу, будучи еще маленькой оппозиционной партией. Мы говорим и говорили, что не может народ проливать свою кровь и кровь своих братьев за какие-то договоры, которых он не заключал, не читал и не видал. На такие мои слова соглашатели говорили: не говорите с нами таким языком, здесь не цирк Модерн. Но я ответил им, что у меня есть один язык, язык социал-демократа, и им я говорю с народом и с вами, буду говорить с союзниками и с германцами. (Шумные аплодисменты.)

Они, эти люди с заячьей душой, считали, что опубликовать тайные договоры, это значит заставить объявить нам войну Англию и Францию. Но они не понимали, что верхи воспитали в течение всей войны народ на том, что Германия коварный, жестокий враг, а Россия благородный народ, и нельзя в 24 часа сказать народу обратное. Опубликованием тайных договоров мы приобрели себе врагов в лице верхов государств, но за нами зато теперь поддержка их народов. Не дипломатический мир заключим мы, а народный мир, солдатский мир, окопный мир! (Бурные аплодисменты.) И результаты прямой политики сказались: в Смольный институт явился Джэдсон и от имени Америки заявил, что протест Керта при ставке Духонина против новой власти является недоразумением, что Америка отнюдь не желает вмешиваться во внутренние дела России. Таким образом вопрос об Америке улажен.

Другой конфликт еще не улажен, и теперь я должен дать вам отчет о нем. За борьбу за мир английское правительство арестовало и держит в своем концентрационном лагере Георгия Чичерина, отдавшего народам России, Англии, Германии и Франции свои богатства и свои знания, и смелого агитатора

английских рабочих, эмигранта Петрова. Я обратился с письмом в английское посольство, где указал, что Россия терпит присутствие в ней многих богатых англичан, которые находятся в заговоре с контр-революционной русской буржуазией, и тем более мы не можем допустить, чтобы русские граждане находились в английских тюрьмах, а потому те из них, которым не предъявлено никакого уголовного обвинения, должны быть немедленно освобождены. Неисполнение этого требования повлечет за собой невыдачу паспортов английским подданным, желающим покинуть Россию. Народная Советская власть ответственна за интересы всего народа; где бы каждый гражданин ни находился, он находится под ее защитой. Если Керенский обращался к союзникам, как приказчик к хозяину, то мы должны показать, что можем с ними жить лишь на равной ноге. Мы этим раз навсегда заявили, что кто хочет надеяться на поддержку и дружбу русского свободного и независимого народа, тот должен с уважением относиться к нему и его человеческому достоинству.

Как только власть очутилась в руках Советов, мы предложили перемирие от имени русского народа. Мы имели право говорить именем народа, ибо все, что мы предлагали, как и вся программа Народных Комиссаров, состоит из лозунгов и предложений, проголосованных и принятых в сотнях и тысячах Советов, фабрик и заводов, т.-е. принятых всем народом. (Аплодисменты.) Наша делегация будет говорить открытым и мужественным языком. Мы спросим: «Согласны ли вы заключить немедленное перемирие на всех фронтах?»—и если они скажут *да*,—то мы попросим их оповестить об этом союзные правительства для присылки своих делегатов. Вторым нашим вопросом будет: «Имеете ли вы в виду заключить мир на демократических основаниях?» Если нам придется заключать перемирие одним, то мы заявим Германии, что недопустима переброска войск с русского фронта на другие, ибо мы предлагаем честное перемирие, и за счет его не должны быть раздавлены Англия и Франция.

Во время переговоров ни в коем случае не будет допустима тайная дипломатия. О каждом нашем предложении и германском ответе будут возвещать народам наши летчики и радиотелеграф. Мы будем заседать под стеклянным колпаком, и германские солдаты, через тысячи распространяемых нами немецких газет и воззваний, будут оповещаться о каждом нашем шаге и ответном германском.

Мы скажем, что Литва и Курляндия должны сами решить вопрос, с кем они хотят быть, и что Германия не на словах, а на деле должна выслушать свободное волеизъявление народов. И если после этих открытых, прямых и честных заявлений кайзер откажется заключить мир, если банки и биржи, которым выгодна война, будут мир срывать,—народы увидят, у кого правда, и станем мы сильнее, а кайзер и биржи—слабее. Мы будем чувствовать себя не побежденными, а победителями. Ибо кроме военных, есть и другие победы; ибо когда народ взял власть в свои руки, свалив врагов своих,—он победил. Мы не знаем других интерессов, кроме народных, а эти интересы одни у народов всех стран. Мы объявляем войну войне. Цари боятся заключения мира, боятся, что народы попросят отчета за все понесенные великие жертвы и пролитую кровь. Германия, соглашаясь на перемирие, косится на свой народ, она знает, что он потребует ответа, и если Германия его не даст, то союзником германского народа будет русская революция. Франция и Англия должны будут пойти на переговоры о заключении мира, а если не пойдут, то их народы, оповещенные о ходе переговоров, погонят их туда палкой. Русские представители превратятся за столом переговоров в обвинителей, народы будут судить свои верхи. Опыт того, что проделали с народами за сорок месяцев войны, не пройдет даром. Мы же вашим именем скажем братьям: «Знайте, в тот час, когда вы направите революционную силу на вашу буржуазию, ни один русский солдат не выстрелит».

Это обещание будет дано вашим именем, и вы сдержите его. (Продолжительные аплодисменты.)

Коснувшись затем общей политики Совета Народных Комиссаров, ее нарастающих побед и еще оставшихся неопрокинутыми препятствий, Народный Комиссар кончает:

Мы можем ошибаться, но знайте, что мы никогда не согласимся изменить народу. Если они окажутся сильнее нас, мы погибнем на тех постах, на которые вы поставили нас. Не шутки шутить собираемся мы, но, в содружестве с народами, твердой вооруженной рукой отбросить препятствия и возвестить свободу для всех народов! (Продолжительные овации.)

«Правда» № 195,
4 декабря (21 ноября) 1917 г.

ХОД МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

(Правительственное сообщение)

На конференции присутствуют представители Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии.

Гинденбург [182]) и Гольцендорф [183]) поручили ведение переговоров главнокомандующему восточным фронтом Леопольду Баварскому [184]), который, в свою очередь, поручил ведение переговоров своему начальнику штаба генералу Гофману. Такие же полномочия от верховного командования имеются и у остальных делегатов. Делегация противников исключительно военная. Наши делегаты начали с декларации о целях мира, в интересах которого предлагается перемирие. Делегаты противной стороны отвечали, что это дело политиков, между тем как они, люди военные, уполномочены говорить только о военных условиях перемирия и поэтому ничего не могут прибавить к известным заявлениям Чернина и Кюльмана. Наши делегаты запротоколили это уклончивое заявление и внесли предложение о немедленном обращении всех воюющих стран, в том числе и Германии с ее союзниками, к государствам, на конференции не представленным, с предложением принять участие в составлении условий перемирия на всех фронтах. На это противная сторона опять ответила уклончиво, что не имеет соответственных полномочий. Наша делегация предложила противной стороне обратиться к своим правительствам за соответствующими полномочиями. Предложение это было принято, но ответа до 4 часов утра 22-го русской делегации не сообщали. Наши представители внесли проект перемирия на всех фронтах, выработанный нашими военными экспертами. Главными пунктами этого предложения было, во-первых, запрещение переброски войск с нашего фронта на фронт наших созюников и, во-вторых, очищение немцами островов Моонзунда. Противная сторона внесла свой проект перемирия на фронтах, от Балтийского моря до Черного. Предложение немцев рассматривается сейчас нашими военными экспертами, с утра будет продолжение переговоров. Наши требования: 1) очищение островов Моонзунда и 2) непереброска войск на другие фронты,—делегаты противников объявили для себя неприемлемыми и высказались в том смысле, что такие требования могли бы быть предъявлены только разбитой стране. В ответ на катего-

рические указания наших уполномоченных, что для нас дело идет о перемирии на всех фронтах в целях установления всеобщего демократического мира на известных основах, формулированных Всероссийским Съездом Советов, делегаты противной стороны снова уклончиво заявили о недопустимости для них такой постановки вопроса, ибо они в настоящий момент уполномочены вести переговоры о перемирии только с русской делегацией, так как делегации союзников России на конференции нет. На это наши делегаты еще раз ответили им, что нашей задачей является привлечение к переговорам правительств всех воюющих стран в целях обеспечения всеобщего мира. Запротоколив все уклончивые ответы противников, наша делегация, как уже сказано, предложила нашим военным экспертам обсудить с чисто-военной точки зрения предложенные противной стороной пункты перемирия и указать, какие потребовались бы в них изменения с точки зрения интересов армии и флотов, расположенных на линии Черное море—Балтика.

Первым пунктом поставленных противной стороной на обсуждение условий является срок перемирия, который был ими первоначально намечен в 14 дней, начиная с 8 декабря нового стиля. После переговоров они удлинили срок до 28 дней, с автоматическим продлением его при отсутствии отказа, заявляемого за 7 дней до истечения, начиная с 10 декабря, если наша делегация из Бреста выедет завтра; если же позже, то соответственно передвигается и срок. Впредь до начала официального перемирия должно быть установлено приостановление военных действий.

С самого же начала наши делегаты заявили, что настаивают на точном ведении протоколов, которые считают себя вправе публиковать полностью. Протокол так же, как и все заседания, ведется, с нашей стороны, на русском, а с их стороны—на немецком языках. Создана редакционная комиссия, которая после каждого заседания сверяет оба протокола. С нашей стороны предъявлено требование назначить следующее свидание уполномоченных на русской территории и объявить недельный перерыв переговоров с тем, чтобы делегация могла вернуться.

В переговорах участвовали, таким образом, представители всех враждебных нам государств. Из союзных государств на переговорах не было представлено, кроме России, ни одного.

Союзные народы должны знать, что переговоры начались и что они будут продолжаться независимо от поведения нынешней союзной дипломатии. В этих переговорах, где русская делегация отстаивает условия всеобщего демократического мира, дело идет о судьбе всех народов, в том числе и тех воюющих народов, дипломатия которых сейчас остается в стороне от переговоров.

Союзные народы, их парламенты, и в первую голову их социалистические партии должны сами немедленно решить, совместимо ли такое поведение союзной дипломатии с интересами союзных народов. Отстаивая в переговорах интересы союзных народов, русское правительство одним из главных условий перемирия поставило непереброску армий с восточного фронта на западный. Перемирие не может и не будет содействием одному милитаризму против другого. Но интересы союзных народов могут быть с успехом защищены лишь в той мере, в какой сами союзные народы захотят и сумеют принять участие в переговорах и проявить свою волю к немедленному перемирию и демократическому миру. Что касается русского народа, то он в лице Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, как и Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов, дал Совету Народных Комиссаров ясный и определенный наказ, который русское правительство и будет проводить в дальнейших переговорах, надеясь на поддержку трудящихся масс Европы против тех препятствий, какие воздвигаются буржуазией на пути мира и братства народов.

22 ноября, 10 часов утра.

«Известия» № 233,
23 ноября 1917 г.

ОБРАЩЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

К сведению г.г. послов Великобритании, Франции, Америки, Италии, Китая, Японии и г.г. послов Румынии, Бельгии и Сербии.

Переговоры, открытые между делегатами Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, с одной стороны, и делегатами

России—с другой, прерваны по инициативе нашей делегации на одну неделю, чтобы дать возможность в течение этого времени информировать народы и правительства союзных стран о самом факте переговоров, об их направлении.

Со стороны России предложено:

1) объявить, что предполагаемое перемирие имеет своей задачей мир на демократических началах, как это формулировано в манифесте Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов; 2) перемирие обусловить обязательством не перебрасывать войск с одного фронта на другой и 3) очистить острова Моонзунда.

По вопросу о целях войны делегаты противной стороны уклонились от определенного ответа, ссылаясь на то, что им поручено исключительно регулировать военную сторону перемирия. Равным образом и по вопросу о всеобщем перемирии делегаты противной стороны сослались на отсутствие у них полномочий для постановки вопроса о перемирии со странами, делегаты которых не участвуют в переговорах.

Со своей стороны, делегаты противной стороны предложили условия перемирия на фронте от Балтики до Черного моря, причем срок этого перемирия предположен в 28 дней. В то же время делегаты противной стороны обязались передать своим правительствам предложение русской делегации о немедленном обращении ко всем воюющим странам, т.-е. ко всем союзным странам, кроме России, с предложением участия в переговорах.

Ввиду несогласия нашей делегации подписать на данной стадии переговоров формальное перемирие, снова установлено на неделю приостановление военных действий и на тот же срок приостановлены переговоры о перемирии.

Таким образом, между первым декретом Советской власти о мире (26 октября ст. ст.) и между моментом предстоящего возобновления мирных переговоров (29 ноября ст. ст.) пролегает срок свыше месяца. Этот срок представляется даже при нынешних расстроенных средствах международного сообщения совершенно достаточным для того, чтобы дать возможность правительствам союзных стран определить свое отношение к мирным переговорам, т.-е. свою готовность или свой отказ принять участие в переговорах о перемирии и мире и,—в случае отказа,—открыто перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и опреде-

ленно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Известия» № 234,
24 ноября 1917 г.

БОРЬБА ЗА МИР

К мирным переговорам

После недельного перерыва, русская делегация снова выехала в Брест-Литовск для продолжения переговоров о перемирии. Если перемирие будет подписано, русская делегация имеет полномочия приступить к переговорам о мире.

Перемирие получает в настоящее время сепаратный характер, так как с нашей стороны оно заключается только армиями России и Румынии. Ответственность за сепаратный характер перемирия падает целиком на те правительства, которые отказались до сих пор предъявить свои условия перемирия и мира, которые продолжают скрывать от своих и чужих народов те цели, во имя которых должна продолжаться война.

Никаких насильственных аннексий! Судьба народов, их хозяйства, их государства, их культуры не должна решаться силою штыков. Только свободная воля самого народа должна определять его принадлежность к тому или другому государственному целому или его государственную независимость. Все народы, которые чувствуют или сознают себя угнетенными, должны получить возможность свободно высказаться путем референдума о своей дальнейшей судьбе. Беженцы должны быть для референдума возвращены, чужие войска удалены. Этот принцип распространяется на земли всех воюющих стран, на метрополии, как и на колонии.

Области, особенно жестоко пострадавшие от ужасов войны, должны быть вознаграждены из международного фонда, составленного путем обложения капиталистических классов всех воюющих стран, ибо на капиталистические классы падает целиком ответственность за эту войну.

Таковы те начала, которые Совет Народных Комиссаров кладет в основу мирных переговоров. Эти начала честного демократического мира народов могут быть с необходимой полнотой

осуществлены только при условии решительной и мужественной борьбы рабочих масс всех стран против своих империалистов и аннексионистов.

Сепаратное перемирие не есть еще сепаратный мир. Но оно означает опасность сепаратного мира. Предупредить эту опасность могут только сами народы.

Рабочий класс союзных с Россией стран призван теперь историей бросить всю свою силу на чашу весов, чтобы обеспечить участие в мирных переговорах действительных уполномоченных народами представителей Франции, Италии, Великобритании и всех остальных союзных стран.

Не менее высоким долгом пролетариата Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции является создание таких условий, которые обеспечили бы действительное, а не словесное только, признание начал демократического мира представителями этих стран.

В тех переговорах, которые ведутся, Совет Народных Комиссаров не считает себя связанным ни одним из старых договоров, в которых закреплены хищнические домогательства капиталистических классов. Сейчас пробил час, когда сами народы должны подписать договор, основанный на общем сотрудничестве и взаимном уважении. Для социалистических партий наступил час провести в жизнь великий клич, возвещенный 70 лет тому назад: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«Известия» № 240,
30 ноября 1917 г.

ПРИКАЗ ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

Бывший посол в Лондоне Набоков и бывший посол в Токио Крупенский привлекаются к уголовной ответственности за распространение заведомо ложных сведений о ходе переговоров о перемирии[185]) с целью оказания содействия русским и иностранным империалистам—врагам народа. В случае отказа их предстать перед революционным трибуналом, имущество их, находящееся внутри страны, будет немедленно конфисковано.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Известия» № 243,
3 декабря 1917 г.

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ О ХОДЕ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

(3 декабря)

Мне вспоминаются сентябрьские и октябрьские дни, когда к нам явились представители окопной массы, повторявшие одни и те же слова, которые выражали чувства миллионов людей. Они спрашивали: «Где путь к окончанию бойни, где выход?». Мы ждали его от революции. Царя сменили Милюков—Гучков; коалиционное министерство дало нам наступление 18 июня, в результате которого обещано приближение мира. Это привело к дезорганизации армии. Чем же новый порядок отличается от старого? На основе старых договоров старые генералы гонят русскую армию в наступление. Из наступления 18 июня вышло отступление, из последнего выросла смертная казнь, Корниловский мятеж, террор имущих классов над трудовым народом, ознаменовавший последние месяцы правления Керенского. Война, товарищи, велась на истощение, но одна армия, истощавшая другую, истощала вместе с тем и себя. Окопные делегаты говорили нам: берегитесь, ибо чаша терпения нашей армии полна. Солдаты дождутся первого снега и затем, бросив окопы, направятся в тыл. И мы, товарищи, предвидели картину этого стихийного отступления: солдаты, измученные голодом, с сердцем, пораженным безнадежностью, бросятся на наш расстроенный транспорт; люди будут бить друг друга в припадке голодного отчаяния. Поножовщина, резня, столкновение с гражданами. Все делегаты, кроме армейских комитетов первого избрания, говорили: лопнет струна и своими концами погубит и нас на фронте, и вас в тылу. Под влиянием этого мы предприняли без Учредительного Собрания, которое враги народа хотели сорвать, шаги к миру. Мы предвосхитили его волю, мы сказали: воля народа ясна из наказов, идущих от армии и низов крестьянства. Мы хорошо различали народ от кулаков, захвативших монополию представительства народной мысли и воли.

Под влиянием этих же событий, Петроградский Совет нашел в себе силу и решимость поднять знамя восстания, $^{9}/_{10}$ заслуги которого принадлежат вам, окопники, и крестьянам, бравшим

помещичью землю в свои руки, не дожидаясь Учредительного Собрания. Голос окопов, голос крестьянской бедноты, которую 8 месяцев морочили землею, направлял наши шаги. Как только мы взяли власть, нашим первым словом был декрет о мире. Через головы всех дипломатических канцелярий мы объявили желание народа. Если этот декрет не привел к немедленным практическим шагам, то это вина Керенского и Каледина, которые пытались взять Петроград, вина армейских комитетов, посылавших нам телеграммы, где говорилось, что декрет—преступление, и что он будет отвергнут всей армией. Мы не боялись верхушек армейских организаций, находившихся под духовным ярмом буржуазии. Под этой тонкой скорлупой мы видели толщу трудового народа, не знавшего другого желания, кроме мира. Правые эсеры и меньшевики обвиняли нас в том, что мы не пытались войти в соглашение с союзниками. Тайные документы показали, как отвечали союзники на учтивые мирные предложения коалиционного правительства. Союзники давали нам деньги, но только для войны; деньги возвращались натурой, и можно высчитать, сколько фунтов стерлингов или долларов платили союзники за каждую солдатскую голову. При наступлении приходило больше денег, при желании мира мошна туго затягивалась. Правительство коалиции, прикованное золотою цепью к союзному капиталу, писало Ллойд-Джорджу в то время, когда низы требовали мира: «Не беспокойтесь, это—временное замешательство с кучкой крайней оппозиции. Мы ее сломим и еще туже натянем узду дисциплины». Когда мы требовали опубликования тайных договоров, нам отвечали, что это демагогия, и что мы сами не осмелимся их опубликовать. И вот мы, бывшие маленькой оппозиционной партией, став у власти и получив ключи от шкафов, приводим в исполнение свое обещание. Ведь русские солдаты, видя пять трупов, знали, что, может быть, один погиб за независимость русского народа, а четыре—за барыши лондонской биржи. Нас пугали новыми войнами,—мы не боялись и не верили в их возможность. Как призовет французское правительство своих солдат на борьбу с нами, что скажет оно им? Не то ли, что русский народ изменил кровавым договорам, что он говорит: «меня они больше не связывают, и я предлагаю другой договор, в основе которого будет соглашение трудящихся всего мира»? И мы оказались правы — война не объявлена нам. Ведь и немецкие и французские солдаты, когда извлекут свои договоры, найдут

в них то же самое — тот же цинизм, те же грабительские аппетиты.

Не оправдалось пророчество буржуазии и правых эсеров с меньшевиками и тогда, когда они говорили, что даже правительства врагов не будут вести с нами переговоров.—Не милости идем мы просить, сказали мы. Мы поставим их перед фактом. Мы поставим их перед лицом окровавленной армии, перед необходимостью отвечать нам не шифрами, а простыми ясными словами. Через окопы мы бросили призыв, и германское правительство было вынуждено пойти на переговоры с Советской властью—властью революционного народа. Это уже есть капитуляция германского кайзера. Победить, это значит—сломить замыслы врагов и увести войска в тыл для внутренней работы. Германия расширила свою территорию, разбросала свои войска; у нее прекрасно организованный голод—но голод; под внешним блеском ее побед скрывается тупик, безвыходность. Товарищи, мы не утаили ни одного слова, ни одного заявления ни нашего, ни наших союзников. Наша делегация держится не просителем,—мы себя так нигде не чувствовали, потому что мы совершили революцию. Наше международное положение политически и морально высоко. Заслуга русского народа в том, что он—самый отсталый, малограмотный—смог в этих условиях войны найти в своей душе запасы энергии и силы, чтобы поднять знамя восстания. Здесь, на нашей земле, обагренной кровью тысяч трудового народа, мы воздвигнем новый порядок; отсюда мы предлагаем всем народам: давайте, по-солдатски, по-мужицки, поговорим о мире. Этим мы привлекли к себе сердца всех. Сейчас мы, играющие революционную роль, сильнее пред лицом Германии и других народов, чем тогда, когда были в жалкой роли данников союзного капитала. Вот в чем наша сила, и вот почему союзные империалисты от угроз перешли к переговорам.

В ставке несчастного Духонина, поддержанного горе-политиками, бывшие там союзники нам заявили: шаги к миру приведут к неизбежным последствиям—это была скрытая угроза войной. Буржуазная печать сейчас же распространила горы ложных слухов об английском десанте в Архангельске, о движении японских войск. Но союзники убедятся в крепости Советской власти, опирающейся на народ. В войне против революционной России они натолкнутся на протест своих народов. Там еще кое-как держится хрупкое здание казарменной

дисциплины, но, при попытке бросить на нас свои народы, из-под нее выглянет честное народное лицо. Они это поняли и быстро перешли к переговорам. Американский генерал Джэдсон сказал: время угроз по адресу Советской власти прошло, если оно вообще когда-либо существовало.

Вчера еще, товарищи, мы нашли письмо Вильгельма к Николаю, в котором говорится о том, как полезно выступать с речью перед гвардией и обезглавливать террористов, в котором Вильгельм предупреждает Николая, что Англия будет поддерживать в России революционные партии. Я хочу вам сказать, товарищи, что ход мирных переговоров не зависит от степени благожелательности к нам кайзера. Когда генерал Гофман протестовал против распространения нами литературы в немецких окопах, наша делегация ответила: мы говорим о мире, а не о способах агитации. И мы заявили ультимативное требование, что не подпишем мирного договора без свободной агитации в германской армии. Был еще один пункт, вызвавший серьезный конфликт—это условие непереброски войск на западный фронт. Генерал Гофман заявил, что это условие неприемлемо. Вопрос мира в тот момент стоял на острие ножа. И ночью мы заявили нашим делегатам: не идите на уступки. О, я никогда не забуду этой ночи! Германия пошла на уступки. Она согласилась не перебрасывать войск, кроме тех, которые уже находятся в пути. Мы представляем революционный народ, это и дает силу нашей делегации. Наши переговоры происходят под стеклянным колпаком, и весь мир может видеть наши действия. Мы их ведем открыто. И в этом наша сила. Тайная дипломатия была бы для нас самоубийством. В вопросе о перемирии обе стороны щупают друг друга, и будь у наших врагов надежда после месяца отдыха двинуться снова на нас, они бы не капитулировали перед этим вопросом громадной важности. При штабах немецкой армии мы имеем своих представителей, которые будут контролировать выполнение условий договора. Я имею карту передвижения немецких войск за сентябрь и октябрь. При правительстве Керенского, затягивавшего войну, германский штаб имел возможность бросить войска с нашего фронта на итальянский и французский. Сейчас, благодаря нам, союзники находятся в более благоприятном положении. Наша задача—обеспечить перемирие на всех фронтах, но мы не берем на себя ответственности за все правительства, и на запрос союзников мы ответили, что не даем обеща-

ния не заключать мира в течение всего времени, пока они будут воевать.

Мы хотим всеобщего перемирия, что означает нашу готовность к миру. Сядем за общий стол экзаменовать друг друга и увидим, кто кого обманывает, кто чего хочет. И если не явятся другие, то явимся мы и будем там адвокатами всех народов, всех армий как союзных, так и враждебных. Я напомню вам, товарищи, что в среде как союзных, так и центральных держав внутренняя спайка слаба. Австрия обвиняет Германию в вовлечении в войну; Германия говорит Австрии: ты—ядро на наших ногах. Германия с трепетом озирается на Австрию и Турцию. По ту сторону окопов у нас есть козыри, облегчающие нам наше положение. Я не знаю замыслов японской буржуазии, но я знаю, что усиление Японии будет ударом для Соединенных Штатов. Я знаю, что враги разъединены между собою; это и дает нам возможность вести самостоятельную политику. Мы первые пробили брешь в войне, терзавшей 42 месяца народы всего мира, мы нанесли удар самой войне. Немецкие солдаты, находящиеся на других фронтах, будут знать, что их братья, стоящие против русского фронта, не подвергаются в настоящий момент гибели и расстрелу. Это вызовет в них усиленное желание мира. Во вторник в Брест-Литовск приедут граф Чернин и Кюльман[186]), чтобы подписать договор о перемирии. Этот договор создаст условия для мирных переговоров, во время которых мы спросим наших противников, согласны ли они принципиально на заключение мира на основе формулы русской революции. Если да, то мы спросим их, как они понимают это, как понимают они самоопределение галицийских и познанских поляков и украинцев; мы заставим их говорить прямо, чтобы они не могли укрываться за пустыми обещаниями. После обмена мнениями мы объявим перерыв, чтобы делегация могла вернуться сюда и довести все до сведения народов. В эти 28 дней мы пробудим Европу к лихорадочной жизни. Сведения нашего телеграфа будут ловиться слухом народов, оглушенных, опутанных войной. Мы не боимся хитрости наших врагов. Для переговоров мы послали людей, знакомых больше с тюрьмами и Сибирью, чем с дипломатической канцелярией. Мы сильнее их, потому что нам некого обманывать, и мы говорим правду, которая привлекает к нам сердца всех народов. С глазу на глаз мы предлагаем им заключить мир. Кто докажет, что на пути, по которому мы шли до 25 октября,

мы могли спасти страну? Правительство Керенского и союзники, оценивая голову русского солдата в доллар, создавали разруху и подрывали в народе веру в революцию и в самого себя, без чего он не может жить и развиваться. Восстание 25 октября дало нам нравственное возрождение. Мы бедны, но сильны демократическим революционным сознанием: пока мы стоим твердо на почве честного мира, наш народ не погиб, живет и будет жить.

* * *

Слово получает снова тов. Троцкий для ответа на вопросы, предложенные ему отдельными членами собрания.

— В буржуазной печати часто упоминается о возможности отхвата Японией части наших восточных владений. Но политика капитала одинакова всюду. Он всегда готов отхватить то, что плохо лежит. Япония готова это сделать в любой момент, и это вовсе не стоит в связи с выполнением или невыполнением нами союзных договоров. Отвечая на вопрос о личности Шнеура [187]), тов. Троцкий говорит: о нем хорошо отзывались знавшие его солдаты. Он был политическим эмигрантом, и поэтому его услуги были приняты. Что̀ хочет выжать из этих фактов буржуазная и правая социалистическая печать? Ведь Шнеур был дипломатическим курьером правительства Керенского, Савинкова и пр.

Теперь я перехожу к вопросу о гражданской войне. Крестьяне, рабочие и солдаты взяли власть в свои руки, чтобы подчинить общественный строй интересам трудящихся. Каждый должен работать, чтобы есть. Это — простое правило. Пока у власти было меньшинство, а народ находился в согбенном положении, в его распоряжении были стачки, протесты. Сейчас он сам у власти, восстают против него Каледины, Корниловы, находящиеся на содержании у крупной кадетской буржуазии, и высшее чиновничество. При Николае II они не делали стачек, они служили и Милюкову—это свой брат; когда у власти были горе-социалисты, они делали брезгливые гримасы, но все же служили. Теперь вы, трудовой народ, взяли власть,—и они ушли: совесть не позволила им служить власти советов, совесть, позволившая им все же захватить крупные суммы народных денег, чтобы выплатить стачечникам жалованье вперед за два месяца. Ревизия из двух матросов, двух рабочих и двух солдат, которая очень не по нутру этим господам, нашла

весьма секретную бумажку графини Паниной [188]) к кассиру: она велит кассиру выдать 90.000 р., которые будут ею перенесены в известное место. Наш долг—арестовать этих людей, как расхитителей народного достояния. (Общие возгласы: «Арестовать их!».) Да, товарищи, она уже арестована. Народ взял власть, как орудие полного освобождения. Банкирам и помещикам не бывать больше на русской земле.

У этих классов, привыкших к власти, есть уверенность, что они к ней вернутся. Народ шатается, и этим шатанием пользуются шатуны из лагеря правых эсеров и меньшевиков. Наша обязанность—выбить у них эту самоуверенность и вбить ее в голову народа. Если они не будут противиться вашей воле, не будет террора. Но они, повинные в этой войне, эти господа Милюковы Константинопольские и Дарданельские, как смеют они показываться на глаза народа?! Они идут против вас, и если народные массы, доведенные до отчаяния, прибегнут к террору, я не брошу в них камня. Народ пробуждается, и им, стоящим на пути его стремлений, не снести кары народного гнева, который обрушится на них. Когда Родзянки хотели сдать Петроград, чтобы обезглавить русскую революцию, когда Корнилов сдавал Ригу, чтобы запугать народ и взнуздать русскую армию, что оставалось нам делать? Скрестить руки и ждать? Нет, вы сами, товарищи-солдаты, запретили нам это, вы сказали: если вы не можете защитить Петрограда, заключите мир; не можете заключить мира—уйдите.

История человечества есть сплошная гражданская война. Лишь только народ, опутанный капиталом, поднимает голову, верхи обрушиваются на него всей своей силой. Теперь меч у вас, и в ваших руках он явится мечом правосудия, мечом защиты угнетаемых против угнетателей. В этом и отличие нашего порядка от старого. Раньше арестовывали солдат за неотдачу чести, помещики и Авксентьевы арестовывали членов земельных комитетов,—теперь мы, взяв власть в свои руки, говорим: станьте в общие ряды: выйдя из них, вы будете ослушниками не старшего, а всего народа. Жалкие меньшевистские плакальщицы—плакали ли они 18 июня, когда гибли тысячи, когда в ответ на протесты армии вводилась смертная казнь? Не в белых перчатках по лаковому полу пройдем мы в царство социализма; и еще много впереди неровностей и ухабов, где будем мы спотыкаться вместе с вами, споткнемся, и поднимемся и пойдем дальше. Нашей задаче—созданию трудовой рабочей и крестьянской артели—есть много

помех. С несознательными крестьянами мы будем действовать словом, с сознательными саботажниками—силой. Сила обеспечит народное право. Где кончится сопротивление, там кончится сила. Чем больше помех, тем больше репрессий. На Урале, на юге подняты восстания против народной власти, и Центральный Комитет партии кадет является политической душой этой борьбы, стремящейся сорвать дело мира.

Напрасно говорил представитель группы «Единство» [189]) о многих цветах. В России два цвета. Труженики в одном лагере—красного цвета; имущие в другом—черного цвета. Где мирнообновленцы [190]), кадеты, октябристы и другие партии? Все они сплотились, когда народ поднялся против них. Все примирители, маклеры соглашательства, стоявшие между нами и ими, израсходовали доверие народа—они не стоят выеденного яйца. Пока крестьянин не возьмет землю, рабочий не станет у власти, армии не сольются в единую группу, спаянную внутренней демократической дисциплиной, пока этого нет, пока существует внутренняя борьба кадет, — восставшие против вас объявляются врагами народа. Товарищи, на вашем Съезде нет общей работы—кто-то кому-то здесь мешает. Что жизнь разъединила, того никакая резолюция не склеит, и если какой-нибудь Иван Петрович или другой мешает—уйдем от него. Крестьянская беднота, революционные рабочие и солдаты, стройте новую жизнь! Крестьянскому съезду место в Смольном—пусть идут туда крестьяне, которых Авксентьевы сажали в тюрьмы за землю. Пойдем твердо, товарищи! Мы их бросим на лопатки!

«Известия» № 245,
7 декабря 1917 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА ЗАСЕДАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ, О МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ

(3 декабря)

2-й Всероссийский Съезд Советов Крестьянских Депутатов, заслушав доклад о перемирии; приветствует первый крупный успех, завоеванный на пути борьбы против бесчестной империалистической бойни, и обещает поддержку миллионов крестьян и солдат той политике ЦИК и Совета Народных Комиссаров,

которая направлена к скорейшему достижению честного демократического мира народов. Крестьянский Съезд призывает крестьян, рабочих и солдат Германии и Австро-Венгрии дать беспощадный отпор империалистическим требованиям своих правительств и таким путем обеспечить скорейшее заключение народного мира. Крестьянский Съезд призывает солдат, крестьян и рабочих Франции, Англии, Италии и других союзных стран преодолеть сопротивление своих империалистов и обеспечить участие своих представителей в переговорах о мире.

Крестьянский Съезд постановляет перевести эту резолюцию на немецкий, французский и другие языки и сообщить ее всеми возможными способами всем воюющим и нейтральным народам.

Долой войну!
Да здравствует перемирие!
Да здравствует честный мир!
Да здравствует братство трудящихся всех стран!

«Известия» № 245,
7 декабря 1917 г.

ОТ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

Сегодня Народный Комиссар подписал резолюцию касательно военнопленных австро-германцев, находящихся в Боровичском уезде, Новгородской губ. Сообщается русской делегации для сведения и для предложения представителям Австрии, Германии, Турции и Болгарии вопроса, не согласятся ли их правительства распространить эту меру, на условиях взаимности, на всех военнопленных, гражданских пленных и заложников. Народное Правительство Российской Республики делает этот первый шаг и немедленно распространит эту меру или ту, на какую согласятся правительства Австрии, Германии, Турции и Болгарии в этом направлении, на всех военнопленных, гражданских пленных и заложников.

Заведывающий отделом военнопленных *Менцековский.*

Делопроизводитель *Л. Грохотов.*

Резолюция

Объявляется Боровичскому Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов следующее постановление Народного Комиссара:

1. Все военнопленные Боровичского уезда освобождаются от принудительных работ и с 1 ноября с. г. оплачиваются наравне с вольнонаемными.

2. Военнопленные, не желающие работать в предприятиях, отправляются на сельскохозяйственные работы в Херсонскую губернскую земскую управу.

3. Вопросы взаимоотношений между военнопленными и предпринимателями регулируются комиссией от Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, куда входят представители от военнопленных и от предприятия.

4. Военнопленные при отъезде осматриваются комиссией с представительством от Совета. В случае инвалидности или болезни, полученной пленным во время работы, ему выдается об этом свидетельство врача, за подписью его и членов комиссии, а также вознаграждение от предприятия в размере, получаемом рабочими от больничной кассы. Заразительные и заразные больные задерживаются до выздоровления, после чего они в полной мере подлежат действию данной инструкции.

5. Военнопленным дозволяется организоваться и иметь своих выборных представителей для сношения с властями.

6. Военнопленные отправляются в Херсонскую губернию организованными группами (напр., по национальностям), причем каждая группа избирает своих выборных представителей по расчету один на 50 человек. Означенные представители получают от Совета удостоверения в признании их таковыми.

7. За ответственностью и ручательством соответствующих организаций, национальных или интернациональных, военнопленные могут быть переименованы в военнообязанных и получить соответствующие проходные свидетельства.

8. Военнопленные больные, временно безработные, а также отправляемые в дорогу, получают продовольствие и кормовые в размере солдатского пайка.

9. Засвидетельствованные копии означенной резолюции препроводить во все предприятия, а также в Херсонскую губернскую земскую управу для точного исполнения.

10. Воскресный отдых в течение 24 часов обязателен.

11. Отправка на сельскохозяйственные работы и в другие места не по принуждению.

Подписано: Народный Комиссар
по иностранным делам *Л. Троцкий.*

Заведывающий отделом военнопленных *Менцековский.*

Делопроизводитель *Л. Грохотов.*

«Правда» № 207,
19 (6) декабря 1917 г.

К ТРУДЯЩИМСЯ, УГНЕТЕННЫМ И ОБЕСКРОВЛЕННЫМ НАРОДАМ ЕВРОПЫ

Перемирие в Брест-Литовске подписано. На восточном фронте военные операции приостановлены на 28 дней [191]). Уже один этот факт является огромным завоеванием человечества. После 42 месяцев непрерывной бойни, из которой не видно было выхода, рабочая и крестьянская революция в России открыла путь к миру.

Мы опубликовали тайные договоры. В ближайшие дни мы продолжим это опубликование. Мы заявили, что эти договоры ни в чем не связывают политику Советской власти. Мы предложили всем народам путь открытого соглашения на основе признания за каждым народом, большим или малым, передовым или отсталым, права на свободное определение своей судьбы. Мы ни от кого не скрываем, что не считаем нынешние капиталистические правительства способными на демократический мир. Только революционная борьба рабочих масс против нынешних правительств может приблизить Европу к такому миру. Полное осуществление будет обеспечено только победоносной пролетарской революцией во всех капиталистических странах.

Вступая в переговоры с нынешними правительствами, насквозь проникнутыми на обеих сторонах империалистическими тенденциями, Совет Народных Комиссаров ни на одну минуту не отклоняется от пути социальной революции. За подлинный демократический мир народов предстоит еще только бороться. Первый этап этой борьбы везде, за исключением России, застает у власти старые монархические и капиталистические правительства, которые несут ответственность за нынешнюю войну и ко-

торые еще не отдали отчета своим обманутым народам за пролитую кровь и расточенные богатства. Мы вынуждены начинать переговоры с теми правительствами, которые все еще существуют в настоящий момент, как, с другой стороны, монархические и реакционные правительства центральных держав вынуждены вести переговоры с представителями Советской власти потому, что русский народ поставил их перед фактом Рабочего и Крестьянского Правительства в России. В переговорах о мире Советская власть ставит себе двойную задачу: во-первых, добиться как можно скорейшего прекращения постыдной и преступной бойни, которая губит Европу, во-вторых, помочь всеми доступными нам средствами рабочему классу всех стран низвергнуть господство капитала и овладеть государственной властью в целях демократического мира и социалистического переустройства Европы и всего человечества.

Перемирие на восточном фронте подписано. Но на других фронтах бойня продолжается. Мирные переговоры только открываются. Социалистам всех стран и прежде всего социалистам Германии должно быть ясно, что между мирной программой русских рабочих и крестьян и программой германских капиталистов, помещиков и генералов существует непримиримое противоречие. Если бы только эти две программы столкнулись, тогда мир был бы явно невозможен, ибо русский народ не для того свергал монархию и буржуазию собственной страны, чтобы склоняться перед монархами и капиталистами других стран. Мир может быть приближен, осуществлен и обеспечен только в том случае, если и со стороны Германии и ее союзниц раздастся решительный и твердый голос трудящегося народа. Германские, австро-венгерские, болгарские и турецкие рабочие должны программе империализма своих господствующих классов противопоставить свою революционную программу соглашений и сотрудничества трудящихся и эксплоатируемых классов всех стран.

Перемирие заключено только на одном фронте. Наша делегация после долгой борьбы добилась, в числе условий перемирия, согласия немецкого правительства не перебрасывать войска на другие фронты. Таким образом, те немецкие полки, которые расположены между Черным морем и Балтикой, получили месячный отдых от кровавого кошмара. К перемирию привлечена еще румынская армия против воли румынского правительства.

Но на французском, на итальянском и на всех других фронтах война продолжается. Перемирие остается частным. Капиталистические правительства боятся мира, потому что им придется давать народам отчет. Они стремятся отсрочить час своего окончательного банкротства. Согласны ли народы и дальше терпеливо сносить преступную работу биржевых клик Франции, Великобритании, Италии и Соединенных Штатов?

Под фразами о вечной справедливости и будущем обществе наций капиталистические правители этих стран скрывают низменные и корыстные расчеты эксплоататоров. Они не хотят перемирия. Они борются против мира, но вы, народы Европы, вы, пролетарии Франции, Италии, Англии, Бельгии, Сербии, вы, наши братья по страданиям и борьбе, хотите ли вы вместе с нами мира, честного, демократического мира народов? Те, которые говорят вам, будто такой мир может быть обеспечен только победой, обманывают вас. Во-первых, они за сорок два месяца оказались неспособны дать вам победу и ничем не доказали, что дадут ее, если война продолжится еще новые годы. Во-вторых, победа, если бы она оказалась возможна для той или другой страны, означала бы только новые насилия сильных над более слабыми и засевала бы, таким образом, семена новых войн.

Освободить Бельгию, Сербию, Румынию, Польшу, Украину, Грецию, Персию и Армению могут не победоносные империалисты одной из коалиций, а революционные рабочие всех воюющих и нейтральных стран в победоносной борьбе против всех империалистов.

К этой борьбе мы вас призываем, рабочие всех стран. Другого пути нет. Правящие, эксплоатирующие классы покрыли себя в этой войне неисчислимыми преступлениями. Эти преступления вопиют о революционном возмездии. Трудящееся человечество отреклось бы от себя и от своего будущего, если бы продолжало и дальше покорно нести на себе ярмо империалистической буржуазии, ее военщины, ее правительства, ее дипломатии.

Мы, Совет Народных Комиссаров, мы, уполномоченные русскими рабочими, крестьянами, работницами, крестьянками, солдатами, матросами, вдовами, сиротами, мы призываем вас к совместной с нами борьбе за немедленное прекращение войны на всех фронтах. Пусть весть о подписанном в Брест-Литовске перемирии прозвучит, как набат, для солдат и рабочих всех воюющих стран.

Долой войну! Долой виновников войны! Правительства, противящиеся миру, должны быть сметены, как и правительства, которые под речами о мире скрывают захватные притязания. Рабочие и солдаты должны вырвать дело войны и мира из преступных рук буржуазии и взять его в свои руки. Мы имеем право требовать этого от вас, потому что мы совершили это у себя. Таков единственный путь спасения для вас и для нас. Сомкните же ваши ряды, пролетарии всех стран, под знаменем мира и социальной революции!

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Известия» № 244,
6 декабря 1917 г.

СВИДАНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ С ФРАНЦУЗСКИМ ПОСЛОМ

Народный Комиссар по иностранным делам, т. Троцкий, вчера имел свидание во французском посольстве с г. Нулансом [192]).

Во время этой беседы было затронуто несколько вопросов.

Т. Троцкий обратил внимание посла на затруднительное положение, в каком оказались в настоящее время французские офицеры на Украине. Ему представляется невозможным, чтобы они продолжали поддерживать сношения с Радою, в то время как последняя разоружает советские полки, открыто поддерживает контр-революционные махинации Каледина и дезорганизует общий фронт, уводя оттуда без предварительного соглашения со Ставкою украинские части, которые участвуют в охране русско-румынского фронта.

Посол заметил, что все французские офицеры, состоящие при миссиях в России, получили формальный приказ ни в каком случае не вмешиваться во внутреннюю политическую борьбу. Присутствие на Украине офицеров, давно уже аккредитованных при генералах, командующих юго-западным и румынским фронтами, объясняется часто выражавшимся различными русскими правительствами приглашением наблюдать за формированием национальной украинской армии. В случае вооруженного конфликта между Радою и Петроградским Правительством их роль свелась

бы к роли офицеров военной миссии, и, в качестве таковых, они не принимали бы никакого участия в борьбе.

Вопрос об обмене дипломатическими курьерами между Россией и Францией также был обсужден обеими сторонами в целях удовлетворительного его разрешения.

По просьбе французского посла, т. Троцкий точно охарактеризовал условия мира, на которых основаны ведущиеся в Брест-Литовске переговоры. Эти условия свидетельствуют о непреклонной воле Русского Революционного Правительства заключить не мир на основах подчинения, а мир без аннексий и контрибуций, обеспечивающий всем угнетенным народам право свободного самоопределения.

Отклонение этих демократических принципов повлекло бы за собою разрыв переговоров.

* * *

От редакции газеты. Из настоящего сообщения мы не можем, к сожалению, вынести вполне определенное представление о роли французских офицеров «при Раде». Между тем, ясность в этом деле абсолютно необходима.

«Правда» № 207,
19 (6) декабря 1917 г.

ГОЛОС ПЕЧАТИ *).

Свидание т. Троцкого с г. Ниссель [193] **) оценивается официальной печатью как симптом, указывающий на возможность общего перемирия и общего мира. В том же смысле оценивается и ряд других фактов: освобождение Чичерина и Петрова в Англии, урегулирование вопроса о дипломатических паспортах, предстоящий ответный визит т. Троцкого Бельгийскому послу и т. д.

В то же время официозная печать отмечает уклончивый характер ответов французского посла по поводу Рады. Этот ответ может быть истолкован так, что кое-кто из союзников не вполне отказался еще, после эксперимента со ставкой Духонина, от на-

*) Настоящее сообщение нами внесено в данный том по тем соображениям, что все важные печатные заявления НКИД в 1917 г. писались почти всегда Л. Д. Троцким.

**) Во время перепечатки текста произошла ошибка. Следует читать не *Ниссель*, а *Нуланс*. *Ред.*

дежд на гражданскую войну против Советов. Нет никакого сомнения в том, что ближайший опыт покажет всю тщету надежд на авантюры Калединых и Петлюр [194]). Путь к сохранению добрососедских отношений с Россией лежит через соглашение с Советом Народных Комиссаров.

«Правда» № 208,
20 (7) декабря 1917 г.

РЕЧЬ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ СОВНАРКОМА, ЦИК, ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА, ГОРОДСКОЙ ДУМЫ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ТЕАТРЕ О МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ [195])

(8 декабря)

В начале своей речи т. Троцкий привел две характерные встречи, которые он имел в 1914 году, после того как вспыхнула настоящая война. Немецкий депутат Молькенбур [196]) на вопрос т. Троцкого, долго ли продлится война, ответил ему: «Мы полагаем, что боевые действия будут длиться не больше двух-трех месяцев. Энергичный нажим на Россию, два-три сильных удара на Францию, и мы достигнем победы, за которой последует ликвидация войны». Такую же уверенность в близком окончании войны выразил в беседе с т. Троцким французский социалист, полагавший, что Франция, отбросив немцев в битве на Марне, двинется дальше за Рейн, а в то же время Россия энергичным наступлением создаст угрозу Берлину, и на этом закончится война. Так полагали собеседники т. Троцкого, и, действительно, человек, который в то время дерзал говорить, что война может затянуться на год или даже больше, слыл безумцем. Очевидно, те громадные живые силы, те колоссальные военно-технические средства, с которыми европейские державы выступили на арену борьбы, служили как бы гарантией того, что война не может долго длиться.

Между тем,—говорит оратор,—вот уже четвертый год человечество не выходит из адского круга войны. Поистине, эта война показала, как могуществен человек, сколько неслыханных страданий он в состоянии перенести, но эта же война показывает, сколько варварства еще сохранилось в современном чело-

веке. Никогда технический прогрес не достигал такой высоты, как в настоящее время; люди одолевают пространство путем радиотелеграфа, люди без всяких усилий поднимаются ввысь, не страшась стихий,—и те же люди вползают по колена в грязь, поселяются в окопах и через глазки делают там, под указку господствующих классов, свое страшное, отвратительное дело. Человек,—царь природы,—сидит в этих бойницах, высматривает в них через глазки, как в тюремной камере, другого царя природы, как будущую свою добычу... Так глубоко упало человечество в этой войне. Становится обидно за человека, за его плоть, за его дух, за его кровь, когда представляешь себе, что люди, прошедшие через длинный ряд культурных этапов,—христианство, абсолютизм и парламентаризм,—люди, вскормившие идеи социализма, как жалкие рабы, из-под палки господствующих классов, убивают друг друга. И если бы эта война закончилась тем, что люди вновь вернулись бы в свои стойла и стали бы подбирать те жалкие крохи, которые им бросает буржуазия, если бы эта война закончилась торжеством империализма, то человечество не стоило бы тех страданий и той огромной работы мысли, которые оно вынесло в течение тысячелетий. Но этого не будет, этого не должно быть! (Бурные аплодисменты.)

Вспоминая Циммервальдскую конференцию, оратор говорит: Там собрались интернационалисты, которых безжалостно травили шовинисты всех стран. Нас была там небольшая горсть,—три десятка человек. Казалось, что все прошлое социализма затоплено кровавыми волнами шовинистического ослепления, и что мы—последние остатки законченной великой главы. Мы получили письмо от тов. Либкнехта, заточенного германскими тиранами в крепость. Он писал нам, чтобы нас не смущало то, что нас мало; он выражал уверенность, что наши труды, наши усилия не пропадут даром; с отдельными личностями можно легко и безнаказанно расправляться, но в сердцах народов вера в революционный социализм не будет убита. И, говоря это, Карл Либкнехт никого не обманул, жизнь все сильнее и ярче подтверждает эту надежду.

Тов. Троцкий от имени собравшихся провозглашает: «Да здравствует наш друг, стойкий борец за социализм, Карл Либкнехт!» (Бурные аплодисменты. С мест раздаются голоса: «Мы требуем освобождения Либкнехта и Фрица Адлера!»). Затронув имена других интернационалистов—Фрица Адлера, Хеглунда,

Розы Люксембург и других, которых отечественные империалистические правительства квалифицировали как наемников враждебных государств и, обвиняя их в изменнических действиях, заточили в казематы,—оратор указывает на целый ряд фактов, красноречиво говорящих о том, что усилия этих людей, мужественно поднимавших голос протеста против угнетения народов кучками насильников-империалистов, не прошли бесследно, и никакими способами, никаким насилием никому не удастся вытравить из сознания народов преступность этой войны, несущей только разорение и страдания.

Переходя к начатой нами борьбе за мир, оратор говорит:

Мы можем скорбеть, что события не развиваются с такой быстротой, как этого нам хотелось бы, но «земля все-таки вертится!». Для отчаяния места нет. В России, молодой, некультурной, отсталой России, где произвол царского правительства давил особенно тяжело, знамя революционной борьбы развернулось раньше, чем в других странах. Мы выступили первыми. Но те же причины, которые толкнули наши народные массы на борьбу, действуют во всех странах, независимо от национального темперамента того или другого народа. И, раньше или позже, эти причины скажутся. Тот факт, что мы во время войны свергнули царя и буржуазию, тот факт, что в стране с 180-миллионным населением стали у власти те, которых еще так недавно называли кучкой,—этот факт, имеющий всемирно-историческое значение, навсегда врежется в сознание рабочих масс всех стран. И русский народ, восставший на земле жандарма Европы (так почетно титуловали Николая Романова), заявит, что со своими братьями, стоящими под ружьем в Германии, Австрии, Турции и т. д., он хочет говорить не голосом пушек, а языком международной солидарности трудящихся всех стран. Этот народ заявил громогласно, на весь мир,—что ему не нужны завоевания, что он не посягает на чужое достояние, что он добивается только одного: братства народов и освобождения труда. Этот факт не может изгладиться из сознания страдающих от тяжкого ига войны народных масс всех стран, и раньше или позже эти массы услышат наш голос, придут к нам, протянут нам руку помощи. Но если бы даже допустить, что враги народа нас победят, что мы погибнем; если бы нас, побежденных, придавила собою земля, если бы нас стерли в порошок,—все же память о нас будет переходить из рода в род и будить наших детей на новую борьбу. Конечно, наше положе-

ние было бы много лучше, если бы народы Европы восстали вместе с нами, и нам пришлось бы разговаривать не с генералом Гофманом и графом Черниным, а с Либкнехтом, Кларой Цеткин [197], Розой Люксембург и другими. Но этого еще нет, и ответственность за это не может быть возложена на нас. Наши братья в Германии не могут обвинять нас в том, что мы за их спиной вели переговоры с их заклятым врагом—кайзером. Мы с ним говорим, как с врагом, сохраняя всю нашу непримиримую вражду к этому тирану.

Перемирие создало перерыв в войне, гул орудий смолк, и все трепетно ждут, каким голосом Советская власть будет разговаривать с Гогенцоллернскими и Габсбургскими империалистами. И вы должны нас поддержать в том, чтобы мы говорили с ними, как с врагами свободы, ее душителями, и чтобы ни один атом этой свободы не был принесен в жертву империализму. Только тогда дойдет до глубин сознания народов Германии и Австрии истинный смысл наших стремлений, наших целей. Если эта третья сила — голос рабочего класса Германии—не проснется и не окажет того могучего влияния, которое должно сыграть решающую роль,—мир будет невозможен. Но я считаю, что Рубикон перейден, что возврата к прошлому нет, и в нас крепнет уверенность, что переговоры о мире станут могучим орудием в руках народов в борьбе за мир. Но если бы мы ошиблись, если бы мертвое молчание продолжало сохраняться в Европе, если бы это молчание дало Вильгельму возможность наступать и диктовать условия, оскорбительные для революционного достоинства нашей страны, то я не знаю, смогли ли бы мы, при расстроенном хозяйстве и общей разрухе, явившейся следствием войны и внутренних потрясений, смогли ли бы мы воевать. Я думаю: да, мы смогли бы! (Бурные аплодисменты.) За нашу жизнь, за революционную честь мы боролись бы до последней капли крови. (Новый взрыв аплодисментов.) Усталые, старшие возрасты, ушли бы. Но мы сказали бы, что наша честь в опасности, кликнули бы клич и создали бы мощную, сильную революционным энтузиазмом армию из солдат и красногвардейцев, которая боролась бы до последней возможности. Наша игра еще не сыграна. Ибо, товарищи, вы знаете, наши враги и «союзные» империалисты должны же понимать, что не для того мы свергали царя и буржуазию, чтобы стать на колени перед германским кайзером, чтобы склониться перед чужестранным милитаризмом и молить о мире. Если нам предло-

жат условия, неприемлемые для нас и всех стран, противоречащие основам нашей революции, то мы эти условия представим Учредительному Собранию и скажем: решайте! Если Учредительное Собрание согласится с этими условиями, то партия большевиков уйдет и скажет: ищите себе другую партию, которая будет подписывать эти условия, мы же—партия большевиков и, надеюсь, левые эсеры—призовем всех к священной войне против милитаристов всех стран. (Шумные и продолжительные аплодисменты.) Если же мы, в силу хозяйственной разрухи, воевать не сможем, если мы вынуждены будем отказаться от борьбы за свои идеалы, то мы своим зарубежным товарищам скажем, что пролетарская борьба не окончена, она только отложена, подобно тому, как в 1905 году мы, задавленные царем, не закончили борьбы с царизмом, а лишь отложили ее. Вот почему мы без пессимизма и без черных мыслей вступили в переговоры о мире. И сколько бы буржуазная печать ни неистовствовала и ни твердила, что мы нашими переговорами вредим интересам демократии, мы не остановимся на нашем пути, ибо все то, что нам приписывают,—ложь и клевета.

Нас называют предателями народов Англии и Франции, ибо мы якобы повинны в том, что на союзников обрушиваются новые силы, перебрасываемые с Восточного фронта. Но вы знаете, что русская делегация решительно настаивала на том, чтобы немецкий генеральный штаб не перебрасывал солдат с русского фронта на Западный. Генерал Гофман горячо возражал; он употреблял все усилия для того, чтобы отклонить этот пункт, но мы в этом не уступили, и переброска войск теперь не осуществляется.

Т. Троцкий показывает две карты Западного фронта за сентябрь и октябрь, из которых видно, что в течение этих двух месяцев имела место переброска больших сил с нашего фронта на Западный. Но в эти месяцы,—говорит оратор,—у власти были не мы, и переговоры о мире тогда не велись...

Мы, — продолжает оратор, — не уступили даже и в том пункте, в котором немцы выдвигали требование о прекращении пропаганды в среде немецких войск. Мы ответили, что мы приехали в Брест переговариваться с немецкими генералами о прекращении боевых действий, но об остальном, в частности о революционной пропаганде, переговоры мы будем вести не с ними. Наши настоящие переговоры мы ведем с немецкими крестьянами

и пролетариями, одетыми в солдатские шинели; там, среди них, развертывается наша настоящая, народная, солдатская, окопная дипломатия. (Шумные аплодисменты.)

Далее т. Троцкий переходит к характеристике того отношения, которое проявляют буржуазно-империалистические круги всех стран, пользующиеся лакейской печатью для создания атмосферы ненависти и злобы к русской революции и к деятельности Советского правительства, будящего трудящиеся массы всего мира к борьбе за свержение капитализма и империализма.

Т. Троцкий оглашает ряд документов, показывающих, что и внутри России имеются представители иностранных держав, которые принимают активное участие в организации контрреволюционного восстания. Из этих документов видно, например, как представители американской миссии в России пытались под флагом содействия Красному Кресту, находящемуся в Яссах, провезти на Дон автомобили для передачи их в распоряжение калединской банды. Эти документы свидетельствуют, что нити этого дела ведут к американскому послу Фрэнсису. Этот американский посол, сэр Фрэнсис,—говорит оратор,—со времени переворота был самым молчаливым из всех дипломатов. Очевидно, он последовательно и твердо держался принципа, завещанного дипломатом Бисмарком[198]): «Молчание—золото, речь—серебро». Но сэр Фрэнсис должен, наконец, нарушить молчание и дать свое объяснение по вскрытому оглашенными документами делу. Пусть сэр Фрэнсис израсходует немного серебра своего красноречия. (Смех.)

Пусть,—продолжает оратор,—представители всех иностранных держав знают, что мы не так слабы, чтобы позволить безнаказанно наступать себе на ноги. Мы это скажем всем, в том числе и немецким и австрийским дипломатам. Если они думают, что, являясь представителями иностранных держав, они могут на темные деньги, под видом работы для Красного Креста, оказывать поддержку Калединым, то они ошибаются. С того момента, как становится ясной их роль в содействии контр-революционерам, они становятся для нас частными лицами, и тяжелая пята революции опустится на них всею тяжестью. (Бурные аплодисменты.)

Буржуазия богата золотом и долларами, которые служат в ее руках орудием угнетения. У нас этого средства нет, но мы стоим так же твердо, опираясь на независимые революционные

силы. У них только золото, у нас—сочувствие народных масс и социалистические принципы. Этими принципами мы будем бить врага, и в общепролетарской борьбе против всех империалистов, не только немецких, но и против господ Клемансо, Ллойд-Джорджей и остальных,—мы победим или погибнем! (Бурные аплодисменты.) Пусть знают все, что мы не поддадимся влиянию англо-американской буржуазии, что мы не сдадимся на милость империалистической биржи Европы, и, если понадобится, мы прольем последнюю каплю крови в борьбе за наше революционное достоинство, за нашу честь, за мир, свободу и братство всех народов. (Бурные долго несмолкаемые аплодисменты, переходящие в овацию.)

«Протоколы заседаний ЦИК 2-го созыва»,
Издание ЦИК 1918 г.

ОТЧЕТ НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

(6 декабря)

Мирные переговоры начались только вчера, и о них сообщить я покамест ничего не имею, кроме того, что в пополнение делегации вчера выехал известный историк, профессор Покровский[199]), член партии большевиков, для участия в переговорах.

В высшей степени важно отметить, что мирные переговоры в Брест-Литовске совпали с знаменательными фактами здесь на месте. Вчера состоялось свидание между мною, представителем Советской власти, и французским послом[209]), первое со дня переворота. После непризнания власти Советов, не могло быть и речи о моем почине в этом деле, и свидание состоялось не по моей инициативе. При настоящем положении дел во Франции этот факт достаточно показателен. Политика Франции сейчас возглавляется шовинистом Клемансо, и французский посол представляет отнюдь не социалистическую и демократическую Францию. Он, представитель финансовой буржуазии Франции, все же нашел возможным иметь свидание с представителем Советской власти. При возвращении из французского посольства, я встретился здесь, в Смольном, с четырьмя консулами союзных и нейтральных стран, которые пришли для улажения вопроса о дипломатических курьерах.

Я не могу на основании этого сделать официальных заявлений, но лично я готов толковать этот шаг, как склонность приступить также к мирным переговорам.

Вернусь к вопросу о курьерах. Дипломатический курьер — это такое лицо, которому дается запечатанная, вполне неприкосновенная сумка, с различными, не подлежащими оглашению сведениями. Когда наш курьер обратился за визой в союзное посольство, ему, за непризнанием новой власти, в визировании паспорта отказали. На это мы сказали, что раз вы не признаете нового правительства, а послы могут быть только при правительстве, значит, вы не являетесь послами, а следовательно, и ваши курьеры пропуска не получат. Они не могли отказать нам в логике этого заявления и сказать, что мы не правы. Теперь дело с курьерами улажено.

Если бы они хотели дальше воевать, им не для чего было бы вступать с нами в деловые сношения, ибо ясно, что на этом пути мы им не товарищи, и вот почему это наводит меня на высказанную мысль.

Вчера был глава американской миссии Джэдсон и заявил, что все находящиеся в России американские офицеры собраны при миссии. Об этом я уже говорил с французским послом.

Дело в том, что союзные офицеры у нас обретаются при Раде и при ставке Каледина. Если бы Рада была уже признана совершенно самостоятельной, то французское правительство вправе было бы делегировать туда своих представителей. Но дело обстоит совсем иначе. Они, состоя при русском правительстве, отлучаются туда для вынюхивания возможности, нельзя ли что-нибудь предпринять против нас. Посол заверил меня, что они ни в коем случае не вмешаются в наши дела. Этот ответ меня не удовлетворил, я сказал послу, что они должны состоять при русском правительстве, а не при штабе контр-революции, и что в противном случае я не могу ручаться за их неприкосновенность.

Бельгийский посол также выразил желание видеться.

Таким образом переговоры о мире совпали с некоторым просветлением в отношениях с союзниками. Они поняли, что Советская власть стоит крепко в центре и на местах и что с ней необходимо считаться. А наш принцип сношений, это—безусловная демократичность, и к этому им нужно приноравливаться.

Сегодня опубликован договор с Японией, который оговаривает некоторые условия на случай войны с Японией. Между нашими союзниками явный антагонизм. Они не представляют собой одного целого, они раздираются враждой и раскалываются противоречием интересов—от этого наше положение становится лучше. Их борьба нам служит не ко вреду.

Наши переговоры, которые мы вынуждены вести с верхами, мы хотим пополнить прямым общением с германским народом. Вчера в Германию отправлен вагон газет, в которых мы печатаем тайные документы и ход переговоров о перемирии. Мы не считаемся с тем, что ведем с Германией переговоры о мире, а в то же время продолжаем говорить нашим привычным революционным языком. Мы говорим, что немецкий народ должен давить на верхи и что только его революционное вмешательство даст мир на наших основах.

Завтра выйдет первый нумер нашей газеты на венгерском языке.

Представитель австро-венгерских пленных, офицер, старый интернационалист и известный борец, предлагает нам свои услуги по агитации среди своих. Агитация ведется в том направлении, чтобы принять наши принципы заключения мира и от имени всех пленных предъявить эти условия Австро-Венгрии. И если от нее последует отрицательный ответ, то пленные сформируют свой отряд и предоставят его в наше распоряжение. (Аплодисменты.)

Пришло время, когда мы можем очистить нашу партию от клеветы. Поступок офицера показывает, что есть еще на свете подлинный Интернационал, который не продает свои лозунги, который борется с буржуазией и в этой борьбе идет до последнего шага.

Что касается положения с нашими внутренними врагами, то оно оказывается благоприятнее для нас, чем бы они этого хотели, благоприятнее, чем этого на первых порах ожидали мы сами.

Рада всегда встречала у нас поддержку и сочувствие. Мы и сейчас считаем, что права украинского народа на самостоятельность священны.

Когда Терещенко и Церетели сделали Раде уступки—кадеты вышли из состава правительства. Но вот наша буржуазия хочет, под охраной Рады, собрать Учредительное Собрание в Киеве—буржуазия наша и украинская побратались в общей нена-

висти к Советской власти. Классовые интересы более могучи, чем интересы национальные.

Советская власть признает полнейшую автономность Украины. Мы—против всякого гнета, в том числе и против национального.

Но внутри украинского народа буржуазный класс боится Советской власти и борется против нее. Вот почему вокруг Рады сгруппировались и Каледин, и Корнилов, и союзные офицеры. Они хотят обмануть народ и сказать ему, что Советская власть идет против украинского народа.

Борьба с Радой происходит на почве социально-классовой. Рада мешает переговорам о мире: она разоружает русские войска на территории Украины и тем дезорганизует русский фронт.

Украина имеет полное право—и никто ей в этом не мешает—формировать свои национальные полки. Но когда из единого фронта украинских и русских полков Петлюра выдергивает, не желая считаться ни с чем, отдельные единицы,—это умышленное расстройство фронта, направленное во вред Советской власти.

Рада пропускает калединские войска для нашего подавления и не пропускает наши, направляющиеся против Каледина. Она предательски, вероломно, ночью окружила наши войска и разоружила их в Киеве. Такая же попытка была в Харькове, но встретила сопротивление гарнизона; в Одессе на этой почве происходит борьба.

Национальные интересы Украины ничуть не ущерблены.

В Финляндии у власти стоит буржуазия. Но между нами нет столкновения, ибо она не мешает нам, не пытается разоружать наши финляндские войска. Если бы белая гвардия начала подобные действия, она имела бы дело со своей и нашей революционной демократией. Но покамест этого нет, и мы сохраняем добрососедские отношения.

Но буржуазная украинская Рада не случайно собрала вокруг себя всех наших врагов. Она—в сношениях с Калединым, кадетами, союзными офицерами, всеми теми, которые хотят сорвать дело мира. Раде Англия и Франция обещают заем. Ясно, что империализму этих стран чужды и совершенно безразличны интересы украинского хлебороба, а заем дается с целью создать базу для затяжки нужной им войны и с этой стороны. Я спрашивал французского посла, верно ли, что его страна дает заем Раде. Он ответил, что это неверно.

Но усилия Украинской Рады разобьются о сопротивление самого украинского народа, которому нужен мир.

Рада не дала народу земли, а то, что она кокетничает и перемигивается с буржуазией всех стран—делает ее ненавистной для народа. Независимость Украине нужна для независимости селяка, крестьянина, а не для свободы буржуазии.

У Рады политика Керенского, у них общий враг—Советы, украинские и великорусские, и это создает для нас и украинского народа общий путь и общую цель—сломить врага.

«Известия» № 247
9 декабря 1917 г.

ОТВЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ПАРЛАМЕНТА

Парламентская фракция французской социалистической партии обращается к русским социалистам[201]) с воззванием, в котором укоры соединены с предупреждениями и советами. Содержанием воззвания является, разумеется, вопрос об опасности сепаратного мира.

Откуда возникла эта опасность? Воззвание говорит о преступной политике царизма, которая расстроила и обессилила страну, и вспоминает о том энтузиазме, с которым французские социалисты встретили русскую революцию. Уже это воспоминание нуждается, однако, в поправке. С самого начала войны французские и бельгийские социал-патриоты настойчиво рекомендовали нам, русским революционерам, заключить перемирие с тем самым царизмом, который расстраивал и обессиливал страну. Гражданин Вандервельде [202]) писал в этом духе послания русским товарищам при содействии дипломатов царизма.

Граждане Гэд [203]), Самба [204]) и Тома [205]) преподавали нам тот же совет. Их единомышленники, русские социал-патриоты, всеми мерами тормозили развитие революции, затягивали агонию царизма и тем самым содействовали дезорганизации и истощению страны.

Февральская революция, опрокинувшая царизм, по непосредственным своим результатам была революцией буржуазной. Она поставила у власти крайних представителей русского империализма, Гучкова и Милюкова. Эти рыцари международного

хищничества чувствовали себя своими людьми в среде представителей парижской, лондонской и нью-йоркской бирж. Они стремились всю революцию, с пробужденными ею страстями и надеждами, впрячь в колесницу союзного империализма. Мы объявили им поэтому непримиримую войну. Мы не делали и не делаем принципиального различия между империализмами центральных империй и союзных стран. Нас пытались убедить, что союзные страны находятся в состоянии законной самообороны, и отсюда делался тот вывод, что союзные социалисты обязаны итти рука об руку с буржуазией и даже с царизмом. Такова основа политики священного единения (l'union sacrée). Но по другую сторону окопов правительственные социалисты Германии и Австро-Венгрии объявили, что именно их страны находятся в состоянии законной обороны, и заключили священный союз со своими монархиями. Пролетариат Европы политически раздирался на два лагеря, и с политической арены исчезала, таким образом, единственная сила, способная положить конец безумию войны.

Мы требовали, чтобы правительства, которые апеллировали к принципу законной обороны, опубликовали те договоры, которые составляли основу всей их предшествующей политики, приведшей к войне. Мы считали гибельным и постыдным определять политику пролетариата в величайшую из мировых эпох в зависимости от гадательных соображений о том, какая из национальных капиталистических дипломатий проявила больше наглости или коварства в последние недели накануне войны. Ни одно из буржуазных правительств не опубликовало своих международных договоров, потому что каждый из этих документов изобличал лицемерие оборонительной войны.

Задача революционного социализма, как мы ее понимали, состояла в том, чтобы вырвать пролетариат из-под влияния националистических идей и направить его революционную энергию на борьбу против войны, империализма и капиталистического строя. Такую именно задачу предписал нам всем Базельский международный социалистический конгресс. Но в минуту войны могущественное давление буржуазии подчинило ее влиянию оппортунистические, парламентские верхи рабочего движения. Международный пролетариат оказался надолго раздроблен и обессилен. Не встречая сопротивления, война приняла затяжной характер, грозя погубить всю европейскую культуру.

Три с лишним года показали, что на почве войны нет выхода из войны. Народу Франции обещали каждый раз окончательную победу накануне каждого нового наступления. Эти надежды неизменно оказывались призрачными. Но и военные победы армии Гогенцоллерна не давали германскому народу выхода из кровавого тупика. В чисто военном смысле мы сейчас так же далеки от решения, как и в первые месяцы войны.

Русский социализм искал выхода из войны на пути революции.

После падения чисто буржуазной диктатуры Гучковых и Милюковых, к власти были привлечены социалисты-соглашатели, русские единомышленники Шейдемана [206]), Вандервельде и Гэда. Они пытались сохранить ненарушимыми рамки старого империалистического союза. В этих рамках они убеждали союзников пересмотреть старые договоры и тем содействовать скорейшему заключению мира. Какие плоды принесла эта политика почтительных увещаний? Никаких. Союзные дипломаты, в том числе и французские, отделывались общими фразами и неопределенными обещаниями. А официальный французский социализм? Если его тактика была верна, она должна была политически обнаружить ту силу, которая заложена историей в героический пролетариат Франции. Но этого не было и в помине. Французская парламентская фракция предоставляла в распоряжение правительства все военные кредиты, но в обмен не могла добиться ни одного сколько-нибудь определенного и серьезного ответа о целях войны. Более того, французские социалисты каждый раз получали отказ в выдаче паспортов, когда речь заходила о международной конференции социалистов. Политика, которая ставит социализм в такое положение, не может быть правильной политикой. И французская парламентская фракция, целиком ответственная за это унижение официального французского социализма, тем самым лишила себя права выступать в качестве судьи, который выносит русскому «максимализму» суровый приговор.

Меньше всего официальный французский социализм вправе укорять нас за сепаратное перемирие и ставить нам в вину опасность сепаратного мира.

Мы предложили всеобщее перемирие. Мы обратились ко всем воюющим народам и к их правительствам с предложением немедленных переговоров о всеобщем мире. Эти переговоры отнюдь не означают ни для одного из участников—и меньше всего

для нас—готовность заключить мир во что бы то ни стало. Но переговоры требуют согласия каждой страны открыто заявить во имя каких целей она ведет войну и на каких началах она готова заключить мир. Мы, со своей стороны, опубликовали старые захватные договоры, объявили их для себя недействительными и предложили мир на основах демократии. Французская буржуазия ответила на это предложение созданием министерства Клемансо, т.-е. правительства шовинизма и социальной реакции. Официальный французский социализм отвечает укорами и обвинениями—но не по адресу французской буржуазии, а по адресу русского пролетариата. «Священное единение», остается, таким образом, во всей своей силе и при министерстве Клемансо.

Не менее французской парламентской фракции стремимся мы ко всеобщему демократическому миру. Мы это доказали всей нашей борьбой. Но такой мир может быть сейчас достигнут только героическим натиском пролетариата каждой страны на свою национальную буржуазию. «Священное единение» исключает возможность такого натиска. Оно связывает пролетариат по рукам и по ногам и делает его безвольным орудием буржуазии.

Французскому народу мир необходим не меньше, чем народам других стран. Путь Клемансо не есть путь мира—это путь гибели французского народа. Пролетариат Франции не может не понимать этого. Пролетариат Франции,—мы в это твердо верим,—поднимет свой голос и потребует от правящей Франции участия в мирных переговорах. Кто не хочет сепаратного мира, тот не смеет отказываться от участия в переговорах, то-есть от открытого предъявления своих условий мира.

Мирные переговоры открыты, Совет Народных Комиссаров будет в этих переговорах отстаивать интересы и принципы международного социализма. Революционный пролетариат Франции не останется в стороне. Против своей буржуазии, через голову официальных парламентских вождей, он поднимет свой голос—за немедленное приостановление бойни на всех фронтах и за честный демократический мир всех народов.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Известия» № 248,
10 декабря 1917 г.

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ ЦИК О ХОДЕ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

(14 декабря)

Т. Троцкий долго не может начать своей речи, благодаря устроенной ему овации. Наконец, собрание успокаивается, и т. Троцкий приступает к своему докладу.

Коснувшись в общих чертах содержания ответа германской и союзных с нею делегаций, он напоминает собранию о том, что в прошлом году германский канцлер Бетман-Гольвег [207]) заявил, что основой мирных переговоров должна явиться карта войны. Мы, социалисты-интернационалисты, и тогда были глубоко убеждены, что в руках истории окажется не только одна эта карта, но и много других. Наши надежды оправдались. В настоящее время германская делегация и делегации всех союзных с Германией стран отказываются от мысли воспользоваться картой войны, и таким образом германский и союзный с ним империализм констатирует, что эта карта бита. Это сделалось, конечно, не вследствие какой-либо идеалистической эволюции в умах прусских генералов и германских юнкеров, владеющих властью в настоящее время. К фактору военных успехов и военных неудач, основываясь на которых германский империализм в прошлом году трубил победу, присоединились в настоящее время факторы хозяйственной разрухи, повального голода и возникающего на этой почве социального недовольства и социальной борьбы. И эти карты в исторической игре сыграли именно ту роль, которую мы им предсказывали. Они создали крах националистических ожиданий. Они усилили социалистическое влияние и на пролетариат, который в начале войны не мог еще преодолеть гибельного действия той националистической отравы, которую в его душу влила буржуазия при помощи имеющегося в ее руках аппарата прессы. Банкротство империализма—даже в чисто военном смысле, так как три с половиной года войны показали, что желанная для империалистов решительная победа не будет и не может быть достигнута—привело к тому, что революция в мировом масштабе углубляется с каждым днем и что в России она уже сделалась победоносной. Эти основные карты, карты внешней войны, с одной стороны, и карта внутренней борьбы—с другой,

решат ту страшную игру, которую с таким преступным легкомыслием начала империалистическая буржуазия.

И именно германская буржуазия, которая является в своем хищничестве самым трезвым, самым реалистически мыслящим отрядом интернационального капитала, не могла не учесть слишком очевидного изменения соотношения действующих сил истории и сдала первую и самую прочную свою позицию. Она заявила, что готова освободить оккупированную Северную Францию, Бельгию, Румынию, Сербию, Польшу, Литву, Курляндию и что готова предоставить этим народам право на полное и неограниченное самоопределение. Здесь в полной мере принимается то условие, которое было продиктовано Съездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Но относительно тех грабежей, которые были совершены десятки лет тому назад и которые, по нашему мнению, остаются грабежами и по сию пору, Германия придерживается иного мнения. Германская, турецкая, австрийская и болгарская буржуазии уже решились возвратить то, что они захватили в течение этой войны, но предлагают нам не требовать от них аннулирования результатов тех грабежей, которые совершены ими в течение прежних периодов мировой истории. И даже наши враги, еще так недавно предсказывавшие нам, что немецкая дипломатия не захочет даже говорить с нами, а так называемая «союзная» объявит нам войну,—даже они видят в немецком предложении громадный и совершенно неожиданный для них успех нашей политики.

Мы попрежнему стоим на почве наших требований полного самоопределения национальностей и исправления всех совершенных до настоящего времени исторических несправедливостей. Уступает лишь тот, кто запрашивает, кто считается с более или менее выгодной для себя комбинацией обстоятельств. Мы же игнорируем все выгодные и невыгодные условия нашего положения и стоим исключительно на почве наших принципов, и так как принципы не меняются, то не меняются и вытекающие из них требования. И то, что мы не торгуемся, то, что мы отстаиваем до конца правду и только правду, делает из нас сильнейшую из всех сторон, участвующих и имеющих участвовать в предстоящих мирных переговорах. Первый же шаг, когда непобедимая Германия должна была отступить со своих передовых позиций при первом же дипломатическом турнире с нами, подтверждает правильность наших позиций, ибо на нашей стороне

правда, а на ее—сила прусского милитаризма. И если бы даже вопрос стоял в плоскости только физической силы, то Германия и тогда не могла бы так уверенно стоять на своих требованиях, как это делаем мы. Она должна была бы учесть то обстоятельство, что она составляет лишь одно звено—правда, самое сильное— в той цепи союза центральных держав, в состав которой входят и Австрия, и Турция, и Болгария; и так как крепость цепи измеряется крепостью не сильнейшего, а слабейшего ее звена, то Германии пришлось бы волей-неволей равняться по своим полузадавленным тяжестью войны союзникам. И теперь она уступает не только нашей правде, но и слабости Австрии, Турции и Болгарии, своей собственной хозяйственной разрухе и угрожающей самому существу буржуазного строя опасности революции. Мы понимали это, когда мы тотчас же после 25 октября, после победы русской революции, покончили с политикой трусости и дряблости, превратившей нашу великую страну в жалкое охвостье империалистического Запада. С того момента, как мы бросили в лицо нашим союзникам заключенный с ними царским правительством разбойничий договор и показали, что для нас существует лишь один, неписанный, но священный договор, договор международной солидарности пролетариата, мы этой тактикой, этой нашей политикой, от которой нас предостерегали наши «друзья», советуя нам обратиться к знатокам международного права, как теперь нам советуют обратиться к знатокам банкового дела, сделали русскую революцию огромной притягательной силой, которая все сильней и сильней гипнотизирует пролетарские массы на западе. Там все еще сильна политическая власть буржуазии и в особенности психологическая власть буржуазной клеветы и лжи, источником которой является находящаяся в безраздельном владычестве буржуазии печать, но там уже знают о том, что русская революция победила и что Германия уже признала эту победу.

Итак, теперь существуют две платформы, на которых возможно ведение мирных переговоров: наша, требующая отказа от награбленного как теперь, так и в прошлом, и германская, выражающая согласие отказаться от того, что награблено лишь в течение последней войны. Наши союзники должны будут стать на ту или иную платформу, или выдвинуть свою самостоятельную. Если они присоединятся к нам, если Англия предоставит право на самоопределение Ирландии, если ставленник французской бур-

жуазии, Клемансо, согласится предоставить право на самоопределение Мадагаскару и Панаме, то мы от всей души будем приветствовать их и пойдем по пути дружной солидарной борьбы как за самоопределение этих народов, так и за самоопределение Эльзас-Лотарингии, германской и австрийской Польши и т. д., и т. д. Наша позиция—принципиальная, и потому она самая высокая и самая благородная. Для них — для всех буржуазных дипломатий—эти переговоры являются скамьей подсудимых и допросом с пристрастием. Мы видим, что германская делегация уже сознала свое положение и пытается замаскировать свои преступления в прошлом демократической фразеологией в настоящем. Но мы беспощадно сорвем с нее маску. Мы продемонстрируем перед всем миром ее политическую убогость, как мы заставим, наконец, американскую, английскую и французскую буржуазию открыть свои действительные цели и намерения. И есть уже симптомы, что наша тактика, тактика пробуждения международной солидарности пролетариата, уже оказывает на него большое влияние.

Т. Троцкий читает последнюю телеграмму из Франции о конференции союзов французских рабочих и говорит в заключение, что всей империалистической буржуазии дан десятидневный срок для размышления. В течение этих десяти дней буржуазия будет находиться под сильным давлением низов, и возможно, что это давление будет достаточно велико, чтобы заставить ее присоединиться к нам. Что же касается нас, то мы решили, независимо от тех или иных действий с ее стороны, через десять дней возобновить переговоры о мире.

(Тов. Авилов задает тов. Троцкому вопрос относительно того места немецкого ответа, где говорится, что державы четверного союза не могут принять на себя одностороннего обязательства, не имея ручательства в том, что союзники России признают условия мирного договора и примут участие в мирных переговорах.)

— Мне ставится вопрос,—как надлежит понимать ту часть немецкого ответа, где сказано, что только при условии, если в переговорах примут участие все союзные с Россией страны, Германия признает свои обязательства. Это место не допускает двух толкований. Это значит: если Россия заключит с Германией сепаратный мир, то обязательства Германии по отношению к нашим союзникам не распространяются на ее будущий мир с ними

Германия предлагает определенную сделку. Но тут она вооружается заряженным револьвером по отношению к тем врагам, которые не согласятся на участие в общих мирных переговорах. Конечно, Германия будет пытаться фальсифицировать свои обязательства, но задачей революционной демократии будет постоянное разоблачение этой фальсификации. Однако в настоящее время германская дипломатия не может нам сказать: если Франция не будет участвовать в переговорах, то Курляндию и Литву мы России не отдадим; такой угрозы Германия нам не сделает. Германская программа по существу сводится к восстановлению прежнего довоенного положения. Это—величайшее самоосуждение империализма и милитаризма, которые после 42 месяцев войны не могут предложить ничего, кроме возврата к старому. Союзные с нами правительства также неспособны предложить никакой другой программы мира. Жалкая и постыдная растерянность царит в союзных с нами правительствах. В величайший исторический момент они не находят ничего лучшего, как решать вопрос: может ли Советская власть посылать своих дипломатических курьеров через Англию в Италию. История запишет этот позорный акт на своих страницах, а также и позорную ставку на Каледина со стороны французских и американских империалистов, которая будет бита, как и прежние их ставки. Мы получили сообщение, что в Харькове собрались украинские Советы Рабочих и Солдатских Депутатов и объявили себя центральной революционной украинской властью. Одновременно среди казачества идет полное разложение. Сосредоточение наших сил на Калединском фронте продолжается. В ближайшие дни мы будем свидетелями победы над контр-революцией.

«Протоколы заседаний ЦИК 2-го созыва», стр. 137—140.

ОТВЕТ БЕЛОРУССАМ И СЕРБСКИМ СОЛДАТАМ.

Из Минска. Ввиду появившихся в печати сведений о том, что в Бресте на мирных переговорах одной из сторон предложено включить Белоруссию в состав Польши, Всебелорусский съезд в Минске просит срочно телеграфировать: 1) насколько достоверны эти сведения; 2) как смотрит на этот вопрос Правительство Народных Комиссаров; 3) какова позиция, занятая Правитель-

ством Народных Комиссаров по отношению к этому вопросу. Если найдете более удобным, переговорите по прямому проводу. Укажите время.

Товарищ председателя съезда *Савич*.
Секретарь *Вербицкий*.

* * *

Минск. Секретарю Всебелорусского Съезда Вербицкому.

Этот вопрос не был еще предметом рассмотрения в Брест-Литовске. Советское Правительство, в полном согласии со своей программой, считает, что никто, кроме белоруссов, не имеет права решать, какова должна быть судьба Белоруссии. Эту позицию наша делегация будет отстаивать в дальнейших переговорах.

Народный Комиссар по иностранным делам
Троцкий.

14 декабря.

* * *

Из Ярославля. Полковые комитеты сербской бригады [208]), оставшиеся после отъезда сербского корпуса, в своем заседании 12 сего декабря, выражая желание вернуться на свою родину и соединиться с уехавшими из России сербскими войсками, решили обратиться к вам с просьбой об отправлении бригады на Салоникский фронт. Солдаты бригады крайне нуждаются здесь в одежде, обуви и продовольствии. Положение в Ярославле тяжелое, много больных.

Полковые комитеты третьего и четвертого сербских полков, первого сербского лазарета и слабосильной команды.

* * *

Ярославль. Полковому комитету третьего сербского полка, полковому комитету четвертого сербского полка, комитету первого сербского лазарета, комитету слабосильной команды.

Если сербские солдаты желают вернуться в Македонию, я готов оказать им всякое содействие. Но для этого необходима готовность Англии и Франции переправить туда сербские полки. Я обращаюсь по этому поводу к сербскому посольству с запросом.

Народный Комиссар по иностранным делам
Л. Троцкий.

14 декабря.

«Правда» № 215,
28 (15) декабря 1917 г.

ОТ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

В газете «День» от 15 декабря появилась статья, в которой автор, хотя и развязно, но абсолютно ложно сообщает о своем интервью с приехавшим в Петроград, во главе германской делегации по мирным переговорам, графом Кайзерлингом. Прочитав плод досужей фантазии корреспондента «День», граф Кайзерлинг был возмущен беззастенчивостью, с какой сочиняются у нас известия, и просил представителя министерства иностранных дел решительно опровергнуть все изложенное в упомянутой статье. Никакого интервьюера «Дня» граф Кайзерлинг не принимал, беседы с ним не имел и, следовательно, никаких указаний насчет своего мнения о невозможности или затруднительности притти к какому-либо решению по мирным переговорам он давать не мог. Кроме того, он просил сообщить русскому обществу, что он приехал с наилучшими намерениями, и что его оскорбляет приписываемое ему отношение к делу заключения мира. Вышеизложенное лично проверено нашим представителем и является абсолютно верным.

«Правда» № 217,
30 (17) декабря 1917 г.
(Напечатано без подписи.)

НАРОДАМ И ПРАВИТЕЛЬСТВАМ СОЮЗНЫХ СТРАН

Мирные переговоры, ведущиеся в Брест-Литовске между делегацией Российской Республики и делегациями Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, прерваны на 10 дней, до 26 декабря, для того, чтобы дать последнюю возможность союзным странам принять участие в дальнейших переговорах и тем обезопасить себя от всех последствий сепаратного мира между Россией и враждебными странами.

В Брест-Литовске предъявлены две программы, одна—выражающая точку зрения Всероссийских Съездов Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, другая—от имени правительств Германии и ее союзниц.

Программа Республики Советов есть программа последовательной социалистической демократии. Эта программа имеет

своей задачей создание таких условий, при которых, с одной стороны, каждая народность, независимо от своей силы и уровня своего развития, получила бы полную свободу национального развития, и, с другой стороны, все народы могли бы быть объединены в экономическом и культурном сотрудничестве.

Программа правительств воюющих с нами стран характеризуется их заявлением, что «в намерения союзных держав (т.-е. Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии) не входит насильственное присоединение захваченных во время войны территорий». Это означает, что враждебные страны готовы очистить по мирному договору оккупированные территории Бельгии, северных департаментов Франции, Сербии, Черногории, Румынии, Польши, Литвы, Курляндии, с тем, чтобы дальнейшая судьба спорных областей была решена самим заинтересованным населением. Тот шаг, который враждебные правительства под давлением обстоятельств—и, прежде всего, собственных трудящихся масс—делают навстречу программе демократии, состоит в их отказе от новых насильственных аннексий и контрибуций. Но, отказываясь от новых захватов, враждебные правительства исходят из той идеи, будто старые захваты, старые насилия сильных над слабыми освящены исторической давностью. Это значит, что судьба Эльзас-Лотарингии, Трансильвании, Боснии и Герцеговины и пр. [209]), с одной стороны, Ирландии, Египта, Индии, Индокитая и пр. [210])—с другой, не подлежит пересмотру. Такая программа глубоко непоследовательна и представляет собою проект беспринципного компромисса между притязаниями империализма и противодействием рабочей демократии. Но огромным шагом вперед является самый факт предъявления этой программы.

Правительства союзных народов до сих пор не примкнули к мирным переговорам—по причинам, от точной формулировки которых они упорно уклонялись.

Теперь нельзя повторять, что война идет из-за освобождения Бельгии, северных департаментов Франции, Сербии и т. д., ибо Германия и ее союзницы изъявляют готовность очистить эти области в случае всеобщего мира. Теперь, после предъявления противной стороной условий мира, нельзя отделываться общими фразами о необходимости доведения войны до конца. Нужно ясно и точно сказать, какова мирная программа Франции, Италии, Великобритании, Соединенных Штатов. Требуют ли они,

вместе с нами, предоставления права самоопределения народам Эльзас-Лотарингии, Галиции, Познани, Богемии, юго-славянских областей. Если—да, то согласны ли они, с своей стороны, предоставить право на самоопределение народам Ирландии, Египта, Индии, Мадагаскара, Индокитая и т. д., как русская революция предоставила это право народам Финляндии, Украины, Белоруссии и т. д. Ибо ясно, что требовать самоопределения для народов, входящих в пределы враждебных государств, и отказывать в самоопределении народам собственного государства или собственных колоний значило бы отстаивать программу самого неприкрытого, самого циничного империализма. Если бы правительства союзных стран обнаружили готовность—вместе с русской революцией—построить мир на основе полного и безусловного признания принципа самоопределения для всех народов и во всех государствах, если бы они начали с фактического предоставления этого права угнетенным народам собственных государств,—это создало бы такие международные условия, при которых компромиссная, внутренне противоречивая программа Германии и особенно Австро-Венгрии обнаружила бы всю свою несостоятельность и была бы преодолена давлением заинтересованных народов.

Но до сих пор союзные правительства решительно ни в чем не проявляли и по классовому своему характеру не могли проявлять готовности итти на действительно демократический мир. К принципу национального самоопределения они относятся не менее подозрительно и враждебно, чем правительства Германии и Австро-Венгрии. На этот счет у сознательного пролетариата союзных стран так же мало иллюзий, как и у нас.

При существующих ныне правительствах дело может итти только о том, чтобы программе империалистического компромисса, какою являются мирные условия Германии и ее союзниц, противопоставить другую программу империалистического компромисса со стороны Великобритании, Франции, Италии и Соединенных Штатов. Какова программа этих последних? Во имя каких целей они могли бы требовать продолжения войны? На эти вопросы теперь, после того как в Брест-Литовске предъявлены две программы мира, необходимо дать ясный, точный, категорический ответ.

Десять дней отделяют нас от возобновления мирных переговоров. Россия не связывает себя в этих переговорах согласием

союзных правительств. Если бы эти последние продолжали саботировать дело всеобщего мира, русская делегация все равно явится для продолжения переговоров. Сепаратный мир, подписанный Россией, нанес бы несомненно тяжелый удар союзным странам, прежде всего Франции и Италии. Но предвидение неизбежных последствий сепаратного мира должно определять политику не только России, но и Франции, Италии и других союзных стран. Советская власть до сих пор всеми мерами боролась за всеобщий мир. Никто не может отрицать значительности достигнутых на этом пути результатов. Но в дальнейшем все зависит от самих союзных народов. Заставить собственные правительства немедленно предъявить свои мирные программы и принять на их основе участие в переговорах—это стало теперь вопросом национального самосохранения для союзных народов.

Русская революция открыла дверь к немедленному всеобщему миру на основе соглашения. Если союзные правительства готовы использовать эту последнюю возможность, общие переговоры могут немедленно открыться в одной из нейтральных стран. В этих переговорах, при непременном условии их полной гласности, русская делегация будет попрежнему отстаивать программу международной социалистической демократии в противовес империалистическим программам правительств как враждебных, так и союзных стран. Успех нашей программы будет зависеть от того, в какой мере воля империалистических классов будет парализована волей революционного пролетариата в каждой стране.

Если же союзные правительства в слепом упорстве, которое характеризует падающие и гибнущие классы, снова откажутся от участия в переговорах, тогда рабочий класс будет поставлен перед железной необходимостью вырвать власть из рук тех, которые не могут или не хотят дать народам мир.

В эти десять дней решается судьба сотен тысяч и миллионов человеческих жизней. Если на французском и итальянском фронтах не будет теперь же заключено перемирие, новое наступление, столь же бессмысленное, беспощадное и безрезультатное, как и все предшествующие, поглотит новые неисчислимые жертвы с обеих сторон. Автоматическая логика этой бойни, разнузданной господствующими классами, ведет к полному истреблению цвета европейских наций. Но народы хотят жить, и они имеют право на это. Они имеют право, они обязаны отбросить в сторону всех, кто им мешает жить.

Обращаясь к правительствам с последним предложением, принять участие в мирных переговорах, мы вместе с тем обещаем полную поддержку рабочему классу каждой страны, который восстанет против своих национальных империалистов, против шовинистов, против милитаристов—под знаменем мира, братства народов и социалистического переустройства общества.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Известия» № 254,
17 декабря 1917 г

НОТА РУМЫНСКОМУ ПОСОЛЬСТВУ

Нами получено сообщение от Кишиневского Революционного Комитета о том, что румынскими войсками оккупированы местечко Леово и несколько сел Бессарабии, причем расстреляны революционеры. Сверх того, сообщение гласит: «Румынские власти через русского полковника и румынского генерала пригласили всех членов революционного комитета в Яссы, гарантируя им всяческую безопасность. В Яссах, однако, весь комитет был арестован. Все члены революционного комитета были переданы властям, которые пытались расстрелять их, но казаки опомнились и не допустили».

Ввиду того, что такого рода преступные действия не могут быть терпимы, мы просим г-на румынского посланника сообщить нам в течение сегодняшнего дня все, что известно румынскому посольству по этому поводу, а равно, какие меры приняло румынское правительство до настоящего дня, для того, чтобы покарать преступные элементы из румынского офицерства и румынской бюрократии, осмелившиеся поднять руку на Российскую Революцию.

Мы считаем необходимым здесь же предупредить румынское посольство, что на территории Российской Революции мы не потерпим более никаких репрессий не только против русских, но и против румынских революционеров и социалистов. Всякий румынский солдат, рабочий и крестьянин найдет поддержку русской Советской власти против произвола реакционной румынской бюрократии. Вместе с тем мы считаем нужным через Ваше посольство поставить на вид всем румынским властям, что Советская власть не остановится перед самыми суровыми мерами про-

тив контр-революционных румынских заговорщиков, сообщников Каледина, Щербачева и Рады, совершенно независимо от того, какие посты занимают эти заговорщики в румынской иерархии.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Известия» № 255
19 декабря 1917 г.

РЕЧЬ НА СОЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ЦИК, ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА И ОБЩЕАРМЕЙСКОГО СЪЕЗДА ПО ДЕМОБИЛИЗАЦИИ АРМИИ О ХОДЕ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

(19 декабря)

Т. Троцкий начинает с указания на то, что в тот самый день, когда открылась в Бресте работа комиссии, состоящей из представителей, с одной стороны, России, с другой — Германии и Австро-Венгрии,—в тот самый день наша пресса занялась неведомо откуда взятыми сообщениями, загадками, вымыслами и домыслами. Поэтому,—говорит оратор,—мне придется начать с правильного разъяснения нашей позиции.

Невообразимый шум и трескотня сплетен поднялись вокруг приехавшей немецкой делегации. По поводу ее могу сообщить, что она состоит не из 500 и не из 150 вооруженных с ног до головы или подлежащих вооружению со стороны Комиссара по иностранным делам людей, как сообщалось газетами—вместе со сведениями, что нами ведутся с нею тайные договоры и что все время она о чем-то шушукается. Я докладываю всей прессе, в том числе и той, представители которой присутствуют здесь, что приехало к нам 25 членов делегации и с ними 30 человек прислуги, денщиков (у них все еще есть денщики!)—всего около 60 человек и не больше.

Ни для кого из тех, кто читает газеты, не тайна, что, по условиям перемирия, для того, чтобы облегчить возможность возврата гражданских пленных и заложников, а также для облегчения участи военнопленных, решено было организовать в Петрограде комиссию для разрешения этих вопросов. Весь мир об этом знает и в своих газетах оповещает соответственным образом

читателей, только русская пресса об этом ничего не слышала и упорно толкует о тайных договорах.

Наше совместное заседание с этой делегацией мы открыли протестом по поводу арестов 300 революционеров-социалистов в Германии. На этот протест граф Мирбах, пребывающий на раскаленной почве нашей красной столицы, ответил, что он приехал со специальной миссией и ответить на наш протест полномочий не имеет.

Истории было угодно, чтобы для прекращения бойни нам пришлось говорить с представителями империализма и феодализма Германии и Австро-Венгрии. Этот факт не нами создан, его преподнесла нам история. Мы помним, что по ту сторону арестованы наши братья по революционной крови, и мы надеемся, что недалек тот час, когда они будут нашими собеседниками.

Представители феодализма Германии и Австро-Венгрии, которые посетили наш Смольный институт, могли видеть Красную Гвардию, спровадившую русский феодализм и буржуазию. Если б они по поводу этого подняли протест, мы не уклонились бы за ширмы политики и, прямо смотря на них, сказали бы: Да, мы это делаем и считаем себя в праве так поступать, ибо, когда пролетариат арестовывает верхушки своей страны, он низвергает гнет, а арест Либкнехта и других революционеров есть попрание права и сознания народа. Мы ни на минуту не забываем, что нас отделяет от делегатов противной стороны. Мы говорим с ними, как стачечники с капиталистами. В стачке есть момент переговоров, когда стачечники ставят свои условия другой стороне, но при этом ни на минуту не перестают чувствовать себя революционной силой. И у нас, как у стачечников, это будет не последний договор. Мы верим, что окончательно будем договариваться с Карлом Либкнехтом, и тогда мы вместе с народами мира перекроим карту Европы для полного самоопределения народов, для окончательного уничтожения гнета на земле.

Нас обвиняют в том, что мы можем вести переговоры с представителями германской буржуазии. По поводу этого сообщаю, что я получил из самого официального источника сведения, что один весьма известный патриот и защитник Учредительного Собрания предложил, через посредство одного нейтрального дипломата, свои услуги для ведения мирных переговоров с германской делегацией. Он предложил услуги не для заключения мира на

советской формуле. У Совета есть предел, есть та черта, у которой народная власть заявит другой стороне при переговорах: «Нет, довольно, дальше мы на уступки не пойдем!»—и тут из подворотни вылезет этот безработный дипломат из отставной партии и скажет: «А мы и дальше согласны на уступки!»

Буржуазия готова отдать половину страны, лишь бы на другой половине сохранить свою власть, и если бы кадеты, вместе с сдружившимися с ними правыми эсерами, могли на какомнибудь куске земли сохранить свою власть, они бы сделали это ценой самого позорного мира.

Далее т. Троцкий говорит, что в Германии, к сожалению, нельзя говорить так свободно, как у нас, где ничего не скрывается и все представляется на суд народа. Если бы Германия не старалась так изолировать свой народ от нашей революции, то мы, конечно, услышали бы другой ответ.

Несмотря на то, что германским империализмом делается все, чтобы скрыть от народа правду и помешать проникновению туда наших идей, никогда между народами не было такой внутренней солидарности, как теперь, ибо война произвела внутри страны полное отщепление масс от верхов. Мы наши верхушки уже стряхнули. Когда мы арестовываем тех, кто угнетает, кто ради прибылей расстраивает хозяйство, кто надевает на шею трудящегося ярмо,—мы освобождаемся для творчества, а когда они садят в тюрьмы производителей-рабочих и тех, за кем идут рабочие,—они подкапывают под собой почву И на том этапе мирных переговоров, о котором говорил тов. Каменев, даже в том случае, если условия, нам предложенные, не будут соответствовать нашим задачам и целям, и мы их не примем, — мы все же будем чувствовать себя сильнее, чем до начала переговоров.

Завтра мы скажем открыто, что для нас неприемлем принцип самоопределения наций, когда ему предлагается осуществиться в присутствии вооруженной силы. В этой нашей позиции трудовой поляк будет с нами, и если под давлением германского кулака Польша все же не сумеет, как целая нация, свободно самоопределиться, то чем больше будет терзаемо тело Польши, тем больше будет с нами ее душа.

Дальше наши переговоры будут вестись в нейтральной стране, они будут достоянием всего мира, и все трудящиеся массы узнают, чего хотят *они*, и что́ делаем *мы*.

Мы должны позаботиться о том, чтобы наша политика была революционной политикой. Мы должны вести ее твердо, ибо мы являемся крепостью революции, а крепость должна быть крепка.

Товарищи-окопники сейчас говорили о том, как трудна и невыносима жизнь на фронте, как им голодно и как дурно они одеты. Запасы в нашей стране еще есть, мы переживаем полосу неслыханного развала и дезорганизации. Во всех областях тонкий слой вскормленной народным трудом интеллигенции продал вскормивший его народ, интересам которого он обязан служить, и всю свою силу знания и воли употребил на то, чтобы как только можно разрушить и дезорганизовать страну.

И когда я слышу доклады окопников, я говорю себе: мы слишком снисходительны к преступным саботажникам. (Аплодисменты.)

Накануне октябрьских дней мы клялись, что разденем буржуазию, отнимем хлеб у тыла и пошлем его в окопы. Настал час это выполнить. Мы должны во всей стране ввести революционную дисциплину рабочих над верхами

И обращаясь к представителям фронта, обещая им нашу всемерную помощь, мы говорим: «Там, в окопах, скажите, что настоящая тяжелая минута, это—родовые муки, ибо не рождается без муки своей матери-родины новая, свободная и прекрасная жизнь»

Продержитесь же в эту последнюю важную минуту. Пусть узнает немецкий солдат, что есть на свете новая армия, над которой не стоит начальник, которая не знает наказаний и которую гонит не палка, что есть фронт, где каждый гражданин-солдат армии исполнен революционного самосознания, и на что́ способна такая армия.

Она стоит на передовых окопах мирового революционного движения, ее знамена—знамена мирового освобождения трудящихся, и никто не вырвет их из ее рук.

Да здравствует революционная армия!

Да здравствует революционный флот!.. (Бурная овация.)

«Протоколы заседаний ЦИК 2-го созыва».

РЕЗОЛЮЦИЯ СОЕДИНЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ЦИК, ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА И ОБЩЕАРМЕЙСКОГО СЪЕЗДА ПО ДЕМОБИЛИЗАЦИИ АРМИИ ПО ДОКЛАДУ ДЕЛЕГАЦИИ О ХОДЕ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

(19 декабря)

Заслушав отчет мирной делегации и вполне одобряя ее действия, соединенное собрание ЦИК, Петроградского Совета и Общеармейского съезда по демобилизации постановляет:

Первое программное заявление, оглашенное представителями четверного союза в Бресте, признало в принципе заключение мира без аннексий и контрибуций. Это признание создало почву для дальнейших переговоров о всеобщем демократическом мире.

Однако, уже в этом заявлении представители германского правительства отказались признать право на самоопределение за теми угнетенными национальностями и за теми колониями, которые были захвачены до начала войны 1914 г.

Уже это ограничение, немедленно отмеченное русской делегацией, обнаруживало, что правящие классы Германии, вынужденные под давлением народного движения делать уступки идее демократического мира, вместе с тем пытаются извратить эту идею в сторону старой аннексионистской политики. Повторяю, заявление австро-германской делегации, излагающей практические условия мира на Востоке, еще больше извращает идею справедливого демократического мира.

Смысл этого заявления сводится к тому, что австро-германское правительство отказывается дать немедленно безоговорочное обязательство вывести войска из оккупированных областей Польши, Литвы, Курляндии, частей Лифляндии и Эстляндии

Действительное, свободное выявление воли населения Польши, Литвы, Курляндии и всех прочих оккупированных областей невозможно при оставлении в этих областях чужеземных войск и до возвращения эвакуированной части коренного населения. Ссылка делегации на то, что воля народов в указанных областях будто бы уже выражена, явно неосновательна. При осадном положении, под гнетом военной цензуры, оккупированные области

не могли еще высказать свою волю. Документы, на которые могло бы сослаться германское правительство, в лучшем случае могут свидетельствовать только о волеизъявлении отдельных привилегированных групп, а не народных масс данных территорий.

Мы заявляем:

Русская революция остается верной своей международной политике. Мы стоим за действительное самоопределение Польши, Литвы, Курляндии. Мы никогда не признаем справедливым навязывание чужой воли каким бы то ни было народам.

Октябрьская рабочая революция исполнила свой долг перед народами всего мира. Рабоче-Крестьянское Правительство опубликовало тайные договоры. Рабоче-Крестьянское Правительство готово немедленно очистить все территории, оккупированные русскими войсками в течение этой войны. Оно предоставляет всем, без исключения, народам, населяющим Россию, право на полное самоопределение, вплоть до отделения, при отсутствии какого бы то ни было военного давления со своей стороны. Но оно требует того же и от противной стороны.

Мы обращаемся, как к братьям, к французским, английским, сербским рабочим и говорим им: правительства ваших стран не сделали даже того шага навстречу миру, который вынуждены были сделать правительства центральной Европы. Правительства ваших стран до сих пор не объявили своих целей войны. Ваши правительства затягивают войну всеми правдами и неправдами. Ваши правительства не делают ни шагу навстречу мирной программе русской революции. Ваши правительства не хотят отказаться от тех договоров, которые они тайно от народа заключили с бывшим царем Николаем II. Добейтесь немедленного присоединения ваших стран к мирным переговорам на основе заявлений, сделанных в Бресте русской делегацией!

Мы обращаемся к народам Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции.

Под вашим давлением ваши правительства вынуждены были на словах усвоить наш пароль «без аннексий и контрибуций», но на деле они пытаются проводить старую политику захватов. Помните: дело заключения быстрого и действительно демократического мира больше всего находится теперь в ваших руках. На вас смотрят народы всей Европы, измученные и обескровленные беспримерной войной. Вы не позволите германским и австрийским империалистам вести войну против револю-

ционной России во имя порабощения Польши, Литвы, Курляндии и Армении.

Рабочая революция зовет к восстанию трудящиеся классы всех стран.

Соединенное Собрание настаивает на том, чтобы в дальнейшем мирные переговоры велись в нейтральном государстве, и поручает Совету Народных Комиссаров принять все меры к тому, чтобы это было проведено в жизнь.

«Протоколы заседаний ЦИК 2-го созыва», стр. 169—170.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

От Народного Комиссариата по иностранным делам

В субботних советских газетах появилось сообщение—будто бы от имени Народного Комиссариата по иностранным делам—по поводу немецкой делегации в Петрограде и напечатанных в некоторых изданиях интервью с г. Кайзерлингом.

Характер и тон сообщения слишком ясно свидетельствовали о том, что этот документ не мог исходить от Комиссариата по иностранным делам. Самое тщательное расследование не обнаружило до настоящего момента, от кого именно документ этот исходил. Ясно, что издания, опубликовавшие документ, были введены в заблуждение его мнимо-официальным характером и не затруднили себя проверкой его содержания и его источника.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Известия» № 255, 19 декабря 1917 г.

БЕСЕДА С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ БЮРО ПЕЧАТИ

Представитель бюро печати посетил сегодня Комиссара по иностранным делам и получил от него разъяснения по некоторым вопросам международной политики.

Народный Комиссар обратил прежде всего внимание советской печати на ту вакханалию, которая разыгралась вокруг приехавшей в Петроград австро-германской делегации. Прежде всего, о цели этой делегации. Эта цель точно оговорена в условиях перемирия, которые в свое время были опубликованы во всеобщее сведение. Задачей делегации является выработка прак-

гических мероприятий, долженствующих служить обмену гражданских пленных,—не военнообязанных,—заложников, инвалидов и пр.,—выработка мер к непосредственному обмену их не через Швецию, а через нейтральную зону, специально установленную на фронте. Вторым важнейшим вопросом суждения комиссии должно быть улучшение материального и морального положения военнопленных обеих сторон. Работа этой комиссии не имеет отношения к переговорам о мире. Она лишь продолжает и завершает переговоры о перемирии, и результаты ее работ (обмен гражданских пленных и улучшение материального положения военнопленных) сохраняют всю свою силу независимо от того, как и чем закончатся общие мирные переговоры.

Что касается числа членов делегации, то оно чрезвычайно преувеличено печатью. На самом деле прибыло 25 человек и при них около 30 человек служебно-технического персонала,— в общем, стало быть, не более 60 человек. Никаких дипломатических полномочий эта комиссия не имеет, и все переговоры, при всей важности их значения для судьбы пленных, сохранят чисто деловой характер.

Совершенно неуместными представляются в связи с указанным характером комиссии все разговоры о тайной дипломатии. Цель комиссии и будущее место ее работ (Петроград) были совершенно точно указаны в опубликованных своевременно условиях перемирия и воспроизведены во всей печати. Поучительно отметить, что английский радиотелеграф, более внимательный, чем наша буржуазная печать, совершенно точно известил английскую прессу о прибытии в Петроград, согласно условиям перемирия, комиссии для разработки некоторых практических вопросов, связанных с перемирием. Работы комиссии начались только в понедельник вечером. Совершенно естественно, если об этих работах не было еще никаких извещений. Разговоры о тайной дипломатии в связи с этой комиссией являются поэтому совершенно произвольными.

В отношении условий пребывания в Петрограде, телеграфных сношений с Брест-Литовском и пр. немецкие и австро-венгерские делегаты поставлены в те же самые условия в Петрограде, в какие русские делегаты поставлены в Брест-Литовске.

Что же касается главных переговоров о мире, ведшихся в Брест-Литовске, то в этих переговорах наступил 10-дневный перерыв, истекающий, как известно, 23 декабря. Вряд ли, однако,

переговоры возобновятся в Брест-Литовске. Мы считаем во многих отношениях более целесообразным на той стадии, которой переговоры уже достигли, продолжать их ведение в нейтральной стране.

Помимо принципиальных деклараций, нашей и австро-германской, и ответа нашей делегации, мы имеем теперь в своем распоряжении и более или менее конкретный проект австро-германских условий мира с Россией. Это не есть проект сепаратного мира, а проект тех отношений, которые, по замыслу австро-германского правительства, должны установиться между Россией, с одной стороны, и Австрией и Германией, с другой, и в случае всеобщего мира этот документ, имеющий характер только первого проекта, предложенного противной стороной, мы опубликуем в тот же день. Неприемлемость австро-германских условий мира, по мнению Народного Комиссара, вполне очевидна. Дело идет о принципе самоопределения наций и об его истолковании. Центральные державы этот принцип признали в своей декларации, но, в применении к Польше, Литве и Курляндии и частям Лифляндии и Эстляндии, Германия и Австро-Венгрия считают возможным придать принципу самоопределения наций совершенно фиктивное содержание. Точно так же, как мы вчера признали без всякого принуждения самостоятельную Финляндскую республику, мы готовы признать независимость республик Польской и Литовской, независимость Курляндии или соединение этих стран с другими странами при условии, если такого рода изменение государственных границ или государственные новообразования произойдут исключительно по доброй воле заинтересованных народов. Между тем, германский проект мирных условий в применении к России превращает дело опроса заинтересованного населения в некоторый ритуал, лишенный практического содержания. Если дипломатия противной стороны думает, что для нас провозглашенный в нашей декларации принцип есть голая формальность, то это глубоко ошибочная мысль. Мы ни на минуту не сомневаемся в социальных симпатиях верхов имущих классов в Польше, Литве и Курляндии. Но действительная воля этих стран определяется для нас не голосованием их помещиков, капиталистов и банкиров,—вообще, не тех частей народа, которые угнетают весь трудовой народ. Мы хотим и требуем, чтобы вопрос о судьбе Польши разрешался польским рабочим и крестьянином,—при этом, во всех частях Польши.

Наши рабочие неоднократно проливали свою кровь вместе с рабочими бывшего Царства Польского в борьбе против царизма. И если мы сейчас отвергаем проект условий мира со стороны Австро-Германии, то не потому, что мы хотим сохранить Польшу за Россией, а потому, что мы хотим, чтобы польский народ сам сказал, какова должна быть в дальнейшем его государственная судьба. При этом он должен иметь возможность выразить свою волю без всякого принуждения и без всякого насилия. Мы ни на минуту не сомневаемся, что такая постановка вопроса встретит самую энергичную и горячую поддержку со стороны рабочих и крестьян Польши, Литвы и Курляндии, равно как и Германии и Австро-Венгрии. После этой жестокой и бессмысленной бойни, длящейся три с половиною года, бойни, в которой народы столь многому научились, самой бессмысленной, милитаристической и бюрократической утопией является мысль—под видом самоопределения навязать полякам, литовцам или латышам открытую или замаскированную диктатуру чужеземного «завоевателя».

Насколько беспочвенна такого рода политика, видно из того, что германская пресса не сообщила немецкому народу того пункта ответной декларации наших делегатов, в котором дается наше истолкование принципу самоопределения. Ясно, что германская дипломатия считает неудобным в этой области сталкиваться лицом к лицу с общественным мнением немецкой демократии, раз от этой последней скрывают важнейшие обстоятельства из сферы мирных переговоров. Мы, однако, не сомневаемся в том, что теми или другими путями истина дойдет до немецкого народа и до народов Австро-Венгрии, и что принцип национального самоопределения, который мы с полной добросовестностью применяем по отношению к народам России, найдет достаточно широкие круги сторонников в пределах центральных империй и исключит для правительств этих государств возможность того совершенно недопустимого истолкования, какое мы находим в проекте австро-германских условий мира с Россией.

На вопрос о политике наших союзников в отношении к ведущимся переговорам, Народный Комиссар ответил, что эта политика попрежнему стоит под знаком самой плачевной растерянности.

В правящих кругах Франции, насколько мы осведомлены, считают необходимым «выдержать» еще одно военное столкно-

вение с Германией и Австро-Венгрией, отразить их наступление, чтобы затем открыть переговоры.

Совершенно очевидно, что в тех условиях, в которых война ведется на западном фронте, новое наступление может повторить с теми или другими изменениями картину всех прежних наступлений. Фронт передвинется на несколько километров в ту или другую сторону, причем соотношение военных сил мало изменится. На свете станет только меньше несколькими сотнями тысяч французов и немцев. После этого «психологические» условия для мирных переговоров должны будто бы стать более благоприятными. Это суеверие правящих кругов Франции представляет собою типичнейшую черту. По существу дело сводится, однако, к тому, чтобы по возможности оттянуть страшный час подведения итогов.

Наша задача ясна: мы продолжаем переговоры на той принципиальной основе, которую выдвинула Русская Революция. Мы принимаем все меры к тому, чтобы результаты этих переговоров доходили до сведения народных масс всех европейских стран, несмотря на ту поистине унизительную цензуру, которую правительства Европы установили для военных и дипломатических сообщений. Мы не сомневаемся, что сами переговоры сделают нас сильнее, а империалистические правительства всех стран— слабее.

Во вторник, 19 декабря, около часу дня Народного Комиссара по иностранным делам посетил представитель великобританского посла г. Бьюкенена и сделал ему следующее заявление:

«Великобританский посол просил меня довести до Вашего сведения, что он выезжает в отпуск для поправления своего здоровья. Вопрос об этом отпуске был решен еще до русской революции. Но после февральских событий положение осложнилось, и г. посол, несмотря на тяжелое состояние своего здоровья (болезнь почек), счел себя вынужденным оставаться на посту. Месяца через два после революции он снова сделал попытку уехать в отпуск, но тогдашний министр иностранных дел г. Терещенко всячески настаивал на том, чтобы г. Бьюкенен не прерывал своей деятельности в связи с предстоящей Парижской конференцией. В октябре г. Бьюкенен в третий раз поставил вопрос об отпуске, но Октябрьский переворот снова задержал его на посту. В настоящее время состояние здоровья г. Бьюкенена настолько ухудшилось, что врачи предписывают ему не-

медленный отпуск. С послом отбудут некоторые морские и сухопутные английские офицеры, члены военной миссии. При этом капитан Смит просил сделать распоряжение о том, чтобы личный багаж всех отъезжающих не подвергался никакому пограничному осмотру».

Народный Комиссар поставил капитану Смиту вопрос, будет ли и со стороны великобританского правительства предоставлена та же самая привилегия тем дипломатическим представителям, которых Совет Народных Комиссаров направит в Англию или через Англию? Капитан Смит выразил свою уверенность, что великобританское правительство не сможет отказать в таких же привилегиях агентам Совета Народных Комиссаров, но, по настоянию т. Троцкого, обязался официально поставить этот вопрос послу и немедленно сообщить ответ для соответственных мероприятий со стороны Народного Комиссариата по иностранным делам.

Через час капитан Смит сообщил по телефону, что посол гарантирует официальным представителям Советской власти, направляющимся в Англию или через Англию, все те привилегии, которые будут предоставлены г. Бьюкенену.

«Известия» № 256,
20 декабря 1917 г.

ВО ФРАНЦУЗСКУЮ ВОЕННУЮ МИССИЮ

Во вчерашнем номере газеты «День» напечатано, под заглавием «Германские условия мира», сообщение, начинающееся словами: «Французская военная миссия в Петрограде получила следующую телеграмму»... Далее следуют совершенно ложные сообщения, рассчитанные на возбуждение смуты и хаоса в населении. Аналогичное же сообщение напечатано и в других изданиях, разжигающих и поддерживающих в стране гражданскую войну,— без указания источника.

Настоящим прошу миссию незамедлительно ответить мне:

1. Правильна ли ссылка газеты «День» на французскую миссию?

2. Если правильна, то какие меры приняты миссией для наказания своих членов, повинных в распространении злостной лжи?

3. Функционирует ли отдел пропаганды? С какими учреждениями и изданиями он сносится? Откуда и какими путями получает свои телеграммы и радио-телеграммы?

4. Сколько офицеров числится во французской миссии в России и где они в настоящее время находятся?

5. Известно ли миссии что-либо о сношениях ее офицеров с Калединым, Алексеевым [211]), Радой, и что̀ именно?

Народный Комиссар по иностранным делам

«Известия» № 257, *Троцкий.*
21 декабря 1917 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ—ИСТОЧНИК ЛЖИ И ОТРАВЛЕННЫХ СЛУХОВ

В ответ на вопрос, направленный французской военной миссии Народным Комиссаром по иностранным делам, генерал Ниссель ответил нижеследующим письмом:

«Многочисленные журналисты разного направления являются за справками в военную миссию Я уполномочен давать им справки насчет военных событий на Западном театре войны, в Салониках, в Азии и относительно положения во Франции. Во время одного из таких визитов один молодой офицер позволил себе сообщить слух, который распространяется по городу и происхождение которого приписывается Стокгольму, но он не указал, что это известие прибыло по телеграфу. Я принимаю меры, чтобы в будущем подобные оплошности не могли возобновиться. В отделе информаций, где это произошло, список членов французской миссии был доставлен совершенно недавно г. начальником генерального штаба, который имеет также русского офицера в качестве агента связи с французской миссией.

В настоящее время, вследствие трудностей сообщения в России, офицеры, командированные на Юг и на Кавказ, получают распоряжения от ген. Бертело. Я знаю, что офицеры французской миссии в Румынии находятся в связи с фактическими властями, существующими на юге России, в целях обеспечения существования армии и румынского населения. Ввиду соглашения с русским правительством, Южная Россия должна в действительности, начиная с 1 декабря, целиком обеспечивать пропитание армии и румынского населения, ввиду того, что источники Ру-

мынии были поглощены русскими армиями. Все объяснения были, впрочем, даны в сообщении, переданном недавно печати и в котором военная миссия утверждает свое право находиться в связи с различными национальностями, не принимая участия во внутренней борьбе в России. Французская военная миссия располагает приемником беспроволочного телеграфа. Русский генеральный штаб был извещен об установлении этого аппарата и послал для его обозрения своих специалистов».

Это письмо представляет собою документ поистине поразительный. Во французской военной миссии имеется специальное бюро пропаганды, т.-е. бюро шовинистической агитации, травли, пускания темных слухов и проч. Такое бюро имелось раньше и в великобританской миссии, но, согласно официальному извещению Бьюкенена, это бюро закрыто. Во французской миссии оно сохранилось. «Молодой офицер», не названный в напечатанном выше документе, но обладающий, несомненно, пылким темпераментом, фабриковал подложные телеграммы, которые печатались во всей нашей шовинистической прессе. Те, кто следит за нею, знают о чудовищных по своей грубости и глупости сообщениях, появлявшихся в качестве телеграмм, полученных будто бы из Стокгольма. Теперь адрес фабрики этих известий может быть указан с точностью: это—молодой офицер из французской миссии. Совершенно естественно, если Советская власть считает невозможным терпеть на территории Российской Революции подобного рода работу. «Молодой», т.-е. не созревший, офицер может спокойно дозревать во Франции, где, надо надеяться, правительство г. Клемансо найдет для его фантазии соответственное применение. Мы надеемся, что в кратчайший срок будет установлено, сколько других более или менее молодых или вполне созревших французских и иных иностранных офицеров замешано в интригах и заговорах против революционной власти в России. Мы считаем также недоказанным, что пребывание французских офицеров в Киеве и на Дону и особенно на путях между Киевом и Доном оказывает большую услугу делу продовольствия. Сведения, которыми располагаем мы, говорят нам, что эти офицеры служат в гораздо бо́льшей мере делу связи между генералом Калединым, генералом Алексеевым и другими монархическими мятежниками, с одной стороны, и финансово-империалистическими кругами, союзными и русскими, с другой стороны. Ясно, что союзные офицеры, доведшие свою дерзость

до прямого участия в контр-революционном восстании, должны быть немедленно отозваны в Петроград,—будем надеяться, только для того, чтобы отсюда проследовать во Францию. Это—те минимальные требования, которые в настоящих условиях может выставить Советская власть. Если ко всему этому принять еще во внимание, что русские солдаты томятся во Франции и на Македонском фронте, что там они за неповиновение французским законам подвергаются расстрелу, то дерзость империалистических офицеров представится в еще более чудовищном виде. Во всяком случае, те из них, которые сейчас пребывают на территории контрреволюционного мятежа, как его соучастники, не могут быть рассматриваемы как военно-дипломатические агенты иностранного государства, и за их судьбу Советская власть слагает с себя решительно всякую ответственность.

На письмо генерала Нисселя Народный Комиссар по иностранным делам дал нижеследующий ответ:

Во французскую военную миссию.

Сим честь имею довести до сведения миссии нижеследующее:

1. Ввиду того, что бюро пропаганды, называемое бюро «информаций», при французской военной миссии служило источником распространения заведомо ложных слухов, имевших своей задачей вносить смуту и хаос в общественное сознание, это бюро подлежит немедленному закрытию.

2. «Молодому офицеру», который фабриковал ложные сведения, предлагается немедленно покинуть пределы России. Имя этого офицера прошу сообщить мне незамедлительно.

3. Приемник беспроволочного телеграфа подлежит устранению из миссии.

4. Французские офицеры, находящиеся в области гражданской войны, должны быть немедленно отозваны в Петроград особым приказом, подлежащим распубликованию в печати.

5. Обо всех шагах, предпринятых миссией в связи с настоящим письмом, прошу меня известить.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Известия» № 259,
23 декабря 1917 г.
(Напечатано без подписи.)

РУССКО-ПЕРСИДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Нота Персидскому правительству

Мною получена от поверенного в делах Персии в Петрограде нота, которая гласит:

«Настоящим считаю долгом поставить в известность, что Персидское правительство, будучи своевременно осведомлено о содержании 12 статьи договора о перемирии, заключенном в гор. Бресте от 2 (15) декабря с. г., текст которого приведен выше, уполномочило меня вступить в переговоры о выводе войск из пределов Персии с подлежащей и уполномоченной на такие переговоры русской властью, и что согласно депеше Тегеранского правительства, полученной Персидским посольством в Петрограде, одновременно преподаны тождественные инструкции Персидскому послу в Константинополе на предмет вступления в переговоры о выводе с персидской территории турецких войск правительством Турции.

Сообщая о вышеизложенном, нижеподписавшийся просит благоволить уведомить его в возможно кратчайший срок о дне и часе, когда могли бы быть начаты переговоры об эвакуации русских войск из Персии.

Поверенный в делах Персии в Петрограде *М. Ассад-Хан*».

По этому поводу я считал бы необходимым:

1. Выработать общий план вывода русских войск из Персии в возможно короткий срок и предложить Турции через Персидское правительство и непосредственно через турецкую делегацию в Брест-Литовске сообразовать план эвакуации турецких войск с планом эвакуации русских войск.

2. Немедленно же приступить к выводу тех частей, которые по своему расположению в Персии не имеют значения с военной точки зрения и служили орудием оккупации персидской территории.

3. Вызвать из Персии нашу военную миссию, которая там фигурирует в качестве инструкторов казачьей бригады.

4. Назначить немедленно к русским властям в Персии комиссаров, которые выяснили бы расположенным в Персии частям обще-политическое положение в России и смысл нашей новой международной политики, построенной на уважении к правам каждого народа, независимо от его силы или слабости. На

обязанности этих комиссаров лежало бы принятие мер к тому, чтобы персидское население не подвергалось никаким обидам и насилиям со стороны менее сознательных элементов армии.

5. Необходимо принять меры к тому, чтобы обеспечение продовольствием русской армии за тот период времени, который она еще останется в Персии, ложилось возможно меньшей тяжестью на бедные массы персидского населения.

Прошу Вас по возможности безотлагательно сообщить, какие практические шаги считаете Вы возможным предпринять в намеченном направлении.

В этом деле необходима величайшая поспешность, чтобы как можно скорее ликвидировать те насилия, какие царизм и буржуазные правительства России учиняли над персидским народом.

Народный Комиссар по иностранным делам

Л. Троцкий.

«Известия» № 259,
23 декабря 1917 г.

XI

Октябрьская Революция

(Брошюра 1918 г.)

К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Со времени Октябрьской Революции прошло более восьми месяцев. Режим, которому многие благочестивые политики предсказывали гибель «через несколько дней», оказался уже сейчас долговечнее двух предшествовавших режимов революции: чисто буржуазного и «коалиционного».

Советский режим имеет уже свою богатую историю и не менее богатую легенду. История будет изучаться впоследствии—годами и десятилетиями; а легенда создается и распространяется теперь: сознательными врагами рабочей революции, уличными зеваками и наемными шарлатанами желтой печати. В этой книжке восстановлена—в самых общих чертах—история возникновения и первых четырех месяцев существования советского режима. Книжка, специально написанная для осведомления иностранных рабочих о смысле и целях советского строя, выходит в настоящее время на нескольких языках. Если я выпускаю ее одновременно и в русском издании, то именно для того, чтобы противопоставить ее «творимой» (шарлатанами и зеваками) легенде

Как указано в предисловии к иностранным изданиям, книжка написана не по документам, а по памяти. Вряд ли, однако, в ней имеются сколько-нибудь существенные ошибки фактического характера. Но в то же время не может быть и речи о какой бы то ни было полноте изложения. Так, социальные мероприятия советского режима едва затронуты в брошюре: их изложение и систематизация должны были бы составить предмет гораздо более тщательного и кропотливого труда. Мы вынуждены были ограничиться преимущественно вопросами внутренней политической борьбы и международной политики рабочей и крестьянской власти. В этой именно области с наибольшей энергией поработали: между-

народный телеграф, радиотелеграф и другие орудия империалистической лжи...

Неряшливый стиль брошюры, за который приношу свое извинение читателю, объясняется тем, что книжка не писалась за столом, а была продиктована стенографам. Пройдет еще не мало времени, прежде чем история войдет в берега и создаст условия для более планомерной и тщательной работы.

Л. Троцкий.

Москва,
16 июля 1918 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая брошюра в большей своей части написана урывками,—в обстановке, которая мало располагала к систематической работе: в Брест-Литовске, между заседаниями мирных переговоров, набрасывались отдельные главы этого очерка, который имеет своею основной задачей ознакомить общественное мнение мирового пролетариата с причинами, ходом и смыслом Октябрьской революции в России. История сложилась так, что делегатам самого революционного режима, который когда-либо знало человечество, пришлось заседать за общим дипломатическим столом с представителями самой реакционной касты среди всех правящих классов. На заседаниях мирной конференции мы ни на минуту не забывали, что являемся представителями революционного класса. Нашу речь мы обращали к придавленным войною рабочим всех стран. Наша энергия поддерживалась глубоким убеждением в том, что последнее слово в деле ликвидации войны, как и во всех остальных вопросах, скажет европейский пролетариат. Разговаривая с Кюльманом и Черниным, мы помнили и думали о друзьях и единомышленниках: Карле Либкнехте и Фрице Адлере. Часы, свободные от занятий, мы посвящали брошюре, предназначенной для рабочих Германии, Австро-Венгрии и всех других стран. Буржуазная печать всей Европы единодушна в деле лжи и клеветы на пролетарский режим в России. Социал-патриотическая печать—без мужества, без идеи, без веры в свое дело—проявляет свою полную неспособность понять и разъяснить трудящимся массам смысл русской революции. Этой брошюрой мы хотим притти им на помощь. Мы верим, что революционные рабочие Европы и других частей света поймут нас. Мы верим, что они вскоре приступят к той же работе, которую совершаем мы,—но, опираясь на свой более богатый опыт и более

высокие идейные и технические средства, совершат эту работу более основательно и помогут нам преодолеть все затруднения.

Брест-Литовск,
12 февраля 1918 г.

P. S. В такую бурную эпоху, как наша, события и их внутренняя связь быстро уходят из памяти участников. Я считаю поэтому полезным опубликовать эту брошюру также и на русском языке.

Москва,
29 мая 1918 г.

Мещанская интеллигенция в революции

События развиваются в эту эпоху с такой быстротой, что их трудно восстановлять по памяти, даже в их простой хронологической последовательности. Под руками у нас нет ни газет, ни документов. Между тем, периодические перерывы в переговорах в Брест-Литовске создают досуг, которого в настоящих условиях больше не дождешься. Я постараясь поэтому восстановить на память ход и развитие Октябрьской Революции, сохраняя свое право затем пополнить и исправить изложение по документам.

То, что характеризовало нашу партию почти с первого же периода революции, это—уверенность в том, что она дальнейшей логикой событий будет приведена к власти. Я не говорю о теоретиках партии, которые за много лет до революции, еще до революции 1905 года, исходя из анализа классовых отношений в России, приходили к тому выводу, что победоносное развитие революции должно будет неизбежно передать власть пролетариату, опирающемуся на широкие массы беднейшего крестьянства. Главной основой этого предвидения являлись ничтожество русской буржуазной демократии и концентрированный характер русской промышленности, а стало быть, огромное социальное значение русского пролетариата. Ничтожество буржуазной демократии есть оборотная сторона силы и значения пролетариата. Правда, война временно обманула на этот счет весьма многих и прежде всего руководящие группы самой буржуазной демократии. Война отвела решающую роль в событиях революции—армии. Старая армия, это—крестьянство. Если бы революция развивалась более нормально, то-есть в условиях мирной эпохи—так, как она началась с 1912 года,—пролетариат неизбежно занимал бы все время руководящее место, а крестьянские массы постепенно вовлекались бы на буксире пролетариата в революционный водоворот. Но

война создала совершенно другую механику событий. Армия связала крестьянство—не политической, а военной связью. Прежде чем крестьянские массы оказались сплоченными известными революционными требованиями и идеями, они были уже объединены в кадры полков, дивизий, корпусов, армий. Элементы мелко-буржуазной демократии, рассеянные в этой армии и игравшие в ней руководящую роль как в военном, так и в идейном отношении, были почти сплошь проникнуты мещански-революционными настроениями. Глубокое социальное недовольство в массах обострилось и рвалось наружу, особенно благодаря военному крушению царизма. Пролетариат, в лице своих передовых слоев, как только развернулась революция, возродил традицию 1905 года и призвал народные массы к организации в виде представительных учреждений—Советов Депутатов. Армия оказалась призванной посылать своих представителей в революционные учреждения, прежде чем ее политическое сознание сколько-нибудь приблизилось к уровню развертывавшихся революционных событий. Кого могли посылать солдаты в качестве депутатов? Тех представителей интеллигенции и полуинтеллигенции, которые имелись в их среде и обладали некоторым, хотя бы минимальным запасом политических сведений и умели их выражать. Таким образом, мелко-буржуазная интеллигенция сразу оказалась волею пробуждающейся армии поднята на огромную высоту. Врачи, инженеры, адвокаты, журналисты, вольноопределяющиеся, которые в довоенных условиях жили совершенно обывательской жизнью и не претендовали ни на какую роль, сразу оказались теперь представителями целых корпусов и армий и почувствовали себя «вождями» революции. Расплывчатость их политической идеологии вполне соответствовала бесформенности революционного сознания масс. Эти элементы с крайним высокомерием относились к нам, «сектантам», которые выдвигали социальные требования рабочих и крестьян со всей остротой и непримиримостью. В то же самое время мелко-буржуазная демократия под высокомерием революционной выскочки таила глубочайшее недоверие к самой себе и к той массе, которая подняла ее на неожиданную высоту. Называя себя социалистической и считая себя таковой, интеллигенция с худо скрываемой почтительностью относилась к политическому могуществу либеральной буржуазии, к ее знаниям и методам. Отсюда стремление мелко-буржуазных вождей во что бы то ни было добиться сотрудничества, союза, коалиции с либераль-

ной буржуазией. Программа партии социалистов-революционеров—вся целиком созданная из расплывчатых гуманитарных формулировок, заменяющая классовый метод сентиментальными общими местами и моралистическими построениями—являлась как нельзя более подходящим духовным облачением для этого слоя вождей ad hoc. Их стремления так или иначе пристроить свою духовную и политическую беспомощность к столь импонировавшей им науке и политике буржуазии находили свое теоретическое оправдание в учении меньшевиков, которое разъясняло, что настоящая революция есть революция буржуазная и, стало быть, не может обойтись без участия буржуазии во власти. Таким образом сложился естественный блок социалистов-революционеров и меньшевиков, в котором находили свое одновременное выражение политическая половинчатость мещанской интеллигенции и ее вассальные отношения к империалистическому либерализму.

Для нас было совершенно ясно, что логика классовой борьбы раньше или позже разрушит эту временную комбинацию и отбросит в сторону вождей переходного периода. Гегемония (верховенство) мелко-буржуазной интеллигенции означала, в сущности, тот факт, что крестьянство, внезапно призванное через посредство военного аппарата к организованному участию в политической жизни, массой своей подавило и временно оттеснило рабочий класс. Более того. Поскольку мещанские вожди оказались вдруг поднятыми на огромную высоту массовидностью армии, сам пролетариат, за вычетом своего передового меньшинства, не мог не проникнуться известным политическим уважением к ним, не мог не стремиться сохранять с ними политическую связь,—иначе ему грозила опасность оказаться оттертым от крестьянства. А в памяти старшего поколения рабочих твердо сидел урок 1905 года, когда пролетариат оказался разбитым именно потому, что тяжелые крестьянские резервы не подоспели в момент решающего боя. Вот почему в эту первую эпоху революции даже пролетарские массы оказывались весьма восприимчивы к политической идеологии социалистов-революционеров и меньшевиков, тем более, что революция пробудила дремавшие до того времени отсталые пролетарские массы и сделала для них, таким образом, бесформенный интеллигентский радикализм подготовительной школой. Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов означали в этих условиях господство крестьянской бесформенности над пролетарским социализмом и господство интеллигент-

ского радикализма над крестьянской бесформенностью. Здание Советов с такой быстротой поднялось на огромную высоту в значительной мере благодаря руководящей роли в советской работе интеллигенции с ее техническими знаниями и буржуазными связями. Но для нас было ясно, что все это внушительное здание построено на глубочайших внутренних противоречиях, и что крушение его на следующем этапе революции совершенно неизбежно.

Вопрос о войне

Революция выросла непосредственно из войны, и война стала оселком для всех партий и сил революции. Интеллигентские вожди были «против войны»; многие из них в эпоху царизма считали себя сторонниками левого крыла в Интернационале, примыкали к Циммервальду [212]). Но все сразу изменилось, когда они почувствовали себя на «ответственных» постах. Вести политику революционного социализма значило в этих условиях рвать с буржуазией, своей и союзнической. А мы уже сказали, что политическая беспомощность интеллигентского и полуинтеллигентского мещанства искала себе прикрытия в союзе с буржуазным либерализмом. Отсюда жалкая и поистине постыдная роль мещанских вождей в вопросе о войне. Они ограничивались воздыханиями, фразами, тайными увещаниями или мольбами по адресу союзных правительств, а на деле шли по тому же пути, что и либеральная буржуазия. Солдатские массы, наполнявшие окопы, не могли, разумеется, притти к выводу, что война, в которой они участвовали в течение почти трех лет, изменила свой характер только потому, что в петроградском правительстве участвуют какие-то новые лица, называющие себя социалистами-революционерами или меньшевиками. Милюков сменил чиновника Покровского, Терещенко сменил Милюкова—это значит, что бюрократическое вероломство оказалось сменено сперва боевым кадетским империализмом, затем беспринципной расплывчатостью и политическим прислужничеством, но объективных перемен это не давало, и выход из страшного круга войны не намечался. Здесь именно заложена первопричина дальнейшего разложения армии. Солдатской массе агитаторы говорили, что царское правительство посылало ее на убой без цели и без смысла. А те, которые пришли царю на смену, ни в чем не сумели изменить характера войны, как не сумели встать на путь борьбы за мир. Первые месяцы были топ-

танием на месте. Это вызывало в одинаковой мере нетерпение как армии, так и союзных правительств. Отсюда выросло наступление 18 июня. Его требовали союзники, предъявляя ко взысканию старые царские векселя. Запуганные своей собственной беспомощностью и возрастающим нетерпением масс, вожди мещанства пошли навстречу этому требованию. Им и впрямь начало казаться, что для достижения мира нехватает только натиска со стороны русской армии. Наступление стало казаться им выходом из тупика, решением вопроса, спасением. Трудно представить себе заблуждение более чудовищное и более преступное. Они говорили в тот период о наступлении такими же словами, какими социал-патриоты всех стран говорили в первые дни и недели войны о необходимости поддержать дело национальной обороны, скрепить священное единение наций и пр. и пр. Все их циммервальдские интернационалистические увлечения как рукой сняло. Для нас, находившихся в непримиримой оппозиции, было ясно, что путь наступления есть путь страшной опасности, может быть, гибели всей революции. Мы предупреждали, что армию, которая пробуждена и расшатана грохотом еще далеко не вполне осознанных ею событий, нельзя посылать в бой, не дав ей новых идей, которые она осознала бы как свои идеи. Мы предостерегали, обличали, грозили. Но так как для руководящих партий, связанных со своей и союзной буржуазией, другого пути не оставалось, то к нам, естественно, относились с враждою, более того—с ожесточенной ненавистью.

Кампания против большевиков

Будущий историк не без волнения будет просматривать листы русских газет за май и июнь, когда происходила идейная подготовка наступления. Почти все статьи без изъятия во всех правительственных и официозных газетах направлялись против большевиков. Не было того обвинения, не было той клеветы, которая не была бы мобилизована против нас в ту эпоху. Руководящую роль в этой кампании играла, разумеется, кадетская буржуазия, которой ее классовый инстинкт подсказывал, что дело идет не только о наступлении, а обо всем дальнейшем развитии революции и в первую голову о судьбе государственной власти. Буржуазный аппарат «общественного мнения» развернулся тут во всей своей силе. Все органы, учреждения, издания, трибуны, кафедры были поставлены на службу одной общей цели: сделать большевиков не-

возможными, как политическую партию. В сосредоточенной напряженности и в драматизме газетной кампании против большевиков предвосхищалась уже та гражданская война, которая должна была развернуться на следующем этапе революции. Задачей травли и клеветы являлось создание полной отчужденности и враждебности, глухой стены между трудящимися массами, с одной стороны, и «образованным обществом»—с другой. Либеральная буржуазия понимала, что ей не приручить масс без посредства и помощи той мещанской демократии, которая, как мы указали выше, оказалась временно руководительницей революционных организаций. Поэтому непосредственной задачей политической травли большевиков являлось внесение непримиримой вражды между нашей партией и широкими слоями «социалистической интеллигенции», которая, отколовшись от пролетариата, не могла не попасть в кабалу к либеральной буржуазии.

Во время первого Всероссийского Съезда Советов [213]) грянул первый тревожный гром, предсказывавший будущие грозные события. На десятое июня [214]) партия назначила в Петрограде вооруженную демонстрацию. Ее непосредственной целью являлось воздействие на Всероссийский Съезд Советов. «Берите власть,—так хотели петроградские рабочие сказать съехавшимся со всей страны с.-р. и меньшевикам.—Порвите с буржуазией, отбросьте идею коалиции и берите в руки власть». Для нас было ясно, что разрыв с.-р. и меньшевиков с либеральной буржуазией заставил бы их искать опоры в наиболее решительных, передовых слоях пролетариата и тем самым обеспечивал бы за этими последними руководящее значение. Но именно этого испугались мещанские вожди. В союзе с правительством, в котором они имели своих представителей, рука об руку с либеральной и контр-революционной буржуазией, они открыли, поистине, бешеный поход против предполагавшейся демонстрации, как только узнали о ней. Все было поставлено на ноги. Мы были тогда на Съезде в незначительном меньшинстве и—отступили. Демонстрация не состоялась. Но эта несостоявшаяся демонстрация оставила глубочайший след в сознании обеих сторон, углубила противоречия, обострила вражду. На закрытом заседании президиума Съезда, с участием представителей фракций, Церетели, тогда министр коалиционного правительства, со всей решительностью ограниченного мещанского доктринера говорил о том, что единственная опасность, которая угрожает революции, это—большевики и вооруженный

ими петроградский пролетариат. Отсюда он делал тот вывод, что необходимо разоружить людей, которые «не умеют обращаться с оружием»: это относилось к рабочим и к тем частям петроградского гарнизона, которые следовали за нашей партией. Однако, разоружение не состоялось—для такой острой меры не были еще в достаточной степени подготовлены политические и психологические условия.

Чтобы дать массам удовлетворение за отмененную демонстрацию, Съезд Советов назначил общую, безоружную демонстрацию на 18 июня. Но именно этот день стал днем политического торжества нашей партии. Массы вышли на улицы могучими колоннами, и несмотря на то, что вызваны они были официальным советским учреждением в противовес нашей несостоявшейся манифестации 10 июня, рабочие и солдаты написали на своих знаменах и плакатах лозунги нашей партии: «Долой тайные договоры», «Долой политику наступления», «Да здравствует честный мир», «Долой десять министров-капиталистов», «Вся власть Советам». Плакатов с выражением доверия коалиционному правительству оказалось только три: один — от казачьего полка, другой — от группы Плеханова и третий — от петроградской организации Бунда, состоящей, главным образом, из непролетарских элементов. Эта демонстрация показала не только нашим врагам, но и нам самим, что мы в Петрограде гораздо сильнее, чем предполагали.

Наступление 18 июня

Правительственный кризис в результате демонстрации этих революционных масс казался совершенно неизбежным. Но впечатление демонстрации было смыто вестью с фронта о том, что революционная армия перешла в наступление. В тот самый день, когда пролетариат и гарнизон Петрограда требовали опубликования тайных договоров и открытого предложения мира, Керенский бросил революционные войска в наступление. Это, разумеется, не было случайным совпадением. Прожектеры подготовили все заранее, и момент наступления был избран не по военным, а по политическим мотивам. 19 июня по улицам Петрограда двигались так называемые патриотические манифестации. Невский проспект—главная артерия буржуазии—был весь усеян возбужденными группами, среди которых офицеры, журналисты и нарядные дамы вели ожесточенную агитацию против большеви-

ков. Первые вести о наступлении были благоприятны. Руководящая либеральная пресса считала, что главное сделано, что удар 18 июня, независимо от того, каковы будут его дальнейшие военные последствия, явится смертельным ударом для развития революции, воссоздаст старую дисциплину в армии и закрепит командное положение в государстве за либеральной буржуазией. Мы предсказывали другое. В особой декларации, которую мы огласили на первом Съезде Советов за несколько дней до наступления 18 июня [215]), мы заявили, что это наступление неизбежно разрушит внутреннюю связь в армии, противопоставит разные ее части друг другу, даст огромный перевес в руки контр-революционных элементов, так как поддержание дисциплины в расшатанной, идейно необновленной армии, будет невозможно без суровых репрессий. Другими словами, мы предсказывали в этой декларации те последствия, которые получили затем собирательное имя корниловщины. Мы считали, что революции грозит величайшая опасность в обоих случаях—при успехе наступления, в который мы не верили, и при неудаче, которая казалась нам почти неизбежной. Успех наступления должен был сплотить мещанство с буржуазией в единстве шовинистических настроений и изолировать таким образом революционный пролетариат. Неудача наступления грозила полным развалом армии, ее стихийным отступлением, потерей новых провинций, разочарованием и отчаянием масс. События пошли по этому второму пути. Победоносные вести шли недолго. Они заменились мрачными сообщениями об отказе многих частей поддерживать наступающих, о гибели офицерства, из которого иногда сплошь составлялись ударные единицы, и т. д.*).

---

*) Ввиду большого исторического значения, приводим здесь в извлечении документ, оглашенный нашей партией на Всероссийском Съезде Советов 3 июня 1917 г., т.-е. за две недели до наступления:

«Мы считаем необходимым в первую очередь работ Съезда поставить вопрос, от которого зависят судьбы не только всех остальных мероприятий Съезда, но—в полном и точном смысле слова—судьба всей русской революции: вопрос о подготовляемом на ближайшее время военном наступлении.

Поставивши народ и армию, которая не знает, во имя каких международных целей она в данных условиях призвана проливать кровь, пред фактом наступления со всеми его последствиями, контр-революционные круги России рассчитывают и на то, что наступление вызовет сосредоточение власти в руках военно-дипломатических и капиталистических групп, связанных с английским, французским и американским империализмом, и освободит их от необходимости считаться в дальнейшем с организованной волей русской демократии.

Внутреннее положение

Военные события разыгрывались на основе все более нарастающих затруднений во внутренней жизни страны. В области земельного вопроса, промышленности, национальных отношений коалиционное правительство не делало ни одного решительного шага вперед. Продовольствие и транспорт расстраивались все больше. Столкновения на местах учащались. «Социалистические» министры уговаривали массы подождать. Все решения и мероприятия откладывались, в том числе и Учредительное Собрание. Несостоятельность и неустойчивость режима были очевидны. Возможных выходов открывалось два: отбросить буржуазию от власти и двинуть революцию вперед, или перейти к «обузданию» народных масс при помощи суровых репрессий. Керенский и Церетели держались среднего пути и только запутывали положение. Когда кадеты, наиболее умные и дальновидные представители коалиции, поняли, что неудавшееся наступление 18 июня может тяжело ударить не только по революции, но и по правящим партиям, они поторопились отойти временно к стороне, взвалив всю тяжесть ответственности на своих союзников слева. 2 июля произошел министерский кризис, формальным поводом к которому послужил украинский вопрос. Это был момент чрезвычайного политического напряжения во всех смыслах. С разных концов фронта являлись делегации и отдельные представители и рассказывали о том хаосе, который воцарился в армии в результате наступления. Так называемая государственная печать требовала суровых репрессий. Подобные же голоса все чаще раздавались со страниц так называемой социалистической печати. Керенский все больше или, вернее, все открытее переходил на сторону кадет и кадетских генералов, демонстративно обнаруживая не только свою ненависть к большевикам, но и свою неприязнь к рево-

---

Закулисные контр-революционные инициаторы наступления, не останавливающиеся перед «военной авантюрой», сознательно пытаются сыграть на разложении армии, вызываемом всем внутренним и международным положением страны, и в этих целях внушают отчаявшимся элементам демократии ту в корне ошибочную мысль, будто самый факт наступления способен «возродить» армию и таким механическим путем возместить отсутствие определенной действенной программы ликвидации войны. Между тем ясно, что такое наступление может лишь окончательно дезорганизовать армию, противопоставляя одни ее части другим».

люционным партиям вообще. Союзные посольства нажимали на правительство, требуя восстановления дисциплины и продолжения наступления. В правительственных кругах царила величайшая растерянность. В рабочих массах накопилось негодование, которое нетерпеливо просилось наружу. «Воспользуйтесь выходом в отставку кадетских министров и возьмите всю власть в свои руки!»—таков был призыв рабочих Петрограда, обращенный к руководящим советским партиям, социалистам-революционерам и меньшевикам. Я вспоминаю заседание Исполнительного Комитета, происходившее 2 июля. Министры-социалисты явились туда для доклада о новом кризисе власти. Мы с напряженным интересом ожидали, какую позицию займут они теперь, после того как коалиция, которую они создавали и охраняли, так бесславно распалась при тяжком испытании, порожденном самой коалиционной политикой. Докладчиком был Церетели. Он пространно объяснял Исполнительному Комитету, что те уступки, какие он вместе с Терещенко сделал Киевской Раде [216]), отнюдь не означали расчленения страны и потому не давали кадетам достаточных оснований для выхода из министерства. Церетели обвинял кадетских вождей в централистическом доктринерстве, в непонимании необходимости компромисса с украинцами и пр., и пр. Впечатление получалось до последней степени жалкое. Безнадежный доктринер коалиции обвинял в доктринерстве трезвых политиков капитала, которые воспользовались первым подходящим предлогом для того, чтобы заставить своих политических приказчиков расплачиваться за тот решительный поворот, какой они придали развитию событий наступлением 18 июня. А вывод? После всех предшествовавших опытов коалиции казалось, что вывод может быть только один — разрыв с кадетами, создание Советской власти. Соотношение сил внутри Советов было тогда таково, что Советская власть в партийном смысле оказалась бы непосредственно в руках у социалистов-революционеров и меньшевиков. Мы сознательно шли навстречу этому. Советский механизм обеспечивал, благодаря возможности постоянных перевыборов, достаточно точное отражение изменяющихся влево настроений рабочей и солдатской массы. К тому же после разрыва коалиции с буржуазией радикальные тенденции должны были, по нашему предвидению, получить перевес в составе Советов. При этих условиях борьба пролетариата за власть естественно вошла бы в русло советской организации и могла бы развернуться безболезнен-

но. Порвав с буржуазией, мещанская демократия сама попала бы под ее удары и вынуждена была бы искать теснейшей связи с социалистическим пролетариатом, а ее нерешительность и политическая бесформенность были бы раньше или позже преодолены трудящимися массами под ударами нашей критики. Вот почему мы требовали от руководящих советских партий, к которым не питали политического доверия и не скрывали этого, чтоб они взяли в свои руки власть.

Но и после министерского кризиса 2 июля Церетели и его единомышленники не отказались от своей коалиционной «идеи». Они разъяснили в Исполнительном Комитете, что руководящие кадеты, правда, развращены доктринерством и даже контр-революционностью, но что в провинции имеется много буржуазных элементов, которые способны еще итти нога в ногу с революционной демократией, и что для обеспечения сотрудничества с ними необходимо привлечь в состав нового министерства представителей буржуазии. Дан уже с надеждой взирал на радикально-демократическую партию [217]), которая была состряпана около того времени несколькими проблематическими политиками. Весть о том, что коалиция разбилась только затем, чтобы уступить место новой коалиции, быстро распространилась по Петрограду и вызвала бурю возмущения в рабочих и солдатских кварталах. Так выросли события 3—5 июля.

Июльские дни

Уже во время заседания Исполнительного Комитета нам сообщали по телефону о том, что пулеметный полк готовится к выступлению. Мы по телефону же приняли меры к тому, чтобы удержать его. Но на низах шла своя большая работа: с фронта приходили представители расформированных за непокорность частей, приносили тревожные вести о репрессиях и будоражили гарнизон. Среди петроградских рабочих недовольство официальными руководителями было тем острее, что Церетели, Дан и Чхеидзе фальсифицировали общественное мнение пролетариата, стараясь не дать возможности Петроградскому Совету стать выразителем новых настроений трудящейся массы. Всероссийский Исполнительный Комитет, созданный на июньском съезде и опиравшийся на более отсталую провинцию, все больше оттеснял на задний план Петроградский Совет и забирал в свои руки руководство даже чисто петроградскими делами. Столкновение было не-

избежно. Рабочие и солдаты напирали снизу, бурно выражая недовольство официальной советской политикой, и требовали от нашей партии более решительных действий. Мы считали, что час для таких действий еще не наступил — ввиду отсталости провинции. Но в то же время мы опасались, что события на фронте могут внести непомерный хаос в ряды революции и поселить отчаяние в сердцах масс. В рядах нашей партии отношение к движению 3—5 июля не было вполне определенным. С одной стороны, было опасение, что Петроград может оторваться от остальной страны, с другой стороны, была надежда на то, что только энергичное и активное вмешательство Петрограда может спасти положение. Партийные агитаторы на низах шли с массой и вели непримиримую агитацию.

Была еще некоторая надежда, что выступление революционных масс на улице разобьет тупое доктринерство соглашателей и заставит их понять, что держаться дольше у власти можно только открытым разрывом с буржуазией. Вопреки тому, что говорилось и писалось в следующие дни в буржуазной печати, в нашей партии не было совершенно плана захвата власти путем вооруженного восстания. Дело шло о революционной демонстрации, возникшей стихийно, но политически руководившейся нами.

Центральный Исполнительный Комитет заседал в Таврическом дворце, когда бурные волны вооруженных солдат и рабочих окружили дворец со всех сторон. Среди демонстрантов были, разумеется, в ничтожном меньшинстве, анархические элементы, готовые пустить в ход оружие против советского центра. Были и преступные черносотенные, явно наемные элементы, стремившиеся использовать положение и вызвать погромный хаос. Из среды этих элеметнов исходили требования арестовать Чернова[218], Церетели, разогнать Исполнительный Комитет и проч. Была даже попытка арестовать Чернова. Позже, в Крестах, я узнал одного из матросов, принимавших участие в этой попытке; он оказался уголовным субъектом и сидел в Крестах за грабеж. Но буржуазная и соглашательская печать изобразила все движение как погромный, контр-революционный и, в то же время, большевистский поход, имевший непосредственной задачей овладеть властью путем вооруженного насилия над Центральным Исполнительным Комитетом.

Движение 3—5 июля обнаружило уже с полной ясностью, что вокруг правящих советских партий в Петрограде царит пу-

стота. Далеко не весь еще гарнизон был тогда с нами. Были колеблющиеся части, нерешительные пассивные. Но если не считать юнкеров, не было совершенно таких частей, которые готовы были бы бороться против нас в защиту правительства или руководящих советских партий. Пришлось вызывать войска с фронта. Вся стратегия Церетели, Чернова и др. 3 июля сводилась к тому, чтобы оттянуть время и дать возможность Керенскому подтянуть к Петрограду «надежные» части. В зал Таврического дворца, окруженного густой массой вооруженного народа, входила одна депутация за другой и требовала полного разрыва с буржуазией, решительных социальных реформ и открытия мирных переговоров. Мы, большевики, встречали на улице или во дворе каждый новый отряд демонстрантов речами, в которых призывали к спокойствию и выражали уверенность в том, что при нынешнем настроении масс соглашателям не удастся создать новую коалиционную власть. Особенно решительно настроены были кронштадтцы, которых лишь с трудом удавалось сдерживать в пределах демонстрации. 4-го демонстрация развернулась еще шире— уже под прямым руководством нашей партии. Советские вожди были растеряны, речи их носили уклончивый характер, ответы, которые давал Улисс-Чхеидзе депутациям, лишены были какого бы то ни было политического содержания. Было ясно, что официальные вожди выжидают.

Ночью 4-го стали прибывать с фронта «надежные» войска. Во время заседания Исполнительного Комитета здание Таврического дворца огласилось медными звуками *Марсельезы*. Лица членов президиума сразу изменились. Появилась уверенность, которой так не хватало в течение последних дней. Это вступал в Таврический дворец Волынский полк—тот самый, который несколько месяцев спустя шел в авангарде Октябрьской Революции под нашими знаменами. С этого момента все изменилось. С делегациями петроградских рабочих и солдат, с представителями Балтийского флота не было больше нужды церемониться. С трибуны Исполнительного Комитета раздались речи о вооруженном мятеже, который ныне подавлен верными революции войсками. Большевики были объявлены контр-революционной партией.

Страх, какой испытывала либеральная буржуазия в течение двух дней вооруженной демонстрации, вышел наружу в виде клокочущей ненависти, не только на газетных столбцах, но и

на улицах Петрограда, особенно на Невском проспекте, где беспощадно избивали отдельных рабочих и солдат, застигнутых на месте преступной агитации. Юнкера, офицеры, ударники, георгиевские кавалеры оказались господами положения. Во главе их стали отъявленные контр-революционеры. В городе шел беспощадный разгром рабочих организаций и учреждений нашей партии. Начались аресты, обыски, избиения и отдельные убийства. 4-го ночью тогдашний министр юстиции Переверзев сдал в печать «документы», которые должны были свидетельствовать, что во главе партии большевиков стоят подкупленные агенты Германии. Руководители партии социалистов-революционеров и меньшевиков слишком давно и слишком хорошо знали нас, чтобы верить этому обвинению, но в то же время они были слишком заинтересованы в его успехе, чтобы открыто выступить против него. И сейчас еще нельзя без омерзения вспомнить о той вакханалии лжи, которая разлилась по страницам всех буржуазных и соглашательских газет. Наша пресса была раздавлена. Революционный Петроград почувствовал, что провинция и армия еще далеко не с ним. В рабочих кварталах наступил короткий момент замешательства. В гарнизоне пошли репрессии: расформирование полков, обезоружение отдельных частей. Тем временем советские вожди фабриковали новое министерство с включением в него представителей третьестепенных буржуазных групп, которые, ничего не внося в правительство, лишали его, однако, последней доли революционной инициативы.

На фронте события шли тем временем своим чередом. Организм армии был потрясен до самых глубин. Солдаты убеждались на деле, что огромная часть офицерства, перекрасившись в начале революции в защитный красный цвет, оставалась глубоко враждебной новому режиму. В Ставке шел открытый подбор контр-революционных элементов. Большевистские издания преследовались беспощадно. Наступление давно сменилось трагическим отступлением. Буржуазная печать бешено клеветала на армию, и если накануне наступления правящие партии отвечали нам, что мы ничтожная кучка, что армия не знает нас и не хочет знать, то теперь, когда авантюра наступления так трагически закончилась, те же лица и партии всю ответственность за неудачу возлагали на нас. Тюрьмы были переполнены революционными рабочими и солдатами. К расследованию дела 3—5 июля были привлечены все старые судебные волки царизма. При этих усло-

виях социалисты-революционеры и меньшевики осмеливались требовать от Ленина, Зиновьева и других товарищей, чтобы те добровольно отдали себя в руки «правосудия».

После июльских дней

Замешательство в рабочих кварталах быстро прошло и сменилось революционным приливом в среде не только пролетариата, но и петроградского гарнизона. Соглашатели утрачивали всякое влияние, волна большевизма стала широко распространяться по всей стране из городских центров и через все препятствия проникла в ряды армии. Новая коалиционная власть с Керенским во главе уже открыто стала на путь репрессий. Министерство восстановило смертную казнь для солдат. Наши газеты закрывались, наши агитаторы арестовывались, но это лишь увеличивало наше влияние. Несмотря на все препятствия, какие чинились перевыборам Петроградского Совета, соотношение сил изменилось настолько, что по некоторым важным вопросам мы уже оказывались в большинстве. Точно так же и в Московском Совете.

В это время я вместе со многими другими товарищами уже сидел в Крестах, арестованный за агитацию и организацию вооруженного восстания 3—5 июля по соглашению с германскими властями и в целях содействия военным задачам Гогенцоллерна. Небезызвестный судебный следователь царского режима Александров, который вел немало дел против революционеров, теперь получил миссию охранять республику от контр-революционных большевиков. При старом режиме население тюрем делилось на политических и уголовных, теперь установилась новая терминология: уголовные и большевики. Среди заключенных солдат царило горькое недоумение. Молодые парни, выходцы из деревни, не принимавшие раньше участия в политической жизни, считали, что революция раз и навсегда освободила их, и теперь с изумлением глядели на дверные замки и оконные решетки. На прогулке они каждый раз тревожно спрашивали меня, что̀ это означает и чем это кончится. Я утешал их тем, что победа, в конце концов, останется за нами.

Восстание Корнилова

В конце августа разыгралось восстание генерала Корнилова. Оно явилось непосредственным результатом мобилизации контр-революционных сил, энергичный толчек к которой дан

был наступлением 18 июня. На пресловутом Московском Совещании в средине августа Керенский пытался стать в центре между цензовыми элементами и мелко-буржуазной демократией. Большевики вообще считались стоящими за пределами «легальной» страны. Им Керенский грозил железом и кровью при бурных аплодисментах цензовой половины собрания и при предательском молчании мещанской демократии. Но истерические выкрики и угрозы Керенского не удовлетворяли главарей контр-революционного дела. Они слишком ясно наблюдали революционный прилив во всех частях страны—в рабочем классе, в деревне и в армии, и считали необходимым безотлагательно применять самые крайние меры для того, чтобы проучить массы. По соглашению с цензовой буржуазией, которая видела в нем своего героя, Корнилов взял эту рискованную задачу на себя. Керенский, Савинков [219]), Филоненко [220]) и другие, правящие и полуправящие социалисты-революционеры были соучастниками его заговора, но все они на известной стадии развития событий предали Корнилова, поняв, что в случае его победы они окажутся за бортом. Мы переживали корниловские события в тюрьме и следили за ними по газетам: свободное получение газет было единственным крупным отличием тюрем Керенского от тюрем старого режима. Авантюра казачьего генерала сорвалась. Шесть месяцев революции создали в сознании масс и в их организованности достаточный оплот против открытого контр-революционного натиска. Соглашательские советские партии до последней степени испугались возможных последствий корниловского заговора, который грозил смести не только большевиков, но и всю революцию вместе с ее правящими партиями. Социалисты-революционеры и меньшевики приступили к легализации большевиков,—впрочем, с оглядкой и только на-половину, в предчувствии возможных опасностей в будущем. Те самые кронштадтские матросы, которых после июльских дней объявили громилами и контрреволюционерами, были в момент корниловской опасности вызваны в Петроград для охраны революции. Они явились без слов, без упреков, без напоминаний о прошлом и заняли самые ответственные посты. Я имел полное право напомнить Церетелите слова, которые я бросил ему в мае, когда он занимался травлей кронштадцев: «Когда контр-революционный генерал попытается накинуть на шею революции петлю, кадеты будут намыливать веревку, а кронштадтские матросы явятся, чтобы бороться и умирать вместе с нами».

Советские организации обнаружили везде, в тылу, на фронте, свою жизнеспособность и силу в борьбе с корниловским мятежом. До сражения дело почти нигде не дошло. Революционная масса размыла генеральский заговор. Как соглашатели не нашли в июле против нас солдат в петроградском гарнизоне, так теперь Корнилов не нашел солдат против революции на всем фронте. Он действовал обманом, и слова пропаганды легко разрушали его замыслы.

По газетам я надеялся на бо́льшую быстроту дальнейших событий в смысле перехода власти в руки Советов. Рост влияния и силы большевиков был несомненен и получил неудержимый размах. Большевики предупреждали против коалиции, против наступления 18 июня, они предсказывали корниловщину. Народные массы на опыте убеждались в том, что мы были правы. В наиболее тревожные моменты корниловского заговора, когда кавказская дивизия приближалась к Петрограду, Петроградский Совет при вынужденном попустительстве властей вооружил рабочих. Полки, которые были приведены против нас, давно успели переродиться в горячей атмосфере Петрограда и теперь были целиком за нас. Корниловский мятеж должен был окончательно открыть глаза армии на недопустимость дальнейшей политики соглашения с буржуазной контр-революцией. Можно было поэтому ожидать, что подавление корниловского мятежа явится только вступлением к непосредственному натиску руководимых нашей партией революционных сил для овладения властью. Но события развивались более медленно. При всей напряженности революционного настроения, массы стали после сурового урока июльских дней более осторожны и отказались от всяких самочинных выступлений, ожидая прямого призыва и руководства сверху. Но и на верхах нашей партии преобладало выжидательное настроение. В этих условиях ликвидация корниловской авантюры, несмотря на глубокое изменение сил в нашу пользу, не привела к непосредственным политическим переменам.

Борьба внутри Советов

В Петроградском Совете господство нашей партии закрепилось тем временем окончательно[221]). Это проявилось в драматической форме на вопросе о составе президиума. В ту эпоху, когда социалисты-революционеры и меньшевики господствовали в Со-

18*

ветах, они всеми средствами изолировали большевиков. Так, в состав петроградского президиума они не допустили ни одного большевика даже в тот период, когда наша партия представляла собой, по меньшей мере, одну треть всего Совета. После того, как Петроградский Совет непрочным большинством вынес резолюцию о переходе всей власти в руки Советов, наша фракция предъявила требование об образовании коалиционного президиума на пропорциональных основах. Старый президиум, в состав которого входили Чхеидзе, Церетели, Керенский, Скобелев, Чернов, наотрез отказал в этом. Об этом не мешает напомнить сейчас, когда представители разбитых революцией партий говорят о необходимости единого фронта демократии и обвиняют нас в исключительности. Было созвано специальное собрание Петроградского Совета, которое и должно было разрешить вопрос о судьбе президиума. Все силы, все резервы были мобилизованы с обеих сторон. Церетели выступил с программной речью, в которой доказывал, что вопрос о президиуме есть вопрос о направлении. Мы считали, что соберем несколько меньше половины голосов и готовы были видеть в этом успех. На самом деле за нас при поименном голосовании высказалось большинство в сто слишком голосов. «Мы в течение шести месяцев,—говорил Церетели,—стояли во главе Петроградского Совета и вели его от победы к победе; мы желаем вам, чтобы вы хоть половину этого времени продержались на тех постах, которые вы теперь готовитесь занять». В Московском Совете произошла такая же смена руководящих партий [222]). Провинциальные Советы один за другим переходили на позицию большевиков. Близился срок созыва второго Всероссийского Съезда Советов. Но руководящая группа Центрального Исполнительного Комитета всеми силами стремилась отодвинуть Съезд в неопределенное будущее, чтобы таким путем сорвать его. Было очевидно, что новый Съезд Советов даст большинство нашей партии, обновит соответственным образом состав Центрального Исполнительного Комитета и лишит соглашателей их важнейшей позиции. Борьба за созыв Всероссийского Съезда Советов получила для нас крупнейшее значение.

В противовес этому меньшевики и социалисты-революционеры выдвинули идею Демократического Совещания. Это предприятие им нужно было как против нас, так и против Керенского.

Глава министерства занял к этому времени совершенно независимую и безответственную позицию. Его поднял к власти

Петроградский Совет в первую эпоху революции. Керенский вступил в министерство без предварительного решения Совета, но вступление это затем было одобрено. После первого Съезда Советов министры-социалисты считались ответственными перед Центральным Исполнительным Комитетом. Их союзники—кадеты—отвечали только перед своей партией. После июльских дней Центральный Исполнительный Комитет, идя навстречу буржуазии, освободил министров-социалистов от советской ответственности—якобы во имя создания революционной диктатуры. Об этом тоже не бесполезно вспомнить теперь, когда те самые лица, которые строили диктатуру кружка, выступают с обвинениями и проклятиями против диктатуры класса. Московское Совещание, на котором искусно подтасованные цензовые и демократические элементы уравновешивали друг друга, имело своей задачей утвердить власть Керенского над классами и над партиями. Эта цель была достигнута только по видимости. В сущности, Московское Совещание обнаружило полное бессилие Керенского, ибо он был почти одинаково чужд и цензовым элементам, и мещанской демократии. Но так как либералы и консерваторы аплодировали его выпадам против демократии, а соглашатели устраивали ему овацию, когда он осторожно порицал контр-революционеров, то у него создавалось впечатление, будто он опирается на тех и других и потому располагает неограниченной властью. Рабочим и революционным солдатам он грозил кровью и железом. Его политика пошла дальше по пути закулисных сделок с Корниловым, которые скомпрометировали его даже в глазах соглашателей. Церетели в характерных для него уклончиво-дипломатических выражениях заговорил о «личных» моментах в политике и о необходимости эти личные моменты ограничить. Эту задачу должно было выполнить Демократическое Совещание, которое созывали по произвольным нормам из представителей Советов, дум, земств, профессиональных союзов и кооперативов. Главная задача состояла, однако, в том, чтобы обеспечить достаточно консервативный состав Совещания, растворить раз навсегда Советы в бесформенной массе демократии и на этой новой организационной основе утвердиться против большевистского прилива.

Здесь не лишне будет в нескольких словах отметить разницу политической роли Советов и демократических органов самоуправления. Филистеры не раз указывали нам, что новые думы

и земства, избранные на основе всеобщего голосования, несравненно демократичнее Советов и имеют больше прав на представительство населения, однако этот формальный демократический критерий лишен серьезного содержания в революционную эпоху. Революция знаменательна тем, что сознание масс изменяется быстро, новые и новые слои населения накопляют опыт, проверяют свои вчерашние взгляды, отметают их, вырабатывают новые, отказываясь от старых вождей, следуют за новыми, идут вперед... Формально-демократические организации, опирающиеся на тяжеловесный аппарат всеобщего избирательного права, неизбежно отстают в революционную эпоху от развития политического сознания масс. Совсем иное дело—Советы. Они непосредственно опираются на органические группировки, как мастерская, завод, фабрика, волость, полк и пр. Здесь, разумеется, нет тех юридических гарантий точности выборов, как при создании демократических дум или земств. Но имеются несравненно более серьезные, более глубокие гарантии прямой и непосредственной связи депутата с избирателями. Гласный городской думы или земства опирается на распыленную массу избирателей, которая доверяет ему свои полномочия на год и распадается. Советские избиратели остаются всегда связаны условиями своего труда и существования, депутат всегда у них на глазах, они в любой момент могут выработать для него наказ, осудить его, сместить, заменить другим лицом. Если общая политическая эволюция выражалась за предшествующие революционные месяцы в том, что влияние соглашательских партий сменялось решающим влиянием большевиков, то вполне понятно, что этот процесс ярче и полнее всего отражается в Советах, тогда как думы и земства, несмотря на весь свой формальный демократизм, выражали не сегодняшнее, а вчерашнее состояние народных масс. Этим именно объясняется тяготение к думам и земствам тех партий, которые все больше теряли почву под ногами в среде революционного класса. С этим самым вопросом—только в более широком масштабе—мы встретимся позже, когда подойдем к Учредительному Собранию.

Демократическое Совещание

Демократическое Совещание, созванное Церетели и его сторонниками в середине сентября, имело совершенно искусственный характер, представляя комбинацию из Советов и органов

самоуправления в такой пропорции, чтобы обеспечить перевес соглашательских партий. Рожденное беспомощностью и растерянностью, Совещание закончилось жалким фиаско. Цензовая буржуазия относилась к Совещанию с величайшей враждебностью, усматривая в нем попытку отодвинуть ее от тех позиций, к которым она приблизилась на Московском Совещании. Революционный пролетариат и связанные с ним массы крестьян и солдат заранее осуждали фальсификаторский метод созыва Демократического Совещания. Прямой задачей соглашателей было создать «ответственное» министерство. Но и это не было достигнуто. Керенский не хотел и не допускал ответственности, потому что этого не допускала стоявшая за его спиной буржуазия. Безответственность по отношению к органам так называемой демократии означала фактическую ответственность перед кадетами и союзными посольствами. Пока что, для буржуазии этого было достаточно. По вопросу о коалиции Демократическое Совещание обнаружило всю свою несостоятельность: за коалицию с буржуазией голосовало немногим более, чем против коалиции; большинство голосовало против коалиции с кадетами. Но за вычетом кадет не оказывалось в среде буржуазии серьезных контрагентов для коалиции. Церетели обстоятельно разъяснял это Совещанию. Раз Совещание не поняло, тем хуже для него. Переговоры бесцеремонно велись за спиной Совещания, с отвергнутыми им кадетами, причем решено было, что кадеты будут фигурировать не в качестве кадет, а в качестве... общественных деятелей. Теснимая и справа и слева, мещанская демократия сносила все это издевательство над собою и тем демонстрировала свою полную политическую прострацию. Из Демократического Совещания был выделен Совет, который решено было пополнить представительством цензовых элементов, и этот Предпарламент должен был заполнять собою пустое место, остававшееся до созыва Учредительного Собрания. Новое коалиционное министерство, в противоречии с первоначальным планом Церетели, но в полном согласии с планами буржуазии, сохраняло свою формальную независимость по отношению к Предпарламенту. Все вместе производило впечатление жалкого и бессильного канцелярского творчества, за которым скрывалась полная капитуляция мелко-буржуазной демократии перед цензовым либерализмом, который за месяц перед тем открыто поддерживал натиск Корнилова на революцию. Все свелось, таким образом, к

восстановлению и увековечению коалиции с либеральной буржуазией. Не могло больше быть сомнения в том, что, совершенно независимо от состава будущего Учредительного Собрания, правительственная власть фактически будет в руках буржуазии, ибо соглашательские партии, несмотря на весь тот перевес, который давали им народные массы, неизменно приходили к коалиции с кадетами, не считая возможным создавать государственную власть без буржуазии. Народные массы относились к партии Милюкова с глубочайшей враждой. Во всех выборах за эпоху революции кадеты нещадно проваливались, и тем не менее те самые партии — с.-р. и меньшевики, — которые победоносно разбивали кадетскую партию на выборах, после выборов отводили ей в коалиционном правительстве красный угол. Естественно, если массы все более усматривали, что соглашательские партии играют в сущности роль приказчиков либеральной буржуазии.

Затруднения в тылу и на фронте

Внутреннее положение тем временем осложнялось и ухудшалось. Война тянулась без цели, без смысла и без перспектив. Правительство не делало никаких шагов, чтобы вырваться из порочного круга. Был выдвинут смехотворный план посылки меньшевика Скобелева в Париж для воздействия на союзных империалистов. Но этому плану ни один здравомыслящий человек не придавал серьезного значения. Корнилов сдал немцам Ригу, чтобы терроризировать общественное сознание и в этой атмосфере утвердить палочную дисциплину в армии. Опасность грозила Петрограду. И буржуазные элементы встречали эту опасность с явным злорадством. Бывший председатель Думы Родзянко открыто говорил о том, что сдача немцам развращенного Петрограда не составит большой беды. Он ссылался на пример Риги, где после вступления немцев были упразднены Советы Депутатов и вместе со старыми городовыми водворился твердый порядок. Погибнет Балтийский флот? Но флот развращен революционной пропагандой: потеря, стало быть, не столь велика. В этом цинизме болтливого барина выразились затаенные мысли широких кругов буржуазии. Сдача Петрограда немцам ведь не означает еще потери его. По мирному договору Петроград вернется, но вернется, помятый немецким милитаризмом. Рево-

люция тем временем останется обезглавленной, с ней легче будет справиться. Правительство Керенского не думало о серьезной обороне столицы. Наоборот, общественное мнение подготовлялось к ее возможной сдаче. Из Петрограда в Москву и другие города эвакуировались правительственные учреждения.

В этой обстановке собралась солдатская секция Петроградского Совета. Настроение было напряженным и тревожным.— Правительство неспособно защитить Петроград? В таком случае пускай заключает мир. А если неспособно заключить мир, пускай убирается прочь.—В таком постановлении выразилось настроение солдатской секции. Это была уже зарница Октябрьской Революции.

На фронте положение ухудшалось с каждым днем. Надвигалась холодная осень с дождями и грязью. Впереди вырисовывалась четвертая зимняя кампания. Продовольствие создавало все бо̀льшие затруднения. В тылу забыли о фронте—ни смены, ни пополнений, ни необходимой теплой одежды. Дезертирство возрастало. Старые армейские комитеты, выбранные еще в первый период революции, оставались на своих местах и поддерживали политику Керенского. Перевыборы были запрещены. Между комитетами и солдатскими массами образовалась пропасть. В конце концов солдаты стали относиться к комитетам с ненавистью. Из окопов все чаще и чаще приходили в Петроград делегаты и на заседаниях Петроградского Совета ставили в упор вопрос: Что̀ дальше делать? Кто и как кончит войну? Почему молчит Петроградский Совет?

Неизбежность борьбы за власть

Петроградский Совет не молчал. Он требовал немедленного перехода всей власти в руки Советов в центре и на местах, немедленного перехода земель в руки крестьян, контроля рабочих над производством и немедленного открытия мирных переговоров. Пока мы оставались партией оппозиции, лозунг—вся власть Советам—был лозунгом пропаганды. Но с того времени, как мы оказались во всех главнейших Советах в большинстве, этот лозунг возлагал на нас обязательство прямой и непосредственной борьбы за власть.

В деревне положение запуталось и усложнилось до последней степени. Революция обещала крестьянину землю, но в то

же время руководящие партии требовали, чтобы крестьянин не прикасался к этой земле до Учредительного Собрания. Крестьянин сперва терпеливо ждал, а когда начал терять терпение, коалиционное министерство обрушило на него репрессии. Учредительное Собрание тем временем отодвигалось вдаль. Буржуазия настаивала на том, чтобы Учредительное Собрание созвать после заключения мира. Крестьянские массы все больше и больше теряли терпение. То, что мы предсказывали в самом начале революции, начало осуществляться: крестьянин приступил к захвату земли собственными средствами. Репрессии усилились, пошли аресты революционных земельных комитетов. В некоторых уездах Керенский ввел военное положение. Из деревень потекли ходоки в Петроградский Совет. Они жаловались на то, что их арестовывают, когда они приступают к выполнению программы Петроградского Совета и забирают помещичью землю в руки крестьянских комитетов. Крестьяне требовали у нас защиты. Мы отвечали им, что защитить их мы могли бы только в том случае, если бы власть была у нас в руках. Отсюда, однако, следовал тот вывод, что Советы, если они не желают превратиться в говорильни, должны брать в свои руки власть.

— Бессмысленно бороться за власть Советов за полтора-два месяца до Учредительного Собрания!—так говорили нам наши соседи справа. Мы, однако, ни в малой мере не были заражены этим фетишизмом Учредительного Собрания. Прежде всего, не было никаких гарантий того, что оно действительно будет созвано. Распад армии, массовое дезертирство, продовольственная разруха, аграрная революция—все это создавало такую обстановку, которая мало благоприятствовала выборам в Учредительное Собрание. Сдача Петрограда немцам вообще грозила снять с очереди вопрос о выборах. А затем, если бы даже Учредительное Собрание и было созвано под руководством старых партий, по старым спискам, оно явилось бы только прикрытием и освящением коалиционной власти. Ни с.-р., ни меньшевики не были способны взять в свои руки власть без буржуазии. Только революционный класс призван был разбить порочный круг, в котором вращалась и разлагалась революция. Власть нужно было вырвать из рук тех элементов, которые, прямо или косвенно, служили буржуазии и пользовались государственным аппаратом, как орудием обструкции против революционных требований народа.

Борьба за Съезд Советов

— Власть Советам!—требовала наша партия. В предшествовавшую эпоху это, в переводе на партийный язык, означало— власть с.-р. и меньшевикам, в противовес коалиции с либеральной буржуазией.

Теперь, в октябре 1917 г., тот же лозунг означал передачу всей власти революционному пролетариату, во главе которого стояла в этот период партия большевиков. Дело шло о диктатуре рабочего класса, который вел за собою или, вернее, способен был повести за собою многомиллионные массы беднейшего крестьянства. В этом состоял исторический смысл октябрьского восстания.

Все вело партию на этот путь. Мы проповедывали с первых дней революции необходимость и неизбежность перехода власти к Советам. Большинство Советов, после большой внутренней борьбы, усвоило это требование, встав на нашу точку зрения. Мы подготовляли второй Всероссийский Съезд Советов, на котором ожидали полной победы нашей партии. Центральный Исполнительный Комитет под руководством Дана (осторожный Чхеидзе заблаговременно уехал на Кавказ) всячески противодействовал созыву Съезда Советов. После больших усилий, опираясь на советскую фракцию Демократического Совещания, мы, наконец, добились назначения срока Съезда—25 октября. Это число вошло затем величайшей датой в историю России. Предварительно мы созвали в Петрограде съезд Советов Северной области с привлечением Балтийского флота и Москвы. На этом съезде мы имели твердое большинство, заручились некоторым полу-прикрытием справа в лице фракции левых социалистов-революционеров и заложили серьезные организационные предпосылки октябрьского восстания.

Конфликт по поводу петроградского гарнизона

Но еще раньше, до съезда Северных Советов, произошло событие, которому суждено было сыграть крупнейшую роль в дальнейшей политической борьбе. В начале октября на заседание Петроградского Исполнительного Комитета явился представитель Совета при штабе Петроградского военного округа и сообщил, что из Ставки требуют вывода на фронт двух третей петро-

градского гарнизона. Для чего? Для обороны Петрограда. Выводить будут не сейчас, но необходимо немедленно же подготовиться. Петроградскому Совету предлагалось штабом одобрить этот план. Мы насторожились. В конце августа также были выведены из Петрограда полностью или частями 5 революционных полков. Это было сделано по требованию тогдашнего верховного главнокомандующего Корнилова, который как раз в те дни готовился бросить на Петроград Кавказскую дивизию с намерением раз навсегда справиться с революционной столицей. Таким образом, мы уже имели опыт чисто политических перемещений полков под предлогом оперативных задач. Забегая вперед, скажу, что из обнаруженных после Октябрьской Революции бумаг выяснилось с полной несомненностью, что предполагавшийся вывод петроградского гарнизона действительно не имел ничего общего с военными целями и был навязан главнокомандующему Духонину против его воли не кем иным, как Керенским, который стремился очистить столицу от наиболее революционных, т.-е. наиболее враждебных ему, солдат. Но тогда, в начале октября, наши подозрения вызвали справа бурю патриотического негодования. Из штаба нас торопили: Керенскому не терпелось, почва слишком нагрелась под его ногами. Мы же медлили с ответом. Петрограду, несомненно, угрожала опасность, и вопрос об обороне столицы стоял перед нами во всем своем грозном значении. Но после опыта корниловщины, после слов Родзянко о спасительности немецкой оккупации,—откуда было взять доверчивости, что Петроград не будет злонамеренно сдан немцам в наказание за свой мятежный дух? Исполнительный Комитет отказался поставить вслепую свой штемпель под приказом о выводе двух третей гарнизона. Необходимо проверить,—заявили мы,— действительно ли за этим приказом стоят военные соображения, и необходимо создать орган такой проверки. Так родилась мысль о создании наряду с солдатской секцией Совета, т.-е. политическим представительством гарнизона, чисто оперативного органа в виде Военно-Революционного Комитета, который получил впоследствии могущественную силу и стал фактическим орудием октябрьского переворота. Несомненно, уже в те часы, когда мы выдвинули идею создания органа, в руках которого сосредоточивались бы нити чисто военного руководства петроградским гарнизоном, мы отдавали себе ясный отчет в том, что именно этот орган может стать незаменимым революционным орудием.

В то время мы уже открыто шли навстречу восстанию и организационно готовились к нему.

На 25 октября был назначен, как сказано, Всероссийский Съезд Советов. Не могло уже быть сомнения, что Съезд выскажется за переход власти в руки Советов. Но такое решение должно быть немедленно же проведено в жизнь, иначе оно превратится в недостойную платоническую демонстрацию. По логике вещей выходило, что мы назначили восстание на 25 октября. Так именно понимала дело вся буржуазная печать. Но судьба Съезда зависела, в первую очередь, от петроградского гарнизона, — позволит ли он Керенскому окружить Съезд Советов и разогнать его при помощи нескольких сот или тысяч юнкеров, прапорщиков и ударников? Самое покушение на вывод гарнизона не означало ли, что правительство готовится к разгону Съезда Советов? И было бы странно, если бы оно не готовилось, видя, как мы открыто, перед лицом всей страны, мобилизуем советские силы, для того, чтобы нанести коалиционной власти смертельный удар.

Таким образом конфликт в Петрограде развертывался на вопросе о судьбе гарнизона. В первую голову вопрос этот захватил за живое всех солдат. Но и рабочие относились к конфликту с живейшим интересом, так как боялись, что с выводом гарнизона они будут задушены юнкерами и казаками. Конфликт приобретал, таким образом, в высшей степени острый характер и развертывался на почве, крайне неблагоприятной для правительства Керенского.

Параллельно шла охарактеризованная уже выше борьба за созыв Всероссийского Съезда Советов, причем от имени Петроградского Совета и Северного Областного съезда мы открыто провозглашали, что второй Съезд Советов должен отстранить правительство Керенского и стать подлинным хозяином русской земли. Восстание фактически было уже налицо. Оно развертывалось совершенно открыто, на глазах всей страны.

В течение октября вопрос о восстании играл большую роль во внутренней жизни нашей партии. Ленин, который скрывался в Финляндии, в многочисленных письмах настаивал на более решительной тактике. На низах шло брожение и накоплялось недовольство по поводу того, что партия большевиков, оказавшаяся в большинстве в Петроградском Совете, не делала практических выводов из собственных лозунгов. 10 октября произошло конспиративное заседание Центрального Комитета нашей партии

с участием Ленина. В порядке дня стоял вопрос о восстании. Большинством всех против двух голосов решено было, что единственным средством спасти революцию и страну от окончательного распада является вооруженное восстание, которое должно передать власть в руки Советов[223]).

Демократический Совет и Предпарламент

Демократический Совет, выделившийся из Демократического Совещания, впитал в себя всю беспомощность последнего. Старые советские партии, социалисты-революционеры и меньшевики, создали для себя в этом Совете искусственное большинство, но только для того, чтобы тем ярче обнаружить свою политическую прострацию. Церетели вел за кулисами Совета путаные переговоры с Керенским и с представителями «цензовых элементов», как начали выражаться в Совете—для того, чтобы не употреблять «обидного» имени буржуазии. Доклад Церетели о ходе и исходе переговоров был чем-то вроде надгробного слова целому периоду революции. Оказалось, что ни Керенский, ни цензовые элементы не согласились на ответственность перед новым полу-представительным учреждением. С другой стороны, вне пределов кадетской партии не удалось найти так называемых «деловых» общественных деятелей. Пришлось организаторам предприятия капитулировать по обоим пунктам. Капитуляция вышла тем более красноречивой, что Демократическое Совещание созывалось ведь именно для того, чтобы устранить безответственный режим, причем Совещание формальным голосованием отвергло коалицию с кадетами. На нескольких заседаниях Демократического Совета, которые состоялись до переворота, царила атмосфера напряженности и полной недееспособности. Совет отражал не движение революции вперед, а разложение партий, отставших от революции.

Еще во время Демократического Совещания был поставлен в нашей партийной фракции вопрос о демонстративном уходе с Совещания и о бойкоте Демократического Совета. Нужно было действием показать массам, что соглашатели завели революцию в тупик. Борьба за создание Советской власти могла вестись только революционным путем. Нужно было вырвать власть из рук тех, которые оказались неспособными на добро и чем дальше, тем больше теряли способность даже на активное зло. Необ-

ходимо было наш политический путь—через мобилизацию сил вокруг Советов, через Всероссийский Съезд Советов, через восстание—противопоставить их пути—через искусственно подобранный Предпарламент и гадательное Учредительное Собрание. Это можно было сделать только путем открытого разрыва, на глазах всего народа, с учреждением, созданным Церетели и его единомышленниками, и путем сосредоточения всего внимания и всех сил рабочего класса на советских учреждениях. Вот почему я предлагал демонстративный уход с Совещания и революционную агитацию на заводах и в полках против попытки подтасовать волю революции и снова ввести ее развитие в русло сотрудничества с буржуазией [224]). В том же смысле высказался и Ленин, письмо которого мы получили несколько дней спустя. Но на партийных верхах еще наблюдались колебания в этом вопросе. Июльские дни оставили глубокий след в сознании партии. Рабочая и солдатская масса оправилась от июльского разгрома гораздо скорее, чем многие из руководящих товарищей, которые опасались срыва революции новым преждевременным натиском масс. Во фракции Демократического Совещания я собрал за свое предложение 50 голосов против 70, которые высказались за участие в Демократическом Совете. Опыт этого участия скоро, однако, укрепил левое крыло партии. Становилось слишком очевидным, что путем близких к плутням комбинаций, которые имели своей задачей обеспечить дальнейшее руководство революцией за цензовыми элементами, при посредстве потерявших в народных низах почву соглашателей, нет выхода из того тупика, в который загнала революцию дряблость мещанской демократии. К тому моменту, когда Демократический Совет, пополненный цензовыми элементами, превратился в Предпарламент, в нашей партии уже назрела готовность порвать с этим учреждением.

Социалисты-революционеры и меньшевики

Перед нами стоял вопрос, последуют ли за нами на этом пути левые социалисты-революционеры. Эта группа находилась в процессе образования, причем процесс этот развивался, на наш партийный масштаб, слишком медленно и нерешительно. В начале революции партия с.-р. оказалась господствующей на всем поле политической жизни. Крестьяне, солдаты, даже рабочие в массе своей голосовали за социалистов-революционеров. Сама

партия не ожидала ничего подобного, и не раз казалось, что ей грозит опасность захлебнуться в волнах собственного успеха. За вычетом чисто капиталистических и помещичьих групп и цензовых элементов, все и вся голосовали за партию революционных народников. Это отвечало начальной стадии революции, когда классовые грани не успели обнаружиться, когда стремления так называемого единого революционного фронта находили свое выражение в расплывчатой программе партии, которая готова была дать одинаково приют и рабочему, боявшемуся оторваться от крестьянина, и крестьянину, искавшему землю и волю, и интеллигенту, который стремился руководить обоими, и чиновнику, который пытался приспособиться к новому строю.

Когда Керенский, который в эпоху царизма числился трудовиком, перешел после победы революции в партию социалистов-революционеров, популярность ее стала возрастать, по мере того как сам Керенский восходил по ступеням власти. Из почтительности, не всегда платонической, к военному министру многие полковники и генералы спешили записываться в партию недавних террористов. Старые с.-р., революционного закала, уже тогда с некоторым беспокойством взирали на все увеличивающееся число «мартовских» социалистов-революционеров, т.-е. таких членов партии, которые открыли в себе революционную народническую душу лишь в марте—после того как революция низвергла старый режим и поставила революционных народников во главе власти. Таким образом, эта партия в рамках своей бесформенности включала не только внутренние противоречия развивавшейся революции, но и предрассудки отсталости крестьянских масс, сентиментализм, неустойчивость и карьеризм интеллигентских слоев. Было совершенно ясно, что партия в таком виде долго продержаться не может. В идейном смысле она оказалась беспомощной с самого начала.

Политически руководящая роль принадлежала меньшевикам, которые прошли чрез школу марксизма и извлекли из нее некоторые приемы и навыки, помогавшие им ориентироваться в политической ситуации настолько, чтобы «научно» фальсифицировать смысл совершающейся классовой борьбы и в наивысшей, при данных условиях, степени обеспечивать гегемонию либеральной буржуазии. Поэтому-то меньшевики, прямые адвокаты прав буржуазии на власть, израсходовали себя так быстро и ко времени октябрьского переворота почти окончательно сошли на нет.

С.-р. также все больше и больше утрачивали влияние — сперва среди рабочих, затем в армии, под конец и в деревне. Но они оставались ко времени октябрьского переворота численно еще очень могущественной партией. Однако классовые противоречия подтачивали их извнутри. В противовес правому крылу, которое в лице своих наиболее шовинистических элементов, как Авксентьев, Брешко-Брешковская, Савинков и др., окончательно перешло в лагерь контр-революции, складывалось левое крыло, которое стремилось сохранить связь с трудящимися массами. Если учесть тот факт, что социалист-революционер Авксентьев в качестве министра внутренних дел арестовывал за самовольное разрешение аграрного вопроса крестьянские земельные комитеты, состоявшие из социалистов-революционеров, то амплитуда «разногласий» внутри этой партии станет для нас достаточно ясной.

В центре стоял традиционный вождь партии Чернов. Опытный писатель, начитанный в социалистической литературе, набивший руку во фракционной борьбе, он неизменно оставался во главе партии в ту эпоху, когда партийная жизнь концентрировалась в эмигрантских заграничных кружках. Революция, которая первой своей неразборчивой волной подняла партию с.-р. на огромную высоту, автоматически подняла и Чернова, но только для того, чтобы обнаружить полную его беспомощность даже в ряду руководящих политических деятелей первого периода. Те маленькие средства, которые обеспечивали Чернову перевес в заграничных народнических кружках, оказались слишком легковесными на весах революции. Он сосредоточился на том, чтобы не принимать никаких ответственных решений, уклоняться во всех критических случаях, выжидать и воздерживаться. Такого рода тактика обеспечивала за ним до поры до времени положение центра между все дальше расходившимися флангами. Но сохранить надолго единство партии не было уже никакой возможности. Савинков, бывший террорист, участвовал в заговоре Корнилова, находился в трогательном единении с контр-революционными кругами казачьего офицерства и подготовлял разгром петроградских рабочих и солдат, в среде которых было немало левых с.-р. В качестве жертвы левому крылу, центр исключил из партии Савинкова, но на Керенского не решался поднять руку. В Предпарламенте партия обнаружила величайший разброд: три группировки выступали

самостоятельно, хотя и под знаменем одной и той же партии; при этом ни одна из группировок не знала точно, чего хочет. Формальное господство этой «партии» в Учредительном Собрании означало бы только продолжение политической прострации.

Выход из Предпарламента. Голос фронта

Прежде чем выйти из состава Предпарламента, где на нашу долю, по политической статистике Керенского и Церетели, причиталось около полусотни мест, мы устроили совещание с группой левых с.-р. Они отказались следовать за нами, ссылаясь на то, что им еще необходимо на практике обнаружить перед крестьянством несостоятельность Предпарламента. «Мы считаем нужным предупредить вас,—сказал один из руководителей левых с.-р., —если вы хотите выйти из Предпарламента, чтобы сейчас же выступить на улицу для открытой борьбы, мы за вами не пойдем». Буржуазно-соглашательская печать обвинила нас в том, что мы стремимся сорвать Предпарламент именно для того чтобы создать революционную ситуацию. На собрании нашей фракции в Предпарламенте было решено не дожидаться левых с.-р., а действовать самостоятельно. Оглашенная с трибуны Предпарламента декларация нашей партии, объяснявшая, почему мы порываем с этим учреждением, встречена была воем ненависти бессилия со стороны группировок большинства. В Петроградском Совете депутатов, где наш выход из Предпарламента был одобрен подавляющим большинством, лидер маленькой группки меньшевиков-«интернационалистов» Мартов разъяснял нам, что выход из Временного Совета Республики (таково было официальное название этого малопочтенного учреждения) имел бы смысл в том только случае, если бы мы предполагали перейти немедленно в открытое наступление. Но дело в том, что мы это-то именно и предполагали. Прокуроры либеральной буржуазии были правы, когда обвиняли нас в том, что мы стремимся создать революционную ситуацию. В открытом восстании и прямом захвате власти мы видели единственный выход из положения.

Опять, как в июльские дни, печать и все другие органы так называемого общественного мнения были мобилизованы против нас. Из июльских арсеналов было извлечено наиболее отравленное оружие, которое было временно сдано туда после корнилов-

ских дней. Тщетные усилия! Масса приливала к нам неотразимо, и настроение ее повышалось с часу на час. Из окопов приходили делегаты. «До каких же пор,—говорили они на заседаниях Петроградского Совета,—будет тянуться это невыносимое положение? Солдаты приказали нам заявить вам: если до первого ноября не будет сделано решительных шагов к миру, окопы опустеют, вся армия бросится в тыл». Такое решение действительно широко распространялось на фронте. Солдаты передавали там из одной части в другую самодельные прокламации, в которых призывали не оставаться в окопах дольше, как до первого снега. «Вы забыли о нас!—восклицали окопные ходоки на заседаниях Совета.—Если вы не находите выхода из положения, мы сюда придем сами и штыками разгоним наших врагов, но и вас вместе с ними». Петроградский Совет в течение нескольких недель стал центром притяжения для всей армии. Его резолюции, после смены в нем руководящего направления и переизбрания президиума, внушали истощенным и отчаявшимся войскам на фронте надежду на то, что выход из положения может быть практически найден на пути, предлагавшемся большевиками: опубликование тайных договоров и предложение немедленного перемирия на всех фронтах. «Вы говорите, что власть должна перейти в руки Советов,—берите же ее в ваши руки. Вы опасаетесь, что фронт не поддержит вас. Отбросьте всякие сомнения, солдатская масса в подавляющем большинстве за вас».

Тем временем конфликт по вопросу о выводе гарнизона развертывался далее. Почти ежедневно собиралось гарнизонное совещание из ротных, полковых и командных комитетов. Влияние нашей партии в гарнизоне утвердилось окончательно и безраздельно. Штаб Петроградского округа находился в состоянии крайней растерянности. Он то пытался вступить с нами в правильные отношения, то, подбиваемый руководителями Центрального Исполнительного Комитета, угрожал нам репрессиями.

Комиссары Военно-Революционного Комитета

Выше уже было сказано об организации при Петроградском Совете Военно-Революционного Комитета, который, по замыслу, должен был являться фактически советским штабом петроградского гарнизона в противовес штабу Керенского.—Но существование двух штабов недопустимо,—доктринерски поучали нас

представители соглашательских партий.—Допустимо ли, однако, такое положение, при котором гарнизон не доверяет официальному штабу и опасается, что вывод солдат из Петрограда продиктован новым контр-революционным замыслом?—возражали мы.—Создание второго штаба означает восстание,—отвечали нам справа.—Ваш Военно-Революционный Комитет будет иметь своей задачей не столько проверку оперативных намерений и распоряжений военных властей, сколько подготовку и проведение восстания против нынешнего правительства.—Это возражение было справедливо. Но именно поэтому оно никого не пугало. Необходимость ниспровержения коалиционной власти сознавалась подавляющим большинством Совета. Чем обстоятельнее меньшевики и социалисты-революционеры доказывали, что Военно-Революционный Комитет неизбежно превратится в орган восстания, тем с большей готовностью Петроградский Совет поддерживал новый боевой орган.

Первым делом Военно-Революционного Комитета было назначение комиссаров во все части петроградского гарнизона и во все важнейшие учреждения столицы и окрестностей. Мы получали с разных сторон сообщения о том, что правительство или, вернее, правительственные партии деятельно организуют и вооружают свои силы. Из разных складов оружия, государственных и частных, извлекались винтовки, револьверы, пулеметы, патроны для вооружения юнкеров, студентов и вообще буржуазной молодежи. Необходимо было принять немедленные предупредительные меры. Во все склады и магазины оружия были назначены комиссары. Они почти без сопротивления овладели положением. Правда, коменданты и владельцы складов пытались не признавать их, но достаточно было обратиться к комитету солдат или служащих каждого учреждения, чтобы сопротивление оказывалось немедленно сломленным. Оружие выдавалось далее только по ордерам наших комиссаров.

Полки петроградского гарнизона имели и раньше своих комиссаров, но эти последние назначались Центральным Исполнительным Комитетом. Мы уже говорили выше, что после июньского Съезда Советов и особенно после демонстрации 18 июня, обнаружившей все возрастающую силу большевиков, соглашательские партии почти совершенно устранили Петроградский Совет от практического влияния на ход событий в революционной столице. Руководство петроградским гарнизоном сосредо-

точивалось в руках Центрального Исполнительного Комитета. Теперь задача состояла в том, чтобы всюду провести комиссаров Петроградского Совета. Это было достигнуто при самом энергичном содействии солдатских масс. Полк за полком заявлял в заключение митингов, где выступали ораторы разных партий, что будет признавать только комиссаров Петроградского Совета и без его решения не сделает шагу.

В назначении этих комиссаров крупную роль играла военная организация большевиков [225]). До июльских дней она развернула широкую агитационную работу. 5 июля баталион самокатчиков, введенный Керенским в Петроград, разгромил особняк Кшесинской, где помещалась военная организация нашей партии. Большинство руководителей ее и многие рядовые члены были арестованы, издания закрыты, типография разгромлена. Только постепенно организация снова стала налаживать свой аппарат, на этот раз конспиративно. Она включала в свой состав в численном отношении лишь очень незначительную часть петроградского гарнизона,—всего несколько сот человек. Но в их среде было много решительных и беззаветно преданных революции солдат и молодых офицеров, преимущественно прапорщиков, прошедших в июле и августе чрез тюрьмы Керенского. Все они поставили себя в распоряжение Военно-Революционного Комитета и назначались на самые ответственные и боевые посты.

Не лишним, однако, будет отметить, что именно члены военной организации нашей партии с чрезвычайной осторожностью и даже с некоторым скептицизмом относились в октябре к идее немедленного восстания. Замкнутый характер организации и ее официально военный состав невольно склоняли руководителей ее к переоценке чисто технических и организационных средств восстания,—а под этим углом зрения мы были, несомненно, слабы. Наша сила была — в революционном подъеме массы и в ее готовности бороться под нашим знаменем.

Нарастание прилива

Наряду с организационной работой шла бурная агитация. Это был период непрерывных митингов на заводах, в цирках «Модерн» и Чинизелли, в клубах, в казармах. Атмосфера всех митингов и собраний была насыщена электричеством. Каждое

упоминание о восстании встречалось бурей аплодисментов и кликами восторга. Буржуазная печать усугубляла настроение всеобщей тревоги. Подписанный мною ордер Сестрорецкому оружейному заводу о выдаче 5 тысяч винтовок Красной Гвардии вызвал неописуемую панику в буржуазных кругах. Повсюду говорили и писали о подготовляющейся всеобщей резне. Это, разумеется, нисколько не помешало рабочим Сестрорецкого оружейного завода выдать оружие красногвардейцам. Чем более неистово клеветала и травила нас буржуазная печать, тем горячее откликались на наш голос массы. Становилось все яснее для обеих сторон, что кризис должен разрешиться в течение ближайших дней. Печать социалистов-революционеров и меньшевиков била тревогу: «Революция в величайшей опасности. Готовится повторение июльских дней,—но на более широкой основе и потому еще более гибельное по своим последствиям»... Горький в своей «Новой Жизни» ежедневно пророчествовал приближающееся крушение всей культуры [226]). Вообще социалистическая окраска с поразительной быстротой сползала с сознания буржуазной интеллигенции при приближении сурового режима рабочей диктатуры.

Зато солдаты даже наиболее отсталых полков восторженно приветствовали комиссаров Военно-Революционного Комитета. От казачьих частей и от социалистического меньшинства юнкеров к нам приходили делегаты. Они обещали в случае открытого столкновения обеспечить, по крайней мере, нейтралитет своих частей. Правительство Керенского явно повисало в воздухе.

Штаб округа вступил с нами в сношения и предложил компромисс. Чтобы выяснить себе силу сопротивления врага, мы вступили в переговоры. Но штаб нервничал, то увещевал, то грозил и даже объявил наших комиссаров недействительными, что, впрочем, нисколько не отразилось на их работе. Центральный Исполнительный Комитет по соглашению со штабом назначил главным комиссаром по Петроградскому военному округу штабс-капитана Малевского и изъявил великодушное согласие признать наших комиссаров—под условием их подчинения главному комиссару. Предложение было отвергнуто, и переговоры прервались. Видные меньшевики и социалисты-революционеры приходили к нам в качестве посредников, убеждали, грозили и предрекали нашу гибель и гибель революции.

„День Петроградского Совета"

Здание Смольного находилось в этот период уже всецело в распоряжении Петроградского Совета и нашей партии. Меньшевики и правые с.-р. перенесли свою политическую деятельность в Мариинский дворец, где едва родившийся Предпарламент доживал свои последние дни. Керенский выступил в Предпарламенте с большой речью, в которой, под бурные аплодисменты буржуазного крыла, пытался за крикливыми угрозами скрыть свое бессилие. Штаб сделал последнюю попытку сопротивления. Он разослал всем частям гарнизона приглашение прислать по два делегата от каждой части для переговоров о выводе войск из столицы. Совещание было назначено на час дня 22 октября. Из полков нам немедленно дали знать об этом приглашении. По телефону мы созвали гарнизонное совещание на 11 часов утра. Часть делегатов все же попала в штаб, но только для того, чтобы заявить, что без решения Петроградского Совета они не двинутся никуда. Гарнизонное совещание почти единогласно подтвердило свою верность Военно-Революционному Комитету. Возражения исходили только от официальных представителей прежних советских партий, но не находили никакого отклика в делегатах полков. Попытка штаба только ярче обнаружила, что у нас под ногами твердая почва. В первом ряду стоял Волынский полк, тот самый, который ночью 4 июля, под звуки своего оркестра, вступил в Таврический дворец для усмирения большевиков.

Центральный Исполнительный Комитет, как уже упоминалось выше, держал в своих руках кассу Петроградского Совета и его издания. Попытка получить хотя бы одно из этих изданий не привела ни к чему. С конца сентября мы предпринимали ряд шагов к тому, чтобы создать самостоятельную газету Петроградского Совета. Но все типографии были заняты, а собственники их бойкотировали нас при поддержке Центрального Исполнительного Комитета. Решено было устроить «День Петроградского Совета» в целях развития широкой агитации и сбора денежных средств на постановку газеты. Этот день, недели за две, был назначен на 22 октября и, стало быть, попал в момент открыто развивавшегося восстания.

Враждебная пресса с полной уверенностью сообщала, что 22 октября произойдет вооруженное восстание большевиков на улицах Петрограда. Что восстание произойдет, в этом не сомне-

вался никто. Пытались только определить, когда именно,—гадали, предсказывали, стараясь таким путем вынудить с нашей стороны опровержение или признание. Но Совет спокойно и уверенно шел вперед, не откликаясь на вой буржуазного общественного мнения. День 22 октября стал днем смотра сил пролетарской армии. Он во всех отношениях прошел прекрасно. Несмотря на шедшие справа предупреждения о том, что на улицах Петрограда будет литься рекою кровь, народные массы валом валили на митинги Петроградского Совета. Все ораторские силы были приведены в движение. Все общественные помещения были заполнены. Митинги шли непрерывно в течение ряда часов. Выступали ораторы нашей партии, съезжавшиеся на Советский Съезд делегаты, представители с фронта, левые с.-р. и анархисты. Общественные здания были затоплены волнами рабочих, солдат и матросов. Таких собраний было немного в Петрограде даже за время революции. Всколыхнулась значительная масса мелкого мещанства, не столько запуганная, сколько взбудораженная криками, предостережениями и травлей буржуазной прессы. Десятки тысяч народа омывали волнами здание Народного Дома, перекатывались по коридорам, заполняли залы. На железных колонках висели огромные гирлянды человеческих голов, ног, рук, как гроздья винограда. В воздухе царило то электрическое напряжение, которое знаменует наиболее критические моменты революции. «Долой правительство Керенского! Долой войну! Вся власть Советам!» Никто из среды прежних советских партий уже не решался выступать перед этими колоссальными толпами со словом возражения. Петроградский Совет господствовал безраздельно. Кампания была уже, в сущности, выиграна. Оставалось нанести призрачной власти последний военный удар.

Завоевание колеблющихся частей

Наиболее осторожные в нашей собственной среде передавали, что имеются еще части, которые не за нас: казаки, кавалерийский полк, семеновцы, самокатчики. В эти части назначены были комиссары и агитаторы. Их отчеты звучали вполне удовлетворительно; накаленная атмосфера захватывала всех и все, и самые консервативные элементы армии лишились возможности противостоять общему направлению петроградского гарнизона. В Семеновском полку, который считался опорой правительства Ке-

ренского, я был на митинге, происходившем под открытым небом. Туда явились виднейшие ораторы правого крыла. Они цеплялись за консервативный гвардейский полк, как за последний устой коалиционной власти. Ничто не помогало. Полк высказался подавляющим большинством голосов за нас и не дал бывшим министрам возможности закончить свои речи. Те группы, которые еще противодействовали лозунгам Совета, составлялись преимущественно из офицеров, вольноопределяющихся, вообще из буржуазной интеллигенции и полуинтеллигенции. Рабочие и крестьянские массы были целиком за нас. Разграничение происходило отчетливой социальной линией.

Центральной военной базой Петрограда является Петропавловская крепость. Мы назначили туда комендантом молодого прапорщика [227]. Он оказался как нельзя более на месте и в несколько часов завладел положением. Законные власти крепости выжидательно отошли к стороне. Ненадежным для нас элементом считались самокатчики, которые в июле разгромили военную организацию нашей партии во дворце Кшесинской и заняли тогда же самый дворец. 23-го я поехал в крепость около двух часов дня. Во дворе шел митинг. Ораторы правого крыла были в высшей степени осторожны и уклончивы, тщательно обходя вопрос о Керенском, имя которого в среде солдат вызывало неизбежные крики протеста и возмущения. Нас слушали и за нами шли. Часа в четыре самокатчики собрались по соседству, в цирке «Модерн», на батальонное собрание. В числе ораторов выступал там и генерал-квартирмейстер Пораделов. Он говорил с чрезвычайной осторожностью. Далеко позади остались те дни, когда официальные и официозные ораторы говорили о рабочей партии не иначе, как о банде изменников и наемников германского кайзера. Помощник начальника штаба подошел ко мне: «Помилуйте, нужно какое-нибудь соглашение»... Но было уже поздно. Батальон против 30 голосов высказался после прений за переход власти к Советам.

Начало восстания

Правительство Керенского металось из стороны в сторону. Вызвали с фронта два новых батальона самокатчиков, зенитную батарею, пытались вызвать кавалерийские части... Самокатчики прислали Петроградскому Совету телеграмму с пути: «нас ведут

в Петроград, не знаем зачем, просим разъяснений». Мы предписали им остановиться и выслать делегацию в Петроград. Представители прибыли и заявили на заседании Совета, что батальон целиком на нашей стороне. Это вызвало бурю восторга. Батальону предписано было немедленно вступить в город.

Число делегатов с фронта возрастало каждый день. Они приходили осведомляться о положении дел, собирали нашу литературу и отправлялись разносить по фронту вести о том, что Петроградский Совет ведет борьбу за власть рабочих, солдат и крестьян. «Окопы вас поддержат»,—говорили они нам. Старые армейские комитеты, не переизбиравшиеся в течение 4—5 месяцев, посылали нам угрожающие телеграммы, которые никого не пугали: мы знали, что комитеты оторваны от солдатской массы не меньше, чем Центральный Исполнительный Комитет—от местных Советов.

Военно-Революционный Комитет назначил комиссаров на все вокзалы. Они тщательно следили за прибывающими и уходящими поездами и особенно за передвижением солдат. Установлена была непрерывная телефонная и автомобильная связь со смежными городами и их гарнизонами. На все примыкающие к Петрограду Советы была возложена обязанность тщательно следить за тем, чтобы в столицу не приходили контр-революционные или, вернее, обманутые правительством войска. Низшие вокзальные служащие и рабочие признавали наших комиссаров немедленно. На телефонной станции 24-го возникли затруднения: нас перестали соединять. На станции укрепились юнкера, и под их прикрытием телефонистки стали в оппозицию к Совету. Это—первое проявление будущего саботажа. Военно-Революционный Комитет послал на телефонную станцию отряд и установил у входа две небольшие пушки. Так началось завладение всеми органами управления. Матросы и красногвардейцы небольшими отрядами располагались на телеграфе, на почте и в других учреждениях. Были приняты меры к тому, чтобы завладеть Государственным банком. Правительственный центр, Смольный, был превращен в крепость. На чердаке его имелось, еще как наследство от старого Центрального Комитета, десятка два пулеметов, но за ними не было ухода, прислуга при пулеметах опустилась. Нами вызван был в Смольный дополнительный пулеметный отряд. Рано утром по каменным полам длинных и полутемных коридоров Смольного солдаты с грохотом катили свои пулеметы. Из дверей высовывались недо-

умевающие или испуганные лица остававшихся еще в Смольном немногочисленных с.-р. и меньшевиков.

Совет собирался в Смольном ежедневно, точно так же и гарнизонное совещание.

На третьем этаже Смольного, в небольшой угловой комнате, непрерывно заседал Военно-Революционный Комитет. Там сосредоточивались все сведения о передвижении войск, о настроении солдат и рабочих, об агитации в казармах, о выступлении погромщиков, о совещании буржуазных политиков, о жизни Зимнего дворца, о замыслах прежних советских партий. Осведомители являлись со всех сторон. Приходили рабочие, офицеры, дворники, социалистические юнкера, прислуга, дамы. Многие приносили чистейший вздор; другие давали серьезные и ценные указания. Надвигалась решительная минута. Было ясно, что назад возврата нет.

24 октября вечером Керенский явился в Предпарламент и потребовал одобрения репрессивным мерам против большевиков [228]). Но Предпарламент находился в состоянии жалкой растерянности и полного распада. Кадеты склоняли правых с.-р. принять резолюцию доверия, правые с.-р. давили на центр, центр колебался, «левое» крыло вело политику парламентской оппозиции. После совещаний, споров, колебаний прошла резолюция левого крыла, в которой осуждалось мятежное движение Совета, но ответственность за движение возлагалась на антидемократическую политику правительства. Почта ежедневно приносила десятки писем, в которых мы извещались о смертных приговорах, вынесенных против нас, об адских машинах, о предстоящем взрыве Смольного и пр., и пр. Буржуазная печать дико выла от ненависти и страха. Горький, основательно забывший свою песню о соколе, продолжал пророчествовать в «Новой Жизни» о близком светопреставлении.

Члены Военно-Революционного Комитета уже не покидали в течение последней недели Смольного, ночевали на диванах, спали урывками, пробуждаемые курьерами, разведчиками, самокатчиками, телеграфистами и телефонными звонками. Самой тревожной была ночь с 24-го на 25-ое. По телефону нам сообщили из Павловска, что правительство вызывает оттуда артиллеристов, из Петергофа—школу прапорщиков. В Зимний дворец Керенским были стянуты юнкера, офицеры и ударницы. Мы отдали по телефону распоряжение выставить на всех путях к Петрограду надежные военные заслоны и послать агитаторов навстречу вы-

званным правительством частям. Если не удержать словами—пустить в ход оружие. Все переговоры велись по телефону совершенно открыто и были, следовательно, доступны агентам правительства.

Комиссары сообщали нам по телефону, что на всех подступах к Петрограду бодрствовали наши друзья. Часть ораниенбаумских юнкеров пробралась все же ночью через заслон, и мы следили по телефону за их дальнейшим движением. Наружный караул Смольного усилили, вызвав новую роту. Связь со всеми частями гарнизона оставалась непрерывной. Дежурные роты бодрствовали во всех полках. Делегаты от каждой части находились днем и ночью в распоряжении Военно-Революционного Комитета. Был отдан приказ решительно подавлять черносотенную агитацию и при первой попытке уличных погромов пустить в ход оружие и действовать беспощадно.

В течение этой решающей ночи все важнейшие пункты города перешли в наши руки—почти без сопротивления, без боя, без жертв. Государственный банк охранялся правительственным караулом и броневиком. Здание было окружено со всех сторон нашим отрядом, броневик был захвачен врасплох, и банк перешел в руки Военно-Революционного Комитета без единого выстрела. На Неве, под Франко-Русским заводом, стоял крейсер «Аврора», находившийся в ремонте. Его экипаж весь состоял из беззаветно преданных революции матросов. Когда Корнилов угрожал в конце августа Петрограду, матросы «Авроры» были призваны правительством охранять Зимний дворец. И хотя они уже тогда относились с глубочайшей враждой к правительству Керенского, они поняли свой долг—дать отпор натиску контр-революции—и без возражений заняли посты. Когда опасность прошла, их устранили. Теперь, в дни октябрьского восстания, они были слишком опасны. «Авроре» отдан был из морского министерства приказ сняться и выйти из вод Петрограда. Экипаж немедленно сообщил нам об этом. Мы отменили приказ, и крейсер остался на месте, готовый в любой момент привести в движение все свои боевые силы во имя Советской власти.

Решающий день

На рассвете 25 октября в Смольный явились из партийной типографии рабочий и работница и сообщили, что правительство закрыло центральный орган нашей партии и новую газету Ге-

троградского Совета. Типография была опечатана какими-то агентами власти. Военно-Революционный Комитет немедленно отменил приказ, взял под свою защиту оба издания и возложил «высокую честь охранять свободное социалистическое слово от контрреволюционных покушений на доблестный Волынский полк» [229]). Типография работала после этого без перерыва, и обе газеты вышли в положенный час.

Правительство попрежнему заседало в Зимнем дворце, но оно уже стало только тенью самого себя. Политически оно уже не существовало. Зимний дворец в течение 25 октября постепенно оцеплялся нашими войсками со всех сторон. В час дня я заявил на заседании Петроградского Совета от имени Военно-Революционного Комитета, что правительство Керенского больше не существует и что, впредь до решения Всероссийского Съезда Советов, — власть переходит в руки Военно-Революционного Комитета [230]).

Ленин уже несколько дней перед тем покинул Финляндию и скрывался на окраинах города в рабочих квартирах. 25-го вечером он конспиративно прибыл в Смольный. По газетным сведениям положение рисовалось ему так, как будто между нами и правительством Керенского дело идет к временному компромиссу. Буржуазная пресса так много кричала о близком восстании, о выступлении вооруженных солдат на улице, о разгромах, о неизбежных реках крови, что теперь она не заметила того восстания, которое происходило на деле, и принимала переговоры штаба с нами за чистую монету. Тем временем без хаоса, без уличных столкновений, без стрельбы и кровопролития одно учреждение за другим захватывалось стройными и дисциплинированными отрядами солдат и матросов и красногвардейцев по точным телефонным приказам, исходившим из маленькой комнаты в третьем этаже Смольного Института.

Вечером происходило предварительное заседание второго Всероссийского Съезда Советов. Докладчиком от имени Центрального Исполнительного Комитета выступил Дан. Он произнес обвинительную речь против бунтарей, захватчиков, мятежников и пытался запугать Съезд неизбежным крахом восстания, которое де на-днях будет подавлено силами фронта. Его речь звучала неубедительно и неуместно в стенах зала, где подавляющее большинство делегатов с восторгом наблюдало за ходом победоносного петроградского восстания.

Зимний дворец был к этому моменту окружен, но еще не взят. Время от времени из окон его стреляли по осаждавшим, которые сужали свое кольцо медленно и осторожно. Из Петропавловской крепости было дано по дворцу два-три орудийных выстрела. Отдаленный гул их доносился до стен Смольного. Мартов с беспомощным негодованием говорил с трибуны Съезда о гражданской войне и, в частности, об осаде Зимнего, где в числе министров находились—о, ужас!—члены партии меньшевиков. Против него выступили два матроса, которые явились для сообщений с места борьбы. Они напомнили обличителям о наступлении 18 июня, обо всей предательской политике старой власти, о восстановлении смертной казни для солдат, об арестах, разгромах революционных организаций и клялись победить или умереть. Они же принесли весть о первых жертвах с нашей стороны на Дворцовой площади. Все поднялись, точно по невидимому сигналу, и с единодушием, которое создается только высоким нравственным напряжением, пропели похоронный марш. Кто пережил эту минуту, тот не забудет ее.

Заседание нарушилось. Невозможно было теоретически обсуждать вопрос о способах построения власти под долетавшие до нас отзвуки борьбы и стрельбы у стен Зимнего дворца, где практически решалась судьба этой самой власти. Взятие дворца, однако, затягивалось, и это вызвало колебание среди менее решительных элементов Съезда. Правое крыло через своих ораторов пророчествовало нам близкую гибель. Все с напряжением ждали вестей с Дворцовой площади. Через некоторое время явился руководивший операциями Антонов. В зале воцарилась полная тишина. Зимний дворец взят, Керенский бежал, остальные министры арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость. Первая глава Октябрьской Революции закончилась.

Правые социалисты-революционеры и меньшевики, в общем, человек шестьдесят, т.-е. около одной десятой части Съезда, с протестом покинули заседание. Так как им не оставалось ничего другого, то они «возлагали всю ответственность» за дальнейшее на большевиков и левых с.-р. Эти последние переживали колебания. Прошлое тесно связывало их с партией Чернова. Правое крыло этой партии совершенно сдвинулось на средне- и мелкобуржуазные элементы, на мещанскую интеллигенцию, на зажиточные слои деревни и во всех решающих вопросах шло рука об руку с либеральной буржуазией, против нас. Наиболее рево-

люционные элементы партии, отражавшие радикализм социальных требований беднейших крестьянских масс, тяготели к пролетариату и к его партии. Они боялись, однако, разрезать пуповину, которая связывала их со старой партией. Когда мы выходили из Предпарламента, они отказывались следовать за нами и предупреждали нас против «авантюры». Но восстание поставило их перед необходимостью выбора: за Советы или против Советов. Не без колебаний они собирали свои ряды по ту же сторону баррикады, где находились мы.

Образование Совета Народных Комиссаров

В Петрограде была одержана полная победа. Власть находилась целиком в руках Военно-Революционного Комитета. Мы издали первые декреты—об отмене смертной казни, перевыборах армейских комитетов и пр. Но тут же обнаружилось, что мы отрезаны от провинции. Верхи железнодорожных и почтово-телеграфных служащих были против нас. Армейские комитеты, думы, земства продолжали бомбардировать Смольный грозными телеграммами, в которых объявляли нам прямую войну и обещали смести мятежников в короткий срок. Наши телеграммы, декреты и объяснения не достигали провинции, так как Петроградское Телеграфное Агентство отказывалось нам служить. В этой атмосфере изолированности столицы от остальной страны легко рождались и распространялись тревожные и чудовищные слухи.

Убедившись, что Совет действительно оказался у власти, что старое правительство арестовано, а на улицах Петрограда господствуют вооруженные рабочие, буржуазная и соглашательская печать подняла кампанию поистине несравненного бешенства; не было той лжи и клеветы, которой она не мобилизовала бы против Военно-Революционного Комитета, его руководителей и его комиссаров.

Днем 26-го происходило заседание Петроградского Совета при участии делегатов Всероссийского Съезда, членов гарнизонного совещания и многочисленной партийной публики. Здесь впервые после почти четырех-месячного перерыва выступили Ленин и Зиновьев, встреченные бурными овациями. К радости по поводу одержанной победы примешивалась, однако, тревога по поводу того, как откликнется на переворот страна и удержат ли Советы власть...

Вечером происходило решающее заседание Съезда Советов. Ленин внес два декрета: о мире и о земле. Оба они были приняты после коротких прений единогласно. На этом же заседании была создана новая центральная власть в лице Совета Народных Комиссаров.

Центральный Комитет нашей партии сделал попытку достигнуть соглашения с левыми с.-р. Им было предложено принять участие в образовании Советской власти. Они колебались, ссылаясь на то, что, по их мысли, власть должна иметь коалиционный характер в пределах советских партий. Но меньшевики и правые с.-р. порвали связь со Съездом Советов, считая необходимой коалицию с анти-советскими партиями. Нам ничего не оставалось, как предоставить партии левых с.-р. убеждать своих соседей справа вернуться в лагерь революции; а пока они занимались этим безнадежным делом, мы считали себя обязанными взять ответственность за власть целиком на нашу партию. Список Народных Комиссаров был составлен исключительно из большевиков. В этом была несомненно известная политическая опасность: поворот оказывался слишком крутым,—достаточно, в самом деле, вспомнить, что вожди этой партии еще до вчерашнего дня стояли под знаком обвинения по 108 статье, т.-е. в государственной измене. Но иного выбора не было. Другие советские группы колебались и уклонялись, предпочитая занять выжидательную позицию. В конце концов, мы не сомневались в том, что только наша партия способна создать революционную власть.

Первые дни нового режима

Декреты о земле и о мире, утвержденные Съездом, печатались в огромных количествах и через делегатов с фронта, через приезжавших из деревень крестьянских ходоков, через агитаторов, которых мы отправляли в провинцию и в окопы, распространялись по всей стране. Одновременно шла работа по организации и вооружению Красной Гвардии. Вместе с старым гарнизоном и матросами она несла тяжелую караульную службу. Совет Народных Комиссаров завладевал одним правительственным учреждением за другим, но всюду наталкивался на пассивное сопротивление высшего и среднего чиновничества. Прежние советские партии прилагали все усилия к тому, чтобы найти в этом слое

опору и организовать саботаж новой власти. Наши враги были уверены, что дело идет об эпизоде, что завтра-послезавтра, через неделю, Советская власть будет сброшена... В Смольном появились первые иностранные консулы и члены посольств, движимые столько же текущими деловыми потребностями, сколько любопытством. Корреспонденты спешили туда со своими записными книжками и фотографическими аппаратами. Все торопились посмотреть, как выглядит новая власть, ибо были уверены, что через день-два будет уже поздно.

В городе царил полный порядок. Матросы, солдаты, красногвардейцы держали себя в эти первые дни с превосходной дисциплиной и поддерживали режим сурового революционного порядка.

В лагере врагов начинались опасения, как бы «эпизод» не затянулся слишком долго, и вместе с тем наспех создавалась первая организация наступления на новую власть. Инициатива принадлежала с.-р. и меньшевикам. В прошлый период они не хотели и не смели брать в свои руки всю власть. В соответствии со своим промежуточным политическим положением они удовлетворялись тем, что состояли в составе коалиционной власти в качестве помощников, критиков, доброжелательных обличителей и защитников буржуазии. Во время всех выборов они добросовестно предавали либеральную буржуазию анафеме, а в правительстве столь же исправно объединялись с нею. За первые шесть месяцев революции они успели в результате этой политики окончательно утерять доверие народных масс и армии, а теперь ударом октябрьского восстания они отбрасывались от государственного аппарата. Между тем еще вчера они считали себя хозяевами положения. Преследуемые ими вожди большевиков жили нелегально, скрываясь, как при царизме. Сегодня большевики завладели властью. А вчерашние министры-соглашатели и их сотрудники оказались отброшенными в сторону и сразу лишились какого бы то ни было влияния на дальнейшее течение событий. Они не хотели и не могли верить в то, что этот крутой поворот означает начало новой эпохи. Они хотели и заставляли себя думать, что тут — случайность, недоразумение, которое можно устранить несколькими энергичными речами и обличительными статьями. Но с каждым часом они наталкивались на все более непреодолимые препятствия. Отсюда их слепая, поистине бешеная ненависть.

Буржуазные политики, разумеется, не решались итти в огонь. Они проталкивали вперед с.-р. и меньшевиков, которые в

борьбе против нас обрели всю ту энергию, какой им не хватало в тот период, когда они были партией полувласти. В их органах распространялись наиболее чудовищные слухи и клеветы. От их имени исходили прокламации, заключавшие в себе прямые призывы к разгрому новой власти. Они же организовывали чиновников для саботажа, юнкеров — для военных выступлений.

27-го и 28-го мы продолжали получать от армейских комитетов, городских дум, земств, от организаций Викжеля (руководящего учреждения железнодорожного союза) непрерывные угрозы по телеграфу. На Невском, главной артерии столичной буржуазии, становилось все более оживленно. Буржуазная молодежь выходила из оцепенения и, подталкиваемая прессой, развертывала на Невском все более широкую агитацию против Советской власти. При помощи буржуазной толпы юнкера разоружали отдельных красногвардейцев. На более глухих улицах красногвардейцев и матросов пристреливали. Группа юнкеров захватила телефонную станцию, были сделаны, с той же стороны, попытки захватить телеграф, почту; наконец, нам донесли о том, что три броневика попали в руки какой-то враждебной нам военной организации. Буржуазные элементы явно поднимали голову. В газетах провозвещалось, что мы доживаем последние часы. Наши люди перехватили несколько секретных приказов, из которых было ясно, что против Петроградского Совета создана боевая организация, в центре которой стоял так называемый Комитет защиты революции[231]), созданный городской думой и Центральным Исполнительным Комитетом старого состава. И там, и здесь господствовали правые с.-р. и меньшевики. В распоряжение этого Комитета поставляли себя юнкера, студенты и многие контрреволюционные офицеры, стремившиеся из-за спины соглашателей нанести Советам смертельный удар.

Восстание юнкеров 29 октября

Опорными пунктами контр-революционной организации служили юнкерские училища и Инженерный замок, где было сосредоточено довольно много оружия и боевых запасов и откуда делались налеты на учреждения революционной власти.

Отряды красногвардейцев и матросов окружали юнкерские училища, посылая туда парламентеров, предлагали выдать ору-

жие. Оттуда отвечали выстрелами. Осаждавшие топтались на месте, вокруг них собиралась публика, и нередко шальные пули из окон ранили прохожих. Стычки получали неопределенно-затяжной характер, и это грозило деморализацией революционных отрядов. Необходимо было принять самые решительные меры. Задача разоружения юнкеров была возложена на коменданта Петропавловской крепости, прапорщика Б.*). Он плотно окружил юнкерские училища, подтянул к ним броневики и артиллерию и, предъявив юнкерам ультиматум: сдаться—дал им десять минут на размышление. Из окон отвечали новыми выстрелами. По истечении 10 минут Б. приказал открыть артиллерийский огонь. Первые же выстрелы открыли в стенах училища зияющую брешь. Юнкера сдались, хотя многие пытались спастись бегством и, убегая, отстреливались. Создалось ожесточение, всегда сопровождающее гражданскую войну. Матросы учиняли, несомненно, жестокости над отдельными юнкерами. Буржуазная печать потом обвиняла матросов и Советскую власть в бесчеловечности и зверстве. Она молчала об одном: что переворот 25—26 октября произошел почти без выстрелов и без жертв, и что только контр-революционный заговор, организованный буржуазией и бросивший ее молодое поколение в огонь гражданской войны против рабочих, солдат и матросов, привел к неизбежным жестокостям и жертвам. День 29 октября создал резкий перелом в настроении петроградского населения. События приняли более трагический характер. Вместе с тем наши враги поняли, что дело обстоит гораздо серьезнее, чем они думали, и что Совет отнюдь не собирается отдавать завоеванную им власть по требованию капиталистических газет и юнкеров.

Очищение Петрограда от контр-революционных очагов шло очень напряженно. Юнкера были почти поголовно разоружены, участники восстания арестованы, заключены в Петропавловскую крепость или вывезены в Кронштадт. Издания, открыто призывающие к восстанию против Советской власти, были закрыты. Против некоторых из вождей прежних советских партий, имена которых значились под перехваченными контр-революционными приказами, были изданы распоряжения об аресте. Военное сопротивление в столице было окончательно сломлено.

На очередь встала длительная и изнурительная борьба с итальянской забастовкой чиновников, техников, служащих и пр.

---

*) Фамилия этого прапорщика — *Благонравов*. *Ред.*

Эти элементы, принадлежащие в значительной своей части по оплате труда к угнетенным классам народа, по условиям существования и по психологии примыкают к буржуазному обществу. Они верой и правдой служили государству и его учреждениям, когда во главе этого государства стоял царизм. Они продолжали служить государству, когда власть перешла в руки империалистической буржуазии. Они перешли в наследство со своими знаниями и техническими навыками к коалиционной власти в следующий период революции. Но когда восставшие рабочие, солдаты, крестьяне отбросили от государственного руля партии эксплоатирующих классов и попытались взять управление делами в свои собственные руки, тогда чиновники и служащие встали на дыбы и решительно отказали новой власти в какой бы то ни было поддержке. Чем дальше, тем шире развертывался этот саботаж, организаторами которого выступали преимущественно с.-р. и меньшевики и который питался за счет финансовых средств, доставлявшихся банками и союзными посольствами.

Движение Керенского на Петроград

Чем прочнее стояла Советская власть в Петрограде, тем больше буржуазные группы переносили свои надежды на военную помощь извне. Петроградское Телеграфное Агентство, железнодорожный телеграф, радиотелеграфная станция Царского Села приносили со всех концов вести о грандиозных силах, которые движутся на Петроград для того, чтобы покорить там мятежников и утвердить порядок. Керенский бежал на фронт, и буржуазные газеты сообщали, что он ведет оттуда против большевиков несметные войска. Мы были оторваны от страны, телеграф не хотел нам служить. Но солдаты, десятками, сотнями приходившие ежедневно по поручению своих полков, дивизий и корпусов, неизменно говорили нам: «не бойтесь фронта, он целиком за вас, отдайте только распоряжение—и мы отправим на помощь вам хоть сегодня же дивизию или корпус». В армии было то же, что и всюду: низы были за нас, верхи против нас. В руках у этих верхов был военно-технический аппарат. Отдельные части многомиллионной армии оказывались изолированными друг от друга. Мы были изолированы от армии и от всей страны. Тем не менее весть о Советской власти в Петрограде и об ее декретах неудержимо расходилась по стране и будила Советы к восстанию против старой власти.

Вести о движении Керенского во главе каких-то войск на Петроград вскоре уплотнились и приняли более определенные очертания. Из Царского Села нам сообщали о том, что через Лугу туда подошли казачьи эшелоны. По Петрограду распространилось воззвание, подписанное Керенским и генералом Красновым и призывавшее весь гарнизон присоединиться к правительственным войскам, которые в ближайшие часы вступят в Петроград [232]). Восстание юнкеров 29 октября находилось в несомненной связи с предприятием Керенского, но только слишком рано прорвалось наружу, вследствие решительных действий с нашей стороны. Царскосельскому гарнизону был отдан приказ: потребовать от подступающих казачьих частей признания Советской власти, а в случае отказа—разоружить их. Но гарнизон Царского Села оказался неприспособленным для боевых операций, у него не было артиллерии и не было руководителей: офицерство враждебно относилось к Советской власти. Казаки завладели радиотелеграфной станцией Царского Села, самой могущественной в стране, и продвигались дальше. Гарнизоны Петергофа, Красного Села, Гатчины не проявляли ни инициативы, ни решимости.

После почти бескровной победы в Петрограде у солдат создалась уверенность, что дело и дальше пойдет тем же путем: достаточно де послать к казакам агитатора, который объяснит им цели рабочей революции, и они сложат оружие. Путем речей и братания было преодолено контр-революционное восстание Корнилова. Путем агитации и планомерного захвата учреждений без боя—было сброшено правительство Керенского. Те же методы применялись руководителями Царскосельского, Красносельского и Гатчинского Советов против казаков генерала Краснова. Но здесь успеха не было. Без решительности и энтузиазма казаки продвигались, однако, вперед. Отдельные отряды проходили к Гатчине, к Красному Селу, вступали в стычку с немногочисленными отрядами местных гарнизонов, иногда разоружали их. О численности отрядов Керенского мы не имели сперва никакого представления. Одни говорили, что генерал Краснов ведет за собой десять тысяч человек, другие утверждали, что не больше тысячи, наконец, враждебные нам газеты и воззвания вершковыми буквами сообщали, что под Царским Селом сосредоточилось два корпуса.

В петроградском гарнизоне также царила атмосфера неуверенности; едва успели одержать бескровную победу, как приходи-

лось выступать против врага неизвестной численности для боев с неизвестным исходом. На гарнизонных совещаниях говорилось, главным образом, о необходимости послать новых и новых агитаторов и выпустить воззвания к казакам: солдатам казалось невозможным, чтобы казаки отказались встать на ту точку зрения, которую защищал в своей борьбе петроградский гарнизон. Между тем передовые казачьи группы продвинулись совсем близко к Петрограду, и мы готовились к тому, что главная борьба произойдет на улицах города.

Наибольшую решительность проявили красногвардейцы. Они требовали оружия, боевых припасов, руководства. Но в военном аппарате все было расстроено, разлажено, отчасти—от запустения, отчасти—злонамеренно. Офицеры отстранились, многие бежали, винтовки были в одном месте, патроны—в другом. Еще хуже обстояло дело с артиллерией. Орудия, лафеты, снаряды—все это находилось в разных местах, и все это приходилось разыскивать ощупью. У полков не оказалось в наличности ни саперных инструментов, ни полевых телефонов. Революционный штаб, который пытался наладить все это сверху, наталкивался на непреодолимые препятствия, прежде всего в виде саботажа военно-технического персонала.

Тогда мы решили обратиться непосредственно к рабочим массам. Мы изложили им, что завоевания революции находятся в величайшей опасности и что от них, от их энергии, инициативы и самоотвержения зависит спасти и укрепить режим рабочей и крестьянской власти. Это обращение почти сейчас же увенчалось огромным практическим успехом. Тысячи рабочих двинулись по направлению к войскам Керенского и занялись рытьем окопов. Рабочие орудийных заводов снаряжали пушки, сами добывали для них на складах снаряды, реквизировали лошадей, вывозили орудия на позиции, устанавливали их, организовывали интендантскую часть, добывали бензин, моторы, автомобили, реквизировали продовольственные запасы и фураж, поставили на ноги санитарный обоз,—словом, создали весь тот боевой аппарат, который мы тщетно пытались создать сверху из революционного штаба.

Когда на позициях появились десятки орудий, настроение наших солдат сразу изменилось; под защитой артиллерии они готовы были дать отпор натиску казаков. В первых линиях стояли матросы и красногвардейцы. Несколько офицеров, политически

чуждых нам, но честно связанных со своими полками, сопровождали своих солдат на позиции и руководили их действиями против казаков Краснова.

Крушение авантюры Керенского

Тем временем телеграммы разносили по всей стране и за-границей весть о том, что «авантюра» большевиков ликвидирована, Керенский вступил в Петроград и восстановляет железной рукой порядок. С другой стороны, в самом Петрограде буржуазная печать, ободренная близостью войск Керенского, писала о полном разложении в среде петроградского гарнизона, о неудержимом наступлении казаков, снабженных большим количеством артиллерии, и предрекала гибель Смольного. Главное наше затруднение состояло, как уже сказано, в отсутствии налаженного технического аппарата и людей, способных руководить военными действиями. Даже те офицеры, которые добросовестно сопровождали своих солдат на позиции, отказывались от поста главнокомандующего.

После продолжительных поисков мы остановились на следующей комбинации. Гарнизонное совещание избрало комиссию из пяти лиц, которой был поручен верховный контроль над всеми операциями против контр-революционных войск, двигавшихся на Петроград. Эта комиссия вошла затем в соглашение с полковником генерального штаба Муравьевым, который находился в оппозиции во время режима Керенского и теперь, по собственной инициативе, предложил свои услуги Советскому Правительству.

С Муравьевым мы выезжали холодной ночью 30 октября в автомобиле на позиции. По дороге тянулись обозы с провиантом, фуражом, боевыми припасами, артиллерией. Все это сделали рабочие разных заводов. Заставы из красногвардейцев несколько раз на пути останавливали наш автомобиль и проверяли пропускное свидетельство. С первых дней Октябрьской Революции все автомобили в городе были реквизированы и без свидетельства из Смольного ни один автомобиль не мог двигаться по улицам города или в окрестностях столицы. Бдительность красногвардейцев была выше всякой похвалы. Они выстаивали вокруг небольших костров часами с винтовками в руках, и вид этих молодых вооруженных рабочих у костров на снегу был лучшим символом пролетарской революции.

На позиции было установлено много орудий, не было недостатка в снарядах. Решающее столкновение разыгралось в этот именно день между Красным и Царским Селами. После жестокого артиллерийского боя казаки, которые подвигались вперед до тех пор, пока не встречали препятствий, поспешно отступили. Их обманывали все время, рассказывая им о жестокостях и зверствах большевиков, которые де хотят продать Россию германскому кайзеру. Их убедили, что чуть ли не весь гарнизон в Петрограде с нетерпением дожидается их, как избавителей. Первое серьезное сопротивление совершенно расстроило их ряды и обрекло на крушение все предприятие Керенского. Отступление казаков Краснова дало нам возможность взять в свои руки радиостанцию Царского Села. Мы сейчас же дали радио о победе над войсками Керенского*).

Наши заграничные друзья сообщили нам впоследствии, что германская радиотелеграфная станция, по приказу свыше, не приняла этой радиотелеграммы.

---

*) Приводим здесь текст радиотелеграммы:

Село Пулково. Штаб. 2 часа 10 мин. пополуночи.

Ночь с 30 на 31 октября войдет в историю. Попытка Керенского двинуть контр-революционные войска на столицу Революции получила решающий отпор. Керенский отступает, мы наступаем. Солдаты, матросы и рабочие Петрограда показали, что умеют и хотят с оружием в руках утвердить и волю и власть рабочей демократии. Буржуазия стремилась изолировать армию революции, Керенский пытался сломить ее силой казачества И то, и другое потерпело жалкое крушение.

Великая идея господства рабочей и крестьянской демократии сплотила ряды армии и закалила ее волю. Вся страна отныне убедится, что Советская власть—не преходящее явление, а несокрушимый факт господства рабочих, солдат и крестьян. Отпор Керенскому есть отпор помещикам, буржуазии, корниловцам. Отпор Керенскому есть утверждение права народа на мирную свободную жизнь, землю, хлеб и власть. Пулковский отряд своим доблестным ударом закрепляет дело рабочей и крестьянской революции. Возврата к прошлому нет. Впереди еще борьба, препятствия и жертвы. Но путь открыт, и победа обеспечена.

Революционная Россия и Советская власть вправе гордиться своим Пулковским отрядом, действующим под командой полковника Вальдена. Вечная память павшим! Слава борцам революции, солдатам и верным народу офицерам!

Да здравствует революционная, народная, социалистическая Россия!

Именем Совета Народных Комиссаров *Л. Троцкий.*

31 октября 1917 г.

Первая реакция германских властей на октябрьские события выразилась, таким образом, в страхе, как бы эти события не вызвали брожения в самой Германии. В Австро-Венгрии приняли часть нашей телеграммы, и, насколько нам известно, она стала источником осведомления всей остальной Европы о том, что злосчастная попытка Керенского вернуть себе власть закончилась жалким крушением.

Среди казаков Краснова шло брожение. Они стали посылать своих лазутчиков в Петроград и даже своих официальных делегатов в Смольный. Там они имели возможность убедиться, что в столице царит полный порядок, поддерживаемый гарнизоном, который единодушно стоит за Советскую власть. Разложение в среде казаков приняло тем более острый характер, что им ясна стала вся нелепость затеи взять Петроград при помощи тысячи с небольшим кавалеристов,—обещанные им подкрепления с фронта совершенно не поступали.

Отряд Краснова отступил на Гатчину, и когда мы на другой день выехали туда, красновский штаб был уже, в сущности, в плену у самих казаков. Наш Гатчинский гарнизон занимал все важнейшие позиции. Казаки же, хотя и не были разоружены, но по состоянию своему были совершенно неспособны на дальнейшее сопротивление. Они хотели только одного: чтобы их как можно скорее отпустили на Дон или, по крайней мере, на фронт.

Гатчинский дворец представлял собою любопытное зрелище. У всех входов стоял усиленный караул. У ворот—артиллерия, броневики. В дворцовых помещениях, украшенных ценной живописью, разместились матросы, солдаты, красногвардейцы. На столах из дорогого дерева лежали части солдатской одежды, трубки, коробки из-под сардин. В одной из комнат помещался штаб генерала Краснова. На полу лежали матрацы, шапки, шинели. Сопровождавший нас представитель Военно-Революционного Комитета вошел в помещение штаба, со стуком опустил винтовку прикладом вниз и, опершись на нее, заявил: «Генерал Краснов, вы и ваш штаб арестованы Советской властью». У обеих дверей немедленно же разместились вооруженные красногвардейцы. Керенского не было: он снова бежал, как раньше из Зимнего дворца. Об обстоятельствах этого побега генерал Краснов рассказал в письменном показании, которое он дал 1 ноября. Мы приводим здесь целиком этот любопытный документ.

«1917 года, 1 дня ноября месяца, 19 часов.

Около 15 часов сегодня меня потребовал к себе Верховный Главнокомандующий (Керенский). Он был очень взволнован и нервен.

— Генерал,—сказал он,—вы меня предали... Тут ваши казаки определенно говорят, что они меня арестуют и выдадут матросам...

— Да,—отвечал я,—разговоры об этом идут, и я знаю, что сочувствия к вам нигде нет.

— Но и офицеры говорят то же.

— Да, офицеры особенно недовольны вами.

— Что же мне делать? Приходится покончить с собой.

— Если вы честный человек, вы поедете сейчас в Петроград с белым флагом и явитесь в Революционный Комитет, где переговорите, как глава правительства.

— Да, я это сделаю, генерал.

— Я дам вам охрану и попрошу, чтобы с вами поехал матрос.

— Нет, только не матрос. Вы знаете, что здесь Дыбенко?

— Я не знаю, кто такой Дыбенко.

— Это мой враг.

— Ну, что же делать. Раз ведете большую игру, то надо и ответ дать.

— Да, только я уеду ночью.

— Зачем? Это будет бегство. Поезжайте спокойно и открыто, чтобы все видели, что вы не бежите.

— Да, хорошо. Только дайте мне конвой надежный.

— Хорошо.

Я пошел, вызвал казака 10 Донского казачьего полка Русскова и приказал назначить 8 казаков для окарауливания Верховного Главнокомандующего.

Через полчаса пришли казаки и сказали, что Керенского нет, что он бежал. Я поднял тревогу и приказал его отыскать; полагаю, что он не мог бежать из Гатчины и скрывается где-либо здесь же.

Командующий III корпусом генерал-майор *Краснов*».

Так закончилось это предприятие.

Наши противники тем не менее не сдавались и не соглашались признать, что вопрос о власти решен. Они продолжали возлагать свои надежды на фронт. Целый ряд лидеров бывших советских

партий—Чернов, Церетели, Авксентьев, Гоц и другие—направлялись на фронт, вели там переговоры со старыми армейскими комитетами, собирались в Ставке у Духонина, подбивали его на сопротивление и, по газетным сообщениям, пытались даже в Ставке организовать новое министерство. Из всего этого ничего не вышло. Старые армейские комитеты потеряли всякое значение, и на фронте происходила интенсивная работа по созыву конференций и съездов, имевших своей задачей переизбрание всех фронтовых организаций. На этих перевыборах Советская власть побеждала всюду.

Из Гатчины наши отряды продвигались по железной дороге дальше в сторону Луги и Пскова. Оттуда подошло им навстречу еще несколько поездов с ударниками и казаками, которых вызывал Керенский или отправляли отдельные генералы. С одним из эшелонов было даже вооруженное столкновение. Но большинство солдат, которых направляли к Петрограду, при первой же встрече с представителями советских войск заявляли, что их обманули и что они не поднимут руки против власти рабочих и солдат.

Внутренние трения

Тем временем борьба за власть Советов распространялась по всей стране. В Москве борьба приобрела крайне затяжной и кровавый характер. Может быть, не последней причиной этого явился тот факт, что руководители восстания не проявили сразу всей необходимой решительности наступления. В гражданской войне более, чем во всякой другой, победа может быть обеспечена только решительным и непрерывным наступлением. Колебаться нельзя, вести переговоры—опасно, топтаться выжидательно на месте—гибельно. Дело идет о народных массах, которые еще не держали в руках власти, которые находились всегда под ярмом другого класса и которым больше всего не хватает поэтому политической самоуверенности. Колебание в руководящем центре революции сейчас же разлагает их. Только в том случае, если революционная партия твердо, неуклонно идет к своей цели, она может помочь трудящимся преодолеть привитые столетиями инстинкты рабства и привести рабочие массы к победе. И только на пути решительного наступления победа может быть достигнута с наименьшей затратой сил и жертв.

Но вся трудность состоит именно в том, чтобы достигнуть решительной и твердой тактики. Неуверенность массы в своих собственных силах, отсутствие у нее опыта власти отражаются и на вождях, которые, в свою очередь, находятся, кроме того, под могущественным давлением буржуазного общественного мнения сверху.

Либеральная буржуазия с ненавистью и ожесточением воспринимала мысль о самой возможности установления господства трудящихся масс. Она давала этим своим чувствам выражение посредством всех тех бесчисленных органов, какими она располагает. За ней тянулась интеллигенция, которая, при всем своем словесном радикализме и социалистической окраске своего миросозерцания, в самых глубинах своего сознания насквозь пропитана рабским преклонением пред могуществом буржуазии и ее правительственным искусством. Вся эта «социалистическая» интеллигенция шарахнулась вправо и глядела на укрепляющуюся Советскую власть, как на начало конца. За представителями «свободных» профессий тянулось чиновничество, административно-технический персонал, все те элементы, которые духовно и материально живут крохами со стола буржуазии. Оппозиция этих слоев имела преимущественно пассивный характер, особенно после разгрома юнкерского восстания, но тем более она могла казаться непреодолимой. Нам на каждом шагу отказывали в содействии. Чиновники либо уходили из министерства, либо, оставаясь там, отказывались работать. Они не сдавали ни дел, ни денежных сумм. На телефонной станции нас не соединяли. На телеграфе искажали или задерживали наши телеграммы. Мы не находили переводчиков, стенографов, даже переписчиц. Все это не могло не создавать такой атмосферы, в которой отдельные элементы на верхах нашей собственной партии должны были усомниться в том, удастся ли трудящимся массам при таком отпоре буржуазного общества наладить правительственный аппарат и удержаться у власти. Стали раздаваться голоса о необходимости соглашения. С кем? С либеральной буржуазией? Но опыт коалиции с ней загнал революцию в ужасающую трясину. Восстание 25 октября явилось актом самосохранения народных масс после периода бессилия и предательства коалиционной власти. Оставалась коалиция в рядах так называемой революционной демократии, т.-е. всех советских партий. Такую коалицию мы, в сущности, предложили с самого начала, на заседании второго

Всероссийского Съезда Советов 25 октября. Правительство Керенского было опрокинуто, мы предложили Съезду Советов взять в свои руки власть. Но правые партии ушли, хлопнув дверью. И это было лучшее из того, что они могли сделать. Они представляли собою ничтожный сектор Съезда. За ними уже не было масс, а те слои, которые еще по инерции поддерживали их, все более переходили на нашу сторону. Коалиция с правыми с.-р. и меньшевиками неспособна была бы расширить социальную основу Советской власти; в то же время она вводила бы в состав этой власти элементы, насквозь разъеденные политическим скептицизмом и идолопоклонством перед либеральной буржуазией. Вся сила новой власти была в радикализме ее программы, в решительности ее действий. Связать себя с группами Чернова и Церетели значило опутать новую власть по рукам и по ногам, лишить ее свободы действий и тем самым подорвать к ней доверие рабочих масс в самый короткий срок.

Ближайшими нашими соседями справа были так называемые «левые социалисты-революционеры». Они в общем и целом готовы были поддерживать нас, но в то же время стремились создать коалиционное социалистическое правительство. Правление железнодорожного союза (так называемый Викжель), центральный комитет почтово-телеграфных служащих, союз чиновников правительственных учреждений, — все эти организации были против нас. И на верхах нашей собственной партии раздавались голоса в пользу необходимости так или иначе притти с ними к соглашению. Но на какой основе? Все перечисленные руководящие учреждения прошлого периода внутренне изжили себя. Они находились приблизительно в таком же отношении ко всему низшему персоналу, как старые армейские комитеты— к окопной солдатской массе. История провела глубокую трещину между верхами и низами. Беспринципные комбинации из этих изжитых революцией руководителей вчерашнего дня были обречены на неизбежное крушение. Нужно было твердо и решительно опереться на низы, чтобы вместе с ними преодолеть саботажничество и аристократические претензии верхов. Мы предоставили левым с.-р. продолжать безнадежные попытки соглашения. Наша политика состояла, наоборот, в противопоставлении трудящихся низов всем тем представительным организациям, которые поддерживали режим Керенского. Эта непримиримая политика вызвала трения и даже некоторый раскол

на верхах нашей собственной партии. В Центральном Исполнительном Комитете левые социалисты-революционеры протестовали против суровости мер новой власти и настаивали на необходимости компромиссов. Они встретили поддержку со стороны части большевиков. Три народных комиссара сложили свои полномочия и вышли из состава правительства. Некоторые другие партийные деятели принципиально солидаризировались с ними [233]). Это произвело огромное впечатление в интеллигентских и буржуазных кругах: если большевиков не победили юнкера и казаки Краснова, то, теперь совершенно ясно, Советская власть должна погибнуть в результате внутреннего разложения... Однако массы совершенно не заметили этого раскола. Они единодушно поддерживали Совет Народных Комиссаров — не только против контр-революционных заговорщиков и саботажников, но и против соглашателей и скептиков

Судьба Учредительного Собрания

Когда после корниловской авантюры господствовавшие советские партии сделали попытку загладить свое попустительство в отношении контр-революционной буржуазии, они потребовали ускорения созыва Учредительного Собрания. Керенский, которого Советы только что спасли от слишком тесных объятий его союзника Корнилова, оказался вынужденным пойти на уступки. Созыв Учредительного Собрания был назначен на конец ноября. Условия складывались, однако, к этому времени таким образом, что не было никакой гарантии того, что Учредительное Собрание будет действительно созвано. На фронте шла глубочайшая разруха, дезертирство возрастало со дня на день, солдатские массы угрожали целыми полками и корпусами покинуть окопы и двинуться в тыл, опустошая все на своем пути. В деревне происходил стихийный захват земель и помещичьего инвентаря. Несколько уездов были объявлены на военном положении. Немцы продолжали наступательные действия, взяли Ригу и угрожали Петрограду. Правое крыло буржуазии открыто злорадствовало по поводу опасности, угрожавшей революционной столице. Из Петрограда эвакуировали правительственные учреждения, правительство Керенского собиралось переселиться в Москву. Все это делало созыв Учредительного Собрания не только гадательным, но и мало вероятным. С этой точки зрения

октябрьский переворот представлялся спасением Учредительного Собрания, как и вообще спасением революции. И когда мы говорили, что дверь к Учредительному Собранию ведет не чрез Предпарламент Церетели, а чрез захват власти Советами, мы были вполне искренни.

Но бесконечное отсрочивание созыва Учредительного Собрания не прошло бесследно для этого учреждения. Провозглашенное в первые дни революции, оно появилось на свет по истечении 8 — 9-месячной ожесточенной борьбы классов и партий. Оно явилось слишком поздно, чтобы иметь возможность играть творческую роль. Его внутренняя несостоятельность предопределялась одним фактом, который сперва мог казаться незначительным, но который в дальнейшем получил огромное значение для судьбы Учредительного Собрания. Главной по численности партией революции в первую эпоху была партия социалистов-революционеров. Мы уже говорили выше об ее бесформенности и пестром социальном составе. Революция неизбежно вела к внутреннему расчленению тех рядов, которые выступали под народническим знаменем. Все больше отделялось левое крыло, ведшее за собой часть рабочих и широкие слои крестьянской бедноты. Это крыло попадало в непримиримую оппозицию к мелко- и средне-буржуазным верхам партии социалистов-революционеров. Но косность партийной организации и партийных традиций задерживала неизбежный процесс раскола. Пропорциональная система выборов покоится, как известно, целиком на партийных списках. Так как списки были составлены за 2 и за 3 месяца до октябрьского переворота и не подлежали изменению, то левые и правые социалисты-революционеры фигурировали вперемежку под знаменем одной и той же партии. Таким образом, к моменту октябрьского переворота, то-есть в тот период, когда правые социалисты-революционеры арестовывали левых, а левые примыкали к большевикам для ниспровержения министерства с.-р. Керенского, старые списки сохраняли всю свою обязательность, и на выборах в Учредительное Собрание крестьянские массы вынуждались отдавать свои голоса за списки, где в первых рядах стояло имя Керенского, а далее имена левых, участвовавших в заговоре против Керенского. Если месяцы, предшествовавшие октябрьскому перевороту, были временем непрерывного полевения масс, стихийного прилива рабочих, солдат и крестьян к большевикам,

то внутри партии социалистов-революционеров этот процесс выражался в усилении левого крыла за счет правого. Между тем, в партийных списках социалистов-революционеров на три четверти господствовали старые деятели правого крыла, успевшие совершенно израсходовать свою революционную репутацию в эпоху коалиции с либеральной буржуазией. К этому надо прибавить еще то обстоятельство, что самые выборы происходили в течение первых недель, следовавших за октябрьским переворотом. Весть о перемене сравнительно медленно расходилась кругами из столиц в провинцию, из городов по деревням. Крестьянские массы отдавали себе во многих местах крайне смутный отчет в том, чтò происходило в Петрограде и в Москве. Они голосовали за «землю и волю», за своих представителей в земельных комитетах, в большинстве случаев стоявших под народническим знаменем, но тем самым они голосовали за Керенского и Авксентьева, которые распускали земельные комитеты и арестовывали их членов. В результате этого, получился тот невероятный политический парадокс, что одна из двух партий, распускавших Учредительное Собрание, именно левые социалисты-революционеры, прошла по общим спискам с той партией, которая дала большинство Учредительному Собранию. Эта фактическая сторона дела дает совершенно ясное представление о том, в какой мере Учредительное Собрание отстало от развития политической борьбы и партийных группировок. Остается рассмотреть принципиальную сторону вопроса.

Принципы демократии и диктатура пролетариата

Как марксисты, мы никогда не были идолопоклонниками формальной демократии. В классовом обществе демократические учреждения не только не устраняют классовой борьбы, но и дают классовым интересам крайне несовершенное выражение. У имущих классов всегда остаются в распоряжении десятки и сотни средств фальсифицировать, подтасовывать и насиловать волю трудящихся народных масс. Еще менее совершенным аппаратом для выражения классовой борьбы являются учреждения демократии в условиях революции. Маркс назвал революцию «локомотивом истории». Благодаря открытой непосредственной борьбе за власть, трудящиеся массы в короткий период накопляют много политического опыта и быстро переходят в своем

развитии с одной ступени на другую. Тяжеловесный механизм демократических учреждений тем меньше поспевает за этой эволюцией, чем огромнее страна и чем менее совершенен ее технический аппарат.

Большинство в Учредительном Собрании оказалось за правыми социалистами-революционерами [234]). Согласно парламентарной механике, им должна была бы принадлежать государственная власть. Но партия правых социалистов-революционеров имела возможность получить эту власть в течение всего дооктябрьского периода революции. Однако она уклонялась от власти, передавая львиную долю ее либеральной буржуазии, и именно вследствие этого она — к тому моменту, когда численный состав Учредительного Собрания формально обязывал ее образовать правительство, — утратила последние остатки своего кредита в самых революционных частях народа. Рабочий класс, а вместе с ним Красная Гвардия, был глубоко враждебен партии правых социалистов-революционеров. Подавляющее большинство армии поддерживало большевиков. Революционный элемент деревни разделял свои симпатии между левыми социалистами-революционерами и большевиками [235]). Матросы, игравшие такую крупную роль в событиях революции, шли почти безраздельно за нашей партией. Из Советов, которые в октябре, т.-е. до созыва Учредительного Собрания, взяли в свои руки власть, правые социалисты-революционеры оказались вынужденными уйти. На кого могло бы опираться министерство, выдвинутое большинством Учредительного Собрания? За ним стояли бы верхи деревни, интеллигенция, чиновничество; справа оно находило бы до поры до времени поддержку со стороны буржуазии. Но у такого правительства не было бы совершенно материального аппарата власти. В средоточиях политической жизни, как Петроград, оно с первых же шагов наткнулось бы на непримиримое сопротивление. Если бы при этих условиях Советы, подчиняясь формальной логике демократических учреждений, предоставили власть партии Керенского и Чернова, эта власть, скомпрометированная и бессильная, внесла бы только временное замешательство в политическую жизнь страны, чтобы быть низвергнутой новым восстанием через несколько недель. Советы решили свести этот запоздалый исторический эксперимент к минимуму и распустили Учредительное Собрание в тот самый день, как оно собралось.

По этому поводу наша партия подвергалась жесточайшим обвинениям. Разгон Учредительного Собрания произвел, несомненно, неблагоприятное впечатление и на руководящие круги социалистических партий Запада. Там в этом политически неизбежном и необходимом акте увидели партийный произвол, кружковое самоуправство. Каутский в ряде статей, со свойственным ему педантизмом, разъяснял взаимоотношение между социально-революционными задачами пролетариата и режимом политической демократии. Он доказывал, что для рабочего класса соблюдение основ демократического строя в последнем счете всегда оказывается выгодным. Это, разумеется, в общем и целом совершенно правильно. Но Каутский свел эту историческую истину к профессорской банальности. Если для пролетариата в последнем счете выгодно вводить свою классовую борьбу и даже свою диктатуру в рамки учреждений демократии, то это вовсе не значит, что история всегда предоставляет ему возможность достигнуть такого сочетания. Из теории марксизма отнюдь не вытекает, будто история всегда создает такие условия, которые наиболее «выгодны» для пролетариата. Трудно сейчас предсказать, как сложилось бы развитие революции, если бы Учредительное Собрание было созвано на втором или на третьем месяце ее. Весьма вероятно, что господствовавшие тогда партии социалистов-революционеров и меньшевиков скомпрометировали бы себя вместе с Учредительным Собранием в глазах не только наиболее активных слоев, поддерживавших Советы, но и в глазах более отсталых демократических масс, которые своими надеждами оказались бы связанными не с Советами, а с Учредительным Собранием. В этих условиях роспуск Учредительного Собрания мог бы привести к новым выборам, в которых партии левого крыла могли бы оказаться в большинстве. Но развитие пошло другими путями. Выборы в Учредительное Собрание происходили на девятом месяце революции. К этому моменту классовая борьба достигла такого напряжения, что внутренним напором она разорвала формальные рамки демократии. Пролетариат вел за собою армию и крестьянские низы. Эти классы находились в состоянии прямой и ожесточенной борьбы с правыми социалистами-революционерами. А эта партия, благодаря тяжеловесной механике демократических выборов, оказалась в Учредительном Собрании в большинстве, отражая до-октябрьскую эпоху революции. Получилось противоречие, совершенно не

разрешимое в рамках формальной демократии. И только политические педанты, которые не отдают себе отчета в революционной логике классовых отношений, могут пред лицом после-октябрьской ситуации читать пролетариату банальные наставления о выгодах и преимуществах демократии для дела классовой борьбы.

Вопрос был поставлен историей гораздо более конкретно и остро. Учредительное Собрание по составу своего большинства должно было передать власть группе Чернова, Керенского, Церетели. Могла ли эта группа руководить революцией? Могла ли она найти опору в том классе, который является становым хребтом революции? Нет. Реальное классовое содержание революции непримиримо столкнулось с ее демократической скорлупой. Этим самым судьба Учредительного Собрания была предопределена. Роспуск его представлялся единственным мыслимым хирургическим выходом из противоречия, которое было создано не нами, а всем предшествовавшим развитием событий.

Мирные переговоры

В историческом ночном заседании второго Всероссийского Съезда Советов был принят напечатанный в приложении декрет о мире. В тот момент Советская власть только утверждалась в важнейших пунктах страны, а число веривших в ее силу за границей было совершенно ничтожно. Мы приняли на Съезде декрет единогласно, но это казалось многим лишь политической демонстрацией. Соглашатели твердили на всех перекрестках, что практических результатов наша революция не даст, ибо, с одной стороны, нас не признают и с нами не захотят говорить германские империалисты, а с другой, — нам объявят войну за вступление в сепаратные переговоры о мире наши союзники. Под знаком этих предсказаний совершались наши первые шаги в пользу всеобщего демократического мира. Декрет был принят 26 октября, когда Керенский и Краснов были у самых ворот Петрограда, а 7 ноября мы по радиотелеграфу уже обратились к нашим союзникам и противникам с предложением заключить всеобщий мир. В ответ на это союзные правительства через своих военных агентов обратились к тогдашнему главнокомандующему генералу Духонину с заявлением, что дальнейшие шаги по пути ведения сепаратных переговоров о мире поведут за

собою тягчайшие последствия. Мы ответили на этот протест 11 ноября воззванием ко всем рабочим, солдатам и крестьянам, и в этом воззвании мы заявили, что ни в коем случае не допустим, чтобы наша армия проливала свою кровь из-под палки иностранной буржуазии. Мы отмели угрозы западных империалистов и приняли на себя всю ответственность за политику мира перед лицом международного рабочего класса. Прежде всего мы, во исполнение наших принципиальных обещаний, опубликовали тайные договоры и заявили, что отметаем в них все, что противоречит интересам народных масс всех стран. Капиталистические правительства попытались использовать наши разоблачения друг против друга. Но народные массы поняли нас и признали. Ни одна социал-патриотическая газета не осмелилась, насколько мы знаем, протестовать против факта коренного изменения рабочим и крестьянским правительством всех методов буржуазной дипломатии, против того, что мы отказались от всех ее подлостей и бесчестных шашней. Мы поставили задачей нашей дипломатии — просветить народные массы, открыть им глаза на сущность политики их правительств и спаять их в борьбе и в ненависти к буржуазно-капиталистическому строю. Немецкая буржуазная печать обвиняла нас в том, что мы «затягиваем» переговоры; но все народы с жадным вниманием прислушивались к брест-литовскому диалогу, и этим была в течение двух с половиною месяцев мирных переговоров оказана делу мира услуга, которая была признана и более честными из наших врагов. Впервые был поставлен вопрос о мире в такую плоскость, когда он уже не мог быть смазан какими бы то ни было закулисными махинациями. 22 ноября нами было подписано соглашение о приостановлении военных действий на всем фронте, от Балтийского моря до Черного. Мы снова обратились к союзникам с предложением присоединиться к нам и вместе с нами вести мирные переговоры. Ответа мы не дождались, хотя союзники уже не пытались на этот раз пугать нас угрозами. Мирные переговоры начались 9 декабря — через полтора месяца после принятия декрета о мире, и потому лживыми являются обвинения против нас продажной и социал-предательской печати в том, что мы не пытались сговориться с союзниками. Мы в течение полутора месяцев оповещали их о каждом нашем шаге и неизменно призывали их присоединиться к мирным переговорам. Наша совесть чиста перед народами Франции, Италии, Англии... Мы сделали все, что было в наших силах,

для привлечения к мирным переговорам всех воюющих стран. Вина за то, что мы вынуждены были вступить в сепаратные переговоры о мире, падает не на нас, а на западных империалистов, а также на те русские партии, которые все время предсказывали Рабоче-Крестьянскому Правительству России скорую смерть и уговаривали союзников не брать всерьез нашей мирной инициативы. Так или иначе, 9 декабря начались мирные переговоры. Наша делегация внесла принципиальное заявление, которое характеризовало основы всеобщего демократического мира в точных выражениях декрета 26 октября (8 ноября). Противная сторона потребовала перерыва заседания, причем возобновление работ, по предложению Кюльмана, откладывалось все далее и далее. Было ясно, что делегации четверного союза испытывают немалые затруднения при формулировке ответа на нашу декларацию. 25 декабря этот ответ был дан. Дипломаты четверного союза присоединились к демократической формуле мира — без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов. Для нас было совершенно ясно, что это — лишь лицемерие. Но мы не ожидали от них даже проявления лицемерия, потому что, как сказал один французский писатель, лицемерие является той данью, которую порок платит добродетели. И то, что германский империализм счел необходимым принести эту дань демократическим принципам, свидетельствовало в наших глазах о том, что положение внутри Германии достаточно серьезно... Но если мы, вообще говоря, не делали себе иллюзий насчет демократизма г.г. Кюльмана и Чернина, — для этого мы достаточно хорошо знали природу германских и австро-венгерских правящих классов, — то нужно все же признать, что мы не допускали той пропасти, которая, как выяснилось через несколько дней, отделяла действительные предложения германского империализма от тех формул, которые были предъявлены нам 25 декабря г. фон-Кюльманом, в качестве плагиата у русской революции. Такого бесстыдства мы не ожидали...

На рабочие массы России ответ Кюльмана произвел огромное впечатление. Он истолковывался как результат страха командующих классов центральных империй перед недовольством и возрастающим нетерпением рабочих масс Германии. 28 декабря в Петрограде произошла колоссальная рабочая и солдатская демонстрация в честь демократического мира [236]). А на другое

утро вернулась из Брест-Литовска наша делегация, и привезла нам те грабительские требования, которые г. фон-Кюльман предъявил нам от имени центральных империй, в истолкование своих «демократических» формул. Может показаться, на первый взгляд, непонятным, на что̀ собственно рассчитывала германская дипломатия, предъявляя свои демократические формулы только затем, чтобы через 2—3 дня проявить свои волчьи аппетиты. По меньшей мере рискованными представляются те теоретические прения, которые развернулись вокруг демократических формул, в значительной мере по инициативе самого Кюльмана. Что на этом пути дипломатия центральных империй не может пожать больших лавров, это должно было быть заранее ясным прежде всего для нее самой. Но секрет поведения дипломатии Кюльмана состоял в том, что этот господин был искренне убежден в нашей готовности играть с ним в четыре руки. Он рассуждал при этом приблизительно так: России мир необходим. Большевики получили власть благодаря своей борьбе за мир. Большевики хотят удержаться у власти. Это для них осуществимо только при условии заключения мира. Правда, они связали себя определенной демократической программой мира. Но зачем же существуют на свете дипломаты, как не для того, чтобы выдавать черное за белое? Мы, немцы, облегчим большевикам положение, прикрывши наши хищения декоративными формулами. У большевистской дипломатии будет достаточно оснований не докапываться до политической сути дела или, вернее, не раскрывать содержания заманчивых формул перед глазами всего мира... Кюльман надеялся, другими словами, на молчаливое соглашение с нами: он возвратит нам наши хорошие формулы, мы дадим ему возможность без протеста заполучить в распоряжение Германии провинции и народы. В глазах немецких рабочих насильственный захват получит, таким образом, санкцию русской революции. Когда мы показали во время прений, что для нас дело идет не о пустых словах и не о декоративном прикрытии закулисной сделки, а о демократических принципах сожительства народов, Кюльман воспринял это, как злонамеренное нарушение молчаливого договора. Он ни за что не хотел сходить с позиции формулы 25 декабря, полагаясь на свою изощренную бюрократически-юридическую логику, старался на глазах всего мира показать, что белое ничем не отличается от черного и что только наша злая воля заставляет нас настаивать на этом различии. Граф Чернин,

представитель Австро-Венгрии, играл в этих переговорах роль, которую никто не назовет внушительной или достойной. Он неуклюже секундировал и по поручению Кюльмана брал на себя во все критические моменты внесение наиболее резких и цинических заявлений. Генерал Гофман вносил в переговоры освежающую ноту. Не обнаруживая большой симпатии к дипломатическим конструкциям Кюльмана, генерал несколько раз клал свой солдатский сапог на стол, вокруг которого развертывались сложные юридические прения. Мы, с своей стороны, ни на минуту не сомневались, что именно сапог генерала Гофмана является единственной серьезной реальностью в этих переговорах.

Великим козырем в руках г. Кюльмана являлось участие в переговорах делегации Киевской Рады. Для ставших у власти украинских мещан делом решающей важности казалось «признание» их капиталистическими правительствами Европы. Сперва Рада предлагала себя в распоряжение союзных империалистов, получила от них некоторые суммы на карманные расходы, а затем отправила своих представителей в Брест-Литовск для того, чтобы за спиной народов России выторговать у австро-германского правительства признание своей государственной законнорожденности. Едва вступив на путь «международного» существования, киевская дипломатия обнаружила тот же кругозор и тот же нравственный уровень, какие всегда характеризовали мелкотравчатых политиков Балканского полуострова. Господа Кюльманы и Чернины не делали себе, конечно, никаких иллюзий насчет солидности нового участника переговоров. Но они правильно учитывали, что при участии киевской делегации игра осложняется не без выгоды для них.

При первом своем появлении в Брест-Литовске киевская делегация характеризовала Украину, как составную часть формирующейся Российской Федеративной Республики. Это явно затрудняло работу центральных дипломатов, которые увидели свою главную задачу в том, чтобы превратить Российскую Республику в новый Балканский полуостров. При своем вторичном появлении делегаты Рады заявили под диктовку австро-германской дипломатии, что отныне Украина отказывается входить в Российскую федерацию и становится совершенно независимой республикой.

Заключение

Когда наша партия брала власть, мы знали заранее те трудности, которым идем навстречу. Экономически страна была истощена войной до последней степени. Революция разрушила старый административный аппарат и не успела еще создать нового ему на смену. Миллионы рабочих сил были вырваны из хозяйственных ячеек страны, деклассированы и психически расшатаны трехлетней войной. Колоссальная военная промышленность на недостаточно подготовленном хозяйственном фундаменте поглощала жизненные соки народа, демобилизация ее была связана с величайшими затруднениями. Явления хозяйственной и политической анархии широко расползлись по стране. Русское крестьянство было в течение столетий спаяно стихийно варварской дисциплиной земли и придавлено сверху железной дисциплиной царизма. Экономическое развитие подкопало первую, революция разрушила вторую. Психологически революция означала пробуждение в крестьянской массе человеческой личности. Анархические формы этого пробуждения являлись неизбежным последствием предшествовавшего гнета. Притти к установлению нового порядка, основанного на контроле самих трудящихся над производством, можно только путем постепенного и внутреннего изживания анархических проявлений революции.

С другой стороны, имущие классы, даже отброшенные от власти, не хотят сдавать своих позиций без боя. Революция поставила ребром вопрос о частной собственности на землю и средства производства, т.-е. о жизни и смерти эксплоатирующих классов. Политически это означает ожесточенную, непрерывную — то скрытую, то явную — гражданскую войну. В свою очередь, гражданская война неизбежно питает анархические тенденции в движении трудящихся масс. При расстройстве промышленности, финансового хозяйства, транспорта, продовольствия затяжная гражданская война создает, таким образом, колоссальные затруднения на пути творческой организаторской работы. Тем не менее Советская власть имеет право с полным доверием взирать на будущее. Только точный учет всех ресурсов страны, только рациональная, т.-е. исходящая из одного общего плана, организация производства, только разумное и бережливое распределение всех продуктов могут спасти страну. А это и есть

социализм. Или окончательное падение на степень колонии, или социалистическое возрождение — такова альтернатива, перед которой поставлена наша страна.

Война минировала почву всего капиталистического мира. В этом — наша непобедимая сила. Империалистическое кольцо, сжимающее нас, будет взорвано пролетарской революцией. Мы ни на минуту не сомневаемся в этом, как в течение долгих десятилетий нашей подпольной борьбы мы не сомневались в неизбежности крушения царизма.

Бороться, сплачивать ряды, устанавливать трудовую дисциплину и социалистический порядок, повышать производительность труда и не пасовать ни перед какими препятствиями— таков наш пароль. История работает за нас. Пролетарская революция в Европе и в Америке разразится днем раньше или позже и принесет избавление не только Украине, Польше, Литве, Курляндии и Финляндии, но и всему страждущему человечеству.

социализм. Или окончательное падение на степень колонии, или социалистическое возрождение — такова альтернатива, перед которой поставлена наша страна.

Война минировала почву всего капиталистического мира. В этом — наша непобедимая сила. Империалистическое кольцо, сжимающее нас, будет взорвано пролетарской революцией. Мы ни на минуту не сомневаемся в этом, как в течение долгих десятилетий нашей подпольной борьбы мы не сомневались в неизбежности крушения царизма.

Бороться, сплачивать ряды, устанавливать трудовую дисциплину и социалистический порядок, повышать производительность труда и не пасовать ни перед какими препятствиями — таков наш пароль. История работает за нас. Пролетарская революция в Европе и в Америке разразится днём раньше или позже и принесет избавление не только Украине, Польше, Литве, Курляндии и Финляндии, но и всему страждущему человечеству.

Приложения

Приложения

Приложение 1.

VI

Что же делать? Надо aussprechen was ist, «сказать, что есть», признать правду, что у нас в Ц. К. и в верхах партии есть течение или мнение за *ожидание* Съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. Надо *побороть* это течение или мнение.

Иначе большевики опозорили себя навеки и *сошли на-нет*, как партия.

Ибо пропускать такой момент и «ждать» Съезда Советов есть полный *идиотизм* или *полная измена*.

Полная измена немецким рабочим. Не ждать же нам *начала* их революции. Тогда и Либерданы будут за «поддержку» ее. Но она *не может* начаться, пока Керенский, Кишкин и К° у власти.

Полная измена крестьянству. Имея оба *столичных* Совета, дать подавить восстание крестьян — значит *потерять* и *заслуженно потерять* всякое доверие крестьян, значит сравняться в глазах крестьян с Либерданами и пр. мерзавцами.

«Ждать» Съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все*. Это значит трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно (и политически, и технически: соберут казаков ко дню глупеньким образом «назначенного» *) восстания).

«Ждать» Съезда Советов есть идиотизм, ибо *Съезд ничего не даст, ничего не может дать.*

---

*) «Созывать» Съезд Советов на 20 октября для решения «взять власть» чем же это отличается от «назначения» восстания по-глупому?.. Теперь взять власть можно, а 20—29 октября ее вам не дадут взять.

Моральное значение. Удивительно... Значение резолюций и разговоров с Либерданами, когда мы знаем, что Советы *за* крестьян и что крестьянское восстание *подавляют*... Мы сведем этим *Советы* до роли мелких болтунов. Сначала победите Керенского, потом созывайте Съезд.

Победа восстания *обеспечена теперь* большевиками: 1) мы можем *) (если не будем «ждать» Советского Съезда) ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку, и подавляющее крестьянское восстание против помещиков; 3) мы в большинстве *в стране*; 4) развал у меньшевиков и эсеров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью); 6) мы имеем *тысячи* вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда,—а агитация *в армии* пойдет такая, что *нельзя* будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д.

Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то $^{99}/_{100}$ за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3—5 июля, ибо *не пойдут войска* против правительства мира. Если даже у Керенского *уже* есть «верная» кавалерия и т. п. в Питере, то при ударе с двух сторон и при сочувствии армии *к нам* Керенский будет вынужден *сдаться*.

Если даже при таких шансах, как теперь, не брать власти, тогда все разговоры о власти Совета превращаются *в ложь*.

Не брать власти теперь, «ждать», болтать в ЦИК, ограничиться «борьбой за орган» (Совет), «борьбой за Съезд»,—это значит *погубить революцию*.

Видя, что Ц. К. оставил *даже без ответа* мои настояния в этом духе с начала Демократического Совещания, что Ц. О. *вычеркивает* из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т. д. и т. д.,—видя это, я должен усмотреть тут «тонкий»

*) Что сделала партия *для изучения* расположения войск и проч., для проведения восстания как «искусства»? Только разговоры в ЦИК и т. п.

намек на нежелание Ц. К. даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта и на предложение мне удалиться.

Мне приходится *подать прошение о выходе из Ц. К.*, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии.

Ибо мое крайнее убеждение, что если мы будем «ждать» Съезда Советов и упустим момент теперь, мы губим революцию.

Н. Ленин.

29/IX

P. S. Целый ряд фактов показал, что даже казацкие войска не пойдут против правительства мира. А сколько их? Где они? А вся армия разве не отрядит частей *за* нас?

Настоящее письмо было написано Лениным в момент обостренных разногласий по вопросу о бойкоте Предпарламента. Тов. Ленин обращался в эти дни с рядом писем к руководящим кругам партии, в которых резко критиковал официальную линию нашей партии.

Приложение 2.

Письмо к конференции (для прочтения на закрытом заседании)

Товарищи! Позвольте мне обратить внимание конференции на крайнюю серьезность политического положения. Я могу опираться только на сведения утренних субботних газет. Но эти сведения заставляют поставить вопрос так:

Не доказывает ли полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок, при взятии Эзеля немцами, в связи с планом правительства переселиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен *заговор* об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции *таким* путем?

Я думаю, что доказывает.

Заговор заключен может быть не прямо, а еще раз через каких-нибудь корниловцев (Маклакова, других кадетов, «беспартийных» русских миллионеров и т. п.), но ведь это сути дела нисколько не меняет.

Вывод ясен:

Надо признать, что революция погибла, если правительство Керенского не будет свергнуто пролетариями и солдатами в ближайшем будущем. Вопрос о восстании ставится на очередь.

Надо все силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительства Керенского.

Надо обратиться к московским товарищам, убеждая их взять власть в Москве, объявить правительство Керенского низложенным и Совет Рабочих Депутатов в Москве объявить Временным Правительством в России для предложения тотчас мира и для спасения России от заговора. Вопрос о восстании в Москве пусть московские товарищи поставят на очередь.

Надо воспользоваться созываемым на 8 октября в Гельсингфорсе Областным Съездом Советов Солдатских Депутатов Северного района, чтобы (при проезде делегатов назад через Питер) все силы мобилизовать для их привлечения на сторону восстания.

Надо обратиться в Ц. К. нашей партии с просьбой и предложением ускорить уход большевиков из Предпарламента и все силы направить на разоблачение в массах заговора Керенского с империалистами других стран и на подготовку восстания для правильного выбора момента восстания.

P. S. Резолюция *солдатской* секции Петр. Сов. против ухода правительства из Питера показала, что и среди солдат *зреет* убеждение в заговоре Керенского. Надо все силы собрать для поддержки этого *верного* убеждения и для агитации среди солдат.

* * *

Я вношу предложение принять следующую резолюцию.

Конференция, обсудив теперешнее по общему признанию до последней степени критическое положение, устанавливает следующие факты:

1. Наступательные операции германского флота, при крайне странном полном бездействии английского флота и в связи с планом Врем. Правительства переселиться из Питера в Москву вызывают сильнейшее подозрение в том, что Правительство Керенского (или, что все равно, стоящие за ними русские империалисты) составили заговор с англо-французскими импе-

риалистами об отдаче немцам Питера для подавления революции *таким* способом.

2. Эти подозрения в высшей степени подкрепляются и приобретают максимум возможной в таких случаях вероятности в силу того, что:

во-1-х, в армии давно крепнет и окрепло убеждение, что ее предавали царские генералы, предают и генералы Корнилова и Керенского (особенно сдача Риги);

во-2-х, англо-французская буржуазная пресса не скрывает своей бешеной, до неистовства доходящей ненависти к Советам и готовности какой угодно кровавой ценой уничтожить их;

в-3-х, что Керенский, кадеты, Брешковская, Плеханов и тому подобные политики являются вольно и невольно орудиями в руках англо-французского империализма, это доказала вполне полугодовая история русской революции;

в-4-х, глухие, но упорные слухи о сепаратном мире Англии с Германией «за счет России» не могли возникнуть беспричинно;

в-5-х, вся обстановка Корниловского заговора, как это явствует даже из заявления сочувствующих в общем Керенскому газет: «Дело Народа» и «Известия», доказала, что Керенский сильнейшим образом замешан в Корниловской истории, что Керенский был и остается самым опасным корниловцем; Керенский прикрыл главарей корниловщины вроде Родзянки, Клембовского, Маклакова и др.

Исходя из этого, конференция признает, что все крики Керенского и поддерживающих его буржуазных газет об обороне Питера—сплошной обман и лицемерие, и что вполне права солдатская секция Петр. Сов., резко осудившая план выселения из Питера,—далее, что для обороны Питера и для спасения революции безусловно и напряженно необходимо, чтобы измученная армия убедилась в добросовестности правительства и получила хлеб, одежду и обувь ценой революционных мер против капиталистов, до сих пор саботировавших борьбу с разрухой (по признанию даже экономического отдела при меньшевистско-эсеровском ЦИК).

Конференция заявляет поэтому, что только свержение правительства Керенского вместе с подтасованным Советом Республики и замена его рабочим и крестьянским революционным правительством способно:

а) передать землю крестьянам вместо подавления восстания крестьян;

б) тотчас же предложить справедливый мир и тем дать веру в правду всей нашей армии;

в) принять самые решительные революционные меры против капиталистов для обеспечения армии хлебом, одеждой и обувью и для борьбы с разрухой.

Конференция настоятельно просит Ц. К. принять все меры для руководства неизбежным восстанием рабочих, солдат и крестьян для свержения противонародного и крепостнического правительства Керенского.

Конференция постановляет немедленно послать делегацию в Гельсингфорс, Выборг, Кронштадт, Ревель, в войсковые части к югу от Питера и в Москву для агитации за присоединение к этой резолюции и за необходимость быстрым общим восстанием и свержением Керенского открыть дорогу к миру, к спасению Петрограда и революции, к передаче земли крестьянам и власти Советам.

Настоящее письмо, печатный оригинал которого находится в Ленинградском Истпарте, адресовано было т. Лениным, по всем данным, питерской *городской* конференции, состоявшейся в начале октября.

Написано оно, повидимому, до 6—7 октября, ибо в нем говорится о необходимости давить на Ц.К. в смысле выхода из Предпарламента (а наша фракция Предпарламента огласила декларацию о выходе 7-го октября).

Приложение 3.

Петроградскому, Московскому, Московскому Областному, Финляндскому Областному Комитетам Р. С.-Д. Р. П., Бюро Фракции ЦИК, бюро Фракции Съезда Советов Северной области.

К текущему моменту.

В связи со всей политической обстановкой—уход большевиков из Предпарламента поставил перед нашей партией вопрос—что же дальше?

Складывается и растет в рабочих кругах течение, видящее единственный выход в немедленном объявлении вооруженного восстания. Все сроки сошлись теперь так, что если говорить о таком восстании, его приходится уже прямо назначать и притом на ближайшие дни. В той или иной форме этот вопрос уже обсу-

ждается во всей современной печати, на рабочих собраниях и занимает внимание у немалого круга партийных работников. Мы, в свою очередь, считаем своим правом, своим долгом высказываться по этому вопросу с полной откровенностью

Мы глубочайше убеждены, что объявлять сейчас вооруженное восстание —значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции.

Нет никакого сомнения: бывают такие исторические положения, когда угнетенному классу приходится признать, что лучше итти на поражение, чем сдаться без бою. Находится ли сейчас русский рабочий класс именно в таком положении? *Нет и тысячу раз нет.*

В результате громадного роста влияния нашей партии в городах и особенно в армии в настоящий момент сложилось такое положение, что сорвать Учредительное Собрание для буржуазии становится делом все более невозможным. Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии: буржуазия поставлена в такое положение, что если бы она вздумала сделать попытку сорвать теперь Учредительное Собрание, она опять толкнула бы мелко-буржуазные партии к нам, и курок револьвера был бы спущен.

Шансы нашей партии на выборах в Учредительное Собрание превосходны. Разговоры о том, что влияние большевизма начинает падать и тому подобное, мы считаем решительно ни на чем не основанными. В устах наших политических противников эти утверждения—просто прием политической игры, рассчитанный именно на то, чтобы вызвать выступление большевиков в условиях, благоприятных для наших врагов. Влияние большевизма растет. Целые пласты трудящегося населения только еще начинают захватываться им. При правильной тактике мы можем получить треть, а то и больше мест в Учредительном Собрании. Позиция мелко-буржуазных партий в Учредительном Собрании не сможет быть во всем такой, какой она является сейчас. Прежде всего отпадает их лозунг «с землей, со свободой, жди Учредительного Собрания», а обострение нужды, голода, крестьянского движения будет все больше на них давить и заставлять их искать союза с пролетарской партией против помещиков и капиталистов, представленных партией кадет.

Учредительное Собрание само по себе не может, конечно, изменить реального соотношения общественных сил, но оно уничто-

жит нынешнее маскирование этого соотношения. Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены. Уже теперь в ряде мест Советы фактически осуществляют власть. Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное Собрание. Учредительное Собрание и Советы— вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем. На этой базе политика нашей партии приобретает громадные шансы на действительную победу.

Мы никогда не говорили, что русский рабочий класс *один*, собственными силами, способен победоносно завершить нынешнюю революцию. Мы не забывали, не должны забыть и теперь, что между нами и буржуазией стоит громадный третий лагерь: мелкая буржуазия. Этот лагерь присоединился к нам в дни корниловщины и дал нам победу. Он будет присоединяться к нам еще не раз. Нельзя позволять гипнотизировать себя тем, что есть в данный момент. Несомненно, сейчас лагерь этот стоит гораздо ближе к буржуазии, чем к нам. Но нынешнее положение не вечно и не прочно. И только неосторожным шагом, каким-нибудь необдуманным выступлением, ставящим всю судьбу революции в зависимость от немедленного восстания, пролетарская партия толкнет мелкую буржуазию в объятия Милюкова *надолго*.

Говорят: 1) за нас уже большинство народа в России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы, ни то, ни другое не верно, и в этом все дело.

В России за нас большинство рабочих и значительная часть солдат. Но все остальное под вопросом. Мы все уверены, например, что если дело теперь дойдет до выборов в Учредительное Собрание, то крестьяне будут голосовать в большинстве за эсеров. Что же, это случайность? Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира. Это крайне важное обстоятельство, не учтя которого мы рискуем все наши расчеты построить на песке. Если мы, взявши власть сейчас одни, придем (в силу всего мирового положения) к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет. В том-то и заключается преступность империалистического правительства, что, обслуживая интересы русской и союзной буржуазии, оно в корне подорвало хозяйственные силы страны, дезорганизовало ее и тем самым все больше отнимает у революционного народа возможность защищаться

от аппетитов мирового империализма методами революционной войны. После сорока месяцев империалистской войны, в разоренной господством мародеров стране, с созданной царизмом и продолженной господством буржуазии разрухой, измученные солдаты все менее способны провести победоносную революционную войну против союза всего международного капитализма.

Те же делегаты с фронта, которые теперь ведут такую агитацию против войны, прямо просят наших ораторов не говорить о революционной войне, ибо это оттолкнет солдат. Это крайне важный симптом.

Несомненно, пролетарское правительство немедленно перешло бы к тому, что возложило бы экономические тяготы войны на буржуазию,—оставило бы буржуазии «только корки хлеба» и «сняло бы с нее сапоги». Это должно поднять энтузиазм в массе. Но это еще не дает гарантии победы над германским империализмом в революционной войне. Нынешняя Россия, позволившая, вопреки рабочему классу, истощать себя империалистской войной, все-таки осталась бы страной сравнительно отсталой техники с подорванной системой железных дорог, без товаров, без необходимого военно-технического оборудования и т. д.

Взявши власть, рабочая партия, несомненно, нанесет тем удар Вильгельму. Ему станет труднее вести войну против революционной России, предлагающей немедленный демократический мир. Это так. Но настолько ли силен будет в данных обстоятельствах, после Риги и т. д., этот удар, чтобы отвести от России руку германского империализма? Если сепаратные переговоры между германским и английским империализмом начались,—а это почти несомненно,—то не поведет ли он их дальше и после нашей победы, не удастся ли Вильгельму и тогда прийти в Питер? Где же те данные, которые говорят за то, что пролетарская партия,—одна, при противодействиях мелко-буржуазной демократии,—должна взять теперь на себя и *только на себя* ответственность за подобное положение и неизбежные последствия?

И тут мы подходим ко второму утверждению, что международный пролетариат будто бы уже сейчас в своем большинстве за нас. Это, к сожалению, не так. Восстание в германском флоте имеет громадное симптоматическое значение. Предвестники серьезного движения существуют в Италии. Но отсюда до сколько-нибудь активной поддержки пролетарской революции в России, объявляющей войну всему буржуазному миру, еще очень

далеко. Переоценивать силы крайне вредно. Нам, несомненно, много дано и с нас много спросится. Но если мы сейчас, поставивши все на карту, потерпим поражение, мы нанесем жестокий удар и международной пролетарской революции, нарастающей крайне медленно, но все же, несомненно, нарастающей. А, между тем, рост революции в Европе сделал бы для нас обязательным без всяких колебаний немедленно взять власть в свои руки. В этом же заключается и единственная гарантия победоносности восстания пролетариата в России. Это придет, но сейчас этого еще нет.

Какая же перспектива рисуется нам на ближайшее будущее? Наш ответ таков.

Разумеется, наш путь зависит не только от нас одних.

Противник может принудить нас принять решительный бой до выборов в Учредительное Собрание. Попытки новой корниловщины, конечно, не оставят нам и выбора. Мы, разумеется, будем единодушны в единственно возможном тогда решении. Но тогда и значительная часть мелко-буржуазного лагеря наверняка опять поддержит нас. Бегство правительства в Москву толкнет мелко-буржуазную массу к нам. И тогда будут созданы условия для нашей победы, тогда не мы будем разбиты, а разбиты будут наши противники. Но поскольку выбор зависит от нас, мы можем и должны теперь ограничиться *оборонительной позицией*.

Временное Правительство часто бессильно провести в жизнь свои контр-революционные намерения. Оно расшатано. Силы солдат и рабочих достаточны, чтобы не дать осуществиться таким планам Керенского и компании. Крестьянское движение еще только начинается. Массовое подавление крестьянского движения кадетам не может удаться при нынешнем настроении армии. Подделать выборы в Учредительное Собрание Временное Правительство бессильно. Сочувствие к нашей партии будет расти. Блок с меньшевиками и эсерами будет распадаться. В Учредительном Собрании мы будем настолько сильной оппозиционной партией, что в стране всеобщего избирательного права наши противники вынуждены будут уступать нам на каждом шагу. Либо мы составим вместе с левыми эсерами, беспартийными крестьянами и пр. правящий блок, который в основном должен будет проводить нашу программу. Таково наше мнение.

Перед историей, перед международным пролетариатом, перед русской революцией и российскими рабочим классом — мы не

имеем права ставить теперь на карту вооруженного восстания все будущее. Ошибкой было бы думать, что теперь подобное выступление в случае неудачи привело бы только к тем последствиям, как 3—5 июля. Теперь дело идет о большем. Дело идет о решительном бое, и поражение в *этом* бою было бы поражением революции.

Такова общая обстановка. Но всякий, нежелающий только говорить о восстановлении, обязан трезво взвесить и шансы его. И здесь мы считаем долгом сказать, что в данный момент всего вреднее было бы недооценивать сил противника и переоценивать свои силы. Силы противника больше, чем они кажутся. Решает Петроград, а в Петрограде у врагов пролетарской партии накоплены значительные силы: пять тысяч юнкеров, прекрасно вооруженных, организованных, желающих, в силу своего классового положения, и умеющих драться, затем штаб, затем ударники, затем казаки, затем значительная часть гарнизона, затем очень значительная часть артиллерии, расположенная веером вокруг Питера. Затем противники с помощью ЦИК почти наверняка попробуют привести войска с фронта. Пролетарской партии в данный момент пришлось бы драться при совсем другом соотношении сил, чем в дни корниловщины. Тогда мы дрались вместе с эсерами, меньшевиками и отчасти даже вместе со сторонниками Керенского. Теперь же пролетарской партии пришлось бы драться против черносотенцев плюс кадеты, плюс Керенский и Временное Правительство, плюс ЦИК (эсеры и меньшевики).

Силы пролетарской партии, разумеется, очень значительны. Но решающий вопрос заключается в том, действительно ли среди рабочих и солдат столицы настроение таково, что они сами видят спасение уже только в уличном бою, рвутся на улицу. Нет. Этого настроения нет. Сами сторонники выступления заявляют, что настроение трудящихся и солдатских масс отнюдь не напоминает хотя бы настроений перед 3 июля. Существование в глубоких массах столичной бедноты боевого, рвущегося на улицу настроения могло бы служить гарантией того, что ее инициативное выступление увлечет за собой и те крупнейшие и важнейшие организации (железнодорожные и почтово-телеграфные союзы и т. п.), в которых влияние нашей партии слабо. Но так как этого-то настроения нет даже на заводах и в казармах, то строить здесь какие-либо расчеты было бы самообманом.

Говорят: но ведь железнодорожники и почтово-телеграфные служащие голодают, задавлены нищетой, раздражены против Временного Правительства. Все это так, конечно. Но это все еще не гарантия, что они поддержат восстание против правительства вопреки эсерам и меньшевикам. Служащие и рабочие железнодорожники были задавлены нищетой и в 1906 году, задавлены они и в Германии, и во Франции. И однако это не гарантирует поддержки восстания. Если бы все задавленные нищетой люди всегда были готовы поддержать вооруженное восстание социалистов, мы давно завоевали бы социализм.

Это подчеркивает нашу очередную задачу. Съезд Советов назначен на 20 октября. Он должен быть созван во что бы то ни стало. Он должен организационно закрепить растущее влияние пролетарской партии. Он должен стать центром сплочения вокруг Советов всех пролетарских и полу-пролетарских организаций, как те же союзы железнодорожников, почтовиков, банковских служащих и т. п. Твердой организационной связи нет еще между этими организациями и Советами. Этого нельзя оценивать иначе, как симптом организационной слабости пролетарской партии. А подобная связь во всяком случае есть предварительное условие действительной реализации, действительного проведения в жизнь лозунга «вся власть Советам». Для каждого данного момента этот лозунг, конечно, обозначает самое решительное сопротивление малейшим покушениям на права Советов и организаций, созданных ими, со стороны власти. При этих условиях глубокой исторической неправдой будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас, или никогда. Нет. Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам. Она будет иметь возможность в еще более широкой форме продолжать беспощадное разоблачение политики меньшевиков и эсеров, которые стали на пути действительного перехода власти в руки большинства народа. И только одним способом может она прервать свои успехи, именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет инициативу выступления и тем подставит пролетариат под удары всей сплотившейся контрреволюции, поддержанной мелко-буржуазной демократией.

Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения.

Подписи: *Г. Зиновьев.*

11 октября 1917 года. *Ю. Каменев.*

Приложение 4.

Советам, армейским организациям, всем рабочим и солдатам

На 20 октября назначен Всероссийский Съезд Советов. Все силы контр-революции объединились, чтобы сорвать Съезд. Соглашатели, потерявшие почву под ногами, помогают контр-революции против Советов. «Известия ЦИК», давно превысившего свои полномочия, хоронят Советы, противопоставляя им Предпарламент. Обанкротившиеся соглашатели запугивают, будто Съезд Советов помешает Учредительному Собранию.

Товарищи! Северный Областной Съезд Советов, с участием самых могущественных Советов России (Петрограда, Москвы, Балтийского флота, Финляндии, Ревеля и пр.), обсудив вопрос, говорит вам: вся буржуазия и покорное ей правительство готовятся к срыву Учредительного Собрания. Обеспечить его созыв может только Съезд Советов.

Соглашатели, срывающие Съезд, тем самым срывают Учредительное Собрание. Отдельные организации, выступающие по воле правительства против Съезда, нарушают тем самым законное решение первого Съезда и подлежат переизбранию.

Для скорейшего заключения мира, для создания Советской власти, для созыва Учредительного Собрания, для спасения революции и страны Съезд должен состояться 20 октября.

---

13 октября Съезд Советов Северной области отправил «всем, всем, всем» радиотелеграмму о созыве Всероссийского Съезда. Печатаемый здесь текст представляет собой написанный т. Троцким первоначальный набросок радиотелеграммы. Этот набросок редакции удалось найти в архиве т. Троцкого.

Приложение 5.

Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение до-нельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями

решаются, не съездами (хотя бы даже Съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от Корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй Корниловский заговор.

Кто должен взять власть?

Это сейчас не важно: пусть возьмет ее Военно-Революционный Комитет «или другое учреждение», которое заявит, что сдает власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных.

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в В.-Революционный Комитет, в Ц. К. б-ков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом,—решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой, народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит *спасение революции*, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало.

Промедление в выступлении смерти подобно.

Настоящее письмо принадлежит Ленину. Оно написано *24 октября* (ибо здесь уже упоминается отставка Верховского, происшедшая в 20-х числах октября).

Приложение 6.

Письмо М. Жакова к Васильченке

Петербург, 25—X—17 г.

В 2 ч. дня заседание фракции большевиков.

Троцкий делает доклад о текущем моменте. Положение ясно определилось. Некоторая часть нашей партии не представляла себе последствий наших собственных лозунгов. Если бы мы не сделали шагов к осуществлению их, то поступили бы как соглашатели. С тех пор, как мы в большинстве, лозунги утратили агитационное значение, они компрометировали нас, поскольку мы не делали шагов к осуществлению. В последнее время в партийных кругах дискуссии. Крайние полюсы: 1) заговор, 2) никаких реальных последствий в тактике. Ленин указывал, что заговор не противоречит принципам марксизма, — при условии, если классовые и политические отношения складываются в сторону резкого конфликта, если заговор вытекает из тех отношений. Физический барьер на пути к власти надо преодолеть ударом, силой.

Столкновение было неизбежно, и оно произошло на почве приказа вывода на фронт гарнизона. Гарнизон состоит, главным образом, из раненых, эвакуированных и т. д. Левые эсеры требовали санкций, приказа, но мы не могли пойти на это: мы не знаем, действительно ли это боевой приказ, но его политическое значение мы хорошо знаем (Родзянко и сдача Питера). Неожиданно мы получили поддержку не только солдатской секции Совета, но и гарнизонного совещания (из полковых комитетов) по всем вопросам о власти, о мире и по вопросу о выводе. Полки резко повернули к нам. У семеновцев не дали говорить после меня Скобелеву. Петропавловская крепость и артиллерия — наши; самокатчики—тоже. У правительства только юнкера (6.000), которые,

впрочем, заявляют, что они не за правительство, а за Ц. И. К. независимо от его состава,—и броневики, которые переходят один за другим к нам. Только ударники остаются нерасшатанными (4 батальона). Впрочем, 1 батальон ударников из Царского Села сегодня ночью не пошел на призыв правительства.

Сегодняшняя ночь (23—24) была критической. Мы не спали. Пораделов и Черемисов предлагали нам компромисс. Уже раньше по поводу бесконтрольной раздачи оружия из Кронверкского склада Петропавловской крепости контр-революционерам, мы повсюду назначили наших комиссаров. Их встретило начальство грубо и с угрозами, но через час-полтора, видя, что приказы без санкции Воен.-Рев. Ком. солдатами не выполняются, политика изменилась.

Троцкий прерывает доклад, так как его ждет делегация центр. гор. думы. Возвратившись через 30—40 минут, продолжает:

Троцкий. Была делегация гор. управы. Поставила несколько вопросов: 1) Предполагаем ли мы выступления, какие, когда? Ей, видите ли, нужно не менее чем за 24 часа знать заранее. 2) Какие меры приняты Советом для охранения безопасности и порядка? Я ответил на первое изложением диалектически-материалистического взгляда на революцию и предложил участвовать через 1 делегата в работах Воен.-Революционного Комитета. Если правительство пустит в ход железо, естественно ему ответит сталь. На вопрос я сказал, что ночью нами приняты решения о беспорядках, и что если кто может подавить их, то только мы. Спросили: не начнутся ли завтра утром повальные обыски? (Я, видите ли, не учел тонкой нервной организации наших гласных на одном из митингов, где говорил об описи всех наличных запасов и конфискации излишков.) Я успокоил г.г. гласных. Спрашивают: будете ли вы разгонять нас за то, что мы против лозунга «вся власть Советам»? Я ответил: «Дума отражает вчерашний день, но если бы возник конфликт, мы предложили бы вам перевыборы вокруг лозунга о власти». Гласные сообщили мне, что Керенский собирается передать власть городской управе. Мне показалось это маловероятным.

«Аврора» (броненосец), стоящая на Неве, получила сегодня ночью приказ выйти в море. Воен.-Рев. К-т дал контр-приказ, и «Аврора» придвинулась ближе к Николаевскому мосту, во избежание его разведения... В близких гарнизонах настрсение в нашу

пользу, кроме Луги, где 11.000 колеблющихся. Мы разослали радио-телеграммы всем гарнизонам (близким). Военное положение для нас в высшей степени благоприятное. Теперь все зависит от Съезда. Если размякнет, то революционные полки вышли бы на улицу, а остальные заколебались бы (нейтральный 14 казачий полк и др.). Единственное спасение — твердая политика Съезда.

Арест Временного Правительства не стоит в порядке дня, как самостоятельная задача. Если бы Съезд создал власть, а Керенский ей не подчинился бы, то это был бы полицейский, а не политический вопрос. Было бы ошибкой командировать хотя бы те же броневики, которые «охраняют» Зимний дворец, для ареста правительства, но зато не ошибка постановление Воен.-Рев. К-та открыть типографию «Рабочего Пути» и возложить охрану вместо юнкеров на доблестный Литовский полк.

Это оборона, товарищи, это оборона? (Бурные аплодисменты.) Если бы правительство вздумало нас арестовать, то на крыше Смольного установлены пулеметы. Это тоже оборона, товарищи (а ночью оно думало об этом—вызывало войска, собирало адреса, объявило Вр. Комитет арестованным).

Гражданская война, кровавая гражданская война, может быть не по нашей вине. Власть может перейти мирно. Конечно, есть затруднения. Нас могли бы взять измором; но есть хорошее средство не выпускать правительства. Я сегодня предложил это гласным. Вы помните нашу кампанию против бегства правительства. Оно испугалось. Мала связь с железнодорожниками, но наша поддержка их стачки обеспечивает нам сочувствие. Не забывайте, товарищи, что три недели тому назад, когда мы только приобрели большинство, мы были только фирмой без типографии, без кассы, без отделов, а теперь депутация гор. думы идет к «арестованному» Воен.-Рев. К-ту. В провинции поддержка Советов нам обеспечена.

Троцкому задают несколько вопросов. Он отвечает (мне): «Таймс» рекомендует употребить против нас картечь и броневики. О деятельности Бьюкенена и др. послов мы не имеем сведений, о положени в провинции вам знать лучше. «ПТА» еще не в наших руках. (Другим): Продовольствие на 1—2 дня. Неизбежна (уже приняты меры комиссаром Милютиным) конфискация грузов, следующих по Северной и Пермь-Котласской ж. д. за границу.

Переход власти облегчит продовольствие. Приказы конфисковать землю встретят «лучший ответ, чем карательная экспедиция Керенского». Затем демобилизация, промышленная организация обмена и покупок под гарантии правительства в доставке орудий и машин. По ж.-д. делам командирован Бубнов.

Далее было заседание съезда совместно с Питерским Советом, на котором Троцкий повторил свой доклад. Характерные места: «Керенский, который называл Корнилова первым солдатом республики и т. д., бросил нам обвинение в близости к контр-революции. Но если кто не допускает погромов, то это не Керенский, а мы»... Неисполнение приказа нельзя назвать строгой дисциплиной, но правительство, которое ждет только взмаха исторической метлы, чтобы уступить власть, которое стоит перед альтернативой—передать власть гор. управе или утопить в крови население при помощи броневиков, о которых она не знает—ее ли это броневики, такая власть не в праве ждать дисциплины»...

Троцкому подают записку и он говорит: «Товарищи, меня предупреждают, что в 12 час. может потухнуть электричество. У города нет угля. Так не подумайте, что это атакует нас Керенский,—это будет означать только, что Керенский не в состоянии даже два лишних часа освещать Смольный институт»...

«Пролетарская Революция»
№ 10—1922 года.

Ввиду того, что речь т. Троцкого, которую излагает т. Жаков, не сохранилась, мы помещаем интересное письмо последнего. Т.т. Жаков и Васильченко в октябре 1917 года были активными работниками Донской организации Р.К.П. Т. Жаков был делегатом 2-го Всероссийского Съезда Советов.

Приложение 7.

К гражданам России

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов,—Военно-Революционного Комитета, стоящего во главе Петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на

землю, рабочий контроль над производством, создание Советского Правительства—это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-Революционный Комитет при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов

25 октября 1917 года.

Мы помещаем этот документ в приложении, так как он, с одной стороны, был составлен при несомненном участии т. Троцкого, а с другой стороны, непосредственно не принадлежит его перу.

Приложение 8.

Рабочим, солдатам и крестьянам!

Второй Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На Съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов. Полномочия соглашательского Ц. И. К. окончились. Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, Съезд берет власть в свои руки.

Временное Правительство низложено. Большинство членов Временного Правительства уже арестовано.

Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного Собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.

Съезд призывает солдат в окопах к бдительности и стойкости. Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам. Новое Правительство примет все меры к тому, чтобы обеспечить революционную армию всем необходимым, путем решительной политики реквизиций и обложения имущих классов, а также улучшит положение солдатских семей.

Корниловцы—Керенский, Каледин и др.—делают попытки вести войска на Петроград. Несколько отрядов, обманным путем двинутых Керенским, перешли на сторону восставшего народа.

Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!

Второй Всероссийский Съезд Советов.

25 октября 1917 года.

«Известия» № 207.

Приложение 9

К тылу и фронту

В Петрограде власть Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета. Единодушно восставшие солдаты и рабочие победили безо всякого кровопролития. Правительство Керенского низложено. Комитет обращается с призывом к фронту и тылу не поддаваться провокации, а поддерживать Петроградский Совет и новую революционную власть, которая немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам, созовет Учредительное Собрание.

Власть на местах переходит в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Военно-Революционный Комитет Петроградского Совета.

«Известия ЦИК» № 208,
27 октября 1917 года.

Приложение 10.

Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции

Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов.

На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции.

Декрет вступает в силу с момента его подписания.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Вл. Ульянов (Ленин).

Народные Комиссары: *Л. Троцкий, Н. Авилов (Н. Глебов), П. Стучка, В. Менжинский, Джугашвили-Сталин, Г. Петровский, А. Шлихтер, Дыбенко.*

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров

В. Бонч-Бруевич.

Секретарь Совета *Н. Горбунов.*

Петроград, 28 ноября 1917 г.
$10^1/_2$ час. вечера.

По личному воспоминанию Л. Д. Троцкого, документ этот написан Лениным.

Приложение 11.

Ко всему населению

Бывший министр Керенский, низложенный народом, отказывается подчиниться решению Всероссийского Съезда Советов и пытается преступно противодействовать законному правительству, избранному Всероссийским Съездом—Совету Народных Комиссаров. Фронт отказал Керенскому в поддержке. Москва присоединилась к новому правительству. В целом ряде других городов (Минск, Могилев, Харьков) власть перешла к Советам. Ни одна пехотная часть не идет против Рабочего и Крестьянского Правительства, которое в согласии с твердой волей армии и на-

рода, приступило к мирным переговорам и передало землю крестьянам.

Подобно генералу Корнилову, только несколько эшелонов сбитых с толку казаков мог набрать преступный враг народа, пытающийся обмануть население Петрограда лживыми манифестами.

Мы заявляем во всеобщее сведение: если казаки не арестуют обманувшего их Керенского и будут двигаться к Петрограду, войска революции, всей силой своего оружия, выступят на защиту драгоценных завоеваний революции—мира и земли.

Граждане Петрограда! Керенский бежал из города, бросив вас на попечение Кишкина, сторонника сдачи Петрограда немцам, на попечение Рутенберга, черносотенца, саботировавшего продовольствие города, на попечение Пальчинского, стяжавшего единодушную ненависть всей демократии. Керенский бежал, обрекая вас на сдачу немцам, на голод, на кровавую бойню. Восставший народ арестовал министров Керенского, и вы видели, что порядок и продовольствие Петрограда только выиграли от этого. Керенский по требованию дворян, помещиков, капиталистов, спекулянтов идет на вас, чтобы вернуть земли помещикам, чтобы вновь продолжать гибельную ненавистную войну.

Граждане Петрограда! Мы знаем, что огромное большинство вас—за власть революционного народа, против корниловцев, руководимых Керенским. Не давайте обманывать себя ложными заявлениями бессильных буржуазных заговорщиков, которые будут раздавлены беспощадно.

Рабочие, солдаты, крестьяне, мы требуем от вас революционной готовности и революционной дисциплины.

Многомиллионное крестьянство, многомиллионная армия с нами.

Победа народной революции незыблема!

Военно-Революционный Комитет Петроградского Совета Р. и С. Д.

Петроград, 28 октября 1917 года.

«Известия Совета Раб. и Солд. Деп.», 29—X—17 г., № 210.

Мы печатаем этот документ в приложении, хотя не исключена возможность того, что он написан т. Троцким. Однако возможно, что он написан кем-нибудь другим, вероятнее всего, т. Антоновым - Овсеенко. Точных данных на этот счет в распоряжении редакции пока не имеется.

Приложение 12.

К рабочим и солдатам Петрограда

Темные силы буржуазии, под видом празднования дня созыва Учредительного Собрания, готовят сегодня контр-революционное выступление. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов по этому поводу постановляет: всем рабочим и солдатам воздержаться от участия в сегодняшних демонстрациях; потребовать от Совета Народных Комиссаров принятия всех необходимых мер для охраны порядка в городе и беспощадного подавления всякого покушения на погромы, разгромы и захваты. Да здравствует революционный порядок! Да здравствует революция!

Петроградский Совет.

«Известия» № 238,
28 ноября 1917 г.

Вполне вероятно, что этот документ написан т. Троцким; за это говорит факт принадлежности большинства политических обращений Петроградского Совета того времени перу Л. Д. Троцкого.

Ввиду отсутствия документальных данных, мы помещаем это обращение в приложения.

Приложение 13.

В ЦИК С. Р. и С. Д. и в Совет Народных Комиссаров

Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто-большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответствен-

ность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звание Народных Комиссаров.

Народный Комиссар Торговли и Промышленности *В. Ногин.*
Народный Комиссар по Внутренним Делам *А. Рыков.*
Народный Комиссар Земледелия *В. Милютин.*
Народный Комиссар по Продовольствию *И. Теодорович.*
Народный Комиссар Труда *А. Шляпников.*

К настоящему заявлению присоединяются:

Комиссар Путей Сообщения *Д. Рязанов.*
Комиссар по Делам Печати *Н. Дербышев.*
Комиссар Государственных Типографий *И. Арбузов.*
Комиссар Красной Гвардии *Юренев.*
Завед. Отд. Конфликтов в Мин. Труда *Федоров* (Пред. Раб. Секции).
Заведывающий Отделом Законодательных Предписаний Комиссар *Ю. Ларин.*

Приложение 14.

Заявление в ЦК большевиков

Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) 1 ноября принял резолюцию, на деле отвергающую соглашение с партиями, входящими в Совет Р. и С. Депутатов, для образования социалистического, Советского правительства.

Мы считаем, что только немедленное соглашение на указанных нами условиях дало бы возможность пролетариату и революционной армии закрепить завоевания Октябрьской Революции, укрепиться на новых позициях и собрать силы для дальнейшей борьбы за социализм.

Мы считаем, что создание такого правительства необходимо ради предотвращения дальнейшего кровопролития, надвигающегося голода, разгрома революции калединцами, обеспечения созыва Учредительного Собрания в назначенный срок и действительного проведения программы мира, принятой Всероссийским Съездом С. Р. и С. Депутатов.

Неимоверными усилиями нам удалось добиться пересмотра решения Ц. К. и новой резолюции, которая могла бы стать основой создания Советского правительства.

Однако это новое решение вызвало со стороны руководящей группы Ц. К. ряд действий, которые явно показывают, что она твердо решила не допустить образования правительства советских партий и отстаивать чисто большевистское правительство во что бы то ни стало и каких бы жертв рабочим и солдатам это ни стоило.

Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику Ц. К., проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии.

Мы складываем с себя поэтому звание членов Ц. К., чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массе рабочих и солдат и призвать их поддержать наш клич: Да здравствует правительство из советских партий! Немедленное соглашение на этом условии!

Мы уходим из Ц. К. в момент победы, в момент господства нашей партии, уходим потому, что не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы Ц. К. ведет к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата.

Оставаясь в рядах пролетарской партии, мы надеемся, что пролетариат преодолеет все препятствия и признает, что наш шаг вынужден сознанием долга ответственности перед социалистическим пролетариатом.

Ю. Каменев, А. И. Рыков, В. Милютин,
Г. Зиновьев, В. Ногин.

4 ноября 1917 г.

Приложение 15.

Заявление в большевистскую фракцию ЦИК

Уважаемые товарищи!

Ввиду того, что в порядок дня нашей фракции поставлен вопрос о фракционной и партийной дисциплине, я считаю своим долгом довести до вашего сведения следующее:

Я не считаю возможным во имя партийной дисциплины молчать, когда я сознаю, когда я чувствую всеми фибрами моей души, что тактика Ц. К. ведет к изоляции авангарда пролетариата, к гражданской войне внутри рабочего народа и к поражению великой революции.

Я не могу во имя партийной дисциплины замалчивать административный восторг представителей Военно-Революционного Комитета, вроде подполковника Муравьева, издавшего приказ о самосудах и конфискации предприятий,—приказ, достойный щедринских генералов.

Я не могу во имя партийной дисциплины молчать перед лицом уничтожения инакомыслящей прессы, обысков, произвольных арестов, гонений и преследований, которые пробуждают глухой ропот во всем населении и вызывают представление у трудящихся масс, что режим штыка и сабли и есть та самая диктатура пролетариата, о которой социалисты проповедывали в течение долгих десятилетий.

Я не могу во имя партийной дисциплины молчать, когда один из народных комиссаров угрожает бастующим чиновникам, что он снимет их с учета и отправит на фронт, и требует от почтово-телеграфных служащих и рабочих подчинения под угрозой лишения хлебных карточек.

Я не могу во имя партийной дисциплины молчать, когда такого рода поступками и заявлениями отменяется завоеванное кровавой борьбой рабочих право коалиции, которое, несомненно, останется и в социалистическом строе, как право отстаивать путем прекращения работ свои политические и экономические требования.

Я не могу во имя партийной дисциплины молчать и нести моральную или политическую ответственность, когда ответственный руководитель фракции делает заявления о том, что за одного нашего мы убьем пять противников,—заявления, имеющие тот недостаток, что они уже делались Гинденбургом, обещавшим сжигать три русских деревни за одну прусскую.

Я не могу во имя партийной дисциплины молчать, когда Военно-Революционный Комитет распоряжается бесконтрольно судьбами страны, когда он издает фантастические декреты об исключительных судах, когда он, помимо военных операций, вторгается в область гражданского управления страной.

Я не могу во имя партийной дисциплины затушевывать глухое недовольство рабочих масс, боровшихся за Советскую власть, которая по недоступной их пониманию комбинации оказалась властью чисто большевистской.

Я не могу во имя партийной дисциплины молчать, когда марксисты, рассудку вопреки и наперекор стихиям, не хотят

считаться с объективными условиями, повелительно диктующими нам, под угрозой краха, соглашение со всеми социалистическими партиями и немедленное прекращение войны внутри революционной демократии для совместной борьбы против Каледина.

Я не могу во имя партийной дисциплины предаваться культу личности и ставить политическое соглашение со всеми социалистическими партиями, закрепляющими наши основные требования, в зависимость от пребывания того или иного лица в министерстве и затягивать из-за этого хотя бы на одну минуту кровопролитие.

Я не могу, наконец, во имя партийной дисциплины молчать, когда каждый день борьбы на внутреннем революционно-демократическом фронте углубляет раскол в рабочем классе, затрудняет борьбу с контр-революцией и ведет революцию, а вместе с ней и Россию, к неизбежному краху.

Вот почему, ввиду всего вышесказанного, я заявляю:

Я буду выступать в партийных организациях, в ЦИК и перед рабочими массами против неправильной и пагубной для нашей партии и рабочего класса тактики Ц.К., буду мобилизовать партийное общественное мнение и рабочие организации, чтобы добиваться выпрямления линии Ц.К. и чтобы созвать в ближайшее время партийный съезд для решения следующего вопроса: останется ли Р. С.-Д. Р. П. большевиков марксистской партией рабочего класса или она окончательно вступит на путь, ничего общего с революционным марксизмом не имеющий?

С товарищеским приветом

А. Лозовский.

«Рабочая Газета» № 204.
5 ноября 1917 г,

Приложение 16.

От Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Партии (большевиков) *)

Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России.

Товарищи!

Всем известно, что 2-й Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов дал большинство делегатов из партии большевиков.

---

*) Настоящий документ принадлежит перу Ленина.

Этот факт является основным фактом для понимания только что состоявшейся и победившей как в Петрограде и в Москве, так и во всей России революции. Именно этот факт постоянно забывают и обходят все сторонники капиталистов и бессознательные пособники их, подрывающие основное начало новой революции, именно: *вся власть Советам*. В России не должно быть иного правительства, кроме *Советского Правительства*. В России завоевана Советская власть и переход правительства из рук одной советской партии в руки другой партии обеспечен без всякой революции, простым решением Советов, простым перевыбором депутатов в Советы.

2-й Всероссийский Съезд Советов дал большинство партии большевиков. Только правительство, составленное этой партией, является, поэтому, Советским Правительством. И всем известно, что Центральный Комитет партии большевиков, за несколько часов до образования нового правительства и до предложения списка его членов 2-му Всероссийскому Съезду Советов, призвал на свое заседание трех виднейших членов группы левых эсеров: товарищей Камкова, Спиро и Карелина *и предложил им* участвовать в новом правительстве. Мы крайне сожалеем, что товарищи левые эсеры отказались, мы считаем их отказ недопустимым для революционера и сторонника трудящихся, мы во всякое время готовы включить левых эсеров в состав правительства, но мы заявляем, что, как партия большинства на 2-м Всероссийском Съезде Советов, мы вправе *и обязаны* перед народом составить правительство.

Всем известно, что 2-му Всероссийскому Съезду Советов Центральный Комитет нашей партии предложил чисто-большевистский список народных комиссаров и что *Съезд этот список чисто-большевистского правительства одобрил*.

Поэтому абсолютно лживы, и только от врагов народа, только от врагов Советской власти исходят и могут исходить обманные заявления, будто большевистское правительство *не* есть Советское правительство. Напротив, *только* большевистское правительство может быть теперь, после 2-го Всероссийского Съезда Советов, впредь до созыва 3-го, или впредь до перевыбора Советов, или впредь до составления нового правительства Центральным Исполнительным Комитетом, — *только* большевистское правительство может быть теперь признано *Советским* правительством.

* * *

Товарищи! Несколько членов Ц.К. нашей партии и Совета Народных Комиссаров, Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Милютин и немногие другие, вышли вчера, 4 ноября, из Ц.К. нашей партии и — три последних — из Совета Народных Комиссаров. В такой большой партии, как наша, несмотря на пролетарски-революционный курс нашей политики, не могло не оказаться отдельных товарищей, недостаточно стойких и твердых в деле борьбы с врагами народа. Задачи, стоящие сейчас перед нашей партией, поистине неизмеримы, трудности огромны, — и несколько членов нашей партии, занимавшие раньше ответственные посты, дрогнули перед натиском буржуазии и бежали из нашей среды. Вся буржуазия и все ее пособники ликуют по поводу этого, злорадствуют, кричат о развале, пророчат гибель большевистского правительства

Товарищи! Не верьте этой лжи. Ушедшие товарищи поступили, как дезертиры, не только покинув вверенные им посты, но и сорвав прямое постановление Ц. К. нашей партии о том, чтобы обождать с уходом хотя бы до решений петроградской и московской партийных организаций. Мы решительно осуждаем это дезертирство. Мы глубоко убеждены, что все сознательные рабочие, солдаты и крестьяне, принадлежащие к нашей партии или сочувствующие ей, так же решительно осудят поступок дезертиров.

Но мы заявляли, что ни на минуту и ни на волос дезертирский поступок нескольких человек из верхушки нашей партии не поколеблет единства *масс*, идущих за нашей партией, и, следовательно, не поколеблет нашей партии.

Припомните, товарищи, что двое из дезертиров, Каменев и Зиновьев, уже перед восстанием в Петрограде выступили, как дезертиры и как штрейкбрехеры, ибо они не только голосовали на решающем собрании Ц.К. 10 октября 1917 г. против восстания, но и *после* состоявшегося решения Ц.К. выступали перед партийными работниками с агитацией против восстания. Все знают, что газеты, боящиеся встать на сторону рабочих и тянущие больше на сторону буржуазии (например, «Новая Жизнь»), подняли тогда вместе со всей буржуазной печатью шум и крик о «развале» нашей партии, о «провале восстания» и т. п. Но жизнь опровергла быстро ложь и клеветы одних, сомнения, колебания и трусость других. «Буря», которую хотели поднять по поводу шагов Каме-

нева и Зиновьева к срыву петроградского восстания, оказалась *бурей в стакане воды*, и великий подъем масс, великий героизм миллионов рабочих, солдат и крестьян в Питере и Москве, на фронте, в окопах и в деревнях отодвинул дезертиров с такой же легкостью, с какой железнодорожный поезд отбрасывает щепки.

Пусть же устыдятся все маловеры, все колеблющиеся, все сомневающиеся, все давшие себя запугать буржуазии или поддавшиеся крикам ее прямых и косвенных пособников. *Ни тени* колебаний в *массах* петроградских, московских и других рабочих и солдат *нет*. Наша партия стоит дружно и твердо, как один человек, на страже Советской власти, на страже интересов всех трудящихся, прежде всего рабочих и беднейших крестьян!

Нас обвиняют хоры буржуазных писак и людей, давших себя запугать буржуазии, — в том, что мы неуступчивы, что мы непримиримы, что мы не хотим разделить власти с другой партией. Это неправда, товарищи! *Мы предложили* и предлагаем левым эсерам разделить с нами власть. Не наша вина, если *они отказались*. Мы начали переговоры и после того, как разъехался 2-ой Съезд Советов, мы делали в этих переговорах всяческие уступки, вплоть до условного согласия допустить представителей от части Петроградской городской думы, этого гнезда корниловцев, которое в первую очередь будет сметено народом, если негодяи-корниловцы, если сынки капиталистов и помещиков, юнкера, опять попробуют сопротивляться воле народа, как они попробовали в прошлое воскресенье в Петрограде и как они хотят поступить вновь (это доказано раскрытием заговора Пуришкевича и арестованными у него вчера, 3 ноября, бумагами). Но нашу уступчивость те господа, которые стоят за спиной левых эсеров и действуют через них в интересах буржуазии, истолковали, как нашу слабость, и использовали для предъявления нам новых ультиматумов. На совещание 3 ноября явились господа Абрамович и Мартов и предъявили ультиматум: никаких переговоров, пока наше правительство не прекратит арестов и закрытия буржуазных газет.

И наша партия, и ЦИК Съезда Советов *отказались* исполнить этот ультиматум, явно идущий от сторонников Каледина, буржуазии, Керенского и Корнилова. Заговор Пуришкевича и появление в Петрограде 5 ноября делегации от части 17 корпуса, грозящей нам походом на Питер (угроза смешная, ибо пере-

довые отряды этих корниловцев уже разбиты и под Гатчиной бежали, а большей частью отказались итти против Советов), — все эти события показали, от кого *на деле* исходил ультиматум господ Абрамовича и Мартова, кому эти люди *на деле* служили.

Пусть же будут спокойны и тверды все трудящиеся! Никогда не уступит наша партия ультиматумам меньшинства Советов, — меньшинства, давшего себя запугать буржуазии и фактически, на деле, вопреки своим «благим намерениям», выступающего, как кукла в руках корниловцев.

Мы твердо стоим на принципе Советской власти, т.-е. власти *большинства,* получившегося на последнем Съезде Советов, мы были согласны и *остаемся согласны* разделить власть с меньшинством Советов, при условии лойяльного, честного обязательства этого меньшинства подчиняться большинству и проводить программу, *одобренную всем* 2-м Всероссийским Съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму. Но никаким ультиматумам интеллигентских группок, за коими массы не стоят, за коими *на деле* стоят только корниловцы, савинковцы, юнкера и пр., мы не подчинимся.

Пусть же будут спокойны и тверды все трудящиеся! Наша партия, партия советского большинства, стоит дружно и сплоченно на страже их интересов, и за нашей партией попрежнему стоят миллионы рабочих в городах, солдат в окопах, крестьян в деревнях, готовых осуществить во что бы то ни стало победу мира и победу социализма!

«Правда» № 182 (113),
20 (7) ноября 1917 г.

Приложение 17.

Доклад Урицкого по текущему моменту на заседании Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

(12 декабря)

Слово для доклада по текущему моменту предоставляется тов. *Урицкому.* В центре текущего момента,—говорит тов. Урицкий,—сейчас стоит вопрос об Учредительном Собрании. Та борьба, которая ведется сейчас другими партиями против нас в вопросе об Учр. Собрании, существует и в нашей собственной среде.

Правые элементы выставляют лозунг «Вся власть Учредительному Собранию», выставляется он Шульгиным и т. п. Ко-

нечно, они не собираются дать всю власть демократическому учреждению, здесь просто скрывается желание уничтожить власть пролетариата. Сейчас мы вступаем в вопросе об Учредительном Собрании в самый острый момент. Совет Народных Комиссаров, т.-е., значит, 2-й Съезд Советов заявил, что Учредительное Собрание будет созвано, когда съедется половина делегатов, т.-е. по приблизительному подсчету 400 человек. Совет Народных Комиссаров не собирался откладывать созыв Учредительного Собрания, но выяснилось в дальнейшем, что во многих местностях не могли произойти выборы в сроки, которые были установлены. Раньше думали, что к 26-му можно будет зарегистрировать 600 депутатов, но на деле оказалось, что даже теперь еще в такой губернии, как Петроградская, не произведен точный подсчет голосов.

Окончательные сведения получены только о 388-ми депутатах: большевиков — 120, соц.-революц. — 204, Сов. Крест. Депут.—2, меньшевиков — 3, украинских с.-р. и с.-д. — 30, кадет — 11 и др., — всего 388.

Эсеры шли по общему списку, составленному еще в августе, когда левые элементы были отодвинуты на последний план.

Урал не оправдал наших ожиданий.

Пока наметилось такое соотношение сил, что мы и левые эсеры не составим и половины общего количества. Это соотношение не изменится и в дальнейшем. Губернии центральной России с крестьянским населением, до которого дошел декрет о земле, дали большевиков. Точно так же обстоит дело и с фронтами: фронты Северный и Западный, находящиеся ближе к нашему влиянию, дали наше большинство; Юго-Западный фронт, Румынский, отстоящие далеко, дали большинство эсеровское. Если бы правые элементы действительно желали скорей открыть Учредительное Собрание, они могли бы прийти и получить особые удостоверения. Но они хотят еще проверить, в большинстве ли они. Правые эсеры считают, что если они будут брать красные удостоверения, установленные Советом Народных Комиссаров, то этим они признают власть Комиссаров. Спорным пунктом в вопросе о созыве Учредительного Собрания является эта регистрация посредством красных карточек и еще кворум. Совет Народных Комиссаров взял половину (400), рассчитывая полный состав в 812 или немного больше. Они же намечают $^1/_3$, а затем Учредительное Собрание само решает вопрос о своей правомочности. Сейчас в регистрации

эсеров числится 126, да еще в регистрации комиссии, значит по их расчетам скоро будут необходимые 260. Есть сведения, что они решили не затягивать с открытием Учредительного Собрания позже 20 декабря. Поэтому можно думать, что 20-го нам придется дать ответ не только на словах, но и на деле. Может быть, эсеры попытаются к этому времени или пройти в Таврический Дворец, или открыть Учредительное Собрание в каком-нибудь другом месте. Они могут обменять свои мандаты на красные карточки или накануне или даже в день, определенный для открытия. Наша тактика не может быть определена заранее даже за час. Как мы поступим, что мы сделаем, все будет зависеть от того, что и как они будут делать. Фракция эсеров дала сильное большинство правых. Особенно это ярко выразилось при выборах Бюро; к.-д., может быть, сначала не явятся, пока Учредительное Собрание не проведет депутатский иммунитет (неприкосновенность). С ними пойдут меньшевики. В вопросе борьбы с Советской властью отличаться от эсеров они не будут. Течение мартовцев-интернационалистов от течения потресовцев отличаться не будет. Возможно также самочинное открытие Учредительного Собрания. Это был бы один из тех выходов, который нам наиболее выгоден. Тогда мы повторили бы опыт французской революции: большевики объявили бы себя революционным конвентом. Возможно, что они этой попытки не сделают и пойдут в Таврический дворец, куда пойдем и мы. Если они первым вопросом поставят вопрос о власти, объявят Учредительное Собрание без большевиков, — это было бы лучше всего, так как всем стало бы ясно, какую политику они ведут, что они против власти народа. Но они могут первым поставить вопрос о мире. Нельзя думать, что в этом вопросе они пойдут с нами, но до поры до времени они не скажут об этом открыто и будут держать массу в неведении. Только укрепившись, они поставят вопрос о власти. . . . .

Роль, которую играет Учредительное Собрание в буржуазной революции, пользуется еще большой популярностью в полубуржуазных элементах, хотя они идут с нами. Да и в наших рядах есть товарищи, которые еще не изжили иллюзий относительно Учредительного Собрания. . . . .

В местах отдаленных от центра революционной работы Учредительное Собрание пользуется большой популярностью. Э и иллюзии заставляют нас держаться выжидательной тактики. . .

В тезисах, принятых Ц.К. и нашей фракцией, в Учредительном Собрании также ясно выражена тактика выжидания, а не определенных действий. Созовем ли мы Учредительное Собрание?— Да; созовем. Разгоним?—Да, может быть:—все зависит от обстоятельств

Вопрос об Учредительном Собрании сейчас решается там, где теперь идет гражданская война, там где-то за Харьковом: победит ли Каледин? победим ли мы? — от этих обстоятельств зависит судьба и работа Учредительного Собрания. Сейчас мы видим, что почти везде на местах происходит процесс строительства власти на новых началах, и этот процесс не везде на одной и той же стадии развития: в одних местах Сов. Раб. Деп. только еще захватили власть, в других только еще начинают. Например, получаем телеграмму, что в Курской губернии прошел в Учредительное Собрание один большевик, а остальные эсеры, и сейчас же другая телеграмма, что власть взята Советом, кроме Окружн. Избир. Ком.

В данный момент вопрос об Учредительном Собрании является тем ударным боевым пунктом, вокруг которого нам хотят дать генеральное сражение, и мы вокруг него тоже хотим дать сражение. Разногласия с левыми эсерами теперь все уничтожились. Теперь левые эсеры упрочились на той позиции, что Учредительное Собрание созывается только тогда, когда будет произведена известная регистрация и съедутся 400 депутатов. По-моему, жизнь учит их быстро и хорошо. На почве агитации за Учредительное Собрание происходит брожение в петроградском гарнизоне, в тех частях, которые не упрочились еще на позиции Советской власти. В этом отношении мы должны вести работу, выясняя ясно и просто, когда будет созвано Учредительное Собрание и как мы на него смотрим, чтобы они изжили свои иллюзии относительно Учредительного Собрания и чтобы этот процесс прошел безболезненно. В общем это брожение большого значения не имеет, что почти с несомненностью удалось выяснить, что здесь подкуп.

Здесь имеется «Союз защиты Учредительного Собрания». Он имеет по всей России отделения. Занимается он тем, что распространяет слухи о каких-то несправедливостях и насилиях, чинимых над членами Учредительного Собрания. Результаты же работы этого «Союза» весьма неблагоприятны для него же самого, так как теперь нами получаются часто телеграммы, где говорится: «Мы требуем из Учредительного Собрания удалить врагов народа».

Наша Октябрьская Революция привела нас к власти пролетариата и крестьянства. Учредительное Собрание может стать таким этапом, который поможет нам упрочить эту власть. Если правые элементы соберутся самочинно, тогда—революционный конвент. Главным образом мы будем следить за той тактикой, которую будут проявлять наши враги.

Разногласия в нашей партийной среде не новы. Сейчас мы видим то же течение, которое наблюдалось раньше в вопросе о восстании. Некоторые товарищи смотрят на Учредительное Собрание, как на нечто такое, что должно увенчать революцию. Они стоят на позиции обыденщины, они говорят, чтобы мы не совершали бестактностей и проч. Они против того, что члены Учредительного Собрания большевики контролируют созыв, соотношение сил и проч. Они смотрят на дело чисто формально, не учитывая того, что из данных такого контроля выявляется картина того, что происходит вокруг Учредительного Собрания; а, сообразуясь с этим, мы имеем возможность наметить позицию отношения к Учр. Собранию. Борьба мнений во фракции Учр. Собрания закончилась тем, что тезисы Ц.К. были приняты единогласно. Это указывает на то, что глубоких разногласий в нашей среде нет. Мы сейчас стоим на той точке зрения, что боремся за интересы пролетариата и беднейшего крестьянства, а те немногие товарищи смотрят, что мы делаем буржуазную революцию, которая должна увенчаться Учредительным Собранием.

Вопросы с мест: Если бы выборы были проведены при более благоприятных условиях, т.-е. если бы все ознакомились с сущностью Октябрьской Революции и не было бы столько злоупотреблений, было ли бы тогда большинство за нами?

Урицкий. Да, безусловно, большую половину, по крайней мере, мы имели бы. В списки, составленные в августе, левых эсеров вошло всего $^1/_5$, да и то помещенных на последнем плане. Теперь мы не имеем этого большинства, главным образом потому, что все, что дальше от нас, сохранило еще влияние меньшевиков и эсеров. Вокруг Москвы та же картина.

Украина сейчас находится в той стадии революционного переживания, которое наблюдалось у нас во время Керенского. Украинское крестьянство еще не убедилось, куда его ведут партии эсеров и меньшевиков. Если бы результаты Октябрьской Революции дошли туда, то выборы прошли бы по-другому.

К нам приходят наказы, которые очень мало соответствуют тем выбранным депутатам, к которым они относятся. Например, выбран эсер, а наказ гласит: вменяется в обязанность заботиться и бороться за землю; чтобы враг народа — немец — ушел к себе; чтобы банки были объявлены государственной собственностью, как и фабрики и заводы и проч. И такие наказы часто даются эсерам.

Затем, если взять закон о выборах и распределение на избирательные округа, то здесь можно наблюдать массу подтасовок. Так, там, где это было выгодно, избирательные округа пригонялись к губерниям, где это не выгодно, там образованы особые округа. В отношении количества депутатов то же самое: в крестьянских округах они старались натягивать количество их, а в городских — сокращать. На фронте относительно количества депутатов очень трудно установить точно. Предполагалось представительство от 100 тысяч, многие части так и выбирали, но сами фронтовики решили от 75 тысяч, и другие части по этой норме и выбирали. Теперь решено дать возможность всем добрать до нормы от 75 тысяч.

Предвыборная агитация почти нигде не велась даже здесь, в Петроградской губернии. Никто не проверял списков, многие не получали полностью все списки. В нормальных условиях мы имели бы безусловное большинство.

Теперь же мы будем поступать так, как нас принудят поступить наши враги.

Вопрос: Сколько записано во фракции левых эсеров?

Во фракции зарегистрировано около 30; у нас в комиссии левых эсеров 15, правых 11.

Приложение 18.

Советское правительство и Рада.

Выслушав доклад т. Прошьяна, который в качестве делегата от Крестьянского Съезда имел беседу с Винниченко, Грушевским, Поршем и др., как официальными представителями Рады, и приняв во внимание, что эти официальные представители Рады выразили принципиальную готовность начать переговоры о соглашении с Советом Народных Комиссаров на началах признания Советом Народных Комиссаров независимости Украинской Республики

и признания Радой контр-революционности Каледина и его пособников; приняв далее во внимание, что Совет Народных Комиссаров всегда и безусловно признавал право всякой нации, в том числе украинской, на независимое государственное существование; что всякая попытка устранить войну с Радой, если бы Рада признала контр-революционность Каледина и не мешала войне против него, безусловно желательна; выражая свое убеждение в том, что только Советы Украинской крестьянской бедноты, рабочих и солдат могут создать на Украине власть, при которой столкновения между братскими народами будут невозможны, — Совет Народных Комиссаров, считая в то же время целесообразным открыть деловые переговоры с Радой с целью устранения тех столкновений, которые вызваны были политикой Рады по отношению к общему фронту и контр-революционному восстанию Каледина, постановляет: предложить Раде переговоры о соглашении на указанных началах и наметить, как один из пунктов, где было бы, вероятно, удобнее всего вести переговоры, гор. Смоленск или Витебск.

Совет Народных Комиссаров.

20 декабря 1917 г.

«Известия» № 257,
21 декабря 1917 г.

ДОБАВЛЕНИЕ

(к отделу «К вопросу об объединении интернационалистов»)

Нижепомещаемый документ является предисловием Л. Д. Троцкого к брошюре т. Иоффе «Крах меньшевизма», вышедшей в 1917 г. в Петрограде. Ввиду того, что настоящее предисловие поступило в распоряжение редакции уже после сверстки соответствующего отдела, мы помещаем его, как добавление. Вследствие этого не представилось также возможности комментировать настоящий документ. По своему содержанию он тесно примыкает к отделу «К вопросу об объединении интернационалистов» и характеризует процесс сближения большевиков и междурайонцев.

Ред.

* * *

Крушение меньшевизма, как социалистической партии, представляет одно из интереснейших явлений нашей новейшей политической истории. Для поверхностного взора сущность этого крушения маскируется тем, что как раз теперь меньшевизм достиг наивысшего влияния, господствует рука об руку с народничеством — в Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, имеет своих собственных министров и через них пытается направлять международные отношения Европы. Но этого господствующего положения меньшевизм как раз и достиг путем окончательного и бесповоротного отказа от независимой социалистической политики и от пролетарской классовой основы. Элементы и симптомы этого перерождения имелись, разумеется, налицо задолго до революции. Но только лихорадочный темп политического развития в революционную эпоху сделал возможным такое катастрофическое превращение оппортунистического крыла рабочего движения в правительственную партию мелко-буржуазного радикализма.

Меньшевизм, как и большевизм, характеризовался прежде всего своим отношением к вопросам русской революции и борющихся в ней сил. С точки зрения меньшевиков, русская револю-

ция, как буржуазная, исключала всякую возможность для партии пролетариата бороться за власть или участвовать во власти: предоставляя заранее всю полноту власти буржуазной демократии, меньшевики отводили для социал-демократии чисто оппозиционное положение, возлагая на нее миссию «толкать буржуазию влево». При выборах в Государственные Думы большевики отстаивали тактику «левого блока», т.-е. соглашения с народниками для изоляции либералов. Меньшевики же категорически выступали против этой тактики, при том по двум причинам: 1) левый блок нарушает необходимую политическую самостоятельность пролетариата, 2) изолируя буржуазию, он «толкает» ее вправо.

Правительственные меньшевики последнего призыва понятия не имеют обо всех этих разногласиях и проблемах социалистической тактики; история меньшевистской фракции и в частности самое имя Мартова для них звук пустой. У меньшевиков старшего поколения, занятых сейчас укреплением министерских позиций князя Львова—Церетели, нет времени оглядываться назад и сравнивать принципиальные предпосылки меньшевизма с политической практикой сегодняшнего дня. А между тем такое сопоставление ярче всего характеризует буржуазно-демократическое перерождение меньшевизма: эта партия взяла на себя выполнение тех самых задач, которые она всегда объявляла принципиально несовместными с самостоятельной политикой пролетариата и для выполнения которых она неутомимо призывала грядущую революционную буржуазную демократию. Церетели вступил во Временное Правительство для творческой работы в направлении буржуазной революции. Правительственный меньшевизм фактически совершенно растворился в левом блоке, рука об руку с народниками обслуживая буржуазную власть, занимающуюся упрочением буржуазной революции. Вряд ли легко найти в политической истории другой пример, где бы партия с таким неистовством стала поклоняться тому, что недавно сжигала.

Может, правда, на первый взгляд показаться, что меньшевизм исторически все же оказался прав — хотя и против себя самого: та буржуазная демократия, которую он предвидел и призывал, наконец, объявилась в лице самого меньшевизма, выступающего в теснейшем блоке с народничеством. Однако и такое утверждение, будто, исчезнув как социалистическая партия, меньшевизм оправдал свой собственный исторический прогноз, представляет в сущности только дешевый парадокс. Ибо в борьбе течений внутри

русской социал-демократии вопрос шел не о том, существуют ли в России крестьянски-мелко-буржуазные массы, а о том, могут ли эти массы играть руководящую или хотя бы самостоятельную роль в революции.

Мы отрицали это. Городская буржуазная демократия в России в экономическом смысле ничтожна, благодаря глубокому расчленению городского населения на буржуазию и пролетариат. Крестьянство, наоборот, занимает огромное место в общественной жизни. Но в сложных условиях современного буржуазного общества хозяйственно раздробленное и отсталое крестьянство не способно играть руководящую политическую роль. Характерное для капитализма господство города над деревней находит свое яркое выражение и в области политики. Фактически крестьянство вынуждено выбирать между признанием руководства буржуазного либерализма и сотрудничеством с революционным пролетариатом. Нынешнее политическое положение как нельзя лучше подтверждает это. Эсеровски-меньшевистский блок, нашедший преходящую опору в мещански-крестьянских массах, не играет никакой самостоятельной роли. Вся его политика сводится к тому, чтобы связать «революционную демократию» с либеральной буржуазией, т.-е. фактически поставить первую под контроль второй. Если б эта политика увенчалась окончательным успехом, это означало бы конец русской революции: попытки пролетариата вырваться из мертвой петли были бы утоплены в крови, и в результате водворился бы «твердый порядок», направленный целиком против трудящихся масс города и деревни.

К счастью, такая перспектива мало вероятна. Аграрный, продовольственный, промышленный, финансовый вопросы, как и вопрос о войне и мире, стоят слишком остро и требуют слишком радикальных мер для своего разрешения, чтобы буржуазии долго еще удавалось вести за собою—при посредстве блока меньшевиков и эсеров — крестьянские массы. Перестав быть пролетарской социалистической партией, меньшевизм перестал быть партией революционной демократии. Борьба за сплочение этой последней означает поэтому непримиримую борьбу против официального меньшевизма. От успешности этой борьбы зависит ход и исход русской революции.

А. А. Иоффе, автор печатаемого доклада, был делегатом на последней меньшевистской конференции. Он не нашел для себя другого выхода, как полный и окончательный разрыв с полу-ли-

беральной партией мещанства. И это несмотря на то, что т. Иоффе, не будучи меньшевиком, в течение ряда лет вел энергичную борьбу за объединение большевиков с меньшевиками.

Вместе с ним (и с нынешним министром труда Скобелевым) мы издавали в Вене, в самую глухую эпоху контр-революции, русскую социал-демократическую газету «Правда». Одним из лозунгов газеты было объединение обеих основных фракций русской социал-демократии. Это не значит, что мы не видели тогда опасных сторон меньшевизма. Наоборот, мы систематически критиковали приспособленчество, легализм во что бы то ни стало, тяготение к чистому парламентаризму, предсказывая, что при соответственных условиях все это может развернуться в европейский правительственный социализм. Но мы считали, что объединение большевиков с меньшевиками в одной нелегальной организации создало бы могущественное противодействие меньшевистскому оппортунизму и повело бы к быстрой изоляции его правого крыла. Были ли мы правы или нет, сейчас невозможно проверить. Во всяком случае развитие пошло другими путями. Линии большевизма и меньшевизма расходились все более, а революция, выдвинув на политическую арену широкие мещански - крестьянские массы, окончательно передвинула меньшевизм на не-пролетарскую базу.

В рядах самого меньшевизма сложилась, под руководством т. Мартова, оппозиция против буржуазного перерождения той фракции, в создании которой т. Мартову принадлежала первая роль. Но эта оппозиция, выдвигая одни стороны меньшевизма против других, по крайней мере столь же законных, его сторон, гораздо более сильна в критике, чем в области революционно-политических выводов. Ее политика имеет пассивно-выжидательный характер: невхождение в буржуазное правительство, но и не борьба за власть. Только это обстоятельство и объясняет нам, каким образом, расходясь с официальным меньшевизмом во всех основных вопросах, эта группа остается в рамках меньшевистской организации. Но этим самым она лишает себя притягательной силы. Политика, которая не мешает оставаться в одной партии с Даном, Церетели и пр., не может быть политикой революции.

Т. Иоффе сделал для себя другой вывод: он порвал все связи с меньшевистской партией и вступил в организацию объединенных социал-демократов-интернационалистов, которая считает полный

разрыв с оборонцами-министериалистами необходимой предпосылкой организационного объединения всех действительно социалистических сил. Подготовка такого объединения есть сейчас одна из самых важных задач русских интернационалистов. Будем надеяться, что доклад т. Иоффе толкнет на путь ее разрешения многих рабочих-меньшевиков, сохранивших в себе живую душу социализма.

Л. Троцкий.

Примечания

[1]) 4-я питерская общегородская конференция фабрично-заводских комитетов явилась подготовительной к всероссийской конференции, задача которой состояла в том, чтобы сплотить рабочий класс в момент решительной борьбы с буржуазией. Конференция целиком прошла под руководством большевиков. Соглашательская пресса всячески старалась дискредитировать эту конференцию, указывая на то, что она, вместо разрешения насущных вопросов экономической жизни рабочего класса, занимается «политикой» и единственно созвана в целях санкции грядущей большевистской авантюры.

[2]) *Керенский* — см. прим. 11 в ч. I данного тома.

[3]) *Предпарламент* — см. о нем подробней в примеч. 254 ч. I этого тома.

[4]) Выход из Предпарламента как известно, официально произошел 7 октября, когда на заседании Предпарламента была прочитана декларация большевистской фракции о выходе.

[5]) Эта речь была произнесена на первом заседании съезда Советов Северной области в качестве доклада Петроградского Совета. Этот съезд сыграл крупнейшую рол в дни октября, сплотив, с одной стороны, пролетариат Северной области, с другой — оказав значительнейшее влияние на исход Всероссийского Съезда. Созванный областным Финляндским Исполкомом якобы для конструирования Исполкома Северной области, съезд мыслился, как агитационный и организационный рычаг в деле подготовки вооруженного восстания. Основная масса делегатов принадлежала к нашей партии. Этому съезду предшествовала губернская конференция Советов, которая прошла под безусловным влиянием большевиков. К решениям этой конференции присоединился также Губернский Совет *Крестьянских Депутатов*. Таким образом, съезд собрался уже после ряда подготовительных конференций. На съезде были представлены 23 Совета в лице 150 делегатов. Чувствуя, что съезд предназначен именно для целей восстания, меньшевики пытались оспаривать его официальный характер, а бюро меньшевистско-эсеровского ЦИК'а на своем заседании постановило считать его частным совещанием. Съезд заклеймил эти попытки с негодными средствами, заявив, что ссылка на отсутствие бумажно-формального оповещения является придиркой, продиктованной политическими мотивами данного состава бюро, направленными против состава данного съезда. Все резолюции этого съезда прямо или косвенно призывали пролетариат и армию к открытому восстанию против Временного Прави-

тельства. В избранный Северный областной комитет вошло 11 большевиков во главе с Антоновым-Овсеенко и Крыленко и 6 левых эсеров.

Съезд явился мощной демонстрацией рабочих и солдатских масс в пользу советского переворота. Так, например, представитель Балтийского флота сообщил, что флот исполнит лишь военные приказы, подписанные комиссарами Совета, а делегат латышского Совета сообщил, что 40.000 латышских стрелков находятся в распоряжении съезда.

[6]) Революционный гарнизон Петрограда все время был бельмом на глазу Временного Правительства и генералитета. Начиная с августа месяца правительство принимает настойчивые меры, чтобы вывести гарнизон из столицы. В начале октября, когда настроение рабочих и деятельность большевиков стали явно угрожать существованию правительства, последнее снова подняло этот вопрос. Одновременно буржуазная пресса и соглашательские элементы фронта подняли кампанию против питерского гарнизона, стремясь восстановить против него всю армию демагогическими намеками на сытость гарнизона и голод фронта и т. д. Высшие военные круги выдвинули с внешней стороны более веские аргументы, указывая на необходимость пополнения Северного фронта ввиду ожидающегося выступления немцев. Командующий Северным фронтом Черемисов, которому Керенский подчинил Петроград, Кронштадт и Финляндию в интересах осуществления вывода войск, издал приказ о выводе некоторых частей питерского гарнизона. Оборонческий ЦИК целиком поддержал эту явную контр-революционную затею Керенского и К°. Наша партия по этому поводу подняла самую энергичную кампанию. Ей без труда удалось разоблачить истинный смысл этого похода на революционный гарнизон. В конечном итоге план с выводом войск остался лишь на бумаге и дискредитировал вконец среди солдатской массы авторитет правительства и соглашателей.

[7]) Как известно, 20 апреля произошла вооруженная демонстрация протеста трудящихся Петрограда против ноты Милюкова от 18 апреля, в которой последний от имени Временного Правительства подтверждал верность правительства Львова царским договорам с союзниками, бросая тем самым вызов трудящимся массам. Демонстрация 20 апреля была первым крупным событием в ходе обострения классовой борьбы. Она пробила первую брешь в той кратковременной идиллии классового мира, которую на известный период создала Февральская революция.

[8]) *Корниловщина*—см. об этом в прим. 219 части I данного тома.

[9]) Здесь имеется в виду пресловутое наступление 18 июня, начатое Керенским под явным давлением англо-французских империалистов. Оценка этого наступления дана Л. Д. Троцким в статье «Наступление и наступленцы», см. ч. I отд. «Вокруг июньского наступления».

[10]) *Демократическое Совещание*—см. о нем в прим. 231 ч. I данного тома.

[11]) Как известно, осенью 1917 г. большевики вышли победителями на муниципальных и советских выборах в целом ряде крупнейших центров России. Так, например, они получили треть всех голосов, поданных на выборах в Питерскую городскую думу, завоевали ряд районных дум в Питере и Москве. В это же время в руки большевиков перешли советы обеих столиц, Царицына, Калуги и ряда других городов.

[12]) Перерыв был ускорен ввиду того, что левые эсеры хотели внести некоторые поправки в резолюцию, выработанную тов. Троцким. В интересах получения компактного большинства, большевистская партия согласилась на перерыв, во время которого и было достигнуто соглашение. По мотивам голосования по этой резолюции выступал представитель группы делегатов Петроградского Совета и от меньшевиков-интернационалистов Капилинский.

[13]) *Скобелев* — см. характеристику его в прим. 34 ч. 1 данного тома.

[14]) Конференция представителей всех стран Согласия состоялась в Париже 16 (29) ноября—21 ноября (4 декабря). В ее задачу руководители Антанты поставили объединение действий союзников. Важнейшие ее решения были следующие: 1) организация обще-союзного верховного совета для объединения действий на фронтах, 2) создание обще-союзного морского штаба для объединения действий на море, 3) выдача Италии 10 миллиардов лир на военные нужды и улучшение ее экономического положения, 4) оказание финансовой поддержки Греции. Было вынесено также общее постановление помогать друг другу в деле снабжения и транспорта и устранить взаимную конкуренцию при закупке разного рода продуктов.

По вопросу об отношении к России конференция признала, что союзные державы могут иметь официальные сношения лишь с полномочными представителями русского законно образованного правительства, признаваемого всем русским народом. В зависимости от этого и находится дальнейшее отношение союзных держав к тем шагам, которые предприняты от имени России. Конференция решила вступить в переговоры с Россией относительно общего с ней образа действий только в том случае, если в этих переговорах примет участие законно образованное правительство. И на такую конференцию возлагали свои пацифистские надежды русские соглашатели, которые в лице ЦИК'а вырабатывали наказ Скобелеву об условиях мира (!). Понимая истинные цели конференции, Временное Правительство всячески старалось отвести кандидатуру Скобелева, ибо он, конечно, не подходил для совещания, где вырабатывался практический план дальнейшего ведения войны. Как известно, «комиссарами» к нему был приставлены парижский посол Маклаков (кадет) и военный специалист генерал Рузский. Октябрьское восстание расстроило поездку этой делегации.

[15]) Полное название этих организаций следующее: Крассокар (несмотря на принятые редакцией меры, расшифровать не удалось), Комарсев—командующий Северной армией, Искомзап—исполнительный комитет Западного фронта, Румчерод—организация Румынского фронта, черноморского флота и гор. Одессы.

[16]) Доклад о Военно-Революционном Комитете делал левый эсер *Лазимир*. Оглашенный им проект организации этого комитета был ранее принят на заседании солдатской секции Исполкома Петроградского Совета. Впервые этот вопрос обсуждался Исполнительным Комитетом Петроградского Совета 9 октября. Меньшевики и эсеры возражали против создания ВРК, указывая на то, что создание, рядом с правительственным штабом, своего собственного должно привести к военному двоевластию.

12 октября Исполком Петросовета, большинством и всех голосов против 2 меньшевиков, принял особое положение о Военно-Революцион-

ном Комитете. По этому положению ВРК организуется при Петросовете и является его органом. В состав ВРК входят представители всех организаций, входивших в Совет, как военных, так и рабочих.

Задачей ВРК являлось установление минимума боевой силы и вспомогательных средств, необходимых для обороны Петрограда и не подлежащих выводу, поддержание контакта с комиссарами при штабах Главкома армий Северного фронта, Центробалте, с гарнизоном Финляндии, штабом округа; точный учет и регистрация личного состава гарнизона Петрограда и окрестностей, предметов снаряжения и продовольствия; разработка плана работ по обороне Петрограда; меры по охране Петрограда от погромов и дезертирства; поддержание в рабочих массах и солдатах Петрограда революционной дисциплины и т. д.

Военно-Революционный Комитет по роду работ разделялся на отделы: 1) Обороны, 2) Снабжения, 3) Связи, 4) Информ. бюро, 5) Рабочей милиции, 6) Стол донесений, 7) Комендатура.

По поводу этого проекта т. Троцкий в своем слове на вечере воспоминаний Истпарта говорил следующее:

> «... Мы предложили Лазимиру набросать проект Военно-Революционного Комитета, за что он и взялся. Отдавал ли он себе отчет, что дело идет о заговоре, или же только отражал бесформенно-революционное настроение левого крыла эсеров, не знаю. Скорее последнее. Во всяком случае, он на себя эту работу взял в то время, как остальные левые эсеры относились к делу подозрительно-выжидательно, но ему, повидимому, не мешали. Когда он представил свой проект, мы его выправили, всячески замаскировывая революционно-повстанческий характер этого заявления. Вечером на следующий день проект этот внесли в Петербургский Совет, и он был принят».

После доклада Лазимира, в прениях выступили от меньшевиков Бройдо и Астров, от эсеров — Огурцовский. После первого выступления т. Троцкого выступили представители фронта — все как один требовавшие немедленного мира и передачи власти в руки Совета. Один из них заявил даже, что если это не будет исполнено, то солдаты уйдут с фронта и штыками заставят правительство исполнить предъявленное к нему требование.

Это боевое настроение фронта было подчеркнуто т. Троцким в его втором выступлении.

В результате прений собрание подавляющим большинством приняло проект по созданию Военно-Революционного Комитета.

По поводу этого меньшевистская «Рабочая Газета» писала

> «Если присмотреться пристальнее, то мы увидим, что к действительной обороне Петрограда все это имеет очень мало отношения. На самом деле весь этот проект есть не что иное, как план захвата власти в Петрограде, прежде всего власти над военными силами.
>
> И характерно, что на первом месте в ряду перечисленных задач стоит «установление минимума боевой силы и вспомогательных средств, необходимых для обороны Петрограда и не подлежащих выводу».
>
> На «невыводе» гарнизона и опираются, повидимому, все расчеты большевиков при предстоящем «захвате власти». Этот «невывод»

должен играть роль приманки для привлечения на сторону большевиков солдатских масс...

Такими путями готовятся большевики к новой «коммуне». Если при этом приходится прибегать к самой низкой клевете, к чисто погромной агитации, если приходится на время даже надевать маску оборончества,—что за беда?»

В последующие дни Военно-Революционный Комитет развертывает огромную деятельность по подготовке захвата власти. Под его руководством проводится кампания изоляции штаба округа от гарнизона. Он назначает своих комиссаров во все войсковые части Петрограда. От имени Военно-Революционного Комитета 25 октября низвергается Временное Правительство. Первые документы после победы рабочих и солдат исходят от этого комитета. Военно-Революционный Комитет сходит со сцены лишь в начале декабря 1917 года, когда миновала непосредственная опасность Рабоче-Крестьянскому Правительству со стороны контр-революции.

[17]) Бройдо в своей речи выступал против создания Военно-Революционного Комитета. По мнению Бройдо, готовящееся выступление будет похоронами революции. С торжественным видом Бройдо заявлял, что проектируемый ВРК есть не что иное, как организация Революционного Штаба а так как меньшевики против этого, то они в него не войдут.

[18]) «Петроград,—писал Родзянко,—находится в опасности. Я думаю, что бог с ним, с Петроградом. Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения, т.-е. советы и т. д. На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла России, они ничего не принесли».

Характеристику *Родзянко* см. в прим. 6 ч. 1 этого тома.

[19]) *Всероссийский Исполнительный Комитет Совета Крестьянских Депутатов.* Сразу же после Февральской революции, эсеры начали работу по завоеванию политического руководства над крестьянскими массами. С средины апреля они ведут работу по созыву Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов. 4 мая был созван этот последний, и на нем был избран Всероссийский Исполнительный Комитет Совета Крестьянских Депутатов. Большинство в этом комитете принадлежало эсерам, и председателем его был Авксентьев. В течение последующих месяцев Исполком поддерживает безоговорочно правительство Керенского и мероприятия министерства внутренних дел по борьбе с крестьянскими волнениями. Кулацкий Исполком почти не сделал ничего для давления на правительство в смысле проведения земельных реформ. В октябрьские дни Исполнительный Комитет Крестьянских Депутатов бросает весь свой авторитет на поддержку гибнущего правительства Керенского. 25 октября он выпускает следующее воззвание:

«*Ко всем крестьянам, солдатам и рабочим.* Вся власть—Учредительному Собранию!

Против воли представителей всероссийского крестьянства и представителей армий, власть захвачена Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Захват власти за три недели до Учредительного Собрания есть захват прав всего народа. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов начал бра-

тоубийственную войну. Враг стоит у ворот столицы. Армии вновь нанесен удар в спину, сопротивляемость ее ослабляется. Петроградский Совет обещает мир, хлеб и землю, — это ложь. Он даст междоусобие, монархию и рабство. Временное Правительство объявило об окончательной разработке закона о передаче земли в распоряжение земельных комитетов и решительных мер в деле приближения мира. Пусть знает армия и крестьянство, что, идя за Петроградским Советом, они лишаются земли и воли и сделают невозможным созыв Учредительного Собрания.

Исполнительный Комитет Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов, стоя на страже интересов крестьянства, призывает не верить Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и органам, им поставленным. Ни на минуту не останавливайте выборов в Учредительное Собрание. Снабжайте хлебом армию. Теснее сплотитесь вокруг своих крестьянских организаций и решительно подавляйте всякие попытки к грабежам и разбоям.

Вся власть Учредительному Собранию, ни одного дня отсрочки.

Исполнительный Комитет Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов».

В последующие недели за Октябрьским восстанием представители этого Исполкома принимают участие во всех контр-революционных организациях и событиях. Лишь новый съезд крестьянских депутатов, имевший место в ноябре 1917 г. и давший большинство левым эсерам, положил конец этой контр-революционной деятельности Исполкома Крестьянских Депутатов.

[20]) Как известно, Авксентьев был председателем кулацкого Исполкома Крестьянских Депутатов. Об Авксентьеве см. в прим. 161 ч. 1 данного тома.

[21]) Эта газета издавалась Петроградским Советом большевистского состава. 1-й номер этой газеты вышел 17 октября. В обстановке развертывавшейся гражданской войны эта газета сыграла огромную роль в деле вовлечения широких солдатских и рабочих масс в борьбу за власть.

[22]) Эту фразу Керенский произнес в заключительной речи на заседании Московского Государственного Совещания 15 августа 1917 г.

[23]) Заседание солдатской секции, на которой обсуждался этот вопрос, произошло 6 октября. См. в тексте ч. 1 (отд. «Вокруг Предпарламента») речь Л. Д. Троцкого и резолюцию этого заседания.

[24]) *Милюков* — см. прим. 7 ч. 1 данного тома.

[25]) *Гучков*—см. прим. 15 ч. 1 данного тома.

[26]) *Рябушинский*—см. прим. 203 ч. 1 данного тома.

[27]) *Каледин* — см. прим. 239 ч. 1 данного тома.

[28]) Эта беседа нами приводится по изложению Джона Рида. Естественно поэтому, что текст здесь лишь приблизительно отражает то, что было сказано Л. Д. Троцким Риду. В самой же книге по поводу этой беседы имеется следующее замечание:

«30 октября (т.-е. 17 по ст. ст. *Ред.*), по предварительному уговору, я отправился в маленькую пустую комнату на верхнем этаже Смольного для разговора с Троцким. Он сидел посреди ком-

наты на простом стуле за простым столом. С моей стороны потребовалось не много вопросов. Он говорил более часа» («Десять дней, которые потрясли весь мир», 2 изд., 63 стр.).

[29]) Инициатива созыва этой конференции принадлежала центральному совету фабзавкомов. По всем основным вопросам конференция приняла резолюции большевиков, и вся ее работа прошла под лозунгом передачи власти Советам.

[30]) *Маклаков*—в эпоху Керенщины был назначен послом в Париж. В годы царизма Маклаков был известен, как либеральный адвокат. Маклаков играл видную роль в Государственной Думе в качестве одного из руководителей кадетской фракции. В этой последней он ближе всего отражал интересы московских купцов и домовладельцев. После установления Советской власти Маклаков продолжал оставаться в русском посольстве в Париже и играл крупную роль в контр-революционных махинациях, направленных против Советской России. В 1924 г. в связи с установлением во Франции режима «левого блока» Маклаков вынужден был освободить здание русского посольства.

[31]) *Генерал Рузский*—перед войной был помощником командующего Киевским военным округом. В начале войны командовал 3-й армией, позже—Северо-Западным фронтом. Принимал участие в уговорах бывшего царя отречься от престола. В эпоху Керенщины одно время был верховным главнокомандующим. В октябрьские дни был убит на Кавказе.

[32]) *Буасси д'Англа* (Франсуа-Антуан, граф)—род. в 1756 г. Французский политический деятель и публицист. Играл крупную роль во время французской революции. В национальном собрании был депутатом от третьего сословия. Был генерал-прокурором в Арденском департаменте. Избранный в конвент, он голосовал против казни короля. Во время террора не выделялся, но способствовал падению Робеспьера. После этого сделался членом комитета общественной безопасности и заведывал продовольствием Парижа. Считая Буасси д'Англа одним из виновников голода, народ чуть не убил его. Был президентом пятисот, но обвиненный в сообщничестве с монархистами был приговорен к ссылке и бежал в Англию. После переворота Наполеон призвал его во Францию и назначил членом Трибуната, а потом сенатором с титулом графа. После падения Наполеона, Людовик XVIII сделал его пэром Франции. Буасси и при Бурбонах оставался защитником суда присяжных, свободы печати и был противником придворной партии. Умер в 1826 г. в Париже членом академии.

[33]) В последние дни перед восстанием вся анти-большевистская пресса всячески раздувала вопрос о выступлении большевиков. Наша же партия старалась успокоить бдительность врага ссылками на вздорность подобных утверждений. Заявление, сделанное Л. Д. Троцким на этом заседании, сыграло свою роль в процессе общего «военно-политического обмана» буржуазии и соглашателей (о тактике военного обмана в эти дни см. в главе „Вооруженное восстание и советская «легальность»" в введении Л. Д. Троцкого к настоящему тому).

Интересно отметить, что на заявление Л. Д. Троцкого на настоящем заседании ссылались и другие представители нашей партии. Так, например,

в «Рабочем Пути» от 20 октября появилось следующее письмо т. Луначарского:

«В редакцию «Рабочего Пути».

В последних двух номерах «Биржевых Ведомостей» упорно передается слух, будто бы ко мне обращались официальные представители городской милиции с запросом о готовящемся якобы выступлении. Передается также мой ответ им, сопровождаемый всякими злостными комментариями редакции.

Заявляю, что все это известие от первого до последнего слова — вымысел. Если кто-нибудь обращался бы с такого рода вопросом, то я ответил бы слово в слово то же, что т. Троцкий заявил на заседании Петроградского Совета Р. и С. Д. 17 октября (не точно: 18 октября. *Ред.*). *А. Луначарский*».

Об отношении Ленина к этому выступлению т. Троцкого мы узнаем из книги последнего «О Ленине» следующее:

«За время, отделяющее описанное выше заседание ЦК от 25 октября, я помню только одно свидание с Владимиром Ильичем, но и то смутно. Когда это было? Должно быть, около 15—20 октября. Помню, что меня очень интересовало, как отнесся Ленин к «оборонительному характеру» моей речи на заседании Петроградского Совета: я объявил ложными слухами о том, будто мы готовим на 22 октября («День Петроградского Совета») вооруженное восстание, и предупредил, что на всякое нападение ответим решительным контр-ударом и доведем дело до конца. Помню, что настроение Владимира Ильича в это свидание было более спокойным и уверенным, я бы сказал, менее подозрительным. Он не только не возражал против внешне-оборонительного тона моей речи, но признал этот тон вполне пригодным для усыпления бдительности врага. Тем не менее он покачивал время от времени головой и спрашивал: «а не предупредят ли они нас? не захватят ли врасплох?». Я доказывал, что дальше все пойдет почти автоматически» (73—74 стр.).

[34]) К сожалению, найти номер «Дня», в котором помещен этот «план», не удалось.

[35]) Эта декларация-речь была произнесена Терещенко на заседании 16 октября. Достойная отповедь его старым разглагольствованиям об единении с союзниками и необходимости уничтожения *немецкого* империализма была дана в газете Петроградского Совета «Рабочий и Солдат», в статье под названием «Ответ Правительства окопам»:

«Министр иностранных дел г. Терещенко выступил в Предпарламенте с большой речью по поводу войны и мира. Что же поведал армии и народу самый молчаливый из наших министров?

Во-первых, мы тесно связаны с нашими союзниками (не народами, а их правительствами).

Во-вторых, не следует демократии рассуждать о возможности или невозможности ведения зимней кампании; решать должны союзные правительства.

В-третьих, наступление 18 июня было благодетельным и счастливым делом (о последствиях наступления Терещенко умолчал).

В-четвертых, неверно-де, будто союзные правительства о нас не заботятся. «У нас имеются определенные заявления наших союзников»... Заявления. А дела? А поведение английского флота? А переговоры английского короля с высланным контр-революционером Гурко? Об этом министр умолчал.

В-пятых, наказ Скобелева плох, этим наказом недовольны союзники и русские дипломаты, а «на союзной конференции мы должны говорить единым языком».

И это все? Все. Где же пути выхода? Вера в союзников и в Терещенко. Когда же наступит мир? Тогда, когда позволят союзники. Таков ответ Временного Правительства окопам на вопрос о мире».

[36]) В последние дни перед восстанием шла ожесточенная борьба за гарнизон. Старый ЦИК и штаб округа прилагали все меры к тому, чтобы изолировать большевиков и, с другой стороны, убрать наиболее опасные части из Питера. Вопрос крайне обострился 18 октября, когда Военный Отдел Петроградского Совета, в ответ на саботаж штаба округа, разослал телеграмму-приказ по гарнизону, которая предлагала не выполнять приказов штаба округа, если они не скреплены подписью Военного Отдела. В этот же день состоялось в Смольном собрание представителей гарнизона. ЦИК пытался сорвать это собрание, заявив, что оно неправомочное, но успеха эта попытка не имела. Из докладов с мест выяснилось, что подавляющее большинство частей будет участвовать в перевороте.

19 октября ЦИК, в свою очередь, собрал представителей гарнизона. Дан и ряд других лидеров пытались доказать собранию всю гибельность выступления. В своих ответах делегаты с мест, как один, заявили ЦИК'у, что они пойдут туда, куда их поведет Петроградский Совет. В заключение собрание объявило себя неправомочным выносить те или иные резолюции.

Настоящее собрание полковых делегатов было созвано, таким образом, после ряда подготовительных. Резолюции, предложенные т. Троцким, были приняты всеми при 57 воздержавшихся. Своим голосованием за эти резолюции собрание показало, что Петроградский гарнизон уже окончательно вступил на путь переворота.

[37]) Решение о «дне Петроградского Совета» было вызвано тем, что белогвардейская реакция, в лице казачьих атаманов, назначила на воскресенье 22 октября, в день Казанской Богоматери, крестный ход. В противовес этому революционный гарнизон решил произвести смотр революционных сил. Представители некоторых казачьих полков, уже на этом собрании, заявляют, что они никакого участия в крестном ходе не примут. Все эти моменты заставили контр-революцию отменить казацкий крестный ход.

[38]) Воззвание к казакам было вызвано тем, что контр-революцией они предназначались, как сказано выше, в качестве главной боевой силы во время крестного хода 22 октября. Воззвание было написано Л. Д. Троцким. См. обращение «Братья-казаки!» в тексте настоящей книги.

[39]) Конфликт между штабом округа и Военно-Революционным Комитетом назревал уже в течение нескольких дней. Апогея он достиг 21 октября, когда гарнизонное собрание полковых представителей отдало

гарнизон в распоряжение ВРК. Штаб округа оказался, таким образом, штабом без армии. В своей агонии он сделал театральный жест—отказался признать за Комитетом право контроля распоряжений штаба по гарнизону. В ответ на такой поступок штаба, Военно-Революционный Комитет разослал данную телефонограмму по частям петроградского гарнизона.

С другой стороны, отказ командующего войсками округа Полковникова признать фактическую власть Военно-Революционного Комитета послужил поводом для выхода представителя солдатской секции Петроградского Совета из состава так называемого особого совещания при штабе. Так как это особое совещание, состоявшее из представителей военного отдела соглашательского ЦИК'а и солдатской секции Петросовета, при таком положении вещей теряло всякий авторитет, то Полковников пошел на компромисс. 23 октября он созвал совещание с участием представителей ЦИК'а и комиссара при штабе округа. На это же совещание были вызваны из Смольного представители гарнизона. В штаб округа явилась делегация, во главе с подпоручиком Дашкевичем, большевиком. Последний заявил, что гарнизонное собрание уполномочило его заявить лишь о том, что отныне все приказания штаба должны быть контр-ассигнированы (скреплены) Военно-Революционным Комитетом при Петроградском Совете. После этого заявления делегация гарнизона удалилась.

Оставшаяся соглашательская часть собрания в своей растерянности додумалась до курьезного решения: выжидать разрешения конфликта между ЦИК'ом и Петроградским Советом.

Если этот конфликт лишь увеличил пропасть между штабом и гарнизоном, то, с другой стороны, он побудил правительство снова начать кампанию за вывод частей гарнизона на фронт. Именно в связи с этим конфликтом Керенский в свое время вызвал в Петроград командующего Северным фронтом ген. Черемисова для совещания о принятии мер к выводу войск.

[40]) К сожалению, никаких отчетов об этом митинге—как и о ряде других—не сохранилось. Поэтому известный интерес представляют те отдельные замечания, которые имеются в «Записках о революции» Суханова по поводу этого митинга:

> «Вокруг меня было настроение, близкое к экстазу. Казалось, что толпа запоет сейчас, безо всякого разговора и указаний, какой-нибудь религиозный гимн... Троцкий формулировал какую-то общую краткую резолюцию, или — провозгласил какую-то общую формулу, вроде того, что «будем стоять за рабоче-крестьянское дело до последней капли крови». Кто — *за*... Тысячная толпа, как один человек, подняла руки. Я видел поднятые руки и горевшие глаза мужчин, женщин, подростков, рабочих, солдат, мужиков и—типично-мещанских фигур... Троцкий продолжал говорить, несметная толпа продолжала держать поднятые руки. Троцкий чеканил слова: «Это ваше голосование пусть будет вашей клятвой — всеми силами, любыми жертвами поддержать Совет, взявший на себя великое бремя довести до конца победу революции и дать землю, хлеб и мир». Несметная толпа держала руки, она согласна. Она клянется» (7-я книга, 91—92 стр.).

41) *Верховский* — демократически настроенный офицер, командовавший летом 1917 года войсками Московского военного округа. Осенью 1917 года вошел в правительство Керенского, в качестве военного министра. В правительстве Верховский считался левым, а в армии в известной мере боролся с корниловским влиянием. За несколько дней до Октябрьского восстания он получил отставку за нерешительность в борьбе с большевиками. В первое время после Октябрьской Революции он находился в рядах ее врагов. Затем он отходит от антисоветской деятельности и все последующее время работает в учебных и научных организациях Красной армии.

42) *Коновалов*—см. прим. 117 части I данного тома.

43) Настоящее заседание ЦИК'а эсеро-меньшевистского состава было последним. Оно было открыто под председательством Гоца. С докладом по текущему моменту выступил Дан, который яростно нападал на большевиков, защищал военщину и рисовал ужасы восстания. «Вся власть Советам — это означает смерть. Грабители и воры ожидают этого момента для грабежей и поджогов». После Дана с речью выступил т. Троцкий. Среди выступавших после него нужно отметить Либера, который прибегнул к Марксу для того, чтобы опровергнуть точку зрения т. Троцкого.

> «Энгельс и Маркс сказали, что пролетариат не имеет права захватывать власть до тех пор, пока он не готов к ней. В такой буржуазной революции, как наша, захват власти массами означает трагический конец революции... Троцкий, социал-демократ-теоретик, выступает против себя, против того, что он теперь защищает (в качестве политического вождя. *Ред.*)».

В конце заседания, после ухода большевиков, ЦИК принял резолюцию, в которой высказывался против переворота.

44) Здесь имеются в виду события 3—4 июля. У Джона Рида события приведены по новому стилю.

45) «Новая Жизнь» от 25 октября дает следующее описание этого события, сыгравшего крупную роль в те дни.

> *«Закрытие газет «Рабочий Путь» и «Солдат».*
>
> Вчера в 5 час. 30 мин. утра по распоряжению Временного Правительства в типографию «Рабочий Путь» явился комиссар 3 Рождественского района с отрядом юнкеров и предъявил приказ Полковникова о закрытии газет «Рабочий Путь» и «Солдат», а также о закрытии типографий. Выпускающий номер газеты П. Гальперин заявил, что, по имеющимся у него сведениям, Полковников уже больше не главнокомандующий, и что вообще он не признает никаких приказов, откуда бы они ни исходили, без санкции Военно-Революционного Комитета Петр. Сов. Р. и С. Д., и от принятия приказа отказался. Комиссар, переговорив с кем-то по телефону, заявил, что он приказ должен исполнить. После этого были испорчены матрицы, запечатана типография и 8 тысяч напечатанных номеров. Обо всем происшедшем был составлен акт.
>
> Военно-Революционный Комитет, извещенный об этом, прислал в 11 час утра караул 6 саперного и Литовского полка, который принял охрану типографии и редакции.

Отпечатанные 20 экземпляров газеты были взяты из опечатанной типографии и получили распространение.

В 2 часа дня явился в типографию комиссар Военно-Революционного Комитета и предъявил ордер, печатаемый в тексте».

Утром 24-го Военно-Революционным Комитетом была разослана на адрес полковых комитетов и комиссаров гарнизона следующая телеграмма-приказ:

«Петроградскому Совету Р. и С. Д. грозит опасность из окрестностей: ночью контр-революционные заговорщики пытались вызвать юнкеров и ударные батальоны. Закрыты газеты «Солдат» и «Рабочий Путь».

Предписываем вам привести полк в положение боевой готовности и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление или неисполнение приказа будет считаться изменой революции. За председателя *Подвойский*. Секретарь *Антонов*».

Попытка штаба округа вызвала возмущение масс. Посылая солдат для охраны печати, Военно-Революционный Комитет уже действовал, как революционная власть.

О том впечатлении, какое произвел на Ленина этот решительный шаг Ревкома, дает нам представление следующее место из книги Л. Д. Троцкого «О Ленине»:

«Помню, огромное впечатление произвело на Ленина сообщение о том, как я вызвал письменным приказом роту Павловского (здесь неточность: в действительности Литовского. *Ред.*) полка, чтобы обеспечить выход нашей партийной и советской газеты.

— И что ж, рота вышла?

— Вышла.

— Газеты набираются?

— Набираются.

Ленин был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук. Потом он стал молчаливее, подумал и сказал: «Что ж, можно и так. Лишь бы взять власть» (стр. 75).

[46]) Делегация, о которой говорит т. Троцкий, посетила его в Смольном во время заседания фракции большевиков Всероссийского Съезда и поставила ему ряд вопросов о выступлении, о мерах, предполагающихся для обеспечения порядка, обысках и, наконец, вопрос, достойный этих мелких буржуа: разгонит ли Совет после захвата власти Государственную Думу ввиду ее враждебного отношения к перевороту.

Подробное изложение этого разговора дается в отчете «Новой Жизни» о заседании городской думы.

«Председатель Совета Троцкий на заданный ему вопрос о готовившемся выступлении заявил, что никакого распоряжения или приказа о выступлении с целью немедленного захвата власти Совет не издавал. Вопрос о передаче власти Советам подлежит компетентному решению Съезда Советов. Если бы Съезд стал на иную точку зрения и лозунга о переходе власти не принял, то Петроградский Совет подчинится воле этого решения и не пойдет вразрез с велениями съезда. Однако, за такое течение положения вещей сейчас

поручиться трудно. Совет выступать сегодня не думает, но правительство провоцирует такое выступление своими действиями. К такого рода действиям следует отнести и намерение правительства издать приказ об аресте Военно-Революционного Комитета. Иначе, как на насилие, на это, конечно, посмотреть нельзя. И иного ответа, как беспощадная вооруженная борьба против такого насилия, революционные рабочие и революционная армия дать не могут.

Затем Троцкий дал ответ делегации на вопрос, что намерен предпринять Совет для предупреждения обысков, грабежей и всякого рода эксцессов. Совет и эту сторону предвидел. Военно-Революционным Комитетом отдан приказ по гарнизону принять все меры к поддержанию порядка, причем во все полки назначены комиссары, обязанность которых следить за выполнением задачи в каждой данный момент.

На указание одного из членов делегации, что единственно правомочным органом в столице является городское самоуправление, и потому важно знать, как отнесется Совет к тому, если позиция городского самоуправления окажется в противоречии в программой действий Совета, Троцкий заявил, что в этом случае в отношении городского самоуправления может быть применен лишь конституционный метод — именно роспуск городской думы».

Изложение этого разговора в передаче самого Л. Д. Троцкого см. в письме Жакова (приложение 6-ое).

[47]) *Лазимир* — левый эсер, принадлежавший к той части этой партии, которая рука об руку работала с большевиками по подготовке вооруженного восстания. В 1918 году после июльского восстания левых эсеров, Лазимир перешел в РКП. Позднее он работал в армии на юге. В августе 1919 года при эвакуации Киева он заболел тифом и умер.

[48]) Фактически левые эсеры так и не осуществили свое запоздалое намерение о выходе из Предпарламента. Еще на последнем заседании от 24 октября, лидеры левых эсеров—Карелин и Камков—выступали в прениях после знаменитой речи Керенского. Фракция левых эсеров голосовала вместе с другими фракциями, входившими в состав так называемого левого блока, за резолюцию открытого недоверия Керенскому, которая была принята Предпарламентом на заседании от 24 октября.

[49]) Из министров были арестованы: Прокопович, Кишкин, Рутенберг, Пальчинский, Бернацкий, Коновалов, Маслов, Салазкин, Гвоздев, Малянтович, Никитин, Вердеревский и Терещенко.

[50]) 2-й Съезд Советов еще задолго до своего созыва стал в центре борьбы двух лагерей Советов. На совещании советских делегатов вместе с ЦИК'ом в дни демократического совещания было решено созвать Съезд Советов на 20 октября. Немедленно же после окончания работ совещания, меньшевистско-эсеровское большинство ЦИК'а подняло кампанию за его отсрочку. По политическим соображениям Бюро ЦИК'а отклонило предложение Дана об отсрочке. Зато неофициально шла бешеная работа по подрыву Съезда. Лишь за несколько дней до созыва его, убедившись, что выборы на Съезд происходят оживленно, ЦИК официально известил места о необходимости проведения выборов.

Физиономия Съезда была уже ясна на основании тех областных и губернских съездов, которые происходили перед этим. Так, наприм., областные съезды Урала, Западной области, Поволжья и т. д. прошли целиком под руководством большевиков.

Партийный состав 2 Съезда Советов был следующий: 382 большевика, 31 беспартийный—сочувствующий большевикам, 70 левых эсеров, 5 анархистов, 15 объединенных-интернационалистов, 40 меньшевиков-интернационалистов, 21 меньшевик-оборонец, 7 нац. с.-д., 36 эсеров центра, 16 правых эсеров, 3 нац. эсера. Большевики имели на Съезде абсолютное большинство. В Президиум Съезда было избрано 14 большевиков, 7 эсеров, 3 меньшевика и 1 ново-жизненец.

В повестке дня Съезда стояли вопросы: 1) об организации власти, 2) о войне и мире, 3) об Учредительном Собрании.

После ухода меньшевиков и эсеров со Съезда, основные решения—декрет о мире и декрет об отмене частной собственности на землю, принимались почти единогласно. Съезд вынес также постановление об отмене восстановленной Керенским смертной казни на фронте и образовал Совнарком.

[51]). Уход меньшевиков и эсеров регистрировал тот политический факт, что они потеряли всякую надежду на предотвращение официального переворота. Одновременно этот уход означал, что меньшевики и эсеры уходили от рабоче-крестьянской массы, от Советов к контр-революции. Даже меньшевик Суханов вынужден признать, что этот уход был бессмысленным.

> «Ведь Совет, это—сама революция. Без Совета она никогда не существовала,—и могла ли она существовать? Ведь в Совете, боевом органе революции, всегда были организованы и сплочены революционные массы. Куда же уйти из Совета? *Ведъ это значит формальнo порватъ с массой и с революцией»* (7-я книга, 192 стр. Курсив наш).

После оглашения Хинчуком заявления об уходе, на заседании Съезда поднялась буря негодования. Уходящих меньшевиков сопровождали возгласы: «Дезертиры... Ступайте к Корнилову, лакеи буржуазии... Враги народа». После ухода правых меньшевиков и эсеров с речами выступили меньшевики Абрамович, Кучин и Мартов. С ответом на их речи и выступил т. Троцкий. Ввиду того, что в отчете сохранилась лишь оглашенная им резолюция, мы приводим эту речь в изложении Суханова:

> «Восстание народных масс не нуждается в оправдании. То, что произошло, это восстание, а не заговор. Мы закаляли революционную энергию петербургских рабочих и солдат. Мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор... Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю, с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда или которые делают это предложение? Но ведь мы видели их целиком. Больше за ними нет никого в России. С ними должны заключить соглашение, как равноправные стороны, миллионы рабочих и крестьян,

представленных на этом Съезде, которых они не первый и не в последний раз готовы променять на милость буржуазии. Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда ушел и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы—жалкие единицы, вы—банкроты, ваша роль сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории...» (7-я книга, 203 стр.).

[52]) Этот вопрос совершенно неожиданно всплыл на Съезде в начале прений по декрету о земле. Перед дебатами внеочередное слово взял член Исполкома Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов Пьяных и стал требовать освобождения министров Салазкина и Маслова. После него выступил солдат-эсер из 3 армии и истерически заявил: «Вы здесь сидите и разглагольствуете о передаче земли крестьянам, а в то же время вы совершаете акт тирании и узурпации по отношению к избранным представителям крестьян. Я говорю вам, что, если хотя один волос на голове их пострадает, вы будете иметь дело с восстанием». После этих псевдо-представителей крестьян выступил настоящий крестьянский делегат из Тверской губ., который потребовал не только удержания под арестом указанных министров, но и ареста всего Исполкома Крестьянских Депутатов. После этих ораторов с ответом выступил т. Троцкий.

[53]) *Прокопович*—см. в прим. 261 ч. 1 этого тома.

[54]) *Маслов* (Семен)—социалист-революционер правого крыла, видный деятель кооперации, один из эсеровских специалистов по аграрному вопросу. После ухода «левого» Чернова был введен в министерство Керенского, в качестве министра земледелия. После Октябрьской Революции был одним из руководителей антисоветских элементов в кооперации.

[55]) *Салазкин*—видный кооператор, бывший министром просвещения в последнем кабинете Керенского.

[56]) *Коллонтай*—см. в прим. 178 ч. 1 данного тома.

[57]) *Карелин*—старый эсер, бывший в 1917 г. одним из лидеров левых эсеров. В октябрьские дни и позднее Карелин играл крупную роль в лево-эсеровской фракции ЦИК'а. После раскола левых эсеров, Карелин возглавлял группу так называемых «революционных коммунистов», стоявших за признание диктатуры пролетариата и гегемонии коммунистической партии. В течение 1919—1920 г.г. эта группа влилась в РКП.

[58]) *Авилов*—начал революционную деятельность в 1894 году, в конце 90-х годов принимал участие в легальных журналах, в частности, в журнале «Начало», в котором писал тогда ряд марксистов. В 1905 году принимал участие в харьковском восстании. В 1905 и последующих годах Авилов выдвинулся в качестве большевистского литератора. После Февральской революции Авилов уходит из партии и примыкает к «новожизненцам». В 1917—1918 г.г. Авилов является членом Центрального Комитета социал-демократов-интернационалистов,—группы, пытавшейся занять позицию примирителя в гражданской войне. После выхода из этой организации в 1918 году, Авилов не принимает активного участия в политической жизни, а работает, главным образом, как статистик-экономист. В дни октября Авилов был одним из немногих членов ЦИК'а от «новожизненцев»

[59]) Настоящая речь была произнесена по вопросу об организации правительства. Специального доклада по этому вопросу не было. На заседании от 26 октября Каменевым был оглашен следующий декрет:

«Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов постановил: Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного Собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. Заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной Съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т.-е. Совету Народных Комиссаров. Контроль над деятельностью Народных Комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому Съезду Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету.

В настоящий момент Совет Народных Комиссаров составляется из следующих лиц:

Председатель Совета—Владимир Ульянов (Ленин). Народный комиссар по внутренним делам — А. И. Рыков. Земледелия — В. П. Милютин. Труда — А. Г. Шляпников. По делам военным и морским — Комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и Дыбенко. По делам торговли и промышленности — В. П. Ногин. Народного просвещения — А. В. Луначарский. Финансов — И. И. Скворцов. По делам иностранным — Л. Д. Бронштейн (Троцкий). Юстиции — Г. И. Оппоков (Ломов). По делам продовольствия — И. А. Теодорович. Почт и телеграфов — Н. П. Авилов (Глебов). Председатель по делам национальностей — И. В. Джугашвили (Сталин). Пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незамещенным».

После оглашения этого декрета с речами выступили *Авилов*, новожизненец, и левый эсер Карелин. Все их доводы были лишь повторением тех доводов, которые были тщательно рассмотрены Лениным в его брошюре «Удержат ли большевики государственную власть», т.-е. об изоляции, необходимости коалиции, отсутствии надежд на близкую революцию в Европе и т. д., и т. д. От имени обеих этих групп Авилов зачитал следующую резолюцию:

«Признавая, что для спасения завоеваний революции необходимо немедленное образование правительства, опирающегося на революционную демократию, организованную в Советах Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов, признавая далее, что задачей этого правительства является скорейшее достижение демократического мира, передача земли в распоряжение земельных комитетов, организация контроля над производством и созыв в назначенный срок Учредительного Собрания, Съезд постановляет: выбрать временный Исполнительный Комитет для создания правительства по соглашению

с теми группами революционной демократии, которые действуют на съезде».

Резолюция Авилова собрала ничтожное меньшинство голосов. Помимо интернационалистов за нее голосовали левые эсеры и группа Викжеля. С ответом Карелину и Авилову выступил т. Троцкий, который и произнес настоящую речь.

[60]) Здесь намекается на передовицу от 23 сентября, в которой утверждалось, что пролетариат не может взять власть, ибо пролетариат изолирован и т. д. Опровержению этих новожизненских аргументов в свое время была посвящена брошюра Ленина «Удержат ли большевики государственную власть».

[61]) К этой группе левых эсеров принадлежал Лазимир и др.

[62]) Большинство левых эсеров, в том числе и Карелин, как известно, занимали нейтральную позицию во время Октябрьского восстания. Как партия, левые эсеры вошли в состав правительства лишь в середине ноября.

[63]) Левый блок в Предпарламенте составился из право-социалистических партий, ново-жизненцев, группы Мартова и левых эсеров. В течение октября выступления представителей этих партий ярко отражали все шатания и колебания мелко-буржуазной демократии. Классическим в этом отношении было заседание Предпарламента 24 октября, где представители левого блока обрушились и на большевиков, и на Керенского.

[64]) *Дан* — см. прим. 120 ч. 1 этого тома.

[65]) *Либер* — один из вождей меньшевиков. Свою деятельность, в качестве социал-демократа, Либер начал в Бунде, руководителем которого он оставался до 1918 г. На 2 съезде партии Либер руководит делегацией Бунда. В последующие годы он примыкает к меньшевикам и в качестве одного из руководителей последних выступает на всех съездах Р. С.-Д. Р. П. В 1917 г. Либер вместе с Даном является главным лидером партии меньшевиков и соглашательского ЦИК'а. После Октябрьской революции Либер эволюционирует еще более вправо и возглавляет в партии меньшевиков «активистское» течение, стоявшее на точке зрения необходимости вооруженной борьбы с Советской властью. В последние годы, Либер отошел от активной политической деятельности.

[66]) *Кишкин* — см. прим. 236 в ч. 1 этого тома.

[67]) *Подвойский* — старый большевик. В период керенщины был одним из руководителей военной организации нашей партии. В дни Октябрьской революции Подвойский проделал громадную работу в качестве одного из организаторов Питерского восстания и руководителей Военно-Революционного Комитета. В первые месяцы после Октября Подвойский был Наркомвоеном. В годы гражданской войны он занимает ответственнейшие военные посты; в 1919 г. Подвойский, напр., является Наркомвоеном Украины. Позднее Подвойский уходит на работу Всевобуча, в качестве руководителя которого он работает до 1923 года.

[68]) *Полковников* — командующий войсками Петроградского округа в Октябрьские дни. В момент самого восстания, его, в качестве руководителя обороны Временного Правительства, заменил Кишкин. После свержения Временного Правительства антисоветские круги снова привлекли

его, как спеца, для руководства подготовкой военного заговора против Советской власти.

[68a]) «*Комитет Спасения Родины и Революции*» сыграл свою роль в первые дни после Октября. Он был первой организацией *гражданской войны*, объединившей *всю* контр-революцию. «Комитет спасения» вырос из Комитета общественной безопасности, образованного Петроградской городской думой 24 октября. Задача этого последнего была очень скромная: «охрана общественной безопасности». После ухода меньшевиков и эсеров со Съезда все антисоветские партии решили создать организацию, которая могла бы противопоставить себя Советскому Правительству. На заседании Петроградской думы вместе с ушедшими делегатами Съезда Советов и Исполкомом Совета Крестьянских Депутатов было принято воззвание, в котором говорилось:

«*Гражданам Российской Республики.*

25 октября большевиками Петрограда, вопреки воле революционного народа, преступно арестована часть Временного Правительства, разогнан Временный Совет Российской Республики и объявлена незаконная власть. Насилие над правительством революционной России, совершенное в дни величайшей опасности от внешнего врага, является неслыханным преступлением против родины. Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает желанный мир. Гражданская война, начатая большевиками, грозит ввергнуть страну в неописуемые ужасы анархии и контр-революции и сорвать Учредительное Собрание, которое должно упрочить республиканский строй и навсегда закрепить за народом землю. *Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции, учрежденный в ночь 7 ноября, возьмет на себя инициативу воссоздания Временного Правительства, которое, опираясь на силы демократии, доведет страну до Учредительного Собрания и спасет ее от контр-революции и анархии.* Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции призывает вас, граждане: Не признавайте власти насильников. Не исполняйте их распоряжений. Встаньте на защиту родины и революции. Поддерживайте Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции».

Таким образом, Комитет Спасения официально заявлял, что он является преемником Временного Правительства. Последующие дни показали, что он принимает все меры к тому, чтобы претворить в действие лозунги своего воззвания. Комитет Спасения был организатором и политическим руководителем *юнкерского восстания в Петрограде*. 29 октября он выпустил воззвание за подписью председателя Совета Республики Авксентьева, председателя «Комитета Спасения» Гоца и друг., в котором гарнизону предлагалось сложить оружие, «воинским частям, опомнившимся от угара большевистской авантюры, немедленно стягиваться к Николаевскому Инженерному училищу». Через день, когда восстание было подавлено, руководители последнего отказались в печати от авторства воззвания. Вторым делом «Комитета Спасения» было выступление в Москве, с полковником Рябцевым во главе. Программа Комитета была кратко, но ярко изложена одним членом ЦИК'а в его беседе с Сухановым: «Что делать?

Собрать войска и разогнать эту сволочь. Вот что делать!». Состав Комитета определяется теми подписями организаций, которые стояли под первым воззванием Комитета. Помимо основных организаций — в большинстве эсеровской городской думы Петрограда, коалиционного Совета Республики и старого ЦИК'а, здесь стояли подписи «социалистических» партий—меньшевиков, эсеров, народных социалистов и группы «Единство».

После первых поражений «Комитет Спасения» не пресек своей деятельности. В последующие недели Комитет старался возглавить саботаж против Советского Правительства и распространить свое влияние на провинцию. Еще 4 ноября он обратился с призывом к городским самоуправлениям и «демократическим» организациям: «1. Не признавать большевистского правительства и бороться с ним. 2. Образовать местные комитеты Спасения Родины и Революции, которые должны объединить все демократические силы для содействия Всероссийскому Комитету Спасения в его задачах, и в тех целях войти в теснейшую связь друг с другом и с Всероссийским Комитетом Спасения». Хотя 8 ноября декретом Военно-Революционного Комитета «Комитет Спасения» был распущен, но деятельность контр-революции не прекратилась. На место «Комитета Спасения» создалась другая организация—«Союз возрождения России», под руководством которого протекала вся контр-революционная деятельность 1917—1918 г.г.

[69]) Юнкерское восстание 29 октября 1917 года в Петрограде подготовлялось ЦК партии эсеров при непосредственном руководстве членов ЦК — Авксентьева и Гоца. Официально же было условлено действовать под ширмой «Комитета Спасения Родины и Революции». Боевым штабом по подготовке свержения Советской власти была специальная «военная комиссия», выделенная 3 съездом партии эсеров. В особом совещании, в котором участвовали Авксентьев, Богданов, Гоц и командующий Петроградским военным округом полковник Полковников, был утвержден план восстания и выделен особый боевой штаб для непосредственного руководства этим восстанием. Во главе этого штаба был поставлен полковник Полковников. По плану юнкерские части должны были двинуться к Петропавловской крепости, куда одновременно должны были прибыть и другие надежные части, рассчитывая, что присоединятся и казачьи части, когда они увидят, что восстание началось и проходит успешно. После занятия Петропавловской крепости предполагалось захватить Смольный, а затем уже ударить в тыл советским войскам в тот момент, когда Петроградский гарнизон будет принимать на себя удары войск Керенского и Краснова с фронта. 28 октября руководители восстания узнали, что Смольный осведомлен о предполагаемом восстании и принимает решительные меры к его ликвидации. Это заставило форсировать восстание. В результате этого и был издан соответствующий приказ, подписанный Авксентьевым и Гоцем:

«Войсками Комитета Спасения Родины и Революции освобождены почти все юнкерские училища и казачьи части, захвачены броневые и орудийные автомобили, занята телефонная станция и стягиваются силы для занятия оказавшихся благодаря принятым мерам совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института, последних убежищ большевиков. Предлагаем сохранять полнейшее спокойствие, оказывая всемерную поддержку

комиссарам и офицерам, исполняющим боевые приказы командующего армией спасения родины и революции Полковникова и его помощника Краковецкого, арестовывая всех комиссаров так называемого Военно-Революционного Комитета. Всем воинским частям, опомнившимся от угара большевистской авантюры, приказываем немедленно стягиваться к Николаевскому Инженерному училищу. Всякое промедление будет рассматриваться, как измена революции, и повлечет за собой принятие самых решительных мер».

Вначале юнкера имели некоторый успех. Удалось захватить Михайловский манеж (стоянка бронемашин) и телефонную станцию. Через 2 — 3 часа Советская власть мобилизовала силы, оцепила юнкерские училища, и восстание было быстро ликвидировано почти исключительно петроградским пролетариатом и моряками.

[70]) Комиссаром при Полковникове был штабс-капитан Малевский.

[71]) *Муравьев* — подполковник, примкнувший в эпоху керенщины к левым эсерам. Этот крен налево Муравьев совершил скорее в силу своего опального положения при Керенском, чем по соображениям принципиального политического свойства. В первые дни Октябрьской революции Муравьев оказал большие услуги Советской власти в качестве командующего войсками, действовавшими против Гатчинских отрядов Керенского и ген. Краснова. В обстановке полного саботажа командного состава и нерешительной позиции левых эсеров, деятельность Муравьева, несомненно, шла на пользу революции. Весною 1918 года он был назначен командующим войсками Восточного фронта, который тогда открылся в связи с чехо-словацким мятежом. Но в июле 1918 года, одновременно с восстанием левых эсеров в Москве, Муравьев открыл Восточный фронт, отдав распоряжение снять большинство частей и направить их на Москву. Не поддержанный войсками, он застрелился. Подробнее о нем см. в статье «Петроград» в VIII отделе данного тома.

[72]) К сожалению, персональный состав этой комиссии выяснить не удалось.

[73]) Как известно, восстание 25 октября лишь на момент парализовало контр-революцию. Через несколько дней начался ее напор с разных сторон. За пределами Питера действовал Керенский. После взятия Зимнего дворца и низложения Временного Правительства, Керенский бежал из Петрограда навстречу войсковым частям, вызванным им с фронта для подавления движения большевиков. По прибытии в Псков им был издан приказ, в котором предлагалось всем войсковым начальникам оставаться на своих постах, как остается и он сам до объявления нового состава Временного Правительства. В самом Петрограде буржуазия с социал-предателями, вышедшими из состава 2 Съезда Советов, организовалась вокруг Комитета Спасения Родины и Революции и городской думы, поведя самую бешеную агитацию против новой власти. 29 октября было организовано юнкерское восстание, быстро ликвидированное Военно-Революционным Комитетом. Ведшиеся в это время переговоры между большевиками и левыми эсерами, с одной стороны, и остальными партиями, с другой, по вопросу об обще-демократической коалиции, не налаживались, вследствие того, что правые эсеры и меньшевики-обо-

ронцы, надеясь на победу Керенского, не считали возможным образование правительства с участием большевиков. Начавшиеся до этого частичные бои с войсками Керенского (фактически—Краснова) дали последнему некоторый успех, и ему удалось захватить Гатчину, разогнав Гатчинский Совет. 30 октября вечером войска Советов повели общее наступление, заняли Царское Село. Бои под Пулковым имели решающее значение для революции. В случае поражения войск Советов, контр-революция залила бы кровью революционный Питер. Победа же Красной Гвардии, вселяя бодрость в массы рабочих и солдат, оказала решающее влияние на победу Советов в других местах России. В тесной связи с поражением Керенского стоит поражение контр-революции в Москве. Пулковским боем «армия» Керенского, и без того нестойкая, была совершенно разложена. Командующий этой «армии»,—казачий генерал Краснов был арестован, а сам Керенский ночью должен был спастись бегством.

[74]) *Вальден*—см. о нем в тексте настоящей книги «Воспоминания об октябрьском перевороте».

[75]) Генерал *Черемисов*—начальник штаба 12 армии, оперировавшей под Ригой. При Керенском был командующим Северным фронтом. Ему принадлежит издание приказа о выводе петроградского гарнизона в октябрьские дни.

[76]) *Мартов*—см. прим. 86 в 1 ч. III т.

[77]) Об этом митинге мы находим следующее интересное место в книге Милюкова «История революции»:

> «Отсрочкой выступления большевики воспользовались, прежде всего, для закрепления своих позиций среди петроградских рабочих и солдат. Троцкий появлялся на митингах в разных частях Петроградского гарнизона. Созданное им настроение характеризуется тем, что, например, в Семеновском полку выступавшим после него членам ЦИК, Скобелеву и Гоцу, не давали говорить. Троцкий дал лозунг—ждать инструкций Всероссийского Съезда Советов. 19 октября (в действительности 18/X) состоялось закрытое заседание полковых и ротных комитетов. После докладов с мест выступил Троцкий и прямо указал на цели собрания: «У нас нет решения о сроке выступления, но правительство желает пойти на открытую борьбу с нами, и мы примем бой, петроградский гарнизон воспротивится выводу войск на фронт» (195—196 стр.).

[78]) *Пораделов*—был в то время генерал-квартирмейстером штаба Петроградского военного округа.

[79]) Как известно, в первой половине октября военный руководитель контр-революции на северо-западе генерал Юденич делает вторую попытку наступать на Петроград. 28 сентября войска Юденича начали наступление и к 11 октября заняли Ямбург. Главные силы Юденича действовали вдоль железной дороги Ямбург—Гатчина, вспомогательный удар, который должен был обеспечить возможность захвата Петрограда, наносился в направлении на Лугу и вдоль южного побережья Финского залива. 17 октября белые без боя заняли Гатчину и Струги-белые. Таким образом, создалась серьезная угроза красному Петрограду. Левый фланг 7-й армии находился на расстоянии 15 верст от Николаевской железной дороги;

перерыв этой дороги неминуемо привел бы к возможности для Юденича прорваться в Петроград. 18 октября генерал Родзянко, один из ближайших помощников Юденича, ставит себе задачу овладеть Петроградом. В связи с этим на фронт были выброшены группы лучших коммунистов, частично сменен командный состав, усилена агитация и, наконец, по приказанию т. Троцкого, удвоен продовольственный паек. Командующим армией был назначен тов. Надежный. Бывший командарм Харламов был поставлен во главе Колпинской ударной группы.

Несмотря на эту подготовку, 5 Ливенская дивизия, действовавшая на левом фланге I корпуса противника, продолжала 18—19 октября теснить наши части и заняла предместье Лигово. Главное командование и Петроградский Совет сознавали возможность прорыва белых в самый город. Здесь была произведена деятельная подготовка к внутренней обороне. Весь город был разбит на районы, важнейшие пункты опутывались проволокой, укреплялись канавы, скверы, стены, заборы и дома; вся южная часть города превратилась в импровизованную крепость.

К вечеру 20 октября части 7-й армии отошли на линию Пулковских высот. На этом рубеже разыгрались решительные бои. Заняв Детское Село, противник в ночь с 20-го на 21-е наступал на Пулковские высоты с целью прорваться в Петроград. К этому моменту в районе Колпино и Тосно мы уже имели сосредоточившейся группу т. Харламова. В 23 часа 20 октября началось наше контр-наступление. Противник Пулковских высот не занял, и в кровопролитном бою 21—22 октября ему нанесен первый удар.

21 октября, когда армия генерала Юденича, упорно обороняясь, стремилась обеспечить левый фланг отступающих частей, в Капорском заливе было замечено движение судов противника; так как учитывалась возможность высадки неприятельского десанта, командование Балтийским флотом предприняло ночную операцию по заграждению минами залива. В дальнейшем наши части все время теснят противника, и 31 октября 15 армия занимает Лугу.

Так была окончательно разбита попытка занять Петроград. Разгром Юденича совпал с поражением Деникина.

[80]) *Восков*—начал революционную деятельность в начале 900-ых годов. Через несколько лет вынужден был эмигрировать за-границу. С 1907 г. Восков участвовал в деятельности русской секции американской социалистической партии. Во время войны он был членом редакционной коллегии интернационалистской газеты «Новый Мир». После февраля, приехав в Россию, он стал активным работником питерской организации большевиков. После Октябрьской революции, Восков работал по продовольствию, а затем был переброшен на военную работу. Он умер в начале 1920 г. от тифа на посту комиссара дивизии в армии Буденного.

[81]) Это совещание происходило 29 октября. См. в VII отд. «Доклад на совещании полковых представителей петроградского гарнизона».

[82]) Настоящее воспоминание является стенографической,—впрочем, очень путаной,—записью речи Л. Д. Троцкого на вечере воспоминаний, созванном Истпартом в связи с 4-летием Октябрьской революции. Записана она столь небрежно, что при первом просмотре оказалось, что у речи

нет конца, ибо в нее была вплетена речь последующего оратора. Отчет о заседании был помещен в № 10 «Пролетарской Революции» за 1922 г.

83) Здесь имеется в виду заседание солдатской секции Петроградского Совета от 6 октября. Речь Л. Д. Троцкого на нем и резолюцию см. в 1-ой части данного тома, в отделе «Вокруг Предпарламента».

84) *Мехоношин* в 1917 г. был одним из активных работников военной организации большевиков. В дни Октября принимал энергичное участие как член Революционного Комитета Петрограда. В последующие годы Мехоношин работает на ответственных постах Красной Армии, а затем переходит на работу во Всевобуч, начальником которого состоит с 1923 г.

85) Здесь имеется в виду Бройдо.

86) Это не совсем точно, если считать датой образования Военно-Революционного Комитета принятие Петроградским Советом решения о создании В.-Р.К.: это заседание последнего, как известно, произошло 16 октября. Заседание же ЦК было 10.

87) *Калинин* — один из старейших работников нашей партии. Работал, главным образом, в петроградской организации. В 1917 г. был членом питерской городской управы от большевиков. После смерти Свердлова был избран Председателем ВЦИК'а, на каком посту работает до настоящего времени.

88) Этот запрос был сделан во время речи т. Троцкого по вопросу о «выступлении большевиков» на заседании Петросовета от 18 октября. См. эту речь в тексте данной книги.

89) Из предыдущего ясно, что это не так. Это заседание состоялось *десятого* октября.

90) *Иоффе* — старый участник с.-д. движения. Перед войной примыкал к венской «Правде». После февральской революции был сторонником немедленного объединения с большевиками. После Октябрьской революции, в которой принимал активное участие, работал все время в Наркоминделе, будучи одним из руководителей последнего. В 1920 году был председателем советской делегации на Рижской конференции по заключению мира между Польшей и Советской Россией. В 1921—1923 годах Иоффе был представителем в Китае, ведя одновременно переговоры с Японией. В 1924 году он был членом советской делегации на англо-русской конференции в Лондоне.

91) *Урицкий* — долгое время работал в рядах Р. С.-Д. Р. П. До войны Урицкий примыкал к меньшевикам. В 1910 г. он был меньшевиком-партийцем. В эпоху войны Урицкий был одним из активных сотрудников интернационалистской газеты «Наше Слово». После своего возвращения в Россию, он входит в межрайонную организацию и вместе с Л. Д. Троцким работает над объединением последней с большевиками. После Октябрьской революции Урицкий работает на ответственнейшем посту комиссара Учредительного Собрания (см. его доклад в приложении № 17). В 1918 г. с разгулом контр-революции его назначают руководителем Петроградской Ч. К. На этой боевой работе он возбуждает к себе ненависть бело-эсеров и падает жертвой эсеровской пули осенью 1918 г.

92) *Уншлихт* — один из активных участников с.-д. движения в Польше. В годы гражданской войны работал в В. Ч. К. и был одним из руково-

дителей последней. Во время войны с Польшей Уншлихт был членом Реввоенсовета Западного фронта и входил в состав Революционного Комитета Польши. С 1924 года он работает в Реввоенсовете СССР, в качестве его члена и Комиссара Штаба.

[93]) Здесь ошибка. Этим полком был *Литовский*, а не Волынский. См. текст этого приказа в VII отделе настоящей книги.

[94]) Подвойский здесь делает ошибку. Это заседание было 10-го.

[95]) Заседание на квартире Суханова, как указано выше, произошло не 14—15, а 10 октября.

[96]) *Ломов* (Оппоков) — старый участник социал-демократического движения. В дни Керенского работал в Москве, был членом Московского Областного Комитета. На 2 Съезде Советов был избран в состав Совнаркома в качестве Наркома юстиции. В дни Бреста Ломов примыкал к крайнему крылу левых коммунистов. На протяжении гражданской войны он работал в различных хозяйственных органах. В 1922—1924 годах Ломов был председателем нефтяного синдиката.

[97]) *Яковлева* — старый активный работник большевистской фракции. Работала, главным образом, в Московской окружной организации. В 1917 г. Яковлева была одним из руководителей Московской организации, а в октябрьские дни входила в Военно-Революционный Комитет Москвы. В первые годы Сов. власти она работала в Петрограде в Чрезвычайной Комиссии. Позднее Яковлева была секретарем Московской организации и Сибирского Бюро Центрального Комитета. В 1922—1924 годах Яковлева работала в Наркомпросе в качестве заместителя Наркома и заведывающего Главным Комитетом по профессионально - техническому образованию (Главпрофобр).

[98]) *Свердлов* — один из лучших организаторов нашей партии в эпоху подполья. В течение своей нелегальной деятельности Свердлов работал почти во всех областях России и перебывал во многих тюрьмах и ссылках. На апрельской конференции 1917 года Свердлов был избран в Центральный Комитет. Вплоть до октябрьских дней на плечах Свердлова, главным образом, протекала организационная работа Центрального Комитета партии. В ноябре 1917 года Свердлов был избран председателем ЦИК'а, на каковом посту он пробыл до самой своей смерти. На этой работе развернулись организаторские способности Свердлова. Возглавляя ЦИК, Свердлов одновременно руководил всей организационной работой ЦК. Связанный нитями подпольной работы со всей старой гвардией большевизма, он проделал гигантскую работу по распределению партийных сил на советскую и партийную работу. Его смерть, последовавшая в марте 1919 года, лишила партию незаменимого организатора.

[99]) Здесь произошло, повидимому, недоразумение. Оппоков является одновременно и Ломовым, о котором только что упоминалось. Поэтому на заседании присутствовало не два лица—Ломов и Оппоков, а одно—Ломов (Оппоков).

[100]) *Ногин*—рабочий, вошедший в революционные ряды движения в 1890-х г.г. В довоенный период Ногин был одним из крупнейших организаторов большевистской партии. Под псевдонимом «Макар» он работал во многих организациях. Одновременно Ногин сыграл крупную роль в раз-

витии профессионального движения, и прежде всего среди текстильщиков, из среды которых он сам вышел. В 1917 году Ногин был одним из руководителей Московской организации. После перехода Московского Совета в руки большевиков, он был избран председателем последнего. В идейной борьбе между различными течениями нашей партии в 1917 году Ногин примыкал к правому крылу. В ноябре 1917 г. он был в числе тех членов ЦК, которые подали в отставку в связи с разногласиями по вопросу о социалистическом правительстве. На 2 Съезде Советов он был выбран в состав Совнаркома в качестве Наркома торговли и промышленности. В годы Сов. власти Ногин занимал крупнейшие хозяйственные посты. В последние годы он был председателем текстильного синдиката. Одновременно он нес большую партийную работу, в частности, был председателем Центральной Ревизионной Комиссии. В 1924 году скончался от тяжелой болезни.

[101]) *Рыков*—один из старейших работников нашей партии, работал в различных городах центральной России. На III Съезде партии вошел в Центральный Комитет. В годы реакции, во время фракционных разногласий, Рыков возглавлял группу большевиков-партийцев, настроенных более примирительно, чем Ленин, по вопросу об объединении различных фракций Р. С.-Д. Р. П. В 1917 году он работал в Москве, возглавляя вместе с Бухариным, Осинским и др. местную организацию. На 2 Съезде Советов Рыков был избран Народным Комиссаром внутренних дел. В годы гражданской войны Рыков занимал ответственнейший пост Чрезвычайного уполномоченного по снабжению армии (Чусоснабарм). Одновременно он возглавлял Высший Совет Народного Хозяйства, председателем которого, с небольшими перерывами, он был до февраля 1924 года. После смерти Ленина, Рыков был избран Председателем Совета Народных Комиссаров СССР и РСФСР.

[102]) *Сталин*—один из крупных организаторов большевистской фракции до войны. На апрельской конференции 1917 года был избран в Центральный Комитет. Вместе со Свердловым он руководил организационной работой ЦК в эпоху керенщины. На 2 Съезде Советов Сталин был избран Наркомом по национальным делам. На этом посту он пробыл вплоть до ликвидации этого Комиссариата в 1923 году. В годы гражданской войны Сталин работал также в армии, как член Революционного Военного Совета Республики и отдельных фронтов. В последние годы он работает в качестве генерального секретаря ЦК РКП.

[103]) *Шаумян*—родился в Тифлисе в 1878 г. Его общественно-революционная деятельность начинается в 1899 г., среди революционного студенчества. До революции он принимал активное участие в нелегальной работе на Кавказе. После февраля становится одним из руководителей кавказской организации. Еще до Октябрьской Революции Шаумян был избран бакинскими рабочими председателем Бакинского Совдепа. Под его руководством прошел год напряженной борьбы, которая закончилась мартовским (в 1918 г.) переворотом, установившим диктатуру пролетариата. Шаумян становится во главе Бакинского Совнаркома—в качестве председателя, одновременно занимая пост Комиссара по иностранным делам. После оккупации Баку англичанами Шаумян был расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров 20 сентября 1918 г.

[104]) См. это письмо в прим. 246 части 1 данного тома.

[105]) Это письмо явилось ответом на следующее открытое письмо самокатчиков, опубликованное в том же № «Известий»:

> «*Народному Комиссару тов. Троцкому*. В газете «Новая Жизнь» в № 168 от 31 октября, в статье «Совещание Представителей Петроградского Гарнизона», вами было сказано (привожу, как было в газете): «В Петропавловской крепости группа самокатчиков пыталась сменить караул, с целью освобождения министров».
>
> Считая все это нелепым недоразумением, самокатчики всего батальона просят опровергнуть это сообщение, так как, твердо стоя на страже защиты органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, представителем которого являетесь вы, и считая, что эти данные поступили не из достоверных источников, а потому просим опровержения их.
>
> Мы честно были преданы тому делу, которое творили совместно с вами в дни 25 октября, и подобного обвинения не заслужили. Председатель Батальонного Комитета (подпись). Секретарь (подпись)».

[106]) Вопрос о печати был поставлен на заседании ЦИК в связи с проведением правительством твердой линии по отношению к органам буржуазной печати. Первым выступил Ларин, который заявил, что вопрос о печати нельзя выделить из всех остальных стеснений, применяемых революционной властью,—арестов, обысков и т. п. В теперешнее время, когда мы играем роль конвента, важно, чтоб мы не находились в руках какого-нибудь Муравьева. Вопрос о печати — один из частных вопросов, который нельзя вырывать из общей системы мер охраны революции. После выступления Аванесова и Колегаева с настоящей речью выступил Л. Д. Троцкий. Выступивший после него левый эсер Карелин повторил мелко-буржуазные фразы о свободе и, между прочим, заявил: «тов. Троцкий говорит, что мы рассуждаем с точки зрения капитала. Я скажу, что тот, кто ставит так вопрос, рассуждает с точки зрения собственной власти». Выступивший в дальнейших прениях Ленин целиком поддержал аргументацию Л. Д. Троцкого.

В результате прений, резолюция большевиков (см. текст в данной книге) была принята 34 голосами против 24 при 1 воздержавшемся. В связи с принятием этой резолюции Прошьян огласил от имени фракции левых эсеров следующее заявление:

> «Только что принятая большинством ЦИК резолюция о печати представляет собой яркое и определенное выражение системы политического террора и разжигания гражданской войны. Фракция с.-р., оставаясь в составе ЦИК, как правомочного органа революционной демократии, для того, чтобы защищать интересы рабочих и крестьян, которых она представляет, не желает ни в какой мере нести ответственность за гибельную для революции систему террора и отзывает всех своих представителей из Военно-Революционного Комитета и Штаба и со всех ответственных постов».

[107]) Характеристику политической позиции «Нового Времени» см. в прим. 152 части 1 этого тома.

[108]) *«Русская Воля»* — см. прим. 151 там же.

[109]) На заседании ЦИК'а представители фракции эсеров огласили следующее заявление:

«Фракция левых эсеров предлагает ЦИК обратиться к председателю Совнаркома Ульянову-Ленину со следующим спешным запросом: на 2 Съезде С. Р. и С. Депутатов было установлено, что ЦИК является верховным органом, перед которым в полной мере ответственно правительство, между тем за последние дни опубликован ряд декретов (от имени правительства), без всякого обсуждения и санкции ЦИК. В таком же порядке проведены правительством действия, фактически отменявшие начала гражданских свобод. Мы предлагаем запрос председателю Совета Комиссаров:

1. На каком основании проекты декретов и иных актов не представляются на рассмотрение ЦИК.

2. Намерено ли правительство отказаться от произвольно установленного им совершенно недопустимого порядка — декретирования законов.

В. Карелин, В. Сапиро, А. Шрейдер, В. Дмитриевский-Александрович, И. Нестеров, С. Котляревский, И. В. Балашев, Петр Бухарцев, А. Прошьян, С. Зак, Гр. Закс».

В прениях по этому запросу участвовали Ленин, Колегаев и др. В результате принимается резолюция большевиков 29 голосами против 23 при 2 воздержавшихся (см. эту резолюцию в тексте настоящей книги).

[110]) Эта реплика была вызвана замечанием левого эсера Малкина, утверждавшего, что ультимативная постановка Троцкого: или Авксентьев, или мы — опорочивает вчерашнее постановление ЦИК о переговорах с этими самыми Гоцами и Авксентьевыми.

[111]) *Чичерин*—в молодости был сотрудником министерства иностранных дел, работая в русском посольстве в Берлине. Начал революционную деятельность с 1905 года. В эмиграции Чичерин долгое время был секретарем Центрального Бюро заграничной организации Р. С.-Д. Р. П. До войны Чичерин примыкал к меньшевикам. В эпоху империалистической войны он был сотрудником интернационалистского «Нашего Слова». За свою деятельность против войны был арестован английским правительством и освобожден лишь в конце 1917 года, после сильного давления Наркоминдела. В первые месяцы после возвращения в Россию Чичерин был заместителем Троцкого. После Брестского мира, был назначен Народным Комиссаром иностранных дел и с тех пор бессменно работает на этом посту.

[112]) *Маклин*—см. прим. 36 части 1 данного тома.

[113]) *Карл Либкнехт*—см. там же прим. 48.

[114]) *Фридрих Адлер*—как известно тогда еще сидел в тюрьме и не эволюционировал вправо, в лоно г. Реннеров и К°, которых он резко критиковал в 1916 году. Лишь после революции 1918 года выяснилось, что Фридрих Адлер был временным попутчиком революционного рабочего движения. В конце 1917—начале 1918 г. имя Ф. Адлера было еще крайне популярно в рабочих массах России.

[115]) *Чернов*—см. прим. 33 части 1 данного тома.

[116]) *Гоц*—см. прим. 197 там же.

[117]) *Церетели*—см. прим. 32 там же.

[118]) *Бьюкенен*—английский посол в России. Подробнее о нем см. в прим. 45 части 1 данного тома.

[119]) Эта речь была произнесена в прениях по декрету о праве отзыва, т.-е. о праве перевыборов, оглашенному Лениным. Суть декрета состояла в следующем:

«Съезд С. Р. и С. Д., созванный на паритетных началах в каждом соответствующем избирательном округе, имеет право назначать перевыборы во все городские, земские и вообще во всякие представительные учреждения, не исключая и Учредительного Собрания. По требованию более, чем половины избирателей соответствующего избирательного округа, советы должны назначать перевыборы. Сами же перевыборы происходят обычным порядком на строгих основаниях пропорциональной системы выборов. Вновь избранные представители с момента избрания замещают прежде избранных представителей».

По докладу Ленина выступили левый эсер Карелин, с.-д. интернационалист Крамаров и Лапинский. После Крамарова с речью выступил Л. Д. Троцкий. В результате прений принципиально декрет принимается почти единогласно.

[120]) *Крамаров*—в октябрьские дни был видным с.-д. интернационалистом. Позже вступил в РКП. Последние годы работает по линии кооперации. В своей речи Крамаров заявил следующее: «Проект Ленина—военная хитрость. Это обход вопроса—кто будет хозяином земли русской—Ленин и его товарищи, или кто другой. Проект наталкивает всех на использование права отзыва, для еще большего усиления большевиков. Проект Ленина, это—атака на Учредительное Собрание».

[121]) К сожалению, фамилии этих представителей пока установить не удалось.

[122]) *Пуришкевич*—вышел из среды бессарабских помещиков, наиболее черносотенной части дворянства, давшей целую плеяду вождей монархического движения. В эпоху царизма Пуришкевич был одним из руководителей и главных ораторов монархического блока в Государственной Думе. С трибуны последней он не раз призывал к беспощадной борьбе с революционерами и евреями. При его активном участии создались погромные организации вроде «союза русского народа». У либеральной прессы Пуришкевич был главной мишенью для насмешек и нападок. В эпоху керенщины и первых месяцев Советской власти он арестовывался за свою контр-революционную деятельность.

По данным следственной комиссии, контр-революционная монархическая организация, возглавляемая Пуришкевичем, возникла еще в октябре 1917 года. Целью организации, по словам самого Пуришкевича, было установление твердой власти в стране, в целях победоносного окончания войны, и в дальнейшем — непременного восстановления в России монархии. Пуришкевич сам горячо отстаивал идею тесного сплочения и общности действий между своей организацией и монархистами, кадетами и особенно тесной связи с Савинковым, полагая, что одни монархисты сами по себе слишком слабы, чтобы достигнуть успехов без помощи правых

эсеров. При обыске были найдены подлинники писем к ген. Каледину, в каковых сообщалось, что организация работает, не покладая рук, над созданием полков из офицеров и юнкеров, дабы к моменту ожидаемого подхода Каледина к Петрограду поднять восстание изнутри, свергнуть власть большевиков и расправиться с ними публичными расстрелами и виселицей.

[123]) Заговор против Советов на Урале подготовлялся в Совете Казачьих Депутатов Оренбургского войска, руководимом полковником Дутовым.

С первым же известием об Октябрьской Революции Дутов, опираясь на наиболее надежные казачьи части, юнкеров, прапорщиков и т. п., захватил власть в Оренбурге в свои руки и организовал «войсковое казачье правительство». Одновременно возник и местный «комитет спасения родины и революции», состоявший сплошь из правых эсеров. Фактическая власть принадлежала Дутову и его белогвардейской орде, на долю же эсеров выпала роль лакеев. Дутов начал массовые аресты среди большевиков. Аресты и зверское избиение большевиков вызвали всеобщую стачку оренбургских рабочих во главе с железнодорожниками. Стачка продолжалась около трех месяцев до того момента, когда Красная Армия, наступавшая осенью 1918 г. со стороны Самары, разгромила Дутова. Выгнанный из Оренбурга Дутов со своими приверженцами рассыпался по станицам, откуда организовывал разбойничьи банды. Уральская контрреволюция была окончательно уничтожена лишь после разгрома Колчака.

[124]) *Караулов* — атаман терского казачьего войска 1917 г. (выборный; до 1917 года в казачьих войсках были *наказные* атаманы), б. видный член Гос. Думы (солидаризировавшийся с кадетской фракцией в Думе). В конце 1917 г. Караулов был одним из вождей контр-революции в Терской области. Он руководил также разоружением демобилизованных воинских частей, возвращавшихся с Кавказского фронта, в частности — известной большевистски настроенной 39 дивизии. Убит в конце декабря 1917 г.

[125]) *Набоков* — был одним из видных лидеров кадетской партии, представляя в последней интересы торгово-промышленной буржуазии. После февральской революции он вошел в состав Временного Правительства, в качестве управляющего делами. Позднее правительством Керенского был назначен послом в Англию, что лучше всего свидетельствовало о преемственности, соблюдавшейся этим правительством в отношении иностранной политики Милюкова, ближайшего единомышленника Набокова. В эмигрантских кругах кадетской партии после Октября Набоков возглавлял правое крыло, которое стояло на точке зрения монархической реставрации в России. Вместе с Гессеном Набоков издавал в Берлине газету «Руль». В 1922 году Набоков был убит на лекции Милюкова.

[126]) *Крупенский* — видный царский дипломат, бывший старшиной дипломатического корпуса в Пекине. В годы гражданской войны Крупенский играл крупную роль в подготовке иностранной интервенции в Сибири и считался представителем белогвардейских правительств. Лишь разгром Колчака положил конец официальной контр-революционной деятельности Крупенского в Китае.

[127]) *Бахметьев (Б. А.)* — был назначен послом в Америку при правительстве Керенского. Правительство Вильсона, несмотря на свое заявление в начале 1918 г. о благожелательном отношении к Советской России, не прекратило деятельности Бахметьева, как посла. Весь поток клеветы, лжи и разнообразных подложных документов исходил из кругов, близких к Бахметьеву. В период гражданской войны Бахметьев являлся энергичным защитником адмирала Колчака и атамана Семенова. Несмотря на неоднократные протесты Наркоминдела, Бахметьев пользовался в пресловутой демократии правами посла и беспощадно расточал на контр-революционные цели и личную жизнь крупные суммы, принадлежавшие Российскому Правительству. В последнее время лишенный формальных прав посланника, Бахметьев тем не менее пользуется поддержкой американских правительственных органов в своей антисоветской деятельности.

[128]) Вопрос о свободе печати стал одно время в ноябре 1917 г. в центре внимания политических партий. На контр-революционную по существу позицию требования свободы печати для буржуазной прессы встали не только промежуточные группы вроде левых эсеров и «новожизненцев», но и некоторые работники нашей партии (Ларин и др.). Вопрос о свободе печати специально стоял на заседании ЦИК. После резолюции, предлагавшей вести твердую линию по отношению к буржуазной печати, левые эсеры отказались от сотрудничества в государственной работе. За заявлением последовала и декларация некоторых ответственных работников нашей партии (см. приложение № 13). Вся анти-большевистская пресса подняла бешеную кампанию против «террора». Вот что, например, писал Горький в «Новой Жизни», в своей статье «Вниманию рабочих».

«Владимир Ленин вводит в России социалистический строй по методу Нечаева — «на всех парах через болото». И Ленин, и Троцкий, и все другие, кто сопровождает их к погибели в трясине действительности, очевидно, убеждены вместе с Нечаевым, что «правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно», и вот они хладнокровно бесчестят революцию, бесчестят рабочий класс, заставляя его устраивать кровавые бойни, понукая к погромам, к арестам ни в чем не повинных людей, вроде А. В. Карташева, М. В. Бернацкого, А. И. Коновалова и других.

Заставив пролетариат согласиться на уничтожение свободы печати, Ленин и приспешники его узаконили этим для врагов демократии право зажимать ей рот, грозя голодом и погромами всем, кто не согласен с деспотизмом Ленина—Троцкого; эти «вожди» оправдывают деспотизм власти, против которого так мучительно долго боролись все лучшие силы страны.

«Послушание школьников и дурачков», идущих вместе за Лениным и Троцким, «достигло высшей черты»,—ругая своих вождей заглазно, то уходя от них, то снова присоединяясь к ним; школьники и дурачки, в конце концов, покорно служат воле догматиков и все более возбуждают в наиболее темной массе солдат и рабочих несбыточные надежды на беспечальное житие».

[129]) *Горький*—знаменитый русский писатель. Принимал активное участие в революционном движении, помогая с.-д. партии своими связями и средствами. До 1909 года Горький ближе всего стоял к большевикам. В 1909 году, благодаря своей симпатии к «впередовцам» и «богоискательским» настроениям, он несколько разошелся с Лениным. Во время войны Горький издавал умеренно-интернационалистский журнал «Летопись», который являлся единственным антипатриотическим органом в России. После февральской революции он основывает вместе с рядом левых с.-д. публицистов и литераторов (Суханов, Авилов, Базаров, Десницкий и др.) интернационалистскую газету «Новая Жизнь»,которая стала объединяющим центром своего рода течения в с.-д. партии, получившего кличку «новожизненского». Чем ближе придвигалась Октябрьская Революция, тем больше расходились взгляды большевиков и газеты Горького. Октябрьскую Революцию «Новая Жизнь» и сам Горький встретили с нескрываемым пессимизмом, пророчествуя скорый провал, внося элементы колебания и разложения в ряды части большевиков своими половинчатыми предложениями о коалиционном правительстве от большевиков до народных социалистов. В первые недели и месяцы после Октября Горький выступил с рядом статей под общим заголовком «Несвоевременные мысли», в которых пессимизм интеллигента ,его недоверие и творчеству масс, его боязнь перед некультурностью последних все более превращались в философию антисоветского обывателя. Автор «Буревестника» и «Песни о соколе» не понял законов революционной диктатуры. Это ярко проявилось как раз в вопросе о печати, когда Горький выступил в защиту контр-революционной буржуазной прессы, считая, что суть переходного периода и состоит в освобожденном соревновании различных политических партий.

В одной из своих статей (ноябрь 1917 г.), обращенных к демократии, он писал:

> «...Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия.
>
> Слепые фанатики и бессовестные авантюристы, сломя голову, мчатся якобы по пути к «социальной революции»,—на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции...»

В 1919 году Горький (к сожалению, не надолго) порывает с этими обывательскими предрассудками и становится в ряды горячих и искренних защитников Сов. власти. В последние годы Горький опять повернул вправо. Наиболее скандальным было его выступление в защиту эсеров во время процесса последних в 1922 году.

[130]) *Короленко*—один из крупнейших писателей-народников. Отражая тогдашние настроения широких кругов интеллигенции, Короленко в эпоху царизма был настроен резко оппозиционно и подвергался даже некоторым репрессиям. В кругах народников Короленко был одним из идеологов умеренно-либерального крыла, группировавшегося вокруг журнала «Русское Богатство». Вместе с Пешехоновым и др. Короленко был основателем партии народных социалистов. После февральской революции он, естественно, стал горячим защитником Временного Правительства. Октябрьскую

Революцию Короленко встретил с нескрываемой враждебностью, характерной для всей интеллигенции. В первые месяцы после Октября он неоднократно выступал в печати с резкой критикой различных сторон деятельности советского правительства. Одновременно Короленко усиленно распространялся насчет некультурности масс, неподготовленности России к социальным экспериментам и т. д. Первые мероприятия Советской власти по борьбе с ложью и клеветой буржуазной печати он встретил с нескрываемой злобой. И в журнале и в различных газетах Короленко выступил с тяжелыми обвинениями против советского правительства. Вплоть до самой смерти (1922 г.) Короленко не примирился с Советской властью.

[131]) *Бардиж* — лидер кубанских кадетов, б. член Гос. Думы всех 4-х созывов, в 1917 г.—комиссар Временного Правительства и крупнейшая фигура казачьего контр-революционного движения. С водворением в 1917 г. Советской власти на Кубани Бардиж бежал в горы. Впоследствии был схвачен и вместе с сыновьями расстрелян в Туапсе.

[132]) Это обращение было выпущено в связи с попыткой контр-революции использовать Учредительное Собрание в целях борьбы против Советской власти. Еще за несколько дней до 28 ноября началась кампания митингов за демонстрацию 28 ноября. Весь ход этой кампании описан в «Известиях» следующим образом:

«27 ноября преемник Комитета Спасения контр-революции, новоявленный Всероссийский Союз защиты революции, устроил вчера ряд митингов об Учредительном Собрании.

Такие митинги происходили у цирка Чинизелли и в Пассаже. На митинге в цирке Чинизелли было решено устроить шествия к Таврическому дворцу и вынесена резолюция с требованием немедленного освобождения Всероссийской Комиссии по выборам в Учредительное Собрание.

В цирке Чинизелли выступил, между прочим, признанный «вождь демократии» (конечно, не революционной, а буржуазной) Церетели. Он заявил, судя по газетным сообщениям, что не видит никакой возможности для соглашения «демократии» с большевиками, и что в Учредительном Собрании задача демократии должна заключаться в сплочении широкого фронта всех «демократических» (читай: буржуазных) элементов его против большевиков...

Для мобилизации общественного мнения обывателей против революционной демократии враги ее подготовляют и торжественные манифестации.

Манифестации к Таврическому дворцу (месту заседаний Учредилки) готовит, с одной стороны, городская дума, а с другой—Союз защиты Учредительного Собрания.

Вопрос об «активной защите» и поддержке Учредительного Собрания переходит из стадии словесных выступлений к «практическим мероприятиям».

С целью организации «защиты» Учредительного Собрания от ожидаемых против него выступлений слева, в Петрограде образовался «Союз защиты Учредительного Собрания», в который вошли представители демократических организаций и социалистических (?)

государственных (?) партий—меньшевики, с.-р. правого крыла и центра, Народные социалисты и другие (кто?).

Первой практической мерой новой организации в указанном направлении явится устройство в день открытия Учредительного Собрания манифестаций в его честь.

Между прочим, в этих манифестациях примет участие, согласно вчерашнему постановлению, и весь состав петроградской магистратуры, адвокатуры и средних и низших служащих министерства юстиции.

В этих манифестациях, если они состоятся, будут участвовать, таким образом, чиновники-саботажники, кадеты, судьи и прокуроры, закатывавшие при царизме наших товарищей на каторгу. В них будут отсутствовать только рабочие, крестьяне, солдаты,—вообще, трудящиеся, демократы и революционеры».

Ввиду того, что все эти приготовления были далеко не мирными, штаб Красной Гвардии издал следующий приказ всем районным штабам:

«Контр-революционная буржуазия устраивает завтра демонстрацию и под личиной приветствия Учредительного Собрания думает организовать попытки свержения народной революционной Советской власти.

Будучи твердо уверены, что демонстрация эта покажет все жалкое бессилие злобствующих захребетников народа, мы тем не менее должны быть на страже завоеваний революции и, если понадобится, показать врагам Советской власти, как разбиваются усилия контр - революционных заговорщиков о мощь и бдительность революционного пролетариата. В полном сознании, что Красная Гвардия грудью отстоит завоевания рабочего класса, Главный Штаб Рабочей Красной Гвардии предписывает всем районным Штабам:

1. Усилить охрану города. Не мешая могущей быть *мирной* демонстрации, решительно и в корне пресекать всякие попытки захватить какие-либо общественные или правительственные учреждения демонстрантами.

2. Немедленно реквизировать все автомобили на 28 ноября.

3. Послать в Главный Штаб Красной Гвардии по 2 человека для связи и по одному автомобилю.

4. За всеми указаниями обращаться в Главный Штаб Красной Гвардии и в комиссию по охране города (Смольный, 3-й этаж, комната 84).

5. Все распоряжения проверять по телефону: 193-75, вызывать Штаб Красной Гвардии или по телефону: Смольный, Бюро Комиссаров.

6. Бдительно охранять все места и учреждения по указанию Главного Штаба.

7. Строжайше преследовать пьяных, как пособников контрреволюции».

Демонстрация 28 ноября состоялась, но оказалась куцой. «Известия» описывают весь этот бунт на коленях следующим образом:

«Днем, у главного входа в Таврический дворец собралась толпа в количестве около 1.000 человек. Она оттиснула караул, и в Таврический дворец прорвалось некоторое количество народа, впрочем очень небольшое. Среди них оказалось человек 20 членов Учредительного Собрания. Эта толпа ввалилась смешанной массой в зал заседаний, не заняв и десятой части всех мест. Атмосфера создалась весьма уютная: состоялось импровизированное совещание партий правых эсеров, с участием представителей кадет, которые, однако, не вносили никаких разногласий. Гражданин Шрейдер занял председательское место и объявил высокое собрание, «собравшееся согласно постановления Временного Правительства», открытым. Затем он предложил собранию избрать председателя. Услышав свою кандидатуру, он спросил, имеются ли возражения. Когда никто не отозвался, он объявил себя избранным единогласно. Таким же семейным образом были проведены и все другие выборы. Далее собрание заслушало доклад лица, говорившего от имени Всероссийской по делам о выборах в Учредительное Собрание Комиссии и перечислившего имена избранных членов депутатов от некоторых округов.

Собрание постановило, что вопрос о полномочности присутствующих может решать только оно само. Поэтому съехавшиеся делегаты должны собираться ежедневно в 1 ч. дня в Таврическом дворце, и когда они признают число собравшихся достаточным, они назначат день первого пленарного заседания.Собрание решило пользоваться услугами раскассированной по делам выборов Комиссии.

Потом был объявлен перерыв для выработки резолюции.

Заседание возобновилось под председательством Чернова. Обсуждался вопрос об аресте 3 членов Учредительного Собрания— Кокошкина, Шингарева и Долгорукова. Собравшиеся нашли «ниже своего достоинства» протестовать против такого акта, но все же приняли по этому предмету резолюцию. В качестве прорицателя выступает Родичев. Он говорит замогильным голосом и несколько путается в словах.

Приняв без голосования несколько резолюций, собрание расходится «до часу следующего дня».

Советское правительство приняло решительные меры и многие организаторы трагикомедии были арестованы.

[133]) *Богаевский* — казачий офицер, выдвинулся в 1917 году своей контр-революционной деятельностью. Был ближайшим сотрудником Каледина.

[134]) «Известия» от 28 ноября 1917 г. приводят следующее сообщение, дающее более подробное представление об этих первых боях:

«Из Белгорода. 27 ноября. С войсками Корнилова встретились под Белгородом. Отряд Корнилова, численностью до 3—4 тысяч человек с достаточным количеством пулеметов, занимает ст. Тамаровку в 28 вер. от Белгорода. 25 ноября мы дали первый бой войскам Корнилова. Бой произошел у Тамаровки. Результаты боя: один эшелон Корнилова разбит, другой поврежден. Наши потери: 2 убитых, 3 раненых. Потери Корнилова неизвестны, должно быть значительны.

Опросом перебежчиков и пленных установлено, что приблизительно одну треть отряда войск Корнилова составляют юнкера и офицеры.

Комиссар отряда Петроградских революционных войск *Павлуновский*».

[135]) Центральная Избирательная Комиссия была назначена еще Временным Правительством и состояла почти исключительно из кадет и эсеров. В первые недели после Октября эта комиссия использовала свой аппарат и связь с местами для антисоветской работы и давления на выборы.

[136]) *Воровский* — один из крупнейших работников нашей партии. Начал свою деятельность в первой половине 90-х годов. Неоднократно сидел в тюрьме и был в ссылке. В первые годы раскола Воровский (псевдоним Орловский) был одним из ближайших сотрудников Ленина и соредактором его по газете «Вперед». В 1905—1907 г.г. Воровский был виднейшим публицистом нашей партии. Его перу принадлежит ряд оригинальных этюдов по вопросам марксизма. Исключительно выдающееся место Воровский занял как марксистский критик литературы. В 1917—1918 г.г. Воровский был членом заграничного бюро ЦК нашей партии, одновременно будучи советским представителем в Швеции. В годы гражданской войны Воровский проделал большую работу, руководя деятельностью Государственного Издательства. Позднее он перешел на работу Наркоминдела, а после заключения договора с Италией был назначен туда полномочным представителем. На этом посту он проработал до весны 1923 года, когда он был послан в Лозанну на конференцию стран Антанты и Турции в качестве представителя Советской России. Травимый буржуазной печатью, Воровский был убит швейцарским белогвардейцем при явном попустительстве швейцарского правительства. Убийство Воровского, совпавшее с пресловутой нотой Керзона, нагло вторгавшейся во внутренние дела Советской России, вызвало колоссальное возбуждение рабоче-крестьянских масс. В рабочих массах Европы это убийство лишь возбудило новую волну симпатии к Советской России. Гроб с телом Воровского встречался везде многотысячными массами рабочих. В одном только Берлине ранним утром гроб Воровского провожали сотни тысяч берлинских пролетариев.

[137]) Эта речь была произнесена в связи с демонстрацией, организованной кадетами и эсерами 28 ноября. В связи с этой траги-комической попыткой переворота и был выпущен декрет о кадетах (см. прим. 10).

[138]) *Скрыпник* — один из старых большевиков. В 1917 году был одним из руководителей Центрального Бюро фабрично-заводских комитетов. В годы Советской власти занимал ответственные советские и партийные посты на Украине. Последние годы работает там в качестве Народного Комиссара юстиции.

[139]) *Гофман*—видный немецкий генерал, бывший начальником штаба на Восточном фронте. Во время брестских переговоров был участником германской мирной делегации.

[140]) *Родичев* — см. прим. 238 ч. I этого тома.

[141]) *Аджемов* — видный кадет, игравший крупную роль в контрреволюционных махинациях своей партии в 1917 г.

[142]) Возникновение Центральной Рады относится к середине апреля 1917 г. Ее состав представлял собой довольно пестрое сочетание украинских эсеров, меньшевиков и других мелко-буржуазных националистических групп. Обособиться от России, создать самостоятельное национальное государство, втянуть в сферу своего влияния середняка и предательски обмануть видимостью революции украинца-рабочего — такова была задача Центральной Рады. Свою предательскую роль Рада начала с разоружения большевистски настроенных воинских частей, стягивания украинских частей к Киеву, завязывала дипломатические сношения, — явные с Антантой и тайные с германо-австрийцами, заключив впоследствии сепаратный мир с Германией против Советской России. Точно такую же роль Рада сыграла и в период гражданской войны, разрешая Каледину переброску казачьих частей с фронта на Дон и отказываясь пропустить советские войска против Каледина, благодаря чему Совет Народных Комиссаров ультиматумом от 3 декабря 1917 года объявил войну Раде. В начале января 1918 г. Киев был взят советскими войсками. Рада бежала и вернулась только под защитой немецких штыков, оккупировавших Украину, и этими же штыками была разогнана, когда на гребне власти был посажен генерал Скоропадский.

[143]) Приводим точный текст этого документа:

«Барон Фасчиотти *), барону Синнимо **) в Риме.

Яссы, 22 августа, 4 сент. 1917 года.

Шифром.

Диаманди телеграфировал Братиану из ставки, где он теперь находится, пользуясь прямым проводом между ставкой и русским командованием в Румынии, чтобы передать ему разговор с генералом Корниловым. Генерал сказал ему, что не нужно придавать большого значения взятию Риги. Генерал прибавил, что войска оставили Ригу по его приказанию и отступили потому, что он предпочитал потерю территории потере армии. Генерал Корнилов рассчитывал также на впечатление, которое произведет взятие Риги в общественном мнении, в целях немедленного восстановления дисциплины русской армии» («Известия», 1 декабря 1917 г.).

В связи с опубликованием этого документа, «Известия» писали следующее:

«*Измена Корнилова России.* Русские контр - революционеры, кадеты, правые эсеры и все, кто поддерживает Корнилова — Каледина, действуют на пользу контр-революции не только русской, но и германской.

Они готовы оказать услугу Гинденбургу, Вильгельму II и др., лишь бы побороть революцию. Мы это говорили всегда.

Теперь—факты налицо.

---

*) Следует читать: *Фачиотти*. Фачиотти был в 1917 г. итальянским послом в Румынии. *Ред.*

**) Здесь, повидимому, ошибка. Речь могла итти об итальянском министре иностранных дел бароне *Соннино*. *Ред.*

Итальянец Диаманди *) сообщил Братиану свой разговор с Корниловым после взятия Риги германскими войсками.

Корнилов заявил ему, что русские войска оставили Ригу по приказанию его—Корнилова, потому что он, Корнилов, считал сдачу Риги необходимой для восстановления дисциплины в русской армии.

Корнилов оказал громадную услугу германским империалистам. Он самовольно отдал им Ригу. Он—не только враг революции, но и изменник России на поле битвы».

144) Характеристику газеты «День» см. в прим. 207 1 ч. данного тома. В дни октября эта газета вела бешеную контр.-революционную агитацию. Закрытие этой газеты вызвало яростный вой всей антибольшевистской печати. Вот что писала, например, левая «Новая Жизнь» (№ 164):

«Газета «День» получила, напр., следующий приказ: «Военно-Революционный Комитет постановил приостановить газету «День» за поднятую газетой травлю Советов».

Эти приказы, подписанные людьми, называющими себя социал-демократами, являются плевком в лицо социал-демократическим идеям. Эти приказы, и в особенности их мотивировка, не находят себе не только оправдания, но даже и объяснения. Они не только антипартийны (программа нашей партии, пока еще не отмененная, требует неограниченной свободы печати), но и бессмысленно нецелесообразны.

... Пусть люди, называющие себя социал-демократами, не забывают слов одного из основоположников социал-демократии, Ф. Энгельса, сказанных еще 20 слишком лет назад. «Время нападения врасплох, время революций, совершаемых небольшим сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс, миновало. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы должны сами сознательно стремиться к этому, для них должно уже быть вполне ясно, о чем идет дело, за что они должны бороться».

145) *Благонравов* — перед этим был комиссаром Петропавловской крепости, куда он был с большим трудом введен Военно-Революционным Комитетом в предоктябрьские дни.

146) Как известно, после революции в Финляндии образовалось свое правительство с с.-д. большинством. Финляндская республика была, конечно, лишь буржуазной республикой. В 1918 г. власть в ней перешла к правым буржуазным элементам, которые в союзе с немецким империализмом задушили советскую революцию в Финляндии.

147) Настоящий съезд был созван советским правительством для закрепления тех решений о мире и земле, которые были приняты на 2 Всероссийском Съезде. С другой стороны, этот съезд должен был положить конец контр-революционной деятельности авксентьевского Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов. Решение о созыве этого съезда чрезвы-

---

*) По наведенным в Наркоминделе справкам Диаманди оказался не итальянцем, а румыном, послом Румынии в Италии. В первые месяцы он, кажется, был арестован СНК и затем выслан из России. *Ред.*

чайно всполошило Авксентьева и К⁰. Сразу же после извещения о созыве старый Исполком, в свою очередь, разослал следующий циркуляр:

«Самочинная большевистская организация, называющая себя «Организационным Бюро по созыву Всероссийского Крестьянского Съезда», рассылает телеграммы всем крестьянским Советам о прибытии на съезд в Петроград. Исполком Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов заявляет, что он попрежнему считает отвлечение местных сил в данный момент вредным и опасным, в связи с выборами в Учредительное Собрание, в котором теперь единственное спасение крестьянства и страны. Подтверждаем созыв съезда 30 ноября».

Несмотря на бешеное сопротивление Исполкома, к 10 ноября в Питер собралось около 400 делегатов крестьян. Политическая физиономия съезда определилась в первый же день, когда съезд избрал своим председателем вождя левых эсеров—Спиридонову. Правые эсеры вели за собой не более одной четверти. В первые дни съезд был настроен не совсем дружелюбно по отношению к Советскому правительству. К концу же съезда, когда в Смольном удалось достичь соглашения между левыми эсерами и большевиками, настроение переменилось. Эта перемена нашла свое выражение в объединенном заседании Петроградского Совета и Крестьянского съезда. Правые эсеры, которые пытались вначале овладеть Съездом, к концу его потеряли всякое влияние.

[148]) *Винниченко* — видный представитель Украинской социал-демократии. За все время своей социал-демократической деятельности примыкал к меньшевикам. После крушения революции 1905 года Винниченко весьма проникся настроениями упадка, выражая их в своих романах. В 1917 — 1919 г.г. Винниченко был одним из министров Украинской Рады. После победы Советской власти на Украине он эмигрировал в Австрию. В 1920—1922 г.г. Винниченко издавал в Вене журнал, направление которого все более приближалось к коммунистическому. Одно время Винниченко как бы полностью признал свои ошибки, вошел даже в компартию и был назначен заместителем председателя украинского Совнаркома. В последние годы он повернул, однако, вправо.

[149]) Эта книга появилась в 1909 г. В своих основных отделах она совпадает с книгой «1905», вышедшей в первом издании в 1922 г.

[150]) См. подробнее об этой брошюре в прим. 42 части 1 данного тома.

[151]) *Либкнехт* — см. прим. 48 в ч. 1 этого тома.

[152]) *Люксембург* — см. прим. 211 там же.

[153]) В конце 1917 г. единственно реальной силой контр-революции оставались калединцы. Вполне естественно, что иностранные империалисты со всех сторон спешили на помощь Каледину. Эта история с американцами доказывает, между прочим, лицемерность заявления Вильсона зимой 1917 г. о всяческом сочувствии правительству Советов. Вся политика Фрэнсиса ведь контролировалась правительством Вильсона.

[154]) *Фрэнсис* — долгое время был американским послом в России. Весной 1918 г. переехал вместе с другими послами на север для активной организации интервенции.

[155]) «*Новая Жизнь*»—социал-демократическая газета, основанная Горьким и рядом с.-д. литераторов (Суханов, Базаров, Авилов и др.) 1 мая

1917 г. В первые месяцы революции эта газета занимала умеренно интернационалистскую позицию, критикуя политику коалиции. Политическая позиция газеты была ближе всего к группе меньшевиков-интернационалистов, возглавлявшейся Мартовым. В предоктябрьские дни эта левая газета мелко-буржуазной демократии систематически выступала против переворота. Главные из ее возражений в свое время были подвергнуты резкой критике в брошюре Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?». В дни переворота и после него «Новая Жизнь» своей политикой примиренчества вносила лишь разложение в среду наименее устойчивых элементов пролетариата. В последующие недели и месяцы «Новая Жизнь» все более и более скатывалась в контр-революционное болото и летом 1918 г. была закрыта Советским правительством. Последние ее выступления почти ничем не отличались от выпадов право-эсеровской и буржуазной прессы.

[156]) *Р. Григорьев*—с.-д. литератор. Во время войны был сотрудником умеренно-интернационалистского журнала «Летопись», издававшегося Горьким. В последнем он помещал главным образом корреспонденции из Италии. В дни керенщины Григорьев был сотрудником «Новой Жизни». Как и большинство новожизненцев Октябрьскую Революцию он встретил с неприязнью, а позже занимался на страницах этой газеты резкой критикой Советской власти. В годы гражданской войны Григорьев подвизался на Украине, как умеренный меньшевик, уживщийся при режиме Деникина.

[157]) Телеграмма была направлена начальнику контр-разведки в Харбине Луцкому, сочувствовавшему тогда нашей партии. Позже Луцкий стал большевиком и был одним из активных работников приморской области. В 1920 г. он был расстрелян японцами.

[158]) История предательства харбинских властей такова *):

После февральской революции образовалось два центра: Совет и управляющий дорогой — реакционный генерал Хорват. До поры до времени иностранные империалисты терпели Совет. После же Октябрьской Революции, и особенно после попыток Совета заменить Хорвата своим человеком, консульский корпус решил принять решительные меры для устранения Совета. 8 декабря, с явно провокационными целями, был арестован и избит комиссар Совета по охране города, Аркус. 10 декабря китайцы предъявили требование Совету, под угрозой военной кары, вывести за пределы Манчжурии военные силы Совета и выслать своих руководителей. Не располагая достаточной военной силой, Совет решил уступить. Утром 13 декабря солдаты стали сдавать оружие. В этот момент—провокация № 2—началась пулеметная и оружейная стрельба. Эта история была использована для ввода китайских войск. В связи с этим, Луцким была послана следующая телеграмма, ответом на которую и является приказ Троцкого:

«Местные русские официальные власти и вдохновляемые ими официальные русские газеты, распространением слухов об ожидаемых

*) Фактический материал нам доставлен отделом Дальнего Востока Наркоминдела (в том числе письменное воспоминание б. председателя Харбинского Совета Т. М. Рютина).

солдатских беспорядках, добились ввода в Харбин иностранных войск. В действительности харбинский гарнизон был настроен крайне мирно и никаких даже малейших эксцессов не было. Снеситесь с министерством иностранных дел принятием к расследованию обстоятельств, вызвавших это повсеместное вмешательство иностранцев».

Приказ Наркоминдела не был, конечно, осуществлен и вряд ли сам Наркоминдел рассчитывал на это. Его опубликование преследовало агитационные цели.

[159]) *Карпинский* — один из старых большевиков. Бо̀льшую часть своей деятельности провел за границей, работая главным образом в Женеве. Несмотря на назначение его советским представителем, Карпинский не мог, конечно, выполнять эту миссию, ибо швейцарское правительство не признало большевистского агента. По приезде в Россию Карпинский работает в качестве члена редакционной коллегии «Правды» и «Бедноты». Одновременно Карпинский активно участвует в разработке вопросов работы в деревне. Его перу принадлежат интересные очерки «Электрификация голов», написанные в связи с лозунгом Ленина о шефстве городского пролетариата над деревней.

[160]) *Литвинов* — старый большевик. Один из активных агентов социал-демократической газеты «Искра». В 1905 г. участвовал на майском съезде большевиков. Большую часть своей эмигрантской деятельности в годы царизма провел в Англии. В годы войны Литвинов был твердым интернационалистом. В 1915 году он был послан Центральным Комитетом на Лондонскую конференцию антантовских социал-патриотов, на которой огласил декларацию большевиков. В годы Советской власти Литвинов работал в Наркоминделе, в качестве члена коллегии и заместителя Народного Комиссара.

[161]) Этой нотой начинается борьба советского правительства за мир, возвещенная декретом о мире 2-го Съезда Советов. Нота была практическим мероприятием правительства в этой борьбе. За ней незамедлительно последовало обращение к нейтральным странам и началась подготовительная работа к мирным переговорам.

Нота произвела большое впечатление в рабочих кругах Германии и Австрии. Последующие выдержки из с.-д. газет, примыкавших к оборонческому большинству (венская же «Рабочая Газета» была с.-д. газетой чистой пробы), несомненно, написаны под влиянием тех настроений рабочих масс, которые были вызваны борьбой советского правительства за мир.

«Лейпцигер Фольксцейтунг» в № от 11 ноября, в статье «Срочное решение», разбирает значение ноты т. Троцкого, формально предложившего всем воюющим немедленно приступить к переговорам о заключении всеобщего перемирия, и придает ей громадное значение. Теперь Берлин и Вена принуждены ответить: «да» или «нет». По словам газеты, действия русского правительства произвели громадное впечатление на французские трудящиеся массы и под их непосредственным влиянием произошла известная демонстрация в Лионе. Французские с.-д. послали полные энтузиазма приветственные телеграммы русскому правительству. В комментариях ноты т. Троцкого газета отмечает стойкость русского правительства в вопросе о мире

сместившего немедленно неверного генерала Духонина и доказавшего свою непоколебимость в достижении своей демократической программы мира. Проникнутый классовым сознанием пролетариат Германии поддерживает всецело такую программу и так же, как истинные представители русского народа, стремится к миру в духе циммервальдских принципов. Газета протестует против стремления основываться при заключении перемирия на военном положении и требует, чтобы предложение русского правительства рассматривалось только с точки зрения достижения согласительного мира. Она заключает свои комментарии следующими словами: «Обращение Правительства Советов не есть обращение скрежещущего зубами поверженного противника, а апелляция к воле, к миру германского правительства. Этому правительству надлежит решить» (Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства № 23).

Приводим изложение статьи венской «Arbeiter-Zeitung» — «Бьюкенен и Троцкий», помещенное в той же газете за 2 (15) декабря 1917 г.

«Общий смысл сводится к тому, что такой революционер, как Троцкий, которого еще несколько месяцев тому назад европейские правительства лишали права жительства и который в последнем году ознакомился с французскими, испанскими, английскими и русскими тюрьмами, теперь стоит во главе великой России. Бьюкенен, который еще несколько месяцев тому назад так бесстыдно оклеветал Троцкого и который является орудием англо-американского капитала, стремящегося сломить волю русского народа к миру и подчинить русский народ опять своим интересам, теперь имеет своим величайшим противником Троцкого, который теперь решит судьбу англо-русского соглашения.

Бьюкенен является представителем сторонников «войны до конца», а Троцкий—уполномоченный мирной воли русского рабочего класса, стремящегося разорвать железно-золотую цепь, которой его заковал английский капитал.

Поединок этих двух лиц, это — символ великой борьбы нашего времени: борьбы пролетариата с капиталом. Газета также приводит краткую биографию Троцкого за период времени 1905—1917 г.г.»

Совершенно иначе отнеслась к этой ноте русская «социалистическая пресса». Идейно, а подчас и материально связанная с буржуазной Россией, сплошь пропитанная антантофильством, все время поддерживавшая империалистическую политику правительства Львова и Керенского,—эта пресса встретила ноту с нескрываемой злобой. В один голос эта печать заявляла, что политика мира Совнаркома ведет Россию к расчленению, предает ее в руки австро-немецких империалистов.

Так, например, «Рабочая Газета» считала, что большевики убили последнюю каплю силы сопротивления России, но мира они тем не менее не дали и дать не могут.

«Мир за счет России» — вот политика т. Троцкого. Не демократический мир без аннексий и контрибуций, а «похабный мир», мир с отдачею Германии и Литвы и Курляндии и, быть может, еще какихнибудь областей» («Дело Народа»).

Даже лево-эсеровское «Знамя Труда» восприняло эту политику мира за шаг «ва-банк», как свидетельство «о решении Ленина форсировать кризис — проиграть свою власть или смешать фронт и тыл в одной катастрофе «явочной демобилизации». И для этой газеты борьба нашей партии за мир была лишь партийной ставкой. «Если эта будет бита— он (т.-е. Ленин. *Ред.*) и его правительство—политически конченные люди».

Вся пресса считала политику мира утопической. Вот что писало «Знамя Труда» по поводу настоящей ноты:

«В сложившейся обстановке, до разрешения кризиса власти, декрет о перемирии есть такая же резолюция, какие тысячами уже реют в воздухе Российской Республики».

161а) Ввиду исторической важности этого документа, мы приводим его полностью:

ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДАМ И ПРАВИТЕЛЬСТВАМ ВСЕХ ВОЮЮЩИХ СТРАН.

Рабоче-крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября, опирающееся на Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о заключении справедливого демократического мира.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,—миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,—таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т.-е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией, или захватом чужих земель, правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому и сильному государству малой и слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая, насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее

стороны желанию,—все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или в возмущениях или восстаниях против национального гнета,—не предоставляют права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации,—то присоединение ее является аннексией, т.-е. захватом и насилием. Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей, условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.-е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром обсуждении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира. Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны, выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывает, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным. Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать открытые переговоры о заключении мира, правительство выражает, с своей стороны, готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны. Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем, с своей стороны, считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не менее как на три месяца, т.-е. на такой срок, в течение которого вполне возможны как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное Рабочее и Крестьянское Правительство России обращается также в особенности к созна-

тельным рабочим трех самых передовых наций человечества — Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма. Великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершонных французским пролетариатом, наконец, геройская борьба против исключительного закона в Германии и образцовая для рабочих всего мира длительная, упорная, дисциплинированная работа создания массовых пролетарских организаций в Германии,—все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно-энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и, вместе с тем, дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации.

[162]) Доклад этот был поставлен в связи с нотой Советского правительства. Этот доклад с одобрением и почти без всяких прений был принят ЦИК'ом.

[163]) *Клемансо* — один из вождей французской буржуазии. Выдвинулся, как радикал еще в эпоху Парижской Коммуны. В 90-ые годы Клемансо стал популярным благодаря участию в деле Дрейфуса, на защиту которого выступил одновременно с писателем Золя и др. С 1902 года Клемансо неоднократно участвует в кабинетах то в качестве премьера, то в качестве министра. В бытность свою премьером в 1917—1920 г.г., Клемансо прославился в качестве «организатора победы» и главного руководителя Версальской конференции, навязавшей Германии грабительске условия мира. В эти же годы Клемансо был вдохновителем интервенции России.

[164]) *Вильсон* — см. прим. 99 ч. 1 данного тома.

[165]) Как только был создан Народный Комиссариат по иностранным делам, подавляющее большинство служащих бывшего министерства иностранных дел объявило забастовку. Во главе этого контр-революционного саботажа стоял бывший товарищ министра Нератов и начальник канцелярии Татищев. Поражение Керенского и Краснова охладило пыл министерских чиновников, и Нератов вынужден был передать документы Наркоминделу.

[166]) Верховным главнокомандующим в это время был генерал Духонин, который при Керенском, как главнокомандующем, был начальником штаба. С первых же дней после Октябрьской Революции ставка Духонина сделалась базой контр-революции. В самый разгар борьбы между Керенским-Красновым и Советским правительством Духонин присылает ультиматум следующего содержания:

«От имени армии фронта мы требуем немедленного прекращения большевиками насильственных действий, отказа от вооруженного захвата власти, безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии Временному Правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного

Собрания — хозяина земли русской. Действующая армия *силой* поддержит это требование».

После разгрома Краснова и юнкерского восстания в ставку Духонина стекаются виднейшие деятели антисоветских партий для организации борьбы против Советской власти.

Одновременно Духонин является естественно главным агентом Антанты в ее стремлении использовать русскую армию для борьбы с Германией. Духонин широко распространяет различные обращения союзного дипломатического корпуса и в то же время задерживает распространение декретов и воззваний о мире Совнаркома и Наркоминдела, всячески препятствуя агитации за мир в фронтовых частях.

Все это вместе взятое приводит к конфликту между Духониным и Совнаркомом, который смещает его за отказ начать переговоры о мире. Борьба Духонина против мира восстанавливает против него широкие солдатские массы, в результате чего он погибает от самосуда солдат 19 ноября 1917 года.

Джон Рид следующим образом описывает это событие:

«2 декабря могилевский гарнизон восстал и захватил город, арестовав Духонина и Армейский Комитет и выйдя с победоносными красными знаменами навстречу новому командующему. Крыленко вступил в Могилев на следующее утро и уже застал ревущую и беснующуюся толпу вокруг железнодорожного вагона, в котором находился Духонин. Крыленко произнес речь, в которой он уговаривал солдат не причинять вреда Духонину, так как его надо было увезти в Петроград на суд Революционного Трибунала. Когда он кончил, неожиданно Духонин сам появился в окне, какбудто собираясь обратиться к толпе с речью. Но с диким ревом народ набросился на вагон и, схватив старого генерала, вытащил его оттуда, и он был убит тут же на платформе...

Так закончился бунт в ставке...».

167) Исторический смысл опубликования тайных договоров был ярко подчеркнут в передовице «Правды», посвященной этому вопросу:

«Русская революция исправляет свои ошибки. И вместе с тем возвращается вновь все огромное международное ее значение. Опубликованием тайных договоров нанесен роковой удар всей международной буржуазии. Раскрытие грязных буржуазных секретов — торжественная победа всего международного пролетариата. Веками совершала свои преступления буржуазная сволочь, и теперь в победном шествии российской революции она явственно чувствует: суд идет, суд революционного сознания пролетариата, приговор пролетарского возмездия».

Антисоветская пресса, как бы сговорясь, избрала тактическую позицию намеренного подчеркивания малоценности опубликованных договоров и их известности задолго до опубликования.

«Новая Жизнь» от 12 ноября, под крикливым заглавием «Бенефис Л. Д. Троцкого», дает следующую сводку откликов печати на опубликование тайных договоров:

«День» говорит: «Документы, опубликованные Троцким, не сообщают ничего нового. Самая большая сенсация—договор с Францией о левом береге Рейна — была уже раньше разоблачена Михаелисом, и тогда же было выяснено, что договор этот утратит силу и что Терещенко им не связан.

Это утверждение в общем и целом близко к истине. Но когда «День» запальчиво утверждает, что «все документы, подписанные Терещенко, не заключают в себе ни одного грана империализма», что «тайные дипломатические документы оказались нестоящими выеденного яйца», то приходится отнести эти утверждения к области сердитых, но весьма далеких от истины полемических выпадов. Впрочем, «раскрытие тайн» и не может улыбаться «социалистическому» «Дню»...

«Рабочая Газета» (орган меньшевиков. *Ред.)* также находит, что «ничего нового по существу мы из опубликованных документов не узнали». «Р. Г.» утверждает, что «опубликовать без соглашения с союзными демократиями тайные договоры одной только из воюющих стран» значит «*сослужить службу империалистам другой стороны*».

«Знамя Труда» (газета левых эсеров. *Ред.)* полагает, что опубликованные документы «ничего нового массам не скажут; ведь и раньше никто не обольщался насчет «целей». И резюмирует: «опубликование тайных договоров» нельзя рассматривать как «событие»,—не как государственно-политический акт, а лишь как *предвыборную рекламу*, рассчитанную на темную массу».

Делая эту веселую мину при плохой игре, газеты все же не всегда могли скрыть действительное значение политики разоблачения империалистической дипломатии.

Вот что, например, писал Р. Григорьев в статье «При открытом занавесе» в «Новой Жизни»:

«Обнародование официальных документов, целиком подтверждающих ту оценку истинных целей и движущих причин мировой бойни, которую все время отстаивали, под улюлюканье буржуазных шовинистов и социал-патриотов, интернационалисты всех стран, — имеет огромное политическое и моральное значение. Эффект опубликования тайных договоров значительно ослабляется тем обстоятельством, что оно имеет место только с одной стороны и тем самым может быть использовано враждебной коалицией в ее своекорыстных империалистических целях и дать ей в руки выигрышный козырь для самооправдания перед своими народными массами. На эту несомненную опасность указывает и Л. Троцкий в «ноте», сопровождающей опубликование документов. Он утешается только тем, что—«когда германский пролетариат откроет себе революционным путем доступ к тайнам своих правительственных канцелярий, он извлечет оттуда документы, ни в чем не уступающие тем, к опубликованию которых мы приступаем».

Приоткрывшаяся над тайной дипломатией завеса обнаружили всю преступность, цинизм и лицемерие империалистских правительств, втравивших народы в войну, заставлявших истекать кровью

все передовые нации Европы, безмерно затягивающих истребление и разрушение человечества во имя интересов небольшой кучки королей тяжелой индустрии и финансовой олигархии...» (№ 178 11 ноября).

[168]) Текст этой ноты был следующий:

«Начальники миссий, аккредитованные при Верховном Русском Командовании, действующие на основании точных указаний, полученных от своих правительств через полномочных представителей в Петрограде, имеют честь заявить самый энергичный протест пред Российским Верховным Командованием против всяких нарушений условий договора от 23 августа (5 сентября) 1914 года держав Согласия, которым союзники, в том числе и Россия, торжественно обязались не заключать отдельно друг от друга ни перемирия, ни приостановки военных действий. Нижеподписавшиеся начальники военных миссий считают также своим долгом довести до сведения Вашего Превосходительства, что всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собой самые тяжелые последствия».

[169]) 23 августа 1914 года было заключено соглашение между Россией, Великобританией и Францией, подписанное в Лондоне, о незаключении сепаратного мира (Опубликовано в «Известиях министерства иностранных дел» за 1915 г., кн. I).

[170]) Генерал *Щербачев* — в царское время был Начальником Академии Генерального Штаба (во время войны последовательно командовал корпусом, 7-й армией) и помощником командующего Румынским фронтом (командующим фронтом был румынский король, которого генерал Щербачев и замещал на правах командующего). В конце 1917 г. он был уже и официальным командующим этим фронтом.

[171]) *«Тан»* — официоз, являющийся фактически органом французского министерства иностранных дел. В течение всех последних лет «Тан» вел и ведет кампанию против Советской России.

[172]) «Что гласят тайные договоры» было вступительной статьей (без подписи) к двум публикуемым документам из Секретного Отдела министерства иностранных дел. Первый документ касался русско-румынских отношений. В справке об этих отношениях говорится, что Румыния, занявшая в начале войны нейтральную позицию, желала прежде всего возможно больше нажиться за счет воюющих стран и в то же время принять участие в разделе Австрии. В вопросе о выступлении она все время колебалась в зависимости от хода военных действий. Наступление генерала Брусилова весной и летом 1916 г. склонило Румынию выступить на стороне держав Согласия. В августе 1916 г. с Румынией было заключено военно-политическое соглашение, предоставившее ей большие земельные приращения (Буковину, Банат, Трансильванию). В справке доказывается, что поражение Румынии не противоречит интересам России, потому что, если бы военно-политическое соглашение было проведено в жизнь, то на Балканах создалось бы сильное государство, которое вряд ли относилось бы дружественно к России, стремилось бы к осуществлению своих национальных стремлений в Бессарабии и, находясь под политическим воздействием Италии и Франции, противодействовало бы влиянию России на Балканах. Дальше указывается, что развернувшиеся в Румынии события (поражение

румынских войск) изменили условия договора и, в связи с этим, обещание Румынии земельного вознаграждения должно быть пересмотрено.

Второй документ представляет собой секретную телеграмму министра иностранных дел поверенному в делах в Париже от 12 (25) сентября 1917 г., подписанную Терещенко. В ней говорится, что мало-азиатское соглашение не может быть рассматриваемо отдельно от соглашения о Константинополе и проливах, и что согласие России на мало-азиатское соглашение стоит в зависимости от соглашения между Францией и Англией относительно Константинополя и проливов.

[173]) *Сазонов* — министр иностранных дел царского правительства, сыгравший крупную роль в создании тройственного союза и подготовке мировой войны.

[174]) *Терещенко* — см. прим. 35 в ч. I этого тома.

[175]) 13 ноября 1917 г. Главковерх Крыленко отправил парламентеров к немецкому командованию с предложением начать переговоры о перемирии. Приводим текст телеграммы, посланной Крыленко по этому поводу из действующей армии:

> «Сегодня в 11 час. Верховным Главнокомандующим посланы парламентеры со следующими полномочиями.
>
> По уполномочию Совета Народных Комиссаров, я, народный Комиссар по военным и морским делам, Верховный Главнокомандующий армиями Российской Республики, уполномочиваю парламентеров: поручика 9 гусарского Киевского полка Владимира Шнеура и членов Армейского Комитета 5-й армии военного врача Михаила Сагаловича и вольноопределяющегося Георгия Мерепа обратиться к высшему начальнику германскими армиями, на участке, где будут приняты эти парламентеры, с просьбой запросить высшее командование германской армии, согласно ли оно прислать своих уполномоченных для немедленных переговоров об установлении перемирия на всех фронтах воюющих стран, в целях начатия затем мирных переговоров. В случае удовлетворительного ответа со стороны высшего командования германскими армиями парламентерам поручено установить место и время для встречи уполномоченных обеих сторон.
>
> Комиссар по военным и морским делам,
> Верховный Главнокомандующий *Н. Крыленко*.

Германское Верховное Командование ответило согласием на ведение мирных переговоров 14 ноября. В этот день Верховный Главнокомандующий издал следующий приказ:

> «Приказ по армии и флоту № 3, 14 ноября 1917 г. 17 час. 15 мин.
>
> Наши парламентеры вернулись, привезя с собой официальный ответ немецкого Главнокомандующего о согласии вести переговоры о перемирии на всех фронтах. Следующая встреча уполномоченных обеих сторон назначена на 19 ноября. Всякого, кто будет скрывать или противодействовать распространению этого приказа, предаю революционному суду местных полковых комитетов вне обычных формальностей. Предписываю немедленно приостановить перестрелку и братание на всем фронте. Необходима усиленная бди-

тельность по отношению к противнику. Боевые действия предпринимать лишь в ответ на боевые действия противника. Все на своих местах! Только сильный добьется своего! Да здравствует скорый мир!

Верховный Главнокомандующий *Крыленко*.

[176]) Настоящее собрание было созвано для закрепления того политического соглашения, которое произошло между Советским правительством и лево-эсеровским крестьянским всероссийским съездом. За несколько часов до открытия этого заседания окончил свои работы крестьянский съезд. После заседания крестьяне-делегаты отправились в Смольный процессией, бурно приветствуемые рабочими и солдатами. Джон Рид запечатлел этот момент в следующих строках:

«Так шла огромная процессия по городу, все разрастаясь и развертывая все новые и новые красные знамена, расшитые золотыми буквами. Два старых крестьянина, согбенных трудом, шли рука об руку, и на их лицах было написано прямо-таки детское блаженство. Ну,—сказал один,—хотел бы я посмотреть, как они отнимут у нас теперь землю. Возле Смольного Красная Гвардия выстроилась по обе стороны улицы. В диком настроении восторга другой старик-крестьянин сказал своим товарищам»: «Я не устал, я всю дорогу как по воздуху прошел». На ступеньках Смольного собралось около сотни рабочих и солдатских депутатов со своими знаменами, темневшими на фоне лившегося из-за них через арку света. Подобно волнам, быстро двинулись они вниз по ступенькам, обнимали крестьян, целуя их, потом вошли в огромную дверь, поднялись шумными толпами по лестнице» (стр. 304—305).

После сообщения Зиновьева и приветственных слов Свердлова и Спиридоновой с речью выступил т. Троцкий. После него с приветственными речами выступили Крыленко, Дыбенко (от флота), Крушинский (от Викжеля) и целый ряд других. В конце этого исторического заседания была принята следующая резолюция:

«Всероссийский ЦИК Сов. Р и С. Д. совместно с Чрезвычайным Всероссийским Крестьянским Съездом и Петроградским Советом подтверждает законы о мире и земле, принятые 2 Всероссийским Съездом Сов. Р и С. Д., а равно закон о рабочем контроле, принятый Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

Соединенное заседание ЦИК и Всеросс. Кр. Съезда выражает твердую уверенность, что союз рабочих, солдат и крестьян—этот братский союз всех трудящихся и эксплоатируемых, — укрепляя завоеванную ими государственную власть, примет с своей стороны все революционные меры к ускорению перехода власти в руки трудящихся масс других более передовых стран и обеспечит, таким образом, прочную победу делу справедливого мира и делу социализма».

[177]) Содержание этого ответа было следующее:

«Австро-венгерское правительство получило радиотелеграмму Народных Комиссаров от 28 ноября (н. ст.) с. г., в которой русское правительство выражает готовность начать переговоры о заключении перемирия и договора о всеобщем мире.

Опубликованные русским правительством основы будущего перемирия и мирного договора, в ответ на которые правительство Российской Республики ожидает контр-предложений, образуют, по мнению австро-венгерского правительства, подходящую основу для введения в эти переговоры. Австро-венгерское правительство выражает свою готовность приступить к предложенным русским правительством переговорам о немедленном перемирии и всеобщем мире и отправить представителей на начинающиеся 19 ноября ст. ст. переговоры.

Императорский и королевский министр иностранных дел *Чернин*».

[178]) *Кэрт* — был американским военным атташе в России. Джэдсон же—начальником американской военной миссии.

[179]) Приводим текст письма Джэдсона:

«14 (27) ноября 1917 г. Господину Начальнику Русского Генерального Штаба. Ваше Превосходительство! В дополнение к моему письму от 12 (25) ноября 1917 г. относительно выдержки из газетных сообщений из Америки, я желаю заявить, что мое письмо не должно быть истолковано, как указание, что мое правительство высказалось или может высказаться относительно предпочтения успеха в России какой-либо политической партии или части населения. Американцы питают величайшие симпатии ко всему русскому народу, в той сложной обстановке, в которой русский народ сейчас находится, и не желают вмешиваться ничем, кроме помощи, в разрешение каких бы то ни было русских проблем.

Их симпатии простираются на все слои русского народа. Их представители здесь теперь осведомлены, что никакая влиятельная часть русского населения не желает немедленного сепаратного мира или перемирия. И нет сомнения, что Россия вполне вправе в том положении, в каком она сейчас находится, поднять вопрос о всеобщем мире.

Нет каких-либо причин, из-за которых отношение союзников к России или к какой-либо влиятельной части населения России не покоилось бы на самом дружественном основании.

Я желаю воспользоваться этим случаем, чтобы вновь выразить Вашему Превосходительству уверение в моем глубочайшем уважении.

(Подпись) *У. В. Джэдсон*».

[180]) См. выше примеч. 177.

[181]) Текст этого сообщения был следующий:

«Ввиду многих распространяющихся по городу слухов об отношении союзных посольств к Совету Народных Комиссаров, великобританский посол, в ожидании окончательных инструкций от своего правительства, заявляет следующее:

В беседе с корреспондентом Агентства Рейтера, лорд Р. Сесиль будто бы заявил, что великобританское правительство не может признать новое русское правительство и поручило своему послу воздержаться от всяких действий, могущих быть истолкованными, как признание с его стороны совершившегося переворота.

Письмо г-на Троцкого послу с предложением всеобщего перемирия поступило в посольство через девятнадцать часов после получения русским главнокомандующим приказа об открытии немедленных переговоров о перемирии с неприятелем. Союзники, таким образом, были поставлены перед уже совершившимся фактом, в предварительное обсуждение которого с ними не вступали. Хотя все обращения г-на Троцкого были немедленно переданы в Лондон, великобританский посол не имел возможности отвечать на ноты, адресованные ему правительством, не признанным его правительством. Кроме того, правительства, власть которых, подобно великобританскому, исходит непосредственно от народа, не имеют права разрешать вопросов такой важности до окончательного выяснения того, встретило ли намеченное ими решение полное одобрение и поддержку их избирателей.

Вот почему они не могут отделываться необдуманными ответами. Петроград, 16 ноября 1917 г.».

[182]) *Гинденбург* — см. прим. 131 части I данного тома.

[183]) *Гольцендорф* — австрийский генерал, один из руководителей войсками Австро-Венгерской империи.

[184]) Ген. Гофман на Брест-Литовских переговорах был председателем германской делегации.

[185]) Основанием для этого приказа явилась провокационная телеграмма, полученная Российским послом (Крупенским) в Токио из Российского посольства в Лондоне (от Набокова) и разосланная им по Сибири. Текст ее следующий:

«В газетах появились сведения о предъявленных немцами, как предварительных каким бы то ни было переговорам о мире, следующих условиях: 1) На 15 лет Германия распоряжается русским хлебным рынком для удовлетворения своих нужд. 2) Без пошлины ввоз в Россию всех немецких товаров и 3) Вся завоеванная Германией территория остается за нею. Препятствий к опубликованию телеграммы нет».

[186]) *Кюльман* — был министром иностранных дел в правительстве Вильгельма.

Чернин же был министром иностранных дел Австро-Венгрии.

[187]) *Шнеур* — бывший офицер, темная фигура, находилась в связи с охранкой. После Октябрьской Революции этот авантюрист примазался к Советской власти, явившись в Смольный с разоблачением деятельности Лондонского Правительственного Комитета. Солдаты авиационной роты, в которой он был инструктором, дали о нем благоприятный отзыв. Этим и объясняется, что Шнеуру были даны поручения технического характера: он принимал участие в переговорах первых парламентеров с немцами. Как только выяснилось, что Шнеур в 1910 году сделал попытку войти в соглашения с охранкой, он был немедленно арестован Советской властью и заключен в Петропавловскую крепость. Буржуазные газеты и их подголоски пытались придать «делу» Шнеура принципиальное значение. Однако, как выяснилось дальше из бумаг министерства иностранных дел, Шнеур в промежутке от «июльских дней» до переворота 25 октября состоял дипломатическим агентом правительства Керенского.

[188]) *Панина* — известная либеральная деятельница, игравшая крупную роль в кадетской партии. В 1905 году в ее доме, между прочим, происходил знаменитый митинг, где выступал Ленин под фамилией Карпова. В эпоху керенщины Панина занимала ответственные посты в различных культурных и общественных организациях. В ноябре 1917 г. она была привлечена к суду Революционного Трибунала за саботаж (несдача казенных денег). Суд над графиней Паниной, бывший первым процессом Ревтрибунала, вызвал большой шум в интеллигентских антисоветских кругах того времени. Революционный Трибунал, вынесший Паниной общественное порицание, обливался помоями со стороны даже таких людей, как Короленко (в «Русском Богатстве»).

[189]) В прениях выступил представитель группы «Единство», Зорин, который ставил Троцкому в упрек то, что переговоры ведутся не с немецким народом, а с его генералами.

[190]) *Мирнообновленцы* — политическая группа умеренно-либеральных профессоров и публицистов, основанная перед войной Максимом Ковалевским и др. Политическое влияние этой группы было крайне незначительное и по всем крупным вопросам она выступала чаще всего с октябристами. Ее идеалом был мирный переход России на рельсы буржуазной государственности, «мирное обновление» царского режима.

[191]) На конференции 22 ноября с австро-немецкой стороны были представлены только военные делегаты, которые и заявили в ответ на декларацию о целях мира нашей делегации, что они уполномочены вести переговоры только о военных условиях перемирия. Военные операции были приостановлены на 28 дней.

[192]) *Нуланс* — один из активнейших организаторов контр-революционной деятельности против России. Пользуясь своими правами дипломатического представителя, Нуланс являлся связывающим звеном между Антантой и белогвардейскими организациями России (Союз Возрождения, группа Савинкова, чехо-словаки и т. д.). Нуланс, как это показал процесс эсеров 1922 года, был одним из непосредственных вдохновителей Ярославского восстания и чехо-словацкого мятежа. Возвратившись во Францию, он не оставил своей контр-революционной деятельности, руководя все время теми реакционными кругами Франции, которые препятствовали признанию России.

[193]) *Ниссель* — в то время был начальником французской военной миссии в России.

[194]) *Петлюра* — когда-то украинский социал-демократ; в 1917—1918 г.г. выдвинулся в качестве главы Украинской Рады. Типичный представитель мелко-буржуазной контр-революции, Петлюра в течение всех после-октябрьских лет блокировался с иностранной реакцией против Советской власти. В 1918 году он восстановил на Украине режим «демократии» благодаря немецким войскам. В 1920 году Петлюра одно время утверждал свою власть в Западной Украине при помощи белых польских войск. В первые годы Советской власти Петлюра вел еще за собой часть зажиточного крестьянства и националистическую интеллигенцию. В 1923 — 1924 годах военная и политическая эмиграция, группировавшаяся вокруг него, окончательно разложилась. Покаянное

возвращение в Советскую Украину такого ближайшего военного сподвижника Петлюры, как Тютюник, политического—как академик Грушевский, знаменуют собой окончательный развал верхов Петлюровского лагеря.

[195]) Торжественное заседание в Александринском театре было посвящено вопросу о заключенном перемирии и дальнейшей борьбе за всеобщий демократический мир. Заседание было открыто тов. Свердловым, который указал, что за интернационалистами, представлявшими в начале войны небольшую горстку людей, теперь идут большие народные массы, и что близок мир, который завершит борьбу труда с капиталом. Затем выступала левая эсерка Спиридонова. «Заключение перемирия,— сказала она,—пробило брешь в той стене лжи, лицемерия, угнетения и произвола, которая стояла все время войны. Мечта о мире близка отныне к осуществлению». После речи Троцкого от объединенных интернационалистов выступал Моисеев, который прочел декларацию своей группы. От фракции большевиков выступила тов. Коллонтай, которая сказала следующее: «Усилиями революционных рабочих, солдат и крестьян удалось добиться перемирия. Осуществилось то, за что нас называли безумцами и предателями. Мы верим, что революционный факел, поднятый над Россией, зажжет пламя революции всего мира».

[196]) *Мольkенбур*—старый немецкий социал-демократ, бывший долгое время до войны секретарем ЦК немецкой с.-д. партии. Уже тогда Молькенбур не раз проявлял уклон в сторону затушевывания задач борьбы с немецким милитаризмом. В годы войны он, как и почти вся верхушка немецкой партии, стал социал-патриотом.

[197]) *Клара Цеткин*—ветеран немецкого и международного рабочего движения. Совершенно исключительной была деятельность Цеткин в женском рабочем движении, вождем и теоретиком которого она была в течение нескольких десятилетий. В немецкой социал-демократии Клара Цеткин была всегда одним из руководителей крайнего левого крыла. Вместе с Люксембург она может по праву считаться пионером современного немецкого коммунизма. В немецкой партии Клара Цеткин выделялась как блестящий оратор и публицист. Одновременно она была почти бессменным членом Центральной Контрольной Комиссии. В предвоенные годы Цеткин вместе с Люксембург возглавляет лево-радикальное крыло, ведшее острую борьбу не только против ревизионистов, но и против партийного «центра» в лице Каутского. В дни войны, Цеткин активно участвует в работе группы «Спартак» и, несмотря на свои годы, попадает в тюрьму. После образования коммунистической партии Клара Цеткин была бессменным членом ЦК Германской Коммунистической Партии до последнего партейтага 1924 г. Последние годы она работает в качестве секретаря Международного женского секретариата и члена Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

[198]) *Бисмарк*—крупнейший политический деятель гогенцоллернской Германии во второй половине XIX века. В лице Бисмарка прусское юнкерство выступило в роли политического объединителя Германии. Так как это объединение диктовалось ходом экономического развития Германии, то Бисмарк оказался одновременно и политическим вождем немецкой буржуазии. Под непосредственным руководством Бисмарка проходит

знаменитая серия военно-дипломатических конфликтов 60-х и начала 70-х годов. Стремясь наиболее мирным путем и при наименьших потрясениях перевести Германию в русло буржуазной монархии, Бисмарк еще в начале 70-х годов вводит всеобщее избирательное право. Одновременно он сочетает этот путь с беспощадным преследованием противных политических партий, как только они начинают становиться его серьезными политическими врагами. Достаточно сослаться на знаменитый «исключительный закон против социалистов» и не менее знаменитую кампанию против католиков под флагом «культуркампфа». Совпавшие с концом политической деятельности Бисмарка, они одновременно знаменовали крах его методов борьбы. Вплоть до 90-х годов Бисмарк был фактическим главою Германской империи.

[199]) *Покровский* — крупнейший историк-марксист. Автор известной четырехтомной работы «Русская История». Покровский является одним из старых большевиков, участник революции 1905 г. В 1909 г. он примкнул к группе Богданова, но скоро покинул эту группу. Во время войны Покровский был сотрудником парижской интернационалистской газеты «Наше Слово». После Февральской революции Покровский участвовал в работах Московской организации и был одно время председателем Московского Совета. В последние годы он работает в качестве заместителя Наркомпроса и председателя Государственного Ученого Совета (ГУС).

[200]) Этим послом был Нуланс. См. прим. 192.

[201]) В то время как партией, так и парламентской фракцией руководили еще лидеры правого крыла — Ренодель, Тома и др.

[202]) *Вандервельде* — см. прим. 85 части I данного тома.

[203]) *Гед* — см. там же, прим. 38.

[204]) *Самба* — см. там же, прим. 39.

[205]) *Тома* — см. там же, прим. 101 .

[206]) *Шейдеман* — см. там же, прим. 79.

[207]) *Бетман-Гольвег* — один из бюрократических деятелей буржуазно-юнкерской Германии, имперский канцлер во время войны и один из непосредственных виновников ее возникновения.

[208]) Сербские войска в России состояли главным образом из сербов австрийской армии, взятых в плен или добровольно перешедших на русскую сторону. В 1918 г. оставшиеся в России войска были использованы Антантой для поддержки контр-революции в России.

[209]) *Эльзас-Лотарингия* была оккупирована Германией во время франко-прусской войны. *Трансильвания*—часть бывшей Австро-Венгерской империи, заселенная главным образом румынами. *Босния и Герцеговина*—части бывшей Австро-Венгерской империи, тяготевшие по национальному составу своего населения к Сербии.

[210]) *Ирландия, Египет и Индия*—вопреки национальному составу и стремлениям населения этих областей — входят в состав английской империи. Власть последней удерживается в них при помощи финансовых и военных мер. *Индо-Китай* является колонией Франции.

[211]) *Алексеев*—см. прим. 52 части I этого тома.

[212]) Здесь имеется в виду Чернов, Церетели, Дан и др., которые во время войны занимали позицию умеренного интернационализма, солидари-

зируясь с официальным, т.-е. правым, циммервальдизмом. После Февральской революции они без всяких колебаний сделались оборонцами, тем самым разоблачив свой худосочный интернационализм.

[213]) Характеристику 1 Съезда Советов см. в прим. 109 в части 1 данного тома.

[214]) По поводу этой демонстрации на 1 Съезде Советов была оглашена специальная декларация, написанная Троцким (см. отдел «До июльских дней» в части 1 этого тома).

[215]) Эта декларация принадлежит перу Троцкого (см. текст ее в части 1 настоящего тома в отделе «Вокруг июньского наступления»).

[216]) Как известно, Церетели, Терещенко и др. в свое время были делегированы Временным Правительством в Киев для переговоров с Украинской Радой. Несколько позднее кадетская часть Правительства воспользовалась теми уступками, которые сделала эта делегация Раде, чтобы подать в отставку в целях сложения с себя ответственности за неудачу наступления 18 июня. См. об этом подробнее в части 1 прим. 148.

[217]) Радикально-демократическая партия была создана группой левых кадет во главе с Некрасовым, входившим в состав Временного Правительства. В задачу этой партии входило объединение радикальных элементов буржуазии и буржуазной интеллигенции на платформе коалиции. В обстановке, обострявшейся классовой борьбой, эта партия явилась мертворожденной организацией и никаким влиянием на политической арене не пользовалась.

[218]) Как известно, 4 июля Чернов оказался на время арестованным толпой во время митинга близ Таврического Дворца и был освобожден благодаря вмешательству Троцкого. Подробнее об этом см. в части 1 прим. 173.

[219]) *Савинков* — см. прим. 201 в части 1 данного тома. Как известно, в конце августа 1924 г. Савинков был арестован под нелегальной фамилией Степанова и предан суду Военной Коллегии Верховного Трибунала. На следствии и суде Савинков полностью признал свои ошибки в борьбе с Советской властью и разоблачил деятельность иностранных интервенционалистов. Суд приговорил его к смертной казни, но, ввиду раскаяния Савинкова, ЦИК, по ходатайству самой Коллегии, заменил высшую меру наказания 10-ю годами тюрьмы.

[220]) *Филоненко* — см. прим. 221 в части 1 этого тома.

[221]) См. об этом подробнее в прим. 225 в части 1.

[222]) Московский Совет, как и Питерский, под влиянием событий, в сентябре сбросил своих эсеро-меньшевистских руководителей. 5 сентября на соединенном заседании Раб. и Солд. Деп. Московского Совета (до сего времени раздельно существовали Совет Рабочих и Совет Солдатских Депутатов) был поставлен вопрос о текущем моменте. После доклада меньшевика Кипена и содоклада А. И. Рыкова, несмотря на то, что эсеры сняли свою резолюцию и присоединились к резолюции меньшевиков, резолюция большевиков собрала 355 голосов против 254.

9 сентября председатель Совета меньшевик Хинчук на заседании Исполнительного Комитета сложил с себя полномочия.

12 сентября на заседании Совета меньшевистской фракцией было предложено произвести перевыборы Исполнительного Комитета, так как фракция не может взять на себя ответственность за принятое 5 сентября решение. На перевыборах Исполнительного Комитета голоса разделились таким образом: из 462 депутатов — большевиков 246, меньшевиков 125, эсеров 55 и объединенцев 26. 28 сентября Московские Советы Рабочих и Солдатских Депутатов принимают по докладу т. Бухарина о Демократическом Совещании и текущем моменте резолюцию большевиков, в которой, относясь отрицательно к принципу коалиции, присоединяются к резолюции Петроградского Совета Раб. и Солд. Деп. и призывают провинциальные Советы объединиться под лозунгом «Вся власть Советам».

Дальнейшая работа Московского Совета, первым большевистским председателем которого был Ногин, проходит целиком под влиянием нашей партии.

[223]) Вопрос о восстании был поставлен Лениным, как вопрос дня, вскоре после корниловских событий. В ряде писем в течение октября он критикует примирительную политику ЦК и требует непосредственных мер по подготовке восстания. В тесной связи с курсом на восстание стояли и разногласия по вопросу о бойкоте Предпарламента. Два письма Ленина, помещенные в приложениях 1 и 2, освещают его позицию в конце сентября и начале октября.

После победы в руководящих кругах нашей партии точки зрения бойкота Предпарламента (как известно, 7 октября большевистская фракция вышла из Предпарламента) встал вопрос о директивах в деле подготовки вооруженного восстания.

Заседание ЦК, о котором здесь говорится, произошло на квартире Г. К. Сухановой, члена нашей партии. На этом заседании, после долгих и горячих прений, была принята следующая резолюция:

> «ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К^0 сдать Питер немцам),—так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, ясное подготовление 2-й корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.)—все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.
>
> Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)».

Из членов ЦК против этой резолюции голосовали Каменев и Зиновьев. Это заседание было, несомненно, поворотным пунктом в борьбе на-

шей партии за власть. Но оно не только не сгладило те разногласия в партии, которые были к этому моменту, но еще более их обострило. Доказательством этого является то письмо двух членов ЦК, которое появилось 12 октября (см. приложение 3).

Эти разногласия не исчезали вплоть до Октябрьского переворота и в первый период после него.

224) См. подробнее об этом в прим. 246 в 1 части этого тома.

225) Военная организация партии большевиков возникла на другой день после февральского переворота на втором легальном заседании Петербургского Комитета. 7 марта Петербургским Комитетом были утверждены и приняты программа и план работы в войсках и избрана, в целях исполнения их, военная комиссия в составе т.т. Н. И. Подвойского, А. Н. Сулимова, С. Нарвского. Постепенно комиссия пополнялась все новыми и новыми товарищами из петроградского гарнизона и частью из фронтовых делегатов. В ее составе мы находим: т.т. Невского, Мехоношина, Крыленко, Дзевалтовского, Раскольникова и др.

Перед военной организацией стояла задача овладеть войсками Петроградского гарнизона и создать вооруженную рабочую силу, способную отстаивать завоевания революции и охранять рабочие организации.

Период до 19 апреля проходит во все время развивающейся агитационной работе. В солдатские массы внедряются большевистские лозунги о мире, земле и т. д. Разоблачается политика натравливания солдатских масс на рабочих и на рабочие организации. Был открыт солдатский клуб «Правда», где обрабатывались наиболее сознательные из солдат, чтобы сделать из них более или менее ответственных солдатских руководителей. 15 апреля была выпущена газета «Солдатская Правда» с тиражем в 50.000 и с исключительным влиянием.

16 апреля была устроена демонстрация-протест солдат и матросов против травли в буржуазной печати Ленина. 19 апреля произошла вооруженная демонстрация Красной Гвардии, поддержанная войсками, против ноты Милюкова от 18 апреля, подтверждающей империалистические цели русской буржуазии. Демонстрация окончилась вооруженным столкновением с правительственными войсками.

Проделав за апрель и май большую организационную работу, Военная Организация предприняла шаги к устройству обще-пролетарской и солдатской демонстрации перед Центральным Комитетом партии. Демонстрация была назначена на 10 июня. Первый Съезд Советов, заседавший в это время и состоявший на три четверти из оборонцев, поднял тревогу, на партию посыпались обвинения в заговорщичестве, и на фракционном совещании большевиков было решено демонстрацию отменить. Больших трудов стоило Военной Организации успокоить рвущиеся на демонстрацию массы.

Следующая демонстрация 18 июня прошла целиком под большевистскими лозунгами.

Собравшаяся 16 июня конференция фронтовых и тыловых военных организаций большевиков насчитывала 160 делегатов, представлявших около 500 полков и 26 тысяч организованных в большевистские ячейки солдат. Конференция подтвердила, что все лозунги, которые выставил ЦК партии большевиков, являются лозунгами солдатских масс. Уже на

этой конференции обнаружилось нетерпеливое ожидание активного выступления на борьбу за власть. Руководители конференции усиленно боролись с этим настроением, зная, что массы еще ни политически, ни организационно не подготовлены. Перед событиями 3—5 июля Военная Организация была вынуждена выпустить воззвание, в котором заявляла, что она к выступлению не призывает, и просила проверять удостоверения у всех лиц, кто агитирует от имени Военной Организации за выступление.

Произошли события 3—5 июля. Начались разгромы и аресты. Организация была разрушена. Работники Военной Организации, обосновавшись в Выборгском районе, вновь начали налаживать разрушенную связь. Был организован выпуск газеты «Солдат и Рабочий». Усиленно налаживая аппарат, Организация сосредоточила свое внимание на подготовке восстания и усилении Красной Гвардии через районные комитеты. Вновь начала налаживаться всероссийская связь, а также и связь с действующей армией.

15 августа собрался 6 съезд партии, который явился крупным этапом в развитии военной организации. Началось оформление общей организации ячеек в воинских частях и Красной Гвардии. 25 августа генерал Корнилов начал стягивать войска под Петроград. Соглашатели из ЦИК обратились за помощью к большевикам. Военная Организация первая вывела свои части на защиту Петрограда, а члены Военной Организации на фронте делали все возможное, чтобы помешать Корнилову двигаться дальше. Военный Отдел ЦИК предложил Военной Организации совместную работу.

Корниловские войска у Панова и Великих Лук были частью разбиты, частью перешли на сторону революционных войск.

После этого создан был институт инструкторов Красной Гвардии, курсы по подготовке и началось усиленное обучение рабочих дружин. В это же время создается и Штаб Красной Гвардии.

Большую роль сыграла Военная Организация в Октябрьском перевороте. Руководители ее оказались активными работниками Военно-Революционного Комитета. После Октябрьской Революции продолжателем дела Военной Организации явиласьВсероссийская Коллегия по организации и формированию Красной Армии, созданная в декабре 1917 г.

[226]) Вот что, напр., писал он в «Новой Жизни» от 18/31 октября в статье «Нельзя молчать»:

> «Распространяются слухи о вооруженном восстании 20 октября... Повторится кровавая бессмысленная бойня, которую мы видели (в июле), которая подорвала во всей стране моральное значение революции, пошатнула ее культурный смысл...
>
> ...Неужели есть авантюристы, которые, видя упадок революционной энергии сознательной части пролетариата, думают возбудить эту энергию путем обильного кровопускания?..
>
> ...ЦК большевиков должен опровергнуть слухи о выступлении...»

[227]) Им был прапорщик Благонравов. Занятие Петропавловки имело для Комитета огромное значение. Помимо того, что она имела крупное стратегическое значение, в Петропавловке был сосредоточен склад вин-

товок. Военно-Революционный Комитет долго бился над вопросом о разрешении вопроса с Петропавловкой. Им было отклонено предложение о насильственном разоружении гарнизона крепости, настроение которого было шатко, и было принято предложение Троцкого о посылке представителей Комитета в крепость для идейного завоевания гарнизона. Приехав в Петропавловку, Троцкий и Лашевич были дружественно встречены солдатами гарнизона, и после их выступлений митинг этих солдат принял резолюцию о своей готовности бороться за власть Советов и о подчинении Ревкому. После этого митинга комиссар Ревкома получил свободный доступ в Петропавловку и сделался хозяином последней.

[228]) За день до своего бегства из Петрограда Керенский говорил:

«Для Временного Правительства безразлично, сознательно или несознательно это делается, но, во всяком случае, на этой кафедре, в сознании своей ответственности, я квалифицирую такие действия русской политической партии, как предательство и измена Российскому государству.

Я солидаризируюсь с точкой зрения правых. Мною и предложено немедленно начать соответствующее судебное следствие (шум), предложено произвести соответствующие аресты (шум на крайней левой). Слушайте,—воскликнул он необычайно громко,—в момент, когда государство в опасности от сознательной или бессознательной измены, Временное Правительство и я, в частности, предпочитаем быть скорее убитыми, чем поставить под угрозу жизнь, честь и независимость России.

«Я пришел сюда не упрашивать, а лишь заявить о моем твердом убеждении, что Временное Правительство, которое защищает в этот момент нашу новую свободу, что новое русское государство, перед которым развертывается блестящее будущее, найдут единодушную поддержку среди всех, кроме тех, кто никогда не смел глядеть прямо в лицо истине...

От имени Временного Правительства я уполномочен заявить: Правительство никогда не нарушало свободы использования своих прав всеми гражданами России. Но в настоящий момент правительство заявляет: те группы и партии, те элементы, которые осмеливаются поднять руку на свободную волю русского народа, одновременно угрожая открыть фронт Германии, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации. Пусть население Петербурга знает, что оно увидит решительную власть, и, быть может, в последний момент здравый смысл, совесть и честь победят в сердцах тех, кто еще обладает ими».

Несмотря на столь патетическую речь, Предпарламент вынес резолюцию, предложенную левым блоком, которая фактически выражала недоверие Керенскому:

«1. Подготовлявшееся в последние дни вооруженное выступление, имеющее целью захват власти, грозит вызвать гражданскую войну, создает благоприятные условия для погромного движения и мобилизации черносотенных контр-революционных сил и неминуемо влечет за собой срыв Учредительного Собрания, новую военную

катастрофу и гибель революции в обстановке паралича хозяйственной жизни и полного развала страны.

2. Почва для успеха указанной агитации создана, помимо объективных условий войны и разрухи, промедлением в проведении неотложных мер, и потому прежде всего необходимы немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление по внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры.

3. Для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения необходимо немедленное принятие всех мер к их ликвидации и создание для этой цели в Петрограде Комитета Общественного Спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующего в контакте с Временным Правительством».

[229]) Здесь допущена ошибка. В приказе говорилось не о Волынском, а о Литовском полке. См. этот приказ в тексте настоящей книги в отделе «Октябрьское восстание».

[230]) См. эту речь в тексте этой книги (VII отдел): «доклад на экстренном заседании Петроградского Совета о свержении Временного Правительства».

[231]) Здесь дано неточное наименование этой организации. Вначале она носила название «Комитета общественной безопасности», позже же была реорганизована в «Комитет спасения родины и революции».

[232]) Воззвания, подписанного Керенским и Красновым *вместе*, по данным редакции, как будто не было. Имеются приказы Керенского и Краснова в отдельности. Приводим текст последних ввиду их исторической важности:

1. *Приказ войскам Петроградского военного округа.*

Объявляю, что я, министр-председатель Временного Правительства и Верховный Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской Республики, прибыл сегодня во главе войск фронта, преданных родине. Приказываю всем частям Петроградского военного округа, по неразумению и заблуждению примкнувшим к шайке изменников родине и предателей революции, вернуться не медля ни часа к исполнению своего долга.

Приказ этот прочесть во всех ротах, казармах и эскадронах.

Министр-председатель Временного Правительства и Верховный Главнокомандующий

А. Ф. Керенский.

Гатчина, 27 окт. 1917 г.

II. *Телеграмма Керенского Главнокомандующему Северным фронтом.*

Город Гатчина взят войсками, верными правительству, и занят без кровопролития.

Роты кронштадтцев, семеновцев и измайловцев и моряки сдали беспрекословно оружие и присоединились к войскам правительства.

Предписываю всем назначенным в путь эшелонам быстро продвигаться вперед.

От Военно-Революционного Комитета войска получили приказание отступить.

Керенский.

III. *Приказ Командующего Петроградским округом.*

Волею Верховного Главнокомандующего я назначен командующим войсками, сосредоточенными под Петроградом.

Граждане, солдаты, доблестные казаки—донцы, кубанцы, забайкальцы, уссурийцы, амурцы и енисейцы, вы все, оставшиеся верными своей солдатской присяге, вы, поклявшиеся крепко и нерушимо держать клятву казачью, к вам обращаюсь я с призывом итти и спасти Петроград от анархии, насилий и голода, а Россию от несмываемого пятна позора, наброшенного темною кучкою невежественных людей, руководимых волею и деньгами императора Вильгельма. Временное Правительство, которому вы присягали в великие мартовские дни, не свергнуто, но насильственным путем удалено из своего помещения и собирается при великой армии с фронта, верной своему долгу. Совет Союза Казачьих Войск объединил все казачество, и оно, бодрое казачьим духом, опираясь на волю всего русского народа, поклялось служить родине так, как служили наши деды в страшное смутное время 1612 г., когда донцы спасли Москву, угрожаемую со стороны шведов, поляков, Литвы и раздираемую внутренней смутой. В Киеве фронтовой съезд казачества захватил власть в свои руки и с верными долгу украинцами и войсками находится в полном повиновении Временному Правительству. Все съезды крестьянских депутатов отказались иметь дело с кучкой изменников и предателей. Боевой фронт с невыразимым ужасом и презрением смотрит на врагов и разбойников. Их грабежи, убийства и насилия, их чисто немецкие выходки над побежденными, но не сдавшимися, отшатнули от них всю Россию. Граждане, солдаты и доблестные казаки Петроградского гарнизона! Немедленно присылайте своих делегатов ко мне, чтобы я мог знать — кто изменник свободе и родине и кто нет, и чтобы не пролить случайно невинной крови.

Командующий войсками Российской Республики,
сосредоточенными под Петроградом, ген.-майор *Краснов.*
За Начальника Штаба подп. *Попов.*

233) В первые две недели после Октябрьского переворота наша партия стала атаковываться всем так наз. социалистическим фронтом. Вся кампания шла под лозунгом требования уничтожения большевистского террора и создания коалиционного социалистического правительства,

Эта кампания привела к колебаниям в руководящих кругах нашей партии. В начале ноября ряд ответственнейших работников партии подал в отставку (см. приложения 13 и 14). Эти разногласия внутри партии с нескрываемой радостью были встречены меньшевистско-эсеровской прессой. Она смаковала этот раскол и всячески хвалила «оппозицию» в нашей

партии. Вот что писала, например, «Рабочая Газета» в статье «Начало конца».

«Десять дней прошло со дня победы большевистского заговора, и «победители» уже в состоянии полного разложения. Один за другим уходят «народные комиссары», не успев еще ни разу побывать во «вверенных» им министерствах; уходит целый ряд только-что испеченных должностных лиц; столпы большевизма с Зиновьевым и Каменевым во главе покидают ЦК своей партии; «объединенные интернационалисты» резко порывают с большевиками; левые с.-р. отказываются от участия во всех учреждениях, вроде Военно-Революционного Комитета и пр., где они до сих пор прикрывали большевистских заговорщиков. И все в один голос оправдывают свое бегство с тонущего большевистского корабля одним и тем же: политика Ленина и Троцкого ведет к разгрому пролетарского движения, к гибели страны и революции.

Уход Милютина, Рыкова, Зиновьева, Каменева и прочих лейб-гвардейцев их большевистских величеств Ленина I и Троцкого I, это—не просто личная измена вчера еще верных и покорных слуг. Это—симптом той глубокой трещины, которая все больше и больше раскалывает те социальные силы, на которые хотел опереться большевистский захват власти,—трещины между солдатским и рабочим крылом большевистской армии.

«Социализм» Ленина и Троцкого опирается на «Военно-Революционный» Комитет и штыки петроградского и кронштадтского *гарнизонов*, в то время как отколовшиеся от них большевики стремятся прислониться к все нарастающему *пролетарскому* движению, требующему мира, соглашения и единого демократического фронта».

Вся эта пресса в один голос утверждала, что партийная оппозиция представляет собой действительно пролетарские элементы большевизма. Суханов, например, в статье «Диктатура гражданина Ленина» писал следующее:

«Уход из большевистского ЦК и из «правительства» всех культурных сил, сколько-нибудь пригодных для государственной работы, уход всех добросовестных вождей партии, которые по официальному признанию обрывков ЦК были всегда *«против восстания»*,—знаменует собой не что иное, как начало изоляции политических авантюристов, проделавших преступный эксперимент над страной и революцией»...

Подобную же характеристику мы находим в другом номере «Новой Жизни» от 7/20 ноября:

«Большевистский нарыв рассасывается медленно, болезненно. Уходят из ЦК партии, из правительства Народных Комиссаров наиболее трезвые люди, наиболее тесно связанные с рабочими массами, никогда не отрывавшиеся от них. Остаются на корабле «социальной революции» фанатики и доктринеры, знающие Россию по женевским собраниям эмигрантов. Остаются с ними на корабле авантюристы, люди вчерашнего дня, развращенные кровью и отчаянием войны, остается с ними революционная накипь, которая

скверинт рабочее движение, втаптывает в грязь святые знамена социализма. Нарыв рассасывается медленно, и ближайшие дни грозят нам новыми осложнениям, новыми вспышками бессмысленной, преступной гражданской войны. Каждый день рвет страну на части, все глубже ввергает ее в бездну анархии. Дорог каждый час. А мира нет, соглашение не осуществляется».

К счастью, надежды меньшевистско-эсеровских контр-революционеров не оправдались. Поддерживаемый целиком низами партии и широкими кругами рабочих и солдат, Центральный Комитет сумел быстро приостановить гибельную для партии деятельность оппозиции. Твердая линия ЦК привела к тому, что через несколько дней ряд сторонников соглашения с меньшевиками и эсерами публично признали ошибочность своей политики.

[234]) Из поданных во время голосования 36 миллионов избирательных записок эсеры получили почти 21 милл., т.-е. около 60%. Наибольший % голосов они получили в Поволжьи, Сибири, Украине и черноземной полосе, т.-е. в наиболее крестьянских областях России. Большое количество голосов эсерам доставили национальные эсеры (украинские, мусульманские и др.). С другой стороны, благодаря единым спискам левых и правых эсеров, та часть средних и бедных крестьян, которая голосовала за левых эсеров, фактически оказалась выборщиками контр-революционного правого большинства партии эсеров.

Зато в городах эсеры не только уступили место нашей партии, но остались позади и партии городской буржуазии — кадет. В то время, как большевики получили в Петрограде, Москве, Владимире половину всех поданных голосов, эсеры в Питере получили лишь $^1/_6$, а в Москве $^1/_4$ из поданных избирательных записок.

[235]) За исключением Румынского и Кавказского фронтов, подавляющее большинство армии и флота голосовало за большевиков. Так, на решающих фронтах (Западном и Северном) большевики получили почти в 3 раза больше, чем эсеры. На Западном фронте на 650 тысяч большевистских голосов приходилось только 180 тысяч эсеровских. Что же касается флота, то Балтийский почти целиком (120 тысяч) голосовал за нашу партию, в Черноморском же флоте эсеры получили несколько больше, чем большевики.

[236]) Несмотря на призыв меньшевиков и эсеров бойкотировать демонстрацию, последняя собрала широкие массы заводских рабочих и армии. В демонстрации участвовали также военнопленные австрийцы и немцы. Демонстрация проходила под лозунгом: «За всеобщий демократический мир и за международную революцию труда! Против международного империализма — за III Интернационал! За немедленный мир, за власть Советов во всем мире! За немедленные шаги к осуществлению социализма! Беспощадная борьба с саботажниками! Против соглашателей и изменников из Украинской Рады, за освобожденное братство народов и за советскую Раду и т. д.».

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

10 октября.	На заседании ЦК Р.С.Д.-Р.П. принята резолюция о вооруженном восстании.
	Избрано Политбюро ЦК Р.С.-Д.Р.П. в составе: Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Сталина, Сокольникова, Бубнова.
	Открытие 4 Петроградской конференции фаорично-заводских комитетов.
11 »	Открытие Съезда Советов Северной области.
12 »	На заседании Исполнительного Комитета Петроградского Совета принято положение о Военно-Революционном Комитете и гарнизонном совещании.
	В Москве. 2 Московское совещание общественных деятелей.
16 »	1-я конференция пролетарских культурно-просветительных организаций.
	Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов принял проект организации Военно-Революционного Комитета.
17 »	Бюро ЦИК постановило перенести открытие 2-го Съезда Советов на 25 октября.
	Открытие Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов.
18 »	Заседание Петроградского Совета. Заявление Л. Троцкого о «выступлении».
20 »	Выход в свет № 1 «Рабочий и Солдат» — органа Петроградского Совета.
21 »	Экстренное общее собрание полковых комитетов Петроградского гарнизона.
	Предъявление Военно-Революционным Комитетом требования к Штабу Петроградского Округа о контроле его действий и отказ полковника Полковникова исполнить это требование.
22 »	«День Петроградского Совета».
	Конфликт между Военно-Революционным Комитетом и Штабом Петроградского Округа.

22 октября Циркуляр министра внутренних дел Никитина губернским комиссарам о применении воинских сил для подавления беспорядков.

23 » Телеграмма Военно-Революционного Комитета о назначении своих комиссаров в воинские части.

В Москве. Исполнительный Комитет Московского Совета издал революционный декрет о приеме и увольнении с фабрик и заводов.

24 » Временное Правительство мобилизует юнкеров.

Закрытие газет «Солдат» и «Рабочий Путь».

Временное Правительство постановило возбудить уголовное преследование против членов Военно-Революционного Комитета.

Приказ министра юстиции об аресте большевиков— участников событий 3—5 июля.

Образование Комитета общественной безопасности.

В Москве. Московский Совет принял устав Красной Гвардии.

25 » Войсками Военно-Революционного Комитета заняты вокзалы, мосты, осветительные учреждения, главный телеграф и Петроградское Телеграфное Агентство.

Временное Правительство возложило на Кишкина исключительные полномочия.

Керенский выехал в Гатчину.

Торжественное заседание Петроградского Совета. Сообщение Л. Троцкого о низложении Временного Правительства. Речь Ленина.

Радиотелеграмма членов Временного Правительства.

Открытие 2-го Всероссийского Съезда Советов.

Образование Всероссийского Комитета спасения родины и революции.

Занятие войсками Советов Зимнего Дворца.

Арест Временного Правительства.

В Москве. Образован Военно-Революционный Комитет.

26 » 2-ое заседание Съезда Советов. Принят декрет о войне и мире и декрет о земле. Отменена восстановленная Керенским смертная казнь на фронте. Образование Временного Рабочего и Крестьянского Правительства.

Керенский мобилизует войска.

Воззвание Комитета спасения родины и революции.

Саботаж и забастовка чиновников.

27 » Первое заседание ЦИК нового состава.

Движение конного корпуса ген. Краснова во главе с Керенским на Петроград

27 октября.	Постановление Совета Народных Комиссаров о производстве выборов в Учредительное Собрание.
	Французские циммервальдисты поздравляют большевиков.
	В Москве. Начало вооруженной борьбы.
28 »	Бой на участке Красное Село—Гатчина.
29 »	Постановление Совнаркома о 8-часовом рабочем дне.
	Восстание юнкеров.
	Сообщение Военно-Революционного Комитета о заговоре «Комитета спасения родины и революции».
	Сдача ген. Краснова.
	Бегство Керенского.
	В Москве. Бои. Переговоры Комитета общественной безопасности с Военно-Революционным Комитетом о перемирии.
30 »	Совещание полковых представителей Петроградского гарнизона.
	Столкновение с войсками Керенского у ст. Александрово и Пулково.
	Занятие Царского Села войсками Советов.
31 »	Телеграмма Троцкого из Пулкова о победе Пулковского отряда над казаками.
	Приветственная телеграмма с.-д. Австрии.
1 ноября.	Занятие Гатчины войсками Советов.
	Бегство Керенского и арест Краснова.
	В Москве. Обстрел Кремля.
	Приветственная телеграмма немецкой социал-демократии.
2 »	Декларация прав народов России.
	В Москве. Победа Военно-Революционного Комитета.
3 »	Опубликован декрет о деятельности волостных земельных комитетов.
	В Москве. Разоружены юнкера.
4 »	Выход из ЦК партии и Совнаркома ряда ответственных работников партии.
	Левые эсеры отзывают своих представителей из органов Советской власти.
5 »	Обращение ЦК партии по поводу отставки некоторых Народных Комиссаров.
	Раскрытие офицерского заговора.
7 »	Советом Народных Комиссаров послан приказ Верховному Главнокомандующему с предложением приостановки военных действий в целях открытия мирных переговоров.
9 »	Наркоминдел Троцкий извещает послов государств об образовании Советского правительства.

9 ноября.	Смещение Духонина и назначение Главковерхом Крыленко.
	Приказ Военно-Революционного Комитета о роспуске Комитета спасения родины и революции.
	Постановление ЦИК об отмене сословных привилегий.
10 »	Нота Народного Комиссара по Иностранных Делам Л. Троцкого представителям нейтральных держав.
	Опубликование тайных договоров Народным Комиссаром по иностранным делам Л. Троцким.
11 »	Открытие 2 Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов.
12 »	Первый день выборов в Учредительное Собрание в Петрограде.
	Письмо Л. Троцкого английскому послу об освобождении Чичерина.
13 »	ЦИК принят декрет о рабочем контроле.
14 »	Согласие главнокомандующего немецкими армиями Восточного фронта и министра иностранных дел Австрии, Чернина, на ведение мирных переговоров.
15 »	Слияние Исполнительных Комитетов Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и Исполкома Крестьянских Депутатов.
	Торжественное совместное заседание ЦИК Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.
	Заявление Народного Комиссара по иностранным делам Л. Троцкого по поводу обращения к ген. Духонину представителей Франции и Америки.
16 »	Постановление Совета Народных Комиссаров о роспуске Петроградской центральной городской думы.
17 »	Открытие съезда левых эсеров.
18 »	Соглашение между большевиками и левыми эсерами по вопросу о составе правительства.
	Отъезд на фронт делегации ЦИК для ведения мирных переговоров.
19 »	Воззвание Совета Народных Комиссаров к немецким солдатам о мире.
	Бегство Деникина, Алексеева и Корнилова на Дон.
	Ликвидация контр-революционной ставки.
20 »	Убийство ген. Духонина
22 »	Обращение Народного Комиссара по иностранным делам Л. Троцкого к союзным послам.
	В Брест-Литовске подписано соглашение о приостановке военных действий на 10 дней.
	Мирные переговоры прерваны до 29 ноября.
	Открытие Всероссийского Съезда военного флота.
24 »	Разговор Л. Троцкого со Ставкой.
25 »	Первый бой с войсками Корнилова.

26 ноября.	4-й Съезд партии социалистов-революционеров в Петрограде.
27 »	От Совета Народных Комиссаров — трудовым казакам.
	Опубликовано извещение об открытии Учредительного Собрания по прибытии в Петроград не менее 400 членов Учредительного Собрания.
28 »	Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции.
	Манифестация по случаю открытия Учредительного Собрания.
	Выезд в Брест-Литовск русской мирной делегации.
	Разгром Корнилова.
	Выборы в Петроградскую центральную городскую думу.
29 »	Ликвидация комиссии по делам о выборах в Учредительное Собрание.
30 »	1-е заседание Петроградской городской думы нового состава.
1 декабря.	Приказ по Петроградскому военному округу о выборности лиц командного состава и об отмене чинов и отличий в армии.
2 »	Декрет об образовании ВСНХ.
	Заключено перемирие между РСФСР и Германией, Болгарией, Австро-Венгрией и Турцией.
	Взятие Ростова ген. Калединым.
3 »	Раскол на 2 Всероссийском Съезде Крестьянских Депутатов.
4 »	Утверждено положение о земельных комитетах и инструкциях об урегулировании земельными комитетами земельных и сельско-хозяйственных отношений.
	Ультиматум Совнаркома Раде.
5 »	Постановление о ликвидации Военно-Революционного Комитета.
	Бои на фронте Ростов—Минеральные воды.
6 »	Раскрытие кадетского заговора в Петрограде.
7 »	Образование ВЧК
	Предложение Центральной Рады о желательности мирного улажения конфликта.
	Опубликован проект инструкции по рабочему контролю.
8 »	Торжественное соединенное заседание СНК, ЦИК, С. Р., С. и Кр. Д., 2 Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов, районных советов и др. партийных и профессиональных рабочих организаций.
9 »	Начало мирных переговоров в Брест-Литовске.
	Декларация русской делегации об основах общего мира.

9 декабря. Соглашение между СНК и ЦК партии левых эсеров.

Опубликован отчет НКИД Троцкого.

10 » Декрет СНК об упразднении должности Председателя Ликвидационной Комиссии по делам Царства Польского.

Ответ НКИД Троцкого социалистической фракции французского парламента.

11 » Декрет СНК о 8-часовом рабочем дне для железнодорожников.

Закрытие 2 Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов.

Открытие 2 Московского Областного Съезда Советов.

12 » Открытие Всероссийского Съезда Железнодорожников.

Ответ гр. Чернина на декларацию русской делегации в Брест-Литовске.

Предложение русской делегации прервать мирные переговоры до 23 декабря.

Обращение СНК ко всему трудовому казачеству.

Предписание НКИД Троцкого капитану Лупкому в Харбине.

Опубликовано сообщение об освобождении английским правительством Чичерина и Петрова.

13 » Принятие Петроградским Советом резолюции об организации Красной Гвардии.

Постановление СНК об ассигновании 2.000.000 руб. на нужды интернационального революционного движения.

Обращение 2 Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов.

В Харькове Всеукраинским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и части Советов Крестьянских Депутатов избран ЦИК Советов, принявший на себя всю полноту власти на Украине.

15 » Опубликованы декреты о национализации банков и ревизии стальных ящиков в банках.

Циркуляр ВЧК об организации местных отделов.

В Брест-Литовске делегация Четверного Союза огласила свои условия мира.

Открытие обще-армейского съезда по демобилизации армии.

16 » Декрет о выборном начале и об организации власти в армии.

Начало обще-учительской забастовки.

Нота НКИД Троцкого румынскому посольству.

17 » Грандиозная демонстрация рабочих и солдат в Петрограде.

17 декабря.	Постановление СНК о запрещении сделок с недвижимостью в городах.
18 »	Декрет СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния.
	Постановление СНК в связи с вопросом отделения Финляндии.
	Открытие губернского крестьянского съезда в Москве.
19 »	Соединенное заседание ЦИК, Петросовета и обще-армейского съезда по демобилизации армии.
	Декрет об учреждении комиссариата по местному самоуправлению.
20 »	Постановление СНК об открытии Учредительного Собрания 5 января.
21 »	Декрет СНК о введении нового правописания.
	Декрет СНК об упразднении канцелярии быв. Государственной Думы и ее временного комитета.
	Опубликована инструкция Революционному Трибуналу.
	Обращение НКИД Троцкого во французскую военную миссию.
22 »	Постановление ЦИК о созыве 8 января 3 Съезда Советов и 15 января—Съезда Крестьянских Депутатов.
	ЦИК принял постановление СНК о независимости Финляндии.
	Опубликована инструкция о правах и обязанностях Советов.
23 »	Нота НКИД Троцкого персидскому правительству.
24 »	Опубликовано постановление о конфискации Путиловских заводов.
27 »	Возобновление мирной конференции в Брест-Литовске. Состав делегации: Троцкий, Иоффе, Каменев, Покровский, Биценко, Карелин, Карахан.
29 »	На заседании ЦИК принят декрет о передаче всего издательского дела в руки государства.
	Обращение Верховного Главнокомандующего Крыленко.
31 »	Общеармейский съезд по демобилизации армии.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИСТ ИСПРАВЛЕНИЙ И ОПЕЧАТОК.

Напечатано:	*Следует читать:*
На стр. 67, 8 строчка сверху — «Вся группа, которая...»	На стр. 67, 8 строчка сверху — «Всякая группа, которая...»
На стр. 127, 16 и 17 строчки сверху— «...находится значительный штат газетных мужчин и женщин, которые...»	На стр. 127, 16 и 17 строчки сверху— «...находится значительный штат газетчиков обоего пола, которые...»
На стр. 187, 1 строчка снизу — «...свои знания, и смелого агитатора...»	На стр. 187, 1 строчка снизу — «...свои знания, и смелого агитатора среди...»
На стр. 212, 8 строчка сверху — «...как в тюремной камере, другого царя природы...»	На стр. 212, 8 строчка сверху — «...как в тюремной камере, другого человека...»
На стр. 240, 15 и 16 строчки снизу — «...Повторяю, заявление австро-германской...»	На стр. 240, 15 и 16 строчки снизу — «...Заявление австро - германской...»
На стр. 248, 13, 14 и 15 строчки снизу— «... Я принимаю меры, чтобы в будущем подобные оплошности не могли возобновиться. В отделе информации, где это произошло, список членов...»	На стр. 248, 13, 14 и 15 строчки снизу— «...Я принимаю меры, чтобы в будущем в отделе информации, где это произошло, подобные оплошности не могли возобновиться. Список членов...»
На стр. 411, 12 строка снизу — (см. прим. 10).	На стр. 411, 12 строка снизу — (см. приложение 10).
На стр. 413 в сноске — «по наведенным в Наркоминделе справкам Диаманди оказался не итальянцем, а румыном, послом Румынии в Италии. В первые месяцы он, кажется, был арестован СНК и затем выслан в Россию». Ред.	На стр. 413 в сноске — «по наведенным в Наркоминделе справкам Диаманди оказался не итальянцем, а румыном, послом Румынии в Италии». Ред.
На 415 стр. последняя строка снизу — «Т. М. Рютина».	На 415 стр., последняя строка снизу— «т. М. Рютина».
На 416 стр., 12 строка снизу — «масс, которые были вызваны борьбой советского правительства за мир».	На 416 стр., 12 строка снизу — «масс, которые были вызваны борьбой советского правительства за мир. Вот, напр., изложение статьи «Лейпцигер Фольксцейтунг», помещенная в газете Рабочего и Крестьянского Правительства № 23».
На 417 стр., 13 и 14 строка сверху — «Этому правительству надлежит решить» (газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства № 23).	На 417 стр., 13 и 14 строка сверху — «Этому правительству надлежит решить».
На 443 стр. 11 строка сверху — «Открытие 2-го Всероссийского...»	На 443 стр. 11 строка сверху — «Открытие Чрезвычайного Всероссийского...»

На стр. 131 напечатано «Обращение к рабочим и солдатам Петрограда», которое попало в текст случайно и не изъято оттуда лишь по техническим причинам. Документальных данных об авторстве «Обращения», как это отметила редакция на 355 стр., в ее распоряжении не имеется.

На стр. 413 примечание 147 начинается словами: «Настоящий с'езд был созван советским правительством» и т. д. Здесь произошла ошибка. Крестьянский с'езд, делегация которого являлась в Совнарком, был создан не советским правительством, а старым авксентьевским Исполкомом Крест. Депутатов. Характеристика же, данная в прим. 147 имеет в виду *Чрезвычайный* Крестьянский С'езд, заседавший в *середине ноября*. Второй же Крестьянский С'езд открылся *в конце* ноября и закончил свои работы в начале декабря. *Ред.*

5p.

